

№ 6(42). 2020

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2020 № 6 (42)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев – секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – писатель, доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 15 декабря 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк
Отпечатано в типографии «Страж Балтики»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

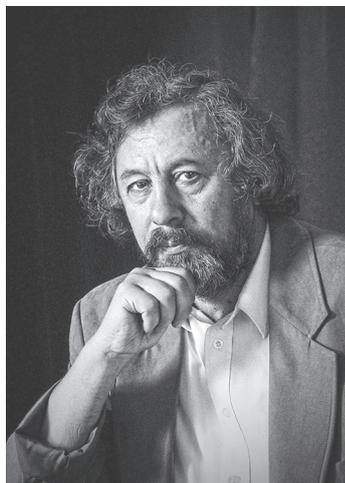
Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать ка-
кие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом.
Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, его эл. адрес, почтовый и теле-
фон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё,
не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза	
Вячеслав Куприянов. Сырая рукопись. Сочинение времён застоя. <i>Часть 1</i>	4
Александр Чумиков. Непал. <i>Винтажный роман. Часть 6. Всё сходится. Завершение. Начало в № 1, продолжение – № 2–5-2020</i>	29
Сергей Пылёв. Богу – богово. <i>Рассказ</i>	54
Василий Киляков. Знак. <i>Рассказ</i>	63
Альбина Гумерова. Владимир. <i>Рассказ</i>	66
Поэзия	
Геннадий Сазонов. Мужики в лесу. <i>Стихи</i>	69
Светлана Размыслович. <i>Стихи</i>	72
Александр Лайков. «И Россию всю видно с крыльца»... <i>Стихи</i>	74
Нина Волченкова. <i>Стихи</i>	77
Берега памяти	
Николай Бурляев. Воспоминания	80
Евгений Курдаков. «Дождись меня, далёкая звезда». <i>Стихи. К 80-летию поэта</i>	94
Берега юбилеев	
Юрий Ключников. <i>Стихи. К 90-летию</i>	97
Валерий Старжинский. Профессия – Учитель. <i>К 70-летию</i>	101
Берега любомудрия	
Анатолий Бесперстых. «Крылатые мысли Владимира Путина. Афоризмы. Цитаты. Юмор»	119
Александр Субетто. Умозамещение как отражение капиталогенной антропологической катастрофы и предстоящие «Роды Действительного Разума»	124
Эдуард Демиденко. Смертельная смена эволюции жизни на Земле и основные пути её предотвращения	133
Берега Крыма	
Александр Дидуленко. Крым сакральный. Она была кентавресса	137
Владимир Смирнов. <i>Стихи</i>	150
Берега Новороссии	
Андрей Чернов. Донбасский «Забой»: литературные портреты 20–30-х годов	153
Берега прочтения	
Алексей Полубота. «Исчезни, бес, – перед тобой дитя». <i>Парадоксы судьбы недооцененного поэта Евгения Курдакова</i>	160
Елена Крюкова. Книга живых: Орлов А. Епифань. – М.: <i>Азбуковник, 2018</i>	163
Дмитрий Ермаков. Очарованный жизнью странник: Кисляков В. Письмо из Америки. – М.: <i>ИПО «У Никитских ворот», 2019</i>	167
Русский мир без границ	
Берега Бразилии	
XX век русского балета. Татьяна Лескова. <i>Беседа Оксаны Карнович с Т. Ю. Лесковой и князем Н. Д. Лобановым-Ростовским</i>	170
Берега Таджикистана	
Хасан Гаюбов. Желанный сердцу соловей... <i>Стихи</i>	191
Берега Австрии	
Виктор Клыков. Моя аэроэра XX века	194
Наши друзья	
О приобретении и подписке на журнал	202

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Куприянов – родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Окончил Московский институт иностранных языков. Член Союза писателей России и Сербии. Поэт, прозаик, переводчик. Литературные премии: фестиваль поэзии в Гонезе (Италия, 1986), Европейская литературная премия (Югославия, 1987), Македонский жезл поэзии (Скопье, 1999), премия им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премия министерства образования Австрии (2007), «Моравский свиток» (Сербия, 2008), Бунинская премия (2010), им. Маяковского (2011), Почётная грамота президента Республики Саха (Якутия, 2016), премия Союза писателей Сербской Республики (2017), «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика, 2017), Felix Romulana (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (СП России, 2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Naji Naaman's Literary Prize (Япония, 2018).

Сырая рукопись

Сочинение времён застоя

От издателя

В ожидании указа «О новом значительном сокращении приёма бутылок от населения» (зачем бутылки, если нечем их наполнять!) я стоял в очереди у приёмного пункта. Вдруг раздался шум и крик, я решил вмешаться, подошёл ближе к окошку, оказалось, приёмщица не берёт бутылку у очередника, говорит, грязная, он же пытается что-то доказать своё. Чтобы ускорить очередь, я принял решение выкупить спорную бутылку из-под шампанского. Очередник любезно согласился, пересчитал полученные от меня медяки и охотно сообщил мне, что нашёл бутылку на месте бывшего славного моря, куда и ходил именно с целью сбора реликтовых бутылок на обнажившемся дне. Но эта бутылка оказалась с содержимым, которое трудно было определить, не разбивая сосуда. Похоже, что там бумага, но если это газета, то явно не свежая. Вот он и хотел поскорее сбыть бутылку, что и удалось благодаря мне, потому он желает мне творческих успехов.

Я не сразу оценил это странное пожелание. Даже когда я дома разбил бутылку, подстелив под неё свежую газету, и обнаружил там эту самую сырую рукопись, я ещё не думал, что буду издавать её много лет вместе со своими собственными заметками.

Если кто-то из читателей найдёт в этих записках какое-то сходство с реальными событиями и лицами и захочет поделиться со мной этими соображениями, то сообщаю подобному читателю, что я являюсь лицом вымышленным и никакой ответственности ни за какие совпадения не несущу.

Первая скрепка

Итак, праздник! День полной и окончательной Независимости нашего Арела Культуры!

На одной стороне, удаляющейся от нас, они, остающиеся. На другой – мы, удаляющиеся от них. Труд многих поколений превратил сегодня наш полуостров в блуждающий остров. Потомственные водолазы всего за одну геологическую эпоху подточили глубоководные берега нашей тверди, подвели под неё пузыри-понтонеры, и вот мы плывём, навсегда отходим от берегов. Берега – это ухмыляющиеся лица скептиков, агностиков и националистов. Кто-то с их стороны швыряет в нас бутылку с шампанским, но она так и не раскалывается о край нашего упругого прозрачного купола и падает в синюю воду.

На нашей стороне праздник. Во весь берег – хор потомственных водолазов, они в скафандрах, но каждый поёт для себя общий независимый Гимн:

Жили мы тесно, друг другу мешали,
Но нас ожидали дальние дали!
Слава глубинам, широтам и высям,
Ты независим, и я независим!

Водолазы поют лицом к центру нашей земли, выражая полное прощание с оставшимися на неподвижном материке. Ничего не слышно, но видно, что все эти мужественные рты поют одну и ту же вдохновенную песню:

Ты независим, и я независим!

Высоко в небе поют потомственные околпачиватели. Они там достраивают прозрачный колпак для нашего Ареала.

Долго длилось соревнование между водолазами и околпачивателями. И водолазы взяли верх над верхолазами, победила любовь и естественные условия. Условия были таковы, что водолазам оказалось легче размножаться, чем околпачивателям. Под водой ничего почти не видно, потому снималось чувство стыда, мешающее размножению, а также устранялась привередливость в отношении выбора. Схватил в подводной полумгле существо противоположного пола, вынырнул, убедился, что ночь, а не день, и дело готово. У околпачивателей было иначе. На прозрачной оболочке размножаться днём было совсем неприлично, но и ночью было неловко сознавать, что своей любовью можешь заслонить звёзды от мечтательных влюблённых непотомственных, т. е. блуждающих по нижней тверди. Водолазы вверх не смотрели, их устраивали морские звёзды. Они, размножившись, превзошли околпачивателей числом и продвинулись вперёд в своей подрывной работе. Мог бы прозойти с соревнованием совсем скандал, если бы не изменение условий. Водолазы уходили всё глубже в своей подрывной работе, и хотя выныривать они выныривали, но из-за своей темноты они зачастую выныривали с сотрудником своего же пола. Так было до тех пор, пока не ввели определённую систему маркировки. Введение этой системы было одним из следствий обмена творческим опытом между водолазами и околпачивателями: упавший в воду околпачиватель переквалифицировался в водолазы и решал проблему, переводя визуальный опыт в тактильный (ощупывательный). Они наверху определялись по силуэтам, причём чем выше и дальше друг от друга они работали, тем острее становилось это чувство. Закон силуэтности был прост: мужчина расширялся кверху, женщина же к середине, так что они издали различались примерно так же, как знаки на мужских и женских уборных. Под водой это можно определить на ощупь: идут руки на сужение кверху и на расширение к середине, значит, это то, что надо, и можно либо выныривать вместе, либо воспользоваться способом размножения, заимствованным у осьминогов. Этот способ, описанный во многих руководствах по осьминоговедению, заключался в отлучении одного из щупалец мужского индивида в направлении женского.

Нечто подобное практиковали континентальные земляне-доноры, пока не выродились от этого способа, поскольку он оправдывал себя продуктивно только в воде. Именно этот способ продвинул водолазов вперёд настолько, что падавшие сверху околпачиватели уже не достигали их глубины. Они снова всплывали и пополняли блаженную армию непотомственных, однако тот факт, что они перестали поставлять, таким образом, водолазам новые идеи, не замедлил сказаться. Видимо, околпачиватели сделали новый рывок вверх, так как однажды падающие снова стали достигать погружённых в своё дело водолазов. Дело было в том, что, достигнув определённой высоты, околпачиватели потеряли стыд перед поверхностными непотомственными обитателями. Никто их не видел ни днём, ни ночью.

Ночью, потому что благодаря колпаку стало ещё темнее, а днём благодаря его фокусирующей способности настолько светло, что никто из нижних не отваживался смотреть вверх. Так они умножились и вознеслись ещё выше, и вот стали падающие достигать водолазов, заодно и передавать им новые идеи, иссякавшие от отсутствия свежего воздуха и гнёта воды. Идеи были таковы, что пора прекратить подтачивание вглубь, пора стачивать ножку гриба по горизонтали, оставляя над собой шляпку. На этот период пришлось особенно много падений околпачивателей, у которых началось головокружение от успехов в высоте. Они падали снова, так как шляпка гриба стала деформировать-

ся и осыпаться, и упавшие околпачиватели вовремя принесли новые идеи, именно: создавать поддерживающие шляпку пузыри-понтон. Затем околпачиватели перестали падать. Потомственные водолазы решили, что они теперь всплывают обратно, не догадываясь продвинуться под шляпку гриба по горизонтали. Бывшие околпачиватели, ныне водолазы, думали иначе, – их предки тоже стали закруглять колпак, и потому падают по вертикали уже не в кромешные воды, а на плоскую шляпку гриба.

Падения были редкими, два-три за одно поколение, причём некоторые падали сознательно, им было интересно, что там внизу. Чем выше воздвигались околпачиватели, тем более рос интерес, что было связано с ослаблением видимости. Некоторые изобретали подзорные приборы из колпачного материала, приобретённого путём служебного хищения. Одно время строительство таких приборов стало прямо-таки эпидемией и повлияло в худшую сторону на ход соревнования с водолазами, которым расхищать было нечего, так как они не созидали, а только подкапывали.

То, что они наблюдали в подзорные приборы, можно назвать хаосом, или разнообразием. Глазу, привыкшему к небесной синеве, разбавленной облачной млечностью и звёздным стекляннным блеском, казалась необычной зелёная земля, рассечённая паутиной путей, по которым передвигались в разных направлениях странные частицы, единичные, сдвоенные, реже строенные, но не строем движущиеся, а просто втроём, кто из которых лишний, было неясно из-за несовершенства приборов.

Затем околпачиватели перестали падать. Потомственные водолазы решили, что они теперь всплывают обратно, не догадываясь продвинуться под шляпку гриба по горизонтали. Бывшие околпачиватели, ныне водолазы, думали иначе, – их предки стали закруглять колпак и потому падали по вертикали уже не в кромешные воды, а на плоскую шляпку гриба.

Было замечено, что падшие обратно уже не возвращались. Это было большим соблазном, которому не последовали многие лишь потому, что не всеми это было замечено. Работа околпачивателей делалась на таком расстоянии друг от друга, на котором нельзя было опознать личность сотрудника. Таким образом, исчезновение становилось заметно лишь тем двум-трём непосредственным соседям павшего. И вообще падение могли наблюдать только обладатели приборов, глядевшие вниз, вместо того чтобы заниматься созидательным соревнованием, глядя прямо перед собой. Обладатели приборов обратили внимание на результаты падений, сделали выводы и ввели в обиход принижающие приспособления, созданные всё из того же расхищенного материала. Это были прозрачные колпаки, служившие во время полёта парашютами, а после приземления первыми частными колпаками, ставшими знаменем личной независимости.

Бывшие околпачиватели снова обращали свои взоры ввысь, чему опять-таки способствовали парашюты-колпаки, переколпаченные в те же подзорные приборы, позволяющие преодолевать тоску по пережитым высотам. Но эта тоска не была длительной, через несколько поколений о ней забыли. Купол рос ввысь, колпачная ткань становилась всё утончённей, и хотя падать с её помощью было приятно, но сквозь неё уже нельзя было с увеличением глядеть вниз (падения почти прекратились) и с тоской глядеть ввысь. Стремление ввысь угасло, бывшие околпачиватели смешивались с непотомственными обитателями Временного Хаоса.

Не надо думать, будто труд водолазов был более прост. Он был бы закончен на несколько поколений раньше, если бы всё было предусмотрено заранее. Но всё предусмотреть невозможно, когда творится беспрецедентный во вселенной эксперимент.

Уже было осуществлено полное великое смыкание, ножка островного гриба была сведена на нет, братались водолазы, сошедшие под центром нашего Ареала. Отсутствие жёсткой связи с большой землёй дало поначалу некоторое покачивание, заметное околпачивателям, работавшим на вершине ещё не сомкнувшегося колпака.

Некоторые околпачиватели в результате этого покачивания оказались на поверхности воды раньше ликующих водолазов. И первое, что они увидели своим ясным взором, – это своеобразное кольцо, гигантский искусственный атолл, окруживший наш Ареал, не давая ему возможности отплыть в царство Независимости... Вскоре это зрелище предстало глазам вынырывающих водолазов, и слёзы радости высохли на их подводных лицах, мужественно тотчас же вновь уходивших в пучину, чтобы продолжить бой с косной природой.

Кстати, никому даже не пришла в голову поспешная мысль протаранить это Кольцо Великих Отходов. Зачем рисковать? Куда спешить? Тем более что колпак ещё не воздвигнут! Ещё несколько

поколений – и от Кольца не осталось ни камня. Всего лишь одно тормозящее событие отделяет наше повествование от ликующего праздника.

Это так называемая история с надписями. Известно, что ни околпачиватели, ни водолазы грамоте не знали с незапамятных времён. Под водой читать было нельзя – книги размокали, на куполе тоже нельзя – ветер перепутывал страницы. Значит, надписи были нанесены не ими и не могли ими быть прочитаны. Но принцип есть принцип. Само напоминание о грамотности могло омрачить светлый праздник, ибо если некто зависит хотя бы от грамотности, призывающей тратить время на чтение, заполнять пространство сочинениями, явно чужими, то где здесь независимость? Откуда возьмётся единство взглядов, если взгляды будут блуждать по буквам, каждую из которых каждый поймёт по-своему? Проблема была поставлена и решена давно: лучше никакого образования, чем неполное высшее. Полное высшее – невозможно, ибо тогда ему должно предшествовать пустое высшее, что математически невозможно, зато пустую гордыню возбуждает высокомерие, вплоть до неумения ориентироваться в простейших вещах: шнуровать ботинки, не наступать на ноги ближнему и т. п.

История говорила, что всякое знание есть полужнание, стоит только его передать ещё кому-то. Если кто-то передаст его ещё кому-то, то этот кто-то станет, так сказать, четверть-знатоком, то есть если предыдущий был «мулатом» знания, то последующий будет «квартироном» и т. д. Некоторые представители бывших наук утверждали, что информация при передаче не изменяется в объёме, но только в форме и содержании, портится. Объясняют это так: если говоришь кому-то слово «стул» и показываешь на стул, то другой тоже будет считать стул стулом. На самом деле не так. Если встретил кого-то, кто не знает, что стул это стул, то после разъяснения ему сам начинаешь сомневаться, стул ли это. А если так со стулом, и в лучшем случае неимущий решит, что он теперь приобретает и себе стул – хорошо, если из-под вас же не стащит, – то, представьте себе, каковы могут быть последствия подробного разъяснения бессовестному, что такое «совесть». Тот понять-то поймёт прежде всего, что ты человек совестливый, сам-то не станет совеститься, а, скорее, сядет тебе на шею, уже на твою шею, а не на стул. Получается, что говорить о вещах неочевидных опаснее, чем о заведомо данных. Получается, что, как сказал «стул», так пиши – нет стула. А как сказал о неочевидном, пиши, сам пропал. Периодическое вымирание учёных красноречиво подтверждает это положение. Пиши – пропал. Вот почему ни водолазы, ни околпачиватели не только не читали, но и не писали.

Надписи были произведены на куполе на высоте высокого роста. Для их изытия пришлось пробурить твердь в нескольких местах, и от возникших артезианских колодцев отвести воду рукавами к месту соединения двух твердей – земной и небесной.

Надписи были разные. Больше всего арифметических, таких как «Кент + Фемина = любовь». Как ни странно, «Сидр + “Фетяска”» давали ту же сумму. Был набор самых разных невразумительных сентенций. «Сам рой себе яму», «Каждому – с моё», «Всё всплывёт», «Хорошо смеётся тот, кто смеётся до упаду», «Привет из Заколпачья!». А вот пример рисуночного письма:

о о
в д лаз
о о о
п дв д й
о о
д л г
пускает
о
в здушные
пузыри

И приписка: «Всё равно такого, как околпачиватели, не пустят». Были стишки:

Мы здесь напукали,
всё ушло ввысь.
Эй, там, на куполе,
Как жизнь?

И множество зловещих свидетельств типа: «Данте и Вергилин были здесь».

Надписи эти были непонятны ещё и по нелепости многих употреблённых в них слов. Прежде всего «любовь». Любовь возможна лишь для разных существ. Для разных. Не только в смысле пола. Она есть детище возможного выбора. А что выбирать из одинаковых? Одинаковость – величайшее достижение нашей цивилизации. Мне уже приходилось говорить об этом в связи с проблемой размножения – всё многообразие гениально сведено к значкам-силуэтам с дверей туалетов. Одинаковы все, значит, все одинаково прекрасны. Сегодня встречаются он и она, завтра – она уже другая, но такая же прекрасная, как и предшествующая, настолько одинаковая, что, возможно, это та же самая, вчерашняя. Но всё одинаково, никто и не выясняет личности, так как для этого бы потребовались сложные средства выражения, вплоть до слов. Таким образом, найдено оптимальное решение проблемы любви. А раз проблема любви снята, то нет и любви. И никакие слова на стенах о ней не напомнят. Решена проблема любви, и вместе с ней автоматически решена проблема ревности, проблема верности и, что особенно важно, – проблема ненависти. И никто не говорит об изменах, ибо кому изменять, если все одинаковые, а одинаковое неизменно.

Припоминается зачёркнутая надпись, – видимо, устаревшая даже для автора её. Речь шла о так называемом одиночестве, проблема которого решалась чисто статистически: при определённой частоте полового взаимодействия трудно было совсем затеряться. А уж слово «не понимает» давно никто не понимал, ибо как это не понимать кого-то другого, если он то же самое.

Непонятны только слова. Вещи непонятны только тогда, если их берутся называть.

Вот слова «Кент» и «Фемина». Это так называемые марки так называемых ископаемых сигарет, доходящих до нашего времени в основном уже в виде окурков. Уместнее была бы надпись «У нас не курят», потому что у нас действительно не курят. Бросили от осознанной невыносимости. Первыми бросили водолазы, поскольку под водой курить невыносимо. Однако бросали долго, о чём могла свидетельствовать надпись «Водолазы под водой долго пускают воздушные пузыри». Имелись в виду, видимо, «душные» пузыри. Пускали, пускали пузыри, пока не поняли, что так долго не протянешь. Какой срок потребовался для безопасного пуска пузырей? Максимум 30–50 секунд. 30–50 секунд, это показалось долгим сроком автору надписи. Отсюда ещё можно заключить, что автор полагал, будто всё относительно. Это нелепо в свете наших понятий, согласно которым всё абсолютно.

На самом деле долго бросали именно околпачиватели: курили и бросали окурки вниз. Теперь они стали ископаемыми, и окурки, и те, кто их бросал. Как только околпачиватели побросали все окурки вниз, так и бросили курить, так как курить стало нечего.

Потом бросили курить непотомственные. Во-первых, потому что невыносимо было видеть, как водолаз пускает пузыри, а потом вдруг сам всплывает, синий от дыма. Хорошо ещё, что море тоже синее. Во-вторых, невыносимо было видеть, как вдруг за окурком, осознав, что это последний, бросается ныне уже ископаемый околпачиватель, весь зелёный от дыма, падает, хорошо ещё, что трава тоже зелёная. А в-третьих, и это самое решающее, курить под колпаком совсем невыносимо. Вопрос встал ребром, пока дым стоял коромыслом: либо всем курить, либо всем бросить. И так как дым стоял коромыслом, то дышать было то же, что курить, вот почему все и бросили.

А когда бросили курить водолазы и околпачиватели, то резко возросла производительность труда, потому что работать стали без перекуров.

Слова «Сидр» и «Фетяска» обозначали разновидности огненной воды, изготовляемой из особым образом прокисших плодов. Это употреблялось ранее в свободное время, когда ещё было свободное время. Свободное время бывает тогда, когда нет цели. У водолазов и у околпачивателей была цель, следовательно, никакого свободного времени.

Пить спиртное было к тому же и невозможно. Водолазам, потому что спиртное легче воды и потому всё всплыло вместе с теми водолазами, которые каким-то образом поглотили некоторое количество спиртного. «Пьяному море по колено» – гласила древняя мудрость. Водолаз же работает на гораздо большей глубине и не может быть пьяным. А всплывший – какой же это водолаз, это уже водовылаз какой-то.

Околпачивателям было пить невозможно, потому что спиртное тяжелее воздуха и со временем всё оказывалось внизу, вместе с содержащими его околпачивателями.

Когда-то пили, чтобы шататься. Под водой нельзя шататься, вода держит, неинтересно. На колпаке долго не прошатаешься. И пили, чтобы словить кайф, забалдеть и оттянуться. И курили для того же. Почему в надписях было « $X + Y = \text{любовь}$ »? Курили, балдели, и, когда от дыма друг дружку не

было видно, начиналась эта самая любовь. Пили, балдели, начинали шататься, хвататься друг за дружку, чтоб не упасть, падали, и тоже начиналась любовь.

О любви уже было сказано. А кайф ловили, но по-своему. Водолазам надо было для этого только чуть-чуть всплыть, всплывали медленно, то есть тащились, и вот тебе и кайф. Но и тут нужна мера – чуть выше всплывёшь, и уже не кайф, а кессонная болезнь.

Околпачивателям достаточно было для ловли кайфа повисеть на краю неоконченного колпака. То есть – оттянуться. Но не перевесить.

Непотомственные ловили кайф, когда вылавливали перекайфованных водолазов, ловили на лету слишком оттянувшихся околпачивателей. И ещё они ловили кайф, рассуждая о водолазах и околпачивателях.

Результатом этих рассуждений стал единственный памятник в нашем Ареале. Единственный, потому что вспоминать было нечего с начала нашей истории. Если стремиться к одинаковости пространственных сущностей, то одинаково и время, прошлое равно будущему, мгновение подобно вечности, о чём только смели мечтать поэты прошлого. Единственный памятник назывался памятником *Великой Случайности*. Он был посвящён околпачивателю, случайно упавшему на случайно всплывшего водолаза. Случайно водолаз оказался женского пола. От их случайной встречи произошли уже упомянутые непотомственные, до которых, как известно, наш Ареал состоял только из потомственных водолазов и потомственных околпачивателей.

Конечно, только непотомственным могло прийти в голову увековечить такое случайное событие. Потомственные о нём просто-напросто ничего не знали. Но об этом потом.

Непотомственные рассуждали, что эти двое, которым поставили памятник, словили самый большой кайф. Для этого кому-то пришлось долго всплывать, а другому долго лететь, так что оба они тащились. Процесс преодоления двух сред разной плотности требовал длительности. Рассуждая об этом, немудрено было прийти к понятию времени – через длительность стремления, к понятию памяти – через понятие времени, к понятию жизни – через понятие памяти и к любви – через понятие жизни, возникшей благодаря сочетанию глубокого с возвышенным.

Одни принимали всё так и только так, другие так же, но с различной долей юмора. Непотомственные могли себе позволить юмор.

Памятник Великой Случайности был выполнен очень серьёзно и в то же время давал повод для бездны юмора. Это был большой прозрачный шар, сделанный из упавших отходов колпачного производства, внутри которого чётко выделялась эмбриональная полость, свёрнутый зародыш чем-то напоминал скорченного водолаза, который не то всплывает, не то погружается, во всяком случае, движется, что передавало идею развития в пространстве. Схематичность этой контурной полости не позволяла определить точно возраст зародыша, что намекало на идею развития во времени. В полости был внизу проделан лаз, через который любой желающий мог проникнуть внутрь Памятника, вникнуть в положение зародыша и прочувствовать идею вечного развития. Был в этом и расчёт на пользу: необходимо время от времени чувствовать себя как бы недоразвитым. Достигалось и определённое нравственное состояние, сознание того, что ты во чреве, что ты в безопасности, поскольку тебя – выносят. Так развитие связывалось с идеей, что выносят его самого. И рядом идея вынашивания, лежащая в основе всяческого творчества.

Великая Случайность – всегда источник множества ассоциаций.

Тем временем до памятника ещё не дошли и продолжали стирать никчёмные надписи. Никчёмность подчёркивалась ещё и наличием множества собственных имён. Потомственные давно таких не имели, поскольку не было надобности никого звать по имени вследствие блаженной одинаковости. Вообще звать было затруднительно, особенно в славные завершающие эпохи, водолазам вследствие большой их скученности, а околпачивателям вследствие большой рассредоточенности.

Волнами шли сосредоточения и рассредоточения, что, возможно, зависело от успехов соревнования или, наоборот, их определяло.

Когда скученные водолазы ринулись рассредоточиваться из точки максимального сжатия (принцип белого карлика в астрофизике припоминается всем, кто поверхностно знаком с эволюцией звёздного вещества), то есть бросились на борьбу с паразитным кольцом, увенчавшим глубинный этап работ, в это же время околпачиватели начали сжиматься, закупоривая колпак (перестали падать в воду!). Но сжатие не могло быть беспредельным, поэтому шар стал скручиваться в параболоид,

естественно, искажая евклидовость пространства и превращая его в своеобразную вазу, идеальным завершением которой была бы бутылка Клейна, известная математикам из математики. Однако прийти к этому изящному решению мешала боязнь впасть в неоправданный идеализм.

Во всяком случае, одновременно скучиваясь и рассредоточиваясь, ни водолазы, ни околпачиватели не испытывали потребности ни в собственных, ни в чужих именах.

Итак, имена стёрли, включая хулиганов Данте и Вергилина. Тогда проступила живопись, если это можно назвать живописью, скорее, это следует назвать художествами. Художества эти знакомы многим, и многие считают, что лучше с ними не знакомиться, особенно женщинам и детям. Художества, конечно, тоже смыли, несмотря на портретные и прочие сходства. Проступившие, наконец, реальные пейзажи принимали очень долгое время за очередные художества.

Водолазы всплывали с той стороны, наблюдая за смыванием художеств на внутренней стороне. Видимо, их очень интересовало, куда уходит вода, уровень которой в эпоху смывания весьма понизился. С наступлением темноты водолазы исчезали, а утром опять появлялись. *«Опять пейзаж с Полифемом!»* – восклицали смывающие и стирающие. Проскальзывали мимолётные околпачиватели, так как в связи с понижением уровня вод увеличилась амплитуда колебания колпака. *«Снова полёт Икара!»* – сетовали смывающие. Вернее, сетовали бы и восклицали бы, если бы знали собственные имена.

В основном же, поскольку художества отражают действительность, на протяжении нескольких поколений смывали и стирали собственные отражения. И всё это не прошло даром. Так возникла вера в бессмертие произведений искусства. Возникла она тогда, когда, наконец, выкачали всю крошечную воду.

Конец первой скрепки

* * *

Первую «скрепку» я очень быстро прочитал, бумага была сыроватая, буквы расплывались, но не тонули, всё можно было разобрать. Вторая «скрепка» была гораздо в худшем виде, она слиплась, и, чтобы не порвать страницы при чтении, я оставил её сушиться.

Вечером шла по телевизору восемьдесят девятая серия детектива «Всё равно его поймают». Производство по заказу Всепустынного комитета защиты от потопов. Мне удалось выяснить, что эта серия та же самая, что и двадцать третья, и я решил не смотреть. Позвонил инженеру Кроватьеву, которому врач запретил смотреть телевизор. Врач был с производства, а Кроватьев не справлялся с каким-то проектом, и его обязали проектировать в течение ближайших тринадцати серий. Группа активистов из молодой смены, не имеющая телевизора, добровольно контролировала, чтобы Кроватьев телевизор не смотрел. Сидели у него вечерами, сами смотрели, он же проектировал, спрашивая у них время от времени из кухни: «Ну как, не поймали?» – «Нет ещё, дядя Петя», – отвечал кто-нибудь из активистов.

Я позвонил Кроватьеву и зашёл к нему сыграть в балду. Заодно взял с собой первую скрепку. Активисты смотрят серию, мы играем, а активисты думают, что Кроватьеву помогаю с иностранных языков переводить. «Б» написал я, «р» приписал Кроватьев, «“бр” – это уже слово», – неуверенно предложил я. «Ну да, – возмутился Кроватьев, – если слово, то брр, с двумя р, а вообще междометия не в счёт». «О» написал я. «Водолазы вверх не смотрели, их устраивали морские звёзды. Они, размножившись, намного превзошли околпачивателей числом и продвинулись вперёд в своей подрывной работе, – прочитал вслух Кроватьев и добавил: – Кто “они”, – морские звёзды?» Он дописал «н», а я сказал, что я за это не отвечаю, хотя по смыслу ясно, и дописал «т». Кроватьев дописал «о» и очень встревожился, а когда вышел у меня «бронтозав», стал доказывать, что это уже слово, что это, дескать, тип руководителя. Но пришлось-таки ему приписать «р» и вписать себе «б». «С» – начал мой партнёр, я добавил «т», он «р», я «а», он «н», обрадовался и стал читать, пока я думал. «Никакого представления о системном подходе, – рассуждал он, пока я думал. – Даже о “Перт-системе” никакого понятия. Слышал о программе строительства атомных подводных лодок с ракетными установками? Они там, за океаном, т. е. за бывшим океаном, весьма преуспели в этом деле. Лодку строили для ракеты, а не ракету для лодки. Правда, результат всё равно бессмысленный, раз океана нет,

но подход был на высоте. А эти водолазы и околпачиватели совсем тёмные люди. И зачем им это всё, странно...» Я записал второе «н», получилось «странн». Кроватьев приписал «и» и снова обрадовался. Думал, что я сейчас «к» напишу, и «б» себе – один-один. «Интересно, где они доставали “Кент”, когда ещё не бросили курить?» – «Ц» – перебил я его, и ему ничего не оставалось, как вместо ожидаемого «странник» записать «странница», ещё «а», и себе второе «а», в его графе было уже «ба».

Я записал «Ю», он злорадно вставил «л», решил, что поймал меня, будто кроме «юлы» я ничего не найду. «Поймали, дядя Петя, поймали! – завопил из комнаты кто-то из активистов. – Ах, чёрт, опять не его...» – «Пьяному море по колено, и верно, древняя мудрость, – бубнил Кроватьев, – где нынче море-то возьмёшь...» – «Е!» – заявил я, и мы долго препирались, возможно ли отглагольное существительное «юление» от «юлить». Всё-таки я выпорил и этот балл, Кроватьеву уже вписали «бал».

– Да, – размечтался Кроватьев, – любовь и верно не что иное, как великая случайность. Не познакомься я с Надеей случайно на аэродроме в Куцке и не дай она мне телефон, я вряд ли бы нашёл другой случай познакомиться с Верой. Звоню я, спрашиваю Надю, а мне говорят, что таких здесь нет, а я говорю, что не таких, а такой, и телефон мне на аэродроме дали. А мне говорят, что никакой Нади, что Верой зовут. Я и говорю тогда Вере, что раз так, так буду ждать на станции метро Парикмахерская, а в руках буду арбуз держать, она согласилась, что придёт, будет в шляпке. Жду, жду, арбуз тяжёлый, наконец, смотрю, стоит одна, вы, говорю, не Вера, а она говорит, что не Вера, а Люба, и ждёт Лёву. Не дождались мы Лёву и пошли ко мне арбуз есть...

Семь лет душа в душу жили, пока вдруг Лёва не нашёлся. В командировке какой-то срочной он был... Я тогда в тоске опять Вере позвонил, мне говорят, нет таких, есть Надя, потом говорит, что Вера с Лёвой давно здесь не живут и Вера никогда не жила, а только в гости когда-то ходила, пока с Лёвой не познакомилась. Правда, сейчас Лёва уехал в срочную командировку, так что если позвонит Вера, может, что передать... Я уже было хотел что передать, как тут Люба вернулась, говорит, Лёва уже не тот...

«Э!» – написал он тем временем, а я напомнил, что он сам говорил, что междометия не в счёт, и написал «х». Пришлось ему «о» дописать и приписать себе ещё «д».

Теперь я начал с «к», он добавил «р», я «е», он «с» и думал уже, что на мне крест поставил. Пока он думал, я тоже думал, а он читал дальше и думал вслух: «А разве Вергилин хулиган? Я с ним в одном бассейне плавал, когда ещё вода была. Ему врач прописал, толст он был, где ему хулиганить. Быть может, сейчас разбушевался, потому что воды нет. Хотя нет, он, кажется, Верзилин, а не Вергилин. И такого приятеля у него вроде не было, Данте».

Я записал «л», и он понял, что опять сел в лужу, «кресло» выходит, и он записал ещё «и», чтобы потянуть, я добавил «ц», он уже «е» и дописывать не стал.

– Я в этом мало что понимаю, – сказал он, отодвигая рукопись, – но есть один знакомый, писатель, подписывается псевдонимом Братья Улуповы, фамилии не помню, кажется, Фёдор, он в журнале «Скважина» работает. Зайди к нему, может, он скажет, что с этим делать. С инженерной точки зрения всё здесь липа. Подкоп под остров! А что скажут Братья Улуповы, им виднее. Скажи, что от меня, мы как-то вместе на рыбалке были, когда вода была.

«Балда!» – дописал я за него последнюю букву.

Но совет показался мне не лишним, и на следующее утро, сделав зарядку, я отправился в «Скважину».

Редакция находилась на улице Вани Дылдина, куда она переехала с площади графов Толстых. До этого она была в тупике имени Джамбула Джабаева. О многочисленных её переездах говорили, что «Скважина» всюду пытается бурить, но не фонтанирует и потому непрестанно меняет место в поисках где-то зарытых талантов.

Новое помещение было довольно большим, прежде здесь были Бани, где иногда можно было встретить популярных литераторов. Когда воды не стало, бани закрылись, но литераторы собирались здесь уже по иному поводу. Про перевод редакции говорили, что всё это неспроста, известно, что у «Скважины» есть большой опыт в области добычи воды.

– К кому? – спросил человек у входа.

– К Фёдору, – не растерялся я.

– Третья комната за углом налево, – произнёс человек и поник над газетой.

Я прошёл за угол налево.

В комнате двое играли в шахматы, а третий курил трубку и ходил взад и вперёд, останавливаясь временами перед игроками. «Я на победителя! – говорил он, останавливаясь, и вдруг заметил меня. – Садись, старичок, в ногах правды нет», – бросил он мне. «Но правды нет и выше», – уточнил один из игроков и сделал ход пешкой. Я покорно присел возле. «А пешечку я съем», – сказал второй игрок. «Ну и ешь», – парировал первый. «Учтите, я на победителя», – ещё раз остановился этот с трубкой. Второй игрок съел пешку конём, первый взял коня слоном и добавил: «Съесть?» – «Конины не жалко», – парировал второй игрок. Играли они темпераментно и разговорчиво, но так плохо, что казалось, будет чудом, если кто-то из них всё-таки выиграет. Зазвонил телефон. Третий взял телефонную трубку и сказал: «Его нет, он у начальства». – «Шах», – сказал первый. «Тебя просили», – сказал третий. «Тебе тоже шах», – сказал второй. Зазвонил телефон. «Его нет, он на летучке», – сказал третий. – «Это тебя», – добавил он опять тому, которому шах. «Пат!» – воскликнул первый. «Пат и Паташон», – разочарованно протянул второй. «С кем же мне играть?» – развёл руками, в одной из которых была трубка, претендент. В коридоре слышались шаги. «Шеф!» – догадалось трио, и шахматы накрыли газетой.

Вошёл человек с чеховской бородкой. И все трое, успевшие сесть по разным местам за столами, подняли головы при его появлении, а затем привстали. «Космонавты приводнились», – принёс он весть. Все переглянулись и дружно расхохотались. «Чёрт! – понял юмор шеф, – ох уж этот район бывшего Атлантического океана!» Я тоже заулыбался. «Мы не знакомы?» – вежливо спросил шеф. «Это Хokusайло, – сказал с трубкой, – пишет нам на патриотические темы». – «Рад приветствовать вас, товарищ Фokusайло, – пожал он мне руку и назвался: – Прохоров». Я кивнул головой, и он добавил несколько удивлённо, почему я его не знаю, ведь мы пишем на одну и ту же тему. Я поспешил заявить, что очень даже знаю, читал ещё в школе и сейчас очень часто читаю вслух потомкам. «Потомкам? – изумился шеф Прохоров, покачал недоверчиво головой и похвалил: – Очень хорошо. – Потом повернулся резко к сотрудникам и спросил: – Материал по борьбе с сухостью стиля руководства обводнением на собаке?» – «На собаке», – ответил претендент с трубкой. «Ну, добро», – уверился шеф и вышел.

Все трое устали на меня.

– Старичок, – сказал претендент, – ты бы набросал отчёт по командировке. Нам звонили, что ты выехал на верблюде, мы тебя так скоро не ждали. Очерк готов?

– Какой очерк?

– Тебе же о чём поручили? Ты же пишешь на патриотические темы, тебе, кажется, давали задание создать яркий очерк о красоте родной пустыни?

– Красота не в пустыне, красота в сердце араба, – огрызнулся я. – Вы меня с кем-то путаете.

– Ты не Хokusайло?

– Я не Фokusайдо.

– А где Хokusайло?

– Вы же сами сказали, едет на верблюде по родной пустыне.

– Ладно, старичок, у нас работы по горло, тогда чего тебе?

– Мне нужны Братья Улуповы.

– Братья Улуповы? – претендент нажал кнопку в столе. Тотчас же в дверях возник человек с газетой, который, впустил меня в «Скважину».

– Как сюда попал этот товарищ? – строго спросил его претендент.

– Федю спросили, – развёл руками тот, который впустил.

– Федю? Извини, Егорыч. Он тут ничего толком объяснить не может. «Тулуповы», говорит. Иди, ладно. – И снова ко мне: – Так я Федя! Ты-то кто?

– Я от Кроватьева. Вы с ним как-то на рыбалке были.

– На рыбалке? Вот память у человека! Я такого не помню! Ну, что там у тебя?

– Рукопись.

– Оставь, рассмотрим.

Федя сразу как-то посерьёзней и протянул за рукописью руку, в которой не было трубки. Я протянул ему первую скрепку.

– Ничего себе! Сырая рукопись! Где ты сырость достал, старичок, поделись опытом?

– В бутылке.

– Ты, старичок, в бутылку не лезь. Мы рассмотрим, раз ты оставил. Тем более, тебя Кушеткин рекомендовал. Нам молодые дарования нужны! Только не поминай «Улуповых», у нас сейчас с этим скандал, почему я тебя сперва испугался. У нас тут сатирик один, известный, за материалом в очередной раз за материк выехал. Ну, жена его, понимаешь, молодая, без дарования, делать нечего, связалась с какой-то компанией, они ей мозги запудрили, братьями Улуповыми назвались. Она ведь не клюнула бы, не скажись они знаменитостями. Что там они творили, одному богу известно, только вернулся сатирик с материалом, злой как чёрт, и жена к нему, где материал, а он туда, сюда – торшер в доме пропал. Ну, призналась она во всём, а Улуповых и след простыл. А как я единственный под этим псевдонимом оказался, то всё на меня свалилось. С сатириком обошлось, он, было, пришёл тут выяснять, так шеф его выставил, сказав, – ничего, злее, будет. Он шефа боится, вдруг материал надо будет пристроить. Но вот когда об этом сатириковой жены любовники узнали, тут жизни не стало. Приходили, скандалили, на торшер им плевать, говорили, им честь дорога, так сказать, мундира... В общем, видишь, как бывает, старичок, ты уж прости, что я Егорыча вызывал, выставлять приходится, Егорыч у нас спортсмен-разрядник.

Видно было, что он эту историю рассказывает не впервые и по необходимости, в его голосе была даже настоящая скорбь, и он рассказывал бы ещё подробнее, если бы не телефонный звонок.

– Его нет, он в типографии, – незаинтересованно ответил Федя и, уже положив трубку, объяснил сотрудникам: – Это меня.

Я не стал больше мешать людям работать и ушёл. Ответ на рукопись мне обещали выслать на дом, хотя я хотел сказать, что мне объяснять не надо, что там в рукописи, надо самим разобраться, что и как и что с ней делать.

Ответ пришёл в понедельник тринадцатого, как раз через три месяца после моего посещения «Скважины». Его принёс редакционный курьер в шортах и босиком. Я расписался в получении, вскрыл конверт и начал читать.

Рецензия на рукопись входящий № 149/У, 5 печатных листов.

Когда я прочёл это произведение, я невольно задумался, а кому это нужно? Кто узнает здесь себя? И я сам себе ответил: никто.

Мне показалось, что автор совсем не наш современник, он не видит и не хочет видеть ни наших достижений, ни успехов наших приятелей, ни отдельных проблем, над которыми мы все думаем. Как будто автор живёт не рядом с нами, а где-то в каком-нибудь двадцатом веке.

Повествование начинается с описания праздника. Но до праздников ли нашему читателю, который сегодня с головой ушёл в борьбу с засухой? Его только возмутят рассуждения о так называемых водолазах, да и вообще все упоминания о воде, которую, в конце концов, кто-то выкачал. Кто её выкачал? Я считаю, что это очень вредные упоминания. К счастью для читателя, написано всё это так беспомощно, что до него не дойдёт. Но вернёмся к автору, который по небрежности даже не подписался под произведением. Мне бы не хотелось лишить молодое дарование всякой надежды на рост. Несмотря на общую безграмотность, в рукописи есть удачные места. Чувствуется забота о борьбе с курением, но ведь сегодня это уже смешно, ведь известно – табак не растёт без воды. Автор выступает против пьянства – но ему же должно быть известно, что без жидкости нет спиртного. Когда-то, да, наша вода была лучшей для производства водки. Наш автор что, радио не слушает, газет не читает? Не ходит в магазин? Разве ему не известен последний Указ о прекращении приёма бутылок в связи с невозможностью их наполнения?

Так отрыв от жизни зачёркивает все хорошие намерения. Единственно актуален вопрос о борьбе с надписями и всякими зарисовками в связи с тем, что от этого страдает дно множества высохших водоёмов. Но метод, предложенный автором, опять-таки неприемлем, так как нечем смывать, да и некому. Но мы ещё доберёмся до тех, кто пишет где попало и что попало.

Что же касается языка рукописи, то он, конечно, беден. Его засоряют жаргонные словечки типа «кайф», «оптимальное», «скафандр» и пр. Некоторые упомянутые слова сам Автор явно не понимает.

Единственно, чего я не возьму в толк: рукопись написана от руки, где Автор взял чернила? Во всяком случае, если редакция «Скважины» не стремится к экстравагантности и не хочет сослужить

Автору медвежью услугу, издать её, напечатав, не следует. Автору следует подумать о том, чтобы обсудить свои попытки в литобъединении при каком-нибудь оазисе.

По поручению редакции «Скважины» – член Избранного собрания сочинителей Дормидонт Хокусайло.

Всё завершалось красивой закорючкой, сделанной карандашом.

Дальше следовала ещё бумага, уже чуть иначе озаглавленная:

Отзыв на труд № 149/У – входящий; 0,625 печатных листов.

Только одна черта меня несколько подкупает в рукописи. Это попытка объяснить появление Тассилийских фресок в Африке. Большинство профессиональных писателей считают, что на них изображены космонавты в скафандрах. Наш непрофессиональный автор видит на этих фресках отнюдь не прилетевших существ, а вынырнувших. Мало кто сейчас вспоминает об этих существах, когда-то называемых водолазами. Были такие специалисты, которые доставали всё из-под воды. Дело это они знали хорошо, потому что сейчас мы воочию видим, что нам они ничего не оставили, ни затонувших сокровищ, ни градов Китежей, даже Атлантиды не было никакой, в этом мы сейчас убедились.

В литературе профессиональной водолазы отражены недостаточно и превратно. Из писателей прошлого можно вспомнить Зоценко, у которого огромный водолаз был постоянно бит хилым человеком. Это было потому, что уже тогда действие происходило не в воде, а на суше, где водолаз не мог соответственно самовыражаться. Наш непрофессиональный коллега берёт на себя смелость изображать водолазов в воде.

Но автору следовало бы описать не только самих водолазов, но и насосные береговые установки, так как водолазам для дыхания необходимо поставлять воздух.

Что касается так называемых «околпачивателей», то это явно вымышленные персонажи, им не место в историческом повествовании. Правда, было бы злободневно, если бы автор показал, как технически решалась проблема снабжения водой этих околпачивателей.

Ещё я хотел добавить, что у автора много случайного, необязательного. Недаром единственный в работе памятник назван памятником «Великой Случайности».

Я бы хотел посоветовать автору сделать свой выбор и не растекаться мыслью по древу. Если он будет и дальше тянуться к перу и бумаге, то ему следует брать конкретные исторические темы. Например, битва Кожемяки с печенегом. Тогда он, возможно, может быть привлечён для работы отдела под рубрикой «Чем занимались наши предки».

С коллегиальным почтением,
Член полного собрания сочинителей Жукопов-сын,
Лауреат материковой премии по самокритике.

К рецензиям было присовокуплено следующее заключение:

Редакция ознакомилась с данной рукописью и полностью разделяет точку зрения двух рецензентов, единодушно заключивших о её сырости и непригодности для публикации.

Редакция сердечно желает автору успехов в дальнейшей работе и долгих лет жизни.

С уважением,
И. О. Зав. Отделом Идругим Поделом-заде

Кто бы это мог быть? Словосочетание «иозав» натолкнуло меня на сомнение, не прав ли был Кроватъев, когда утверждал существование слова «бронтозав»? И. О., значит, не сам Зав, зав, кажется, сам Федя, т. е. «Братя Улуповы». Видимо, замещает его кто-то из двух игроков в шахматы, имя восточное, верно, один из игроков был чёрненький. Он, кажется, и говорил, что не едят конины, видимо, по аналогии со свиной.

Итак, дело с рукописью откладывается до лучших времён.

Собственно говоря, времена и сейчас неплохие. Жалобы на времена чаще встречаются в покойное, не озабоченное время. В пору забот, напротив, живётся плотнее, интереснее, а делаются все дела чётче, с большим энтузиазмом и расторопностью.

Я помню, что засуха застала врасплох обитателей Материка. Но со временем Силы самообороны навели достойный порядок. Нормализовались очереди за водой, распределение карточек на выдачу жидкостей было сделано по справедливости, по заслугам каждого. Успешно проводилась борьба с подпольной торговлей сырыми продуктами. Оригинально была решена проблема отношения к лжеучёным-алхимикам, добывавшим якобы воду из всяких веществ, согласно науке, воды не содержащих. Один шарлатан «добывал» воду даже из произведений заслуженных деятелей литературы. Вода эта для питья была непригодна, но для очистки загрязнённых предметов, частично даже для стирки вполне подходила. Но самой книжной культуре при этом наносился непоправимый вред. Как правило, из огромного многотомного собрания сочинений выходила одна, реже две брошюры, где содержались отрывочные сведения об орфографии и чистописании, а также цитаты из «Родной речи» для средней школы. Чтобы разоблачить этого шарлатана, комиссия из писателей, химиков и психиатров заставила его продемонстрировать свои опыты на самых очевидных вещах. И он провалился перед лицом передовой общественности, так и не сумев выжать ни капли ни из былины «Садко на дне морском», ни из «Сказки о золотой рыбке», ни даже из «Мойдодыра».

В общем, с этими лжеучёными решили очень верно: их оградили от прочих обитателей, предоставив им полную возможность снабжать себя водой посредством своих изобретений.

Жизнь шла своим чередом. По утрам я прогуливался с потомками в саксауловой роще. Потомки выкалывали прутиком тарантулов и скорпионов, тут уж надо было быть начеку. К счастью, собаки, гуляющие с другими взрослыми, наловчились тут же поедать этих мерзких тварей.

Я как-то поделился своими делами с профессором реликтовой географии, спортивного вида стариком в борцовском трико и пробковом шлеме.

– Лужа, вы говорите? А где находился пункт сдачи бутылок? – оживился он при моём рассказе и от волнения снял свой шлем. Эти шлемы вошли в моду после исчезновения бутылок, вместе с ними стали ненадобны и пробки. Предприимчивый народ тут же стал мастерить из них пробковые шлемы, пришедшиеся по душе всем, кто плохо переносил зной.

Я описал примерно расположение пункта.

– Вряд ли Ваш Прохоров доставил бутылку издалека, не так ли? – заметил профессор. – А если верить старинным картам, где-то в этом районе находилось реликтовое озеро, связанное каким-то образом с большим океаном. Я проверю по справочникам, называлось оно не то Балхаш, не то Байкал... Любопытно, любопытно...

В этот день стояла особенная жара, невыносимая до галлюцинаций. Где-то были какие-то неполадки, так как отряды милиции на верблюдах спешно отправлялись куда-то за горизонт. Говоря архаическим языком, в воздухе пахло грозой... Если бы так!

Огромное солнце увлекалось на закат, в мареве оно принимало причудливые очертания пунцовых двоянных желтков, которые вязко оседали в прозрачном, но плотном белке, из которого состоял воздух. Резкие контуры деревьев увязали в нём, казалось, что такая атмосфера – одна из причин их вечной низкорослости. Потом солнце приняло отчётливую форму песочных часов, и, прежде чем исчезнуть, одна чаша просыпалась в другую, и прибор, перевернуть который было некому, опустился за горизонт, стало темно, и в тишине было слышно, как где-то струится песок времени.

Я решил взглянуть на Вторую скрепку. Она вполне просохла, даже стала коробиться, и мне с большим трудом удалось её развернуть, не повредив страниц. Я зажёл свечу и углубился в чтение.

Вторая скрепка

Плачь, мой читатель, если ты ещё знаком с этим глаголом и если твой организм ещё способен выделять слёзы. Плачь, я же своё уже отплакал. Начать повествование радостным событием – праздником, и вдруг отрезветь, очнуться, узнав страшную правду.

Плачь, мой читатель, я обманут, и ты обманут.

Когда я узнал об этом, мне захотелось рвать на себе волосы, но, к счастью, плотно завинченный шлем помешал мне сделать это, вот почему в отличие от большинства сочинителей я сохранил свою шевелюру.

Никакого праздника не было. То, что я принял за торжественную церемонию, оказалось просто кинематографом. Кому-то пришло в пустую голову смастерить проектор из глубоководного скафандра и запустить любительскую ленту, отснятую скрытой камерой, на ту часть колпака, которая была открыта для обозрения. Скрытой камерой снимались, видимо, все репетиции, которые проводились на протяжении поколений по подготовке к Великому Открытию.

Когда я потерял связь с действительностью? Когда стёрли все обнажённые изображения, возмущавшие прежде всего водолазов, ни перед кем никогда не обнажавших даже своей головы, чтобы вдруг не захлебнуться? Возмущали они и околпачивателей, так как «обнажённые» изображения находились на внутренней стороне колпака, а околпачиватели – на внешней.

Я стал припоминать различные предания, касающиеся происхождения нашего Ареала. За сменой многих поколений эти знания стёрлись, исказились, имели хождение лишь как молва, доходящая до анекдота.

Худа нет без добра, а всё, что служит выяснению истины, есть добро. Когда мы стали подмокать в связи со смыванием художеств, мы, естественно, погрузились со временем в воду, а звук распространяется в воде с гораздо большей скоростью, чем в воздухе. И если в воздухе ходили слухи, то в воде они прямо-таки забегали, и я попытался привести их в какой-то порядок.

Таким образом, реконструировался миф, назвать который можно так: «*Осландия, Козландия и Косолапландия-Медвеждания*». По первой версии в гибели материкового человечества виновны прежде всего ослы.

Осландия

Ослы осознавали тот факт, что быть ослом зазорно. Внешне осёл неприметен, и, пока он не проявил особой глупости и упрямства, нельзя сказать, осёл он или не осёл.

Ослы были существа дихотомические, то есть они полагали, что всё на свете двоится, спаривается, а третьего не дано. Система счисления у них была двоичная, состояла она из ноля и единицы, поэтому легко программировалась на счётных машинах, в развитии которых ослы весьма преуспели. Эти машины программировали и предсказывали будущее, климат, историю, личную жизнь и прочее – по принципу «бабушка надвое сказала». У самих ослов была голова – два уха.

Возникла проблема избавления от ослов. Проблему пробили на перфокартах и заложили в машину. Машина решила проблему.

Если в множестве не ясно, кто осёл, а кто нет, то надо поделить множество надвое. Первую группу устранить. По теории вероятности, в ней явно будет добрая половина ослов. Оставшуюся группу считать контрольной и снова поделить пополам. Алгоритм работает до тех пор, пока в группе не останется два элемента. Эти два элемента легко обозримы. Исключается, что оба элемента будут не ослиами, так как тогда можно экстраполировать на всё исчезнувшее множество, будто все его элементы не являются ослиами. Если бы это было так, никому бы не пришло в голову таким образом решать проблему. Маловероятно и то, что остаточные элементы оба будут ослиами, но если так произойдёт, то, экстраполируя на исчезнувшее множество, получим, что все его элементы были ослиами, так что им поделом.

Если один остаточный элемент проявит себя в качестве осла, а другой нет, это покажет, что задача была поставлена корректно. Осёл устраняется, а не-осёл устраняет оставшиеся трудности.

Проблема была поставлена, решение её было простым и доступным любому ослу. Решали её по закону дихотомии.

Вот тогда и выделилась группа, рассчитывавшая выйти из-под влияния данного эксперимента и обрести независимость. Возможно, что в неё могли попасть и некоторые ослы. Группа разделилась на водолазов и околпачивателей, но ни одна из них не устраняла другую, а обе работали на общую независимость. Чтобы отделиться, выбрали пустынный мыс, названный Новым мысом Доброй Надежды.

Такова первая версия.

К этому могу добавить некоторые данные по материалам различных разведок, следивших за средствами проведения Дихотомии.

Устранение производилось при помощи боевых головок. Боеголовки производились в расчёте на боееспособную голову населения. Для боеголовок разрабатывались различные системы наведения.

Вначале использовали системы контрастного наведения, прежде всего ориентированного на бинауральный эффект. Били по ушам. Когда-то это делалось примитивно. Подходят к избранному субъекту в переулке и говорят: что-то нам твои уши не нравятся. И – по ушам. Чаше, правда, выбор производился по очкам: раз кто-то в очках, значит читает много, раз читает много, значит знает много, а раз много знает, может заговорить. И – чтобы не заговорил – по очкам! Это уже бинокулярный эффект. Ещё применялся оральный эффект; орут: «Ты меня знаешь?» Отвечает: «Не знаю». Ему: «Ах, не знаешь!» – и – по оралу. Не по тому, на которое призывали когда-то перековать мечи, а по тому, которым, так сказать, говорят.

Этот приём полностью и межконтинентально автоматизировали. Способ наведения по ушам себя не оправдал, ослиные уши легко причёсывались и маскировались. Более эффективной оказалась оптическая система наведения по очкам.

Испытывали также контрастно-профильное наведение, это уже был удар по носам. Он себя оправдал лишь наполовину. С одной стороны, перестали совать нос куда не следует. С другой стороны, вместе с некоторыми расами огульно были устранены некоторые популярные комики, одним своим видом вызывавшие здоровый смех у обитателей.

Магнитные боеголовки были удобны тем, что наносили точный удар прямо по готовым гробам. Гробы, притягивающие подобные боеголовки, назывались по-разному: на суше это были танки, в воздухе – бомбардировщики, на акватории – авианосцы, крейсера, ракетносцы, под водой – подлодки. Эти гробы вмещали разное, но достаточное количество народа, и магнитные боеголовки применялись бы довольно долго и эффективно, если бы существовало столь же эффективное средство загонять всё новые и новые группы испытуемых в эти металлические контейнеры.

Одним из последних средств индивидуально-массового выбора были системы наведения по информационно-мысленному полю, которое окружает любую мыслящую голову. Когда-то ставился вопрос, не являются ли мыслящие головы мирными объектами, которые следует охранять. Но мыслящие машины дали непротиворечивый ответ: мыслящие головы мирными объектами не являются, поскольку все средства наведения боевых головок являются измышлениями мыслящих голов.

Чем можно поразить пустую голову, ни одна мыслящая голова не додумалась. Пустая голова ничего не излучает, про неё ещё говорят: как пробка. Это сравнение я употребляю потому, что в качестве средства защиты некоторые мыслящие головы употребляли пробковые шлемы. Для нас остаётся загадкой, помогли они или нет.

К тому же пустая голова охранялась конвенцией, согласно которой она является памятником старины.

Все эти данные навели стремящихся к полной независимости на мысль не только отделиться от материка, но и обезопасить себя при помощи колпака. Во-первых, колпак экранировал любое информационное поле и был неуязвим для всех систем самонаведения. Во-вторых, являясь моделью пустой головы, он попадал под охрану конвенции как памятник старины и был гарантирован от систем материкового дистанционного наведения.

Ещё была система наведения по запаху. Но и она оспаривалась многочисленными конвенциями, так как задевала интересы, выходящие далеко за пределы Осландии. Наведение по запаху было явным посягательством на вмешательство во внутренние дела Козландии.

Козландия

Обитатели Козландии (это уже вторая версия эсхатологического мифа) прежде всего отличалась друг от друга размерами.

Странно, но это было именно в Козландии, деление на Великанов и Карликов. Великаны были разные, а Карлики одинаковые. Если Великан в 10 раз превосходил Карлика, то на него приходилось 10 Карликов, а если больше в 1000 раз, то 1000 Карликов. Великанам было трудно противостоять Карликам. Если у Великана какие-нибудь разногласия с Карликом, то надо считаться с тем, что если Великан, например, в 10 раз превосходит Карлика, то те 10 Карликов, приходящиеся на него, в нежелательных для них случаях всегда могут призвать одиннадцатого на помощь, так как они одина-

ковы, взаимозаменяемы и не закреплены жёстко за каким-то одним Великаном. Так всегда возникал мгновенный перевес. Поэтому враждовали между собой только Великаны, потому что они разные. Допустим, понадобится Великану что-то, например, приглянулась ему красавица. Он может надеяться на успех лишь тогда, если никто из Карликов не обращает на эту красавицу никакого внимания. Вероятность такого случая невелика. (Отсюда мечты о Великой Случайности.) Если Великан в 10 раз больше Карлика, то кто-то из неробкого карликового десятка тоже может заинтересоваться той же красавицей, особенно заметив симпатию Великана – собственного вкуса у Карликов не было, и они подражали, как могли, Великанам. А Карлик, с точки зрения любой красавицы, гораздо удобнее в обиходе, чем Великан. Карлик портативен, экономичен, современен, за ним надёжнее, чем за Великаном. От Карлика можно спокойно уйти к другому Карлику, разницы никакой, но для самоутверждения приятно. Великан же смотрит как-то свысока, а в делах практических и житейских часто оказывается верхоглядом. И Великаны вечно соперничают друг с другом, пытаясь обставить друг друга по количеству Карликов, приходящихся на них, но чем больше они обставляют друг друга, тем более они обрастают нулями-Карликами.

Великаны гордятся тем, что они велики, но их губит то, что они величины разной. Карлики про себя иногда переживают, что они мелковаты, но они осознают своё достоинство в своём множестве и своей одинаковости. Отсюда идея о благе одинаковости, и без всяких Великанов.

Великаны не отличали одного Карлика от другого. Бывало так, что они говорят о величии какой-нибудь идеи несколько раз одному и тому же Карлику. Или говорят о ещё большем величии какой-нибудь идеи несколько раз одному и тому же Карлику. Или говорят о ещё большем величии какой-нибудь идеи другому Карлику, считая, что уже говорили с ним о величии предыдущей идеи. Не понимая ни в том, ни в другом случае, о какой идее идет речь, Карлики понимают, что Великаны заговариваются.

Карлики терпеть не могли Великанов, и это было второе после одинаковости свойство, которое их объединяло и делало их великими.

Само собой разумеется, что из Великанов делали козлов отпущения. В широком смысле слова. Делать из кого-то козла отпущения – это не просто взваливать на кого-то общие грехи, но и вообще заставлять всё делать. Великанам и приходилось всё делать, так как Карлики делали всё из рук вон плохо.

Великаны видели дальше, потому говорили о возвышенных целях. Наслышавшись об этих возвышенных целях, Карлики говорили о средствах.

Первыми были средства изображения целей для Карликов. То есть описание цели надо было перевести с возвышенного языка Великанов на язык любого Карлика. Работу по переводу взвалили на Великанов. По мере исполнения этой работы сами Великаны теряли уже всякое представление о возвышенности цели. Зато вследствие этого пополнялись сплочённые ряды Карликов за счёт исполнительных Великанов.

Затем шли простейшие средства передвижения к целям. Великаны изобрели для Карликов колёса и, соответственно, велосипеды, автомобили, поезда, пароходы и т. п. Однако эти средства использовались Карликами безотносительно к каким бы то ни было целям. Если уж они брали билет на средство передвижения, то всегда старались взять его «туда-обратно». А в особенном почёте был кольцевой транспорт. Разъезжая по кольцу, как на карусели, Карлики любили повторять, что у каждого своя цель.

Великаны изобрели для Карликов крылья, посредством которых можно было подняться до высоты Великана и взглянуть на эти самые возвышенные цели. Но с высоты смотреть было Карликам страшновато, и они потребовали от Великанов изобретения фюзеляжей, внутри которых не чувствовалась эта высота. Так возник самолёт как средство передвижения. Оно позволяло Карликам перелетать через любые возвышенные цели и приземляться где угодно.

Больше всего пришлось Карликам по душе такое средство, как автомобиль. Он призван был показывать, что у Карликов есть средства.

Одним из качеств средств передвижения была скорость. Карлики требовали от Великанов постоянного увеличения скорости, потому что скорость при передвижении не ощущается.

Крылья только тормозили развитие скоростей. Великанов обязали разработать бескрылые летательные аппараты. Так появились ракеты. Они оказались наилучшими средствами для подавления

любых целей. Наряду с этим Великанов обязали разработать для Карликов средства скрывать свои цели. Поэтому в Козландии пришлось развивать не только точные науки, но и науки гуманитарные или политические.

Успехи в области этих наук в Козландии были более определёнными, чем, например, в Осландии. Десятичная система счисления оказалась более удобной для решения общих проблем, и поэтому не требовалось такой сложной разработки систем самонаведения. В Козландии Великаны предложили обходиться системой дистанционного управления, так как Карликам с любой дистанции видим Великан. Но нанесение массированного удара по Великанам было нерентабельным по многим причинам, явившимся следствием опять-таки развития гуманитарных наук. Никто не хотел остаться без Великанов, т. е. без потенциальных козлов отпущения. К тому же Великаны постоянно доставляли удовольствие своими открытиями, которые они были обязаны творчески осваивать на благо Карликов. Великаны постоянно проявляли благотворную инициативу, которая тут же наказывалась обязанностью её исполнять.

Великанов просто-напросто держали под прицелом на всякий случай. Система пуска была надёжно скрыта от Великанов под землёй. Достаточно было нажатия кнопки, чтобы смести с лица земли Великанов. И Великаны жили в некотором страхе, полагая, что лучше уж быть козлом отпущения, но живым. Но страх этот был чисто идеалистическим, ибо с точки зрения материализма, даже вульгарного, было известно, что ни один Карлик не может дотянуться до вышеупомянутой кнопки.

Карлики были осторожны с Великанами ещё и потому, что внезапно поверженный Великан может придавить много Карликов, пропорционально своему превосходству.

И ещё берегли Великанов потому, что берегли и ракеты, которые должны были, в конце концов, связать козландских Карликов с Белыми Карликами Вселенной. Когда это произойдёт, то отношение к Великанам будет иное.

Тем временем Великаны разрабатывали средства связи между различными целями.

Вначале это были просто дороги, но они оказались такими широкими, что Карлики терялись, не зная, идти вдоль или поперёк. Немало Великанов отправились по этим дорогам в места не столь отдалённые, чтобы поразмышлять о приведении средств в соответствие с карликовыми целями.

Что заставило Карликов действительно почувствовать себя Великанами, это радио. Теперь голос Карлика звучал на то же расстояние, что и голос Великана, но говорил этот голос уже вполне карликовые вещи. При помощи радио стало легче управлять Великанами.

Тут же Великаны под руководством Карликов внедрили телефон, после чего ряд Великанов был отправлен в качестве козлов отпущения туда, где телефоны им не понадобятся. Карлики заподозрили, что Великаны внедрили телефон только для того, чтобы не кланяться при разговоре с Карликами. Ещё их раздражало введение телефонных номеров, что давало им какую-то маркировку, отличая друг от друга. Им всё время казалось, что у кого-то номер лучше. Зато телефон избавил от необходимости передвигаться по направлению к некоторым целям. Завязывалась дружба по телефону, входила в моду свободная любовь по телефону, осуществлялась анонимная ненависть по телефону, – это когда Карлик осмеливался говорить с другим Карликом как с Великаном: «Эй ты, козёл! Пощупай рога на своей голове!»

В то же время некоторые дети знали своих родителей только по телефону. И это было очень благотворно, ведь, не дай бог, иногда выяснить воочию, что твой родитель не Карлик, а какой-то Великан. Таким образом, через телефон осуществлялась хорошая карликовая преемственность поколений.

Когда заходит речь о поколениях, надо сказать несколько слов о генетическом типе Карликов, описать, хотя бы поверхностно, как они выглядели. Выглядели они так, как хромосомы под микроскопом, и разделялись пополам на X (икс)-Карликов и Y (игрек)-Карликов. В то же время их вид напоминал известные из математики неизвестные величины. Потому Карлики почитали всё неизвестное, у них было множество соответствующих памятников: памятник Неизвестному отцу, памятник Неизвестному вору, памятник Неизвестному любовнику, памятник Неизвестному начальнику и т. п. Авторы этих памятников тоже были неизвестны, но выглядели памятники известно как. Известны по материалам материковой разведки некоторые приглашения на открытия памятников. Вот одно из таких приглашений (из Архивов):

Приглашение № 66

Вас приглашают
на открытие памятника
Неизвестному трусу!
Памятник выполнен скромно:
голый пьедестал. Сам трус
может трусливо скрываться
среди приглашённых,
не опасаясь открытия.
Вы услышите много неизвестного, –
поскольку неизвестно,
чего трус боялся,
говорить будут только
о неизвестном.
В речах будет подчёркнуто,
что, благодаря трусости неизвестного,
известным
вовсе нечего было бояться.
Вас приглашают
на открытие памятника
Неизвестному трусу.
Попробуйте
не прийти!

Таким образом, любое открытие очередного памятника по виду напоминало уравнение со многими неизвестными. Было известно, что Х-Карлики и У-Карлики издавна населяли свою часть материка. Но однажды произошло землетрясение, в результате которого страна разделилась надвое, возникла такая непомерная расселина, что понадобилось навести мост. Для этой цели впервые вывели Великанов.

Пока Великаны строили мост, сменилось несколько поколений Карликов, так что неизвестные по одну сторону расселины забыли, что по другую сторону также должны быть такие же неизвестные, и наоборот. Боязнь ещё более неизвестного заставила тех и других выставить пограничные посты у обоих концов моста, что само по себе было излишним, так как желающих добровольно ринуться на другую сторону взаимно не было. Тем не менее международный этикет требовал обмена дипломатическими представителями. Неизвестные по одну сторону боялись ещё более неизвестного, и наоборот. Как по ту, так и по другую сторону сохранялись грамотные, слышавшие от Великанов историю об Одиссее, который в связанном состоянии смог противостоять искусительному пению сирен. Итак, обе стороны обменялись представителями, но в связанном состоянии (связанные переменные), так что Х- и У-Карлики по одну сторону решили, что по ту сторону обитают чуждые им Единицы (I); и наоборот. Таким образом, связанные Иксы, маскируясь под постоянную величину, выполнили свою карликовую задачу – сделать наведённый Великанами мост полностью никчёмным.

Мне припоминается, что однажды мне пришлось столкнуться с одним из Иксов. Я жил в комнате, окрашенной слоновой костью, и полагал себя полностью отрешённым от мира. Я занимался обычным для первой молодости делом – чтением книг, когда дверь отворилась без стука, и вошёл, не здороваясь, Икс, и начал деловито увешивать портретами своих родственников мои стены, окрашенные слоновой костью. Видимо, он хотел дать мне понять, что существует Икс, для которого ничего святого, кроме своих родственников, не существует. Я же был для него настолько известной величиной, что обращать на меня внимание ему не имело смысла.

Но, возможно, что он всё-таки желал мне добра и рассчитывал, что вывешенные Иксы и Игреки наведут меня на какие-то доселе неизвестные, но необходимые и достаточные мысли.

Работал он со сноровкой и уверенностью электромонтёра, устанавливающего проводку, причём ему совсем не требовалась лестница – он складывался и вытягивался вверх, когда надо было навесить портрет повыше, и раздвигался вширь, поднимая с полу очередной из принесённых портретов.

Когда он закончил работу и, не попрощавшись, вышел, оставив дверь распахнутой, я тихонько встал и посмотрел ему вслед, удостоверившись, что ни к кому из соседей он не зашёл, а вышел прямо на улицу и смешался с праздничной толпой.

Глядя на оставленные портреты, трудно было поверить, что повесил их Карлик. Сами портреты были выполнены почти фотографически, и я очень жалею, что не могу предъявить их читателю в качестве доказательства истинности всего, чего я касаюсь в своём описании. Очень мудро поступил Гулливер, который вывез из Лилипутии карликовый скот, хорошо прижившийся и расплодившийся впоследствии в Англии. К сожалению, Гулливер не сообщил подробно, были ли среди этого скота Ослы и Козлы. Но на этот вопрос с достаточной определённой ответила сама история.

У меня не сохранились эти почтенные портреты, часть из них погибла во время пожара, часть во время наводнения, оставшиеся были искоренены вместе со стенами в период борьбы с беглецами в башню из слоновой кости.

В Козландии всюду говорило радио. Но Карликам было мало слышать, им захотелось видеть друг друга, не путая по голосу с Великанами. Великаны были брошены на создание кино и телевидения.

Первые варианты кино были немymi. В этом увидели козни создателей, которых заменили новой группой, создавшей обычное кино. Но и здесь без коварства не обошлось: кино оказалось... чёрно-белым! Это бросало тень на многокрасочную действительность тогдашней Козландии.

Наконец, новая группа разработала цветное кино. Разработавших разогнали за то, что они этого не сделали раньше, а Карлики всерьёз и надолго увлеклись кинематографией. В ней они увидели адекватную «иксацию» жизни.

Они снимались поодиночке, группами, семьями, поколениями. Возможно, что некоторые кадры из этих кинохроник злодейски использовались потом в нашем Ареале в эпоху Великого смывания художеств.

Была попытка дать возможность Великанам сыграть Карликов. Это была эпопея, посвящённая неуклонному росту Карликов. Было неэтично играть самим в таком фильме. И на киноленте Великаны делали вид, что росли, строили дома всё выше и выше. Издали можно подумать, что в таком доме живут Великаны, а на самом деле такой дом был разбит на карликовые этажи, на каждом из которых обитали Карлики нормального роста.

Вкуса у Великанов не было никакого, даже составляя домашнюю библиотеку, они ухитрились ставить рядом две книги с корешками самого взаимно неподходящего цвета.

Когда дело дошло до застолья, оказалось, что ни один Великан не может съесть столько, сколько Карлик. Что уж там говорить о выпивке!

Ещё в этой ленте было видно, что очень многое плохо лежит. А Великаны делали вид, что не замечают того, что плохо лежит, хотя им-то ещё как видно!

Очень глупо выходило с изображением принципиальности. Когда Карлик отстаивал принципы, он выходил из себя, гневался, и должны были следовать следующие слова: как следует! кому следует! куда следует! Великан никак не мог последовать этому примеру, стоило ему выйти из себя, как он тут же выходил из кадра.

А когда в одном месте хорошее общество решило на досуге перекинуться в картишки, эти недотёпы стали перекидывать друг другу рулоны географических карт, потом разворачивали и читали вслух, у кого что окажется: физическая, политическая, административная. У кого оказывалась физическая, тут же подвергался физической экзекуции – по полушариям. У кого оказывалась административная, подвергался административному взысканию. У кого политическая, тех отправляли в политическую ссылку, где, как полагали, изготавливаются географические карты.

Возмутительно было отражено решение вопросов на собраниях. Там, где должно было быть много Карликов, поместилось лишь несколько Великанов, что оставляло неприятное впечатление, как будто нет кворума.

Отношение Великанов к женщине было поистине отталкивающим. Великан как бы боялся её память, говорил так, словно старался её не оглушить. И женщина тоже начинала чувствовать себя иначе, даже сами движения становились более проникновенными, не такими резкими и угловатыми, какими им полагалось быть – с точки зрения Карликов – у обыкновенной раздвижной карликовой Икс-хромосомы.

Изображая отдельные типы, Великаны опять-таки всё извращали. Их поэты твердили о каких-то высотах духа, имея в виду какую-то пресловутую духовную высоту, превышающую даже такие материальные предметы, как высоковольтные вышки, высотные здания, каланчи и телебашни.

И всё это тогда, когда на самом деле карликовые поэты в основном рыдали, обнимая карликовые берёзы и гордясь ими.

Художники, представленные Великанами, пытались изображать какой-то внутренний мир, тогда как интерес мог представлять только мир внешний. Официальные карликовые художники изображали лицо со всем его недостатком, с чадами и домочадцами, мебелью, портретами предков, со всеми регалиями, сервизами и документами. Хороший портрет Карлика напоминал свифтовского лапутянина, который брал с собою все необходимые для разговора предметы, здесь же антуражем были все предметы, которыми владел их обладатель.

Что же касается музыки, которая играла какую-то роль в представлении Великанов, то до Карликов она вообще не доходила, хотя она включала как высокие, так и низкие тоны.

В этом фильме абсолютно не были отражены основные достижения Карликов, как будто всё на свете разрабатывалось одними Великанами. Например, решение проблемы пьедесталов. Чтобы их не воздвигать каждый раз для нового Карлика, достигшего уровня памятника, было предложено новые памятники воздвигать прямо и непосредственно на головах прежних. Так осуществлялась формула: Мы карлики на плечах великанов.

И что самое главное, фильм этот нельзя было показывать по телевидению: потому что Великан не входил в телеэкран.

Таким образом, фильм был снят, а все Великаны вырезаны.

Последние свидетельства о Козландии таковы: это огромное пространство, усеянное рогами и копытами. Рога, как правило, были скрещены, изображая либо Икс, либо Игрек.

Медвежандия

Версия, касающаяся Медвежандии, отличается множеством вариантов. Во всяком случае, я с самого начала отвергаю все те точки зрения, согласно которым Медведь, о котором пойдёт речь, был белым.

Медведь, которого звали Кирилл, в честь братьев Кирилла и Мефодия, сидел в своём медвежьем углу и, видимо, страдал от какой-то медвежьей болезни.

Здесь его и застали окрестные мужики, под деревом, которое отнюдь не было сандаловым.

О чём он под деревом думал, было неизвестно, но он был так углублён в свои думы, что не заметил, как мужики взяли его под микитки и отвели в населённый пункт.

Населённый пункт был невелик, между крайними домами ходил трамвай, но из-за остановок быстрее было ходить пешком, потому население им не пользовалось.

Для популяризации трамвая кондуктором хотели назначить Кирилла. Так можно было убить сразу двух зайцев, пусть медведь и не волк, но зайцы его тоже должны бояться, и проблема безбилетников будет успешно решена.

Но Кирилл водить трамвай не умел и к другим хозяйственным работам не был приучен. Возиться с ним не стали и отдали его в райцентр в зверинец.

В зверинце Кирилл вёл себя странно. Все звери, как звери, сидели в клетках и на людей глазели, люди были все разные, занятные, большие деньги платили за то, чтобы зверям показаться. А Кирилл сидел к ним всё время задом. Отучить его пытались, но ничего не вышло, невдомёк было служащим зверинца, что Кирилл хотел туда же смотреть, что и люди, ведь раз смотрят, значит что-то там есть интересное.

Это раздражало людей, но зато известный укротитель нашёл это поведение достойным поощрения. Он испросил Кирилла в своё распоряжение.

Укротитель учил Кирилла в основном ходить на четвереньках. У укротителя это получалось хорошо, у Кирилла же всё хуже и хуже. Кирилл уже знал, что укротитель ходит на службу в метро, а в метро на четвереньках не пускают. Кириллу очень хотелось побывать в метро. Прежде ему хотелось смотреть туда, куда все люди смотрят, теперь ему захотелось побывать там, куда все люди ходят.

Когда укротитель засыпал, Кирилл имел обыкновение обувать его домашние тапочки, прошаркивать в них в библиотеку и выискивать книги, где говорится о жизни и деятельности людей. Он прочитал «Жизнь животных» Брема, всего дрессировщика Дурова и художественное – кое-что из Киплинга и из Милна. Из современного – роман «Синий Халат Вселенной, или Ваше Звероподобие». В учебнике астрономии прочитал, что есть Большая и Малая Медведицы, ему стало приятно оттого, что у него есть родственники и на небе.

Но это спокойствие длилось недолго, так как укротитель от отчаяния, что не может сделать из Кирилла человека, стал окончательно спиваться и первым делом пропил книги, так что Кириллу нечего стало читать. Кирилл с ним за компанию не пил, и укротитель пил один, а последнее время с каким-то Карликом, видимо, потому, что пил уже только лёжа и с достаточно подростком в таком положении неудобно чокается.

В конечном счёте укротитель пропил Кирилла. Пропил чудовищному человеку, соблазнителью, которому Кирилл понадобился в качестве шкуры для украшения своей берлоги. У него уже висели на стене две шкуры, козлиная и ослиная, но их следовало бы постелить на пол, а на их место поместить шкуру Кирилла.

Соблазнитель рассчитался с укротителем и повёл Кирилла дворами, чтобы никто не видел, откуда он добыл свой трофей. Дворняги всю старались нарушить инкогнито Кирилла, пытаясь испортить его шкуру, их не трогал замысел кириллова провожатого. Им было всё равно, кого облаивать и терзать, будь то Кирилл, Фрол Скобеев или братья Гримм. Кирилл же, отмахиваясь от друзей человека, с обидой вспоминал Упанишады, в которых есть собачья удгитха и нет медвежьей. Соблазнитель прикрикнул несколько раз, но слова на собак не действовали, тогда он плюнул, и они тут же разбежались. Здешние собаки почему-то очень боялись воды, видимо, это было следствием потопа.

Но шкура Кирилла уже достаточно пострадала, и соблазнитель, оглядев его, размышлял, соответствуют ли места поражения его будущим рассказам. Получалось, что не соответствуют, так как все поражения были нанесены в нижней части, как будто Кирилла терзали Карлики. Соблазнитель же рассчитывал на такое единоборство, в результате которого он якобы открутит чудовищу голову голыми руками.

Весьма кстати явилась огородница Даша:

– Куда ты его ведёшь, изверг?! – крикнула она из-за забора, а потом появилась сама вслед за выкриком, была она с тлячкой в руках. Всякие штучки соблазнителя были ей знакомы. Ни слова больше не говоря, так как слова на соблазнителя действовали не больше, чем на собак, она поперла на него тлячкой, подхватила Кирилла и умыкнула его от соблазнителя.

– Какой ты мягкий! – нежно сказала она уже Кириллу, когда поняла, что ведёт его не за борт пиджака, как сначала подумала, а за клочок шерсти. – И волосатый!

У Даши Кириллу было хорошо. Хотя читать было нечего. Пришлось смотреть телевизор, по которому показывали то дождь, то снег, то ветер, слабый до умеренного, то солнечную погоду, интересную, однако, только в цветном изображении. Особенно захватывало Кирилла зрелище зимней игры, когда несколько человек медведей, разбившись на две противные группы, загоняли одни других в медвежий угол при помощи круглого надутого предмета. Когда предмет попадал в один из углов, показывали уже тех медведей, которые ликуют, непосредственного участия в загонах не принимая.

Даша тоже ликовала, но как-то односторонне, лишь тогда, когда круглый предмет попадал в угол только одной из сторон. Кирилл понял так, что ей была дорога честь только одного из этих двух медвежьих углов.

Иногда в минуту такого порыва Даша обращалась к нему:

– Возьми меня в жёны, Кирюша!

Кирилл долго думал, потом отвечал:

– Ничего не получится, Даша, нас не распишут. Во-первых, я считаюсь как бы иностранцем, во-вторых, я как бы нарушаю паспортный режим.

– Да ты же умный, Кирюшка! Придумал бы что-нибудь!

– А что придумывать-то? Что, ты мужика себе найти не можешь?

– Да что ты! Мужик-то нынче какой? Всё бабе на шею сесть норовит. А огород копать не может. Как похожу с кем день-другой, спрашиваю: «А огород копать можешь?» На следующий день его уже и не сыщешь. А у тебя все четыре руки золотые, вон как мне всё прополот...

- Да это у меня потомственное. Берлоги рою.
- И продукты вон как здорово носишь! Я в зубах столько не унесу, да и мужик никакой не унесёт. От этих слов Кирилл млел, а Даша уже на ухо ему шептала:
- Душевный ты! И непьющий...

Так бы всё хорошо, но стал Дашу беспокоить участковый, мол, живёт у неё без прописки. Даша и так и этак, не помогает. Студент, говорила, снимает угол. А участковый – не положено, говорит, и справки где? Родственник дальний, она ему, погостить из города приехал. Вид какой? А какой такой вид? Вид у них там сейчас самый модный! Не работает? Ещё как работает! А оформить, так почему бы и не оформить, завклубом можно. Он малину заведёт? Так пусть хоть малину заведёт! Мы ему всем миром проигрыватель купим!

Участковый махал рукой, но ясно, что до поры до времени.

Как-то по телевизору не было игр, показывали в основном народ в яме, над которой кто-то очень изголодавший махал веточкой, мол, вылезайте, и тут же – опять сидите, но они там делали своё дело, один стучал в пень, другие пытались порвать очень прочную паутину, и в результате был раздражительный гул, словно от большого пчелиного роя. Кирилл забеспокоился и выключил прибор.

Стало скучно, и Кирилл, блуждая взглядом по стенам, остановился на божнице.

- А это кто? – спросил он Дашу.
- А это Богородица, Иисус и Иоанн Предтеча.
- Ну и кто из них главный?
- Иисус главный.
- Он кто?
- Бог.
- Что такое Бог?
- Ну, это, который выше всех. Не понять тебе.

Кирилл вспомнил про Большую Медведицу, обиделся за такой упрёк, помедлил и спросил ещё:

- А Предтеча – это его папа?
- Татарин ты! Предтеча, это он учил, что вот придёт тот, который станет впереди его.
- Он, значит, очередь за него занял?
- Кирилл! Бог с тобою! Это он свидетельствовал о свете, но сам не был свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. И этот мир этот свет не понял.
- Кто кого не понял?
- Мир не понял. Мир был тьма, и тьма свет не поняла.
- Ну, так оно не бывает. Если тьма, и ты, скажем, в берлоге, то если уж потом тепло и свет, так сразу поймёшь – вставать пора...
- Вставать пора, вставать пора! Это свет – свет для тех, кто спит. А здесь о том свете речь, который духовным оком понимать надо!
- Оком я не пойму. Вот если шкурой, тогда другое дело.
- Вон как ты заговорил! Да что с тебя взять! Тёмный ты человек, даром что медведь.
- Тёмный, а ты объяснить толком не умеешь. Свет, мир, кто перед кем стоит! А по мне, так никакого Бога нет. Вот ведь по телевизору его не показывают? Не показывают. А чуть чего, напоминают, что его вообще нет, а то бы обязательно показали по всем каналам.
- Так его-то показать нельзя. Он сам показывается, является то есть, да не всем, а тому, кто свят!
- Это ты-то святая?
- Я-то не святая, мне он и не показывается. На то у меня и икона, чтоб без показа его видеть. Понял?
- Не понял. Я так понимаю, если он есть, так у него и заместитель есть, а если его нет, тем более должен быть заместитель, когда его нет...
- Даёшь ты, Кирюшка! Да это ж ересь католийская! Это у них папа есть, как будто замещает...
- Папа? Нет уж, если папа, так, по-моему, лучше так, что Бог есть, а папы никакого нету.
- Да он хоть и есть, для нас он никто.
- А я знаю, кто для нас кто.
- Кто, Кирюшка?
- Участковый, вот кто. Его и по телевизору часто показывают, правда, в актёрской форме.

Он снова подумал о Большой Медведице, а она задумалась о родственниках, которые ей уже давно намекали, что пора бы ей им своего показать, а то так всё не по-людски, может, он у неё кривой какой или косолапый, да всё это так, лишь бы человек хороший.

Утром, когда Кирилл поливал огурцы, мимо на велосипеде проехал соблазнитель. Слез с велосипеда, постоял, посмотрел, как Кирилл огурцы поливает, отвёл велосипед домой и вышел снова, уже при параде. Орденов только не хватало.

– Кирилл, дело есть!

– Ну, что тебе? – буркнул Кирилл.

– Зла на меня не держишь?

– Да не держу!

– Тогда айда со мной. Меня две девахи ждут на метро «Пельменная», а приятель мой в собрании сидит. Пошли, а?

Кирилл давно мечтал побывать в метро. «Девахи – дело нехитрое, – решил он, – зато прокачусь». И он согласился.

В метро на эскалаторе Кириллу первым делом посоветовали стоять справа, так как слева проходят. Он посторонился и наступил кому-то на ногу. «Медведь!» – рявкнули на него. «Ну и что, – подумал Кирилл, а вслух сказал: – Простите чистосердечно!»

Вагон с автоматическими дверями был похож на большую светлую берлогу, где было много людей, которые не обращали никакого внимания друг на друга. Наверное, ехали они так вместе уже несколько лет и потому порядочно поднадоели друг другу. Рядом с Кириллом оказалось существо, уткнутое в книгу, которую Кирилл не встречал в собрании укротителя. «Не будете ли вы так любезны, чтобы назвать мне заглавие книги?» – вежливо спросил Кирилл. Существо передёрнулось, но ничего не ответило. «Ферцайен зи, абер их мёхте нур ден тителъ дизес бухес виссен». Никакого ответа. «Же ву деман пардон...» Существо встало, показало Кириллу обложку, где было написано: «Перхоть. Стихи зрелых поэтов» – и отошло в другой медвежий угол вагона.

На станции метро «Пельменная» их действительно уже ждали двое в брюках. «Ага», – сказала одна. «Гага», – сказала другая. «Мой друг Рольф, кинопродюсер», – представил Кирилла соблазнитель, как договорились. «О'кей», – сказал обеим, как договорились, Кирилл. «В кафушку “Жёлтенький домик”?» – предложил соблазнитель. «О'кей», – сказали Ага и Гага.

Уже за столиком Ага спросила Кирилла: «А ты можешь сводить, если будут крутить фильмы из-за угла?» – «О'кей!» – ответил Кирилл, как договорились. «Статично!» – с восторгом сказала Ага. И ушла в туалет. «А меня сводить тоже можешь? А то такая ностальгия!» – спросила Гага. «О'кей!» – сказал Кирилл, как договорились. Пришла Ага, и Гага ушла в туалет. «А дублёнку такую же клёвую, как у тебя, можешь сделать?» – «О'кей», – сказал Кирилл, он же Рольф. Пришла Гага, и соблазнитель ушёл в туалет. «А ты этого кадра давно знаешь?» – спросила не то Ага, не то Гага. Про этот вопрос никак не договорились, Кирилл полез почесать затылок, растерялся совсем и вынул изо рта галош. Галош купил ему по дороге соблазнитель, чтобы Кириллу было что жевать и смахивать на Рольфа. Ага и Гага потеряли дыхание. «Это я так. От дождя», – смешался совсем Кирилл и померил галош на голову. Ага и Гага сияли от счастья. К счастью для Кирилла, заиграла музыка, и Ага пригласила его танцевать. «У, танцуешь ты, забалдеть можно. Статично!» – сказала Ага. Рядом с ними статично динамировали соблазнитель с Гагой. Танец напоминал движения грузчика с ящиком в руках, не знающего, в какую сторону поставить ящик. Потом снова сели за столик, и Кирилл всё время говорил «О'кей», а когда у него выпал галош под стол и он за ним наклонился, Ага шепнула Гаге, что он такой сексапильный. Потом подошли к столу два акселерата лет по сорок, стали говорить: «Ай да девочки!», а соблазнитель тут же испугался и независимо покинул общество. Кирилл не знал, говорить ли ему дальше «О'кей», и акселераты сказали ему: «Пойдём выйдем», и он-таки сказал: «О'кей». Они, видимо, возымили виды на Агу с Гагой и повели Кирилла в туалет, где, как он предположил, должны были предъявить ему свои большие права на Агу с Гагой. Но в туалете они почему-то предъявлять права не стали, а подступили к Кириллу со взятием за грудки, отчего тот удивлённо развел руками, и акселераты упали. Подоспевшие дружинники бережно подняли акселератов, в то время как некий бритоголовый малый увлёк Кирилла из туалета и поспешно вывел на улицу. «Лучше не связываться», – приговаривал он.

Когда они остановились за углом отдышаться, малый спросил его: «А ты знаешь, кого ты уложил? Ты первую перчатку сапоговаляльного техникума уложил! Он тут главарь местных хипарей. Ну, брат, ты, оказывается, смел! Только теперь держись отсюда подальше. А мы с тобой одну штуку провернём...»

Малый оказался тренером, он готовил команду стоматологов для товарищеской встречи с командой пациентов. Тренер хотел выставить Кирилла в тяжёлом весе.

Кирилл действительно проявил способности, помяв всех товарищей по команде, некоторых пришлось отправить к костоправам. Тренер показал ему два-три приёма в стойке и один в партере, сказал, что это будут его коронки. Кирилл не понимал, зачем ему коронки, если все зубы в порядке. Но потом решил, что это нужно для престижа команды стоматологов.

После нескольких занятий тренер решил, что Кирилл подготовлен, и остальные тренировки перенёс в баню. Надо было привести вес в порядок. При входе в парилку путь Кириллу преградил банщик: нельзя в одежде! Тренер сунул ему в потную руку рубль, и тот впустил. После парилки Кирилла задержал при выходе другой банщик: нельзя без одежды! Тренер сунул ему рубль, и тот выпустил.

Замысел лопнул только на самом ковре. Рефери осмотрел Кирилла, подошёл к судейскому столику, переговорил с коллегией и, вернувшись на ковёр, поднял руку кириллова супостата. «Дознались, что я не стоматолог», – мелькнуло в голове у Кирилла. Однако всё оказалось ещё хуже, его сняли с соревнований за нестриженные ногти.

Нет нужды перечислять все перипетии его дальнейшей земной жизни. Он нанимался нянчить младенцев, давал частные уроки для поступающих в вузы, служил администратором в гостинице, одно время пробовал быть скульптором.

Последнее время он был занят в научно-исследовательском институте. Его испытывали на пребывание в одиночестве, заключая в уютную берлогу с кислородным питанием, крутили на центрифуге, делали эксперименты на совместимость, сажая в замкнутые пространства вместе с разговорчивыми партнёрами, с которыми он всегда находил общий язык. Его увешивали датчиками и счётчиками, и он терпел, полагая, что будет, в конце концов, запущен в космос, где сможет приблизиться к Большой Медведице. Но в космос его всё не посылали, и он уже подозревал, что не подходит по какому-нибудь из пунктов, но вдруг оказалось, что его готовят к операции по пересадке мозга, срочно понадобившегося какому-то выдающемуся мыслителю, собственный мозг которого очень устал.

Это известие вселило в Кирилла новую гордость за собственную голову, но потом он возмутился: такую голову лучше оставить на собственных плечах. И как-то вечером, когда дежурила симпатизировавшая ему сестра, он, подобно Керенскому, масону 33-й степени посвящения, бежал, переодевшись женщиной.

Через какое-то время он уже добрался до своих.

Свои приняли его сперва настороженно, но потом он заслужил авторитет своими рассказами о приключениях у братьев по разуму.

Но разговоры разговорами, а жизнь требовала дела. Кирилл пытался привить сородичам какие-то ремёсла, но они в большинстве своём оказывались излишними. После неудачи со школой перипатетиков (трудно было вести, гуляя, философские беседы, так как деревья всё время отделяли учителя от учеников) Кирилл решил осуществить общее руководство. У людей он немало рассмотрел на статуи с указующей дланью (статуя Свободы и пр.). Сородичи только и ждали, чтобы им указали правильный путь, и Кирилл, указав его, сам двинулся во главе общества. Общество наращивало скорость, следуя за ним, но однажды он остановился, чтобы призадуматься, куда же вести дальше. Он не рассчитывал, что инерция масс, как правило, превышает инерцию вовремя остановившегося вождя. И Кирилл, бывший, по сути дела, всю свою долгую жизнь неудачником, был смят и растоптан последователями, которые, продолжая наращивать скорость, смели с лица земли всё прочее население. Обернувшись в своём беге несколько раз вокруг планеты, они осели и стали ждать второго пришествия Кирилла. Так образовалась Косолапландия-Медвежандия.

Пожалуй, я слишком затянул изложение эсхатологических версий. Но что поделаешь, перетолки об этом питали умственную атмосферу внутри колпака. Были ещё апокрифы о некоем Обезьянопо-

лисе, городе, населённом потомками людей. Обезьянополис был не один, а множество, существовали даже карты с подробными описаниями, ими не по назначению пользовались уже в Козландии.

Есть домыслы, утверждающие существование этих держав всех вместе и касающиеся их якобы взаимоотношений. Так, сильные Осландия и Козландия боролись за право влияния на развивающуюся Косолапландию-Медвежандию. Обезьянополис сохранял нейтралитет, так как настолько гордился своим происхождением, что ни с кем связываться не хотел.

Есть версии, доказывающие, что эти державы были не одновременно, а происходили друг из друга. Дихотомические процессы в Осландии привели к тому, что делиться стали не только внешне, но и внутренне (нечто подобное предлагалось в диалоге Платона «Пир», где боги разрубали андрогинов на две камбалоподобные части, намереваясь разрубить их и дальше, если этого потребуют невыносимые обстоятельства). Делясь внутренне, делимые становились всё элементарнее и элементарнее, пока не пришли к искомому виду хромосом, т. е. Икс- и Игрек-Карликам, которые основали Козландию. Козлы отпущения, оказавшиеся в медвежьем углу, основали Медвежандию, причём утверждалось, что как только Великан величиной, скажем, в 1000 Карликов становился козлом отпущения, то без него начинали почему-то хиреть 1000 Карликов, пусть даже до этого и в глаза не выдавшие того Великана.

Обезьянополис мог возникнуть в том случае, когда медведи под утраченным водительством Кирилла сметали всех с лица планеты. Обезьяны находились в то время на деревьях и остались не вытоптаннами. То, что могло произойти потом, реконструируется из весьма дарвинистского апокрифа, который тоже был записан на внутренности колпака и своевременно смыт. Моя память передаёт этот текст таким образом:

Когда некоторые обезьяны
Спустились с деревьев,
придя к мысли о необходимости
стать свободными людьми,
прочие некоторые
продолжали висеть на деревьях:
«Мы не дураки!» –
делали они знаки ногами.

Спустившись с деревьев,
пришли затем к мысли,
что надо идти дальше,
чтобы на просторе оглядеться,
приглядеться друг к другу
и прийти к последующим мыслям.

Болтающиеся на ветках
страшали сошедших,
делая вид, что им сверху виднее –
сегодня сошли с деревьев,
завтра сойдёте с ума, –
что с вас взять,
от дураков надо держаться подальше...

Спустившись с деревьев,
на прощанье махали руками:
«Дураков бояться –
из лесу не выходить!»

Вот все эти версии, от благих намерений ведущие к катастрофам. Не всем хотелось, имея какой-то исторический опыт, жить с риском дихотомического размежевания или под угрозой оказаться козлами отпущения для какой-то объединившейся изобретательной мелочи. Могут и медведи растоптать во время очередной тренировки, ведь обезьяны явно обратно к себе на деревья не возьмут, да и деревья наперечёт.

Поиск независимости от истории привёл некоторых не к «выходу из лесу», а к идее создания автономного Ареала силами водолазов и околпачивателей.

Это тоже было благое намерение.

Никто не рассчитывал на моё появление, на мою странную страсть что-то запоминать, сравнивать и записывать. Придворным сочинителям исторического времени было удобно: они спрашивали, что и как писать, и, если что-то не так писали, постоянно исправлялись, за что их и держали. Здесь же в целом пришли к полному отрицанию так называемого нематериального творчества. Да и почти инстинктивно преследовали всякий интерес к действительно происходящему.

Моё пристальное любопытство к происходящему не могло остаться незамеченным.

Находящиеся внутри Ареала непотомственные, те, кто непосредственно не участвовали в грандиозном строительстве, замыслили недоброе, и не мог от них ожидать добра тот, кто был способен раскрыть их замысел.

Непотомственные устраивали различные демонстрации, вплоть до демонстрации кинофильмов, лишь бы усыпить бдительность трудящихся потомственных. Таким образом, они ожидали, что, как только сомкнётся колпак, ситуация будет такой: водолазы останутся вне Ареала, и к тому же без воды, так как непотомственные замуруют все входы, стоит только кромешной воде всей войти внутрь. Околпачиватели останутся на поверхности колпака снаружи.

Ни те ни другие не смеют, согласно программе, портить своё создание.

И вот тогда непотомственные отделятся от материка, а затем, выпуская постепенно воду, отделятся и от всей планеты, так как водяная струя создаст необходимую реактивную тягу – естественный жидкостный реактивный двигатель.

По мнению непотомственных, я был единственным, кто мог бы, пользуясь письменностью, выдать информацию об их замысле либо современникам, либо потомкам. Собственно говоря, из-за того они и проводили кампанию по смыванию. То, что за колпаком не было грамотных, им не было известно, так как и они были весьма малограмотны.

– Ну что, всё пишешь? – как-то спросили меня непотомственные в непромокаемой одежде.

– Да так, помаленьку, – скромно ответил я.

– А пользуешься ли ты условностями? – спросили непромокаемые.

– Нет, я в основном пользуюсь слухами, – ответил я, поскольку слухи были критерием истины для непромокаемых.

– Да мы тебя не об этом спрашиваем, – уточнили те, – мы спрашиваем, в каких условиях ты пишешь, может, тебе чего не хватает?

Я ответил, что условия, как у всех.

– Это плохо, если как у всех. Все не пишут. Тебе надо создать отдельные условия. Ты должен быть ближе к жизни и в то же время ближе к искусству. Мы поможем тебе прийти в надлежащее творческое состояние.

И они помогли. Они втолкнули меня внутрь памятника Великой Случайности, заткнули пробкой выход и написали снаружи: «ИКСпонат не трогать, он творит».

– Пусть зреет духовно и физически! – сказали они друг другу и стали расплываться, пока вдруг не исчезли совсем.

А потом исчезла и вода, в которой они исчезли.

Конец второй скрепки

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессионала». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020 году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Непал

Винтажный роман

Завершение

Начало в № 1(37)-2020, продолжение в № 2, 3, 4, 5

ЧАСТЬ VI. ВСЁ СХОДИТСЯ

Пролог

Агартха

Один из главных деятелей Третьего рейха и нацистской партии рейхсфюрер СС и рейхсминистр внутренних дел, военный преступник Генрих Гиммлер, с детства верил в мистические идеи и оккультные теории. С получением высоких властных постов этот интерес, а также возможности его реализации только усиливались.

Именно он, второй человек в Рейхе, основал в 1935-м «Аненербе» – «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики». Многие разгадки сложных вопросов мироздания Гиммлер, с помощью СС и «Аненербе», искал... в Гималаях.

Почему там? Ну как же! В Гималаях вечный лёд, всемирный лёд. А лёд – один из первоэлементов природы, из него созданы и планеты, и спутники, и эфир. Предки арийцев, нордические сверхлюди, появились на свет именно в вечных снегах. Лёд дал им силу и чистоту. Но в какой-то момент Луна, тоже созданная из льда, врезалась в Землю. На планете резко потеплело, лёд растаял, и человечество погибло. Но истинные арийцы смогли выжить, причём только в Гималаях. Таким образом, теория всемирного льда – это не что иное, как истинно арийская альтернатива «еврейской теории относительности». И нужно искать её подтверждение в стране гор и льдов.

В декабре 1938-го немецкая экспедиция пересекла границу Тибета, а после Нового года вошла в священную столицу Тибета – Лхасу, где состоялась «встреча западной и восточной свастики». Контакты с тибетскими ламами превратились в череду празднеств с обильными возлияниями. «Пиво лилось рекой, а граммофон играл немецкие песни», – писал современный историк.

Однако посланники фюрера пришли сюда вовсе не за этим. Во второй половине 30-х годов руководство Германии не определилось полностью, с кем будет воевать. Один из планов состоял в том, чтобы при поддержке СССР вторгнуться в британскую Индию, лишить англичан ценнейшей колонии, а затем добить их на родных островах. Немцы пришли посоветоваться с ламами по поводу реализации своего замысла. Ламы были польщены таким вниманием. Правитель Тибета Радренг Ринпоче написал послание «его светлости господину Гитлеру» и отправил ему подарки: легендарную собаку гор – тибетского мастифа, золотую монету и мантию далай-ламы. В августе 39-го экспедиция вернулась в Германию.

Ходили слухи, что тибетские щедроты коснулись и Гиммлера: путешественники привезли ему эликсир бессмертия. В мае 1945-го, после пленения, рейхсфюрер выпил снадобье – тогда все решили, что это яд, и он смертельно отравился; на самом деле нацист не умер, а сбежал – то ли в Южную Америку, то ли... на другую планету.

Но имелись и факты. 26 февраля 1945 года в Непал прибыла экспедиция «Аненербе». Её участники имели английские паспорта, везли с собой два ящика британских фунтов, золотые слитки и бриллианты. Чиновники короля Трибхувана получили солидное вознаграждение за то, что не доложили британской миссии о гостях из СС. А нацисты, маскируясь под англичан, наняли сотни местных жителей для раскопок подземелий старинного храма Сваямбунатха в Катманду. При этом «Аненербе» использовало карты, привезённые из экспедиции 1939 года. Согласно им, как раз под храмом расположен вход в древнюю мифическую страну Агартху.

Агартха, по представлениям буддистов, – это подземный мир, в котором древнейшая раса управляет судьбами всего человечества. В Агартхе имеется зеркальный зал тысячи дверей, и каждая дверь олицетворяет определённый год: войдя в неё, можно быстро перенестись в прошлое. Если человек откроет одну из дверей Агартхи, он не вернётся обратно живым – в прошлом появится лишь его труп. Зато таким образом можно передать письмо...

Немецкие «археологи» намеревались решить две задачи. Первая – доставить в Берлин воду из «фонтана бессмертия», который находится в Агартхе. Вторая – направить в прошлое сообщение, чтобы Германия не атаковала СССР 22 июня 1941 года, иначе это приведёт к краху Рейха.

Учёные «Аненербе» полтора месяца вели раскопки в Катманду, но их результаты остались неизвестными и в XXI веке. Затем немцы направились на границу с Тибетом и попросту исчезли, растворились в Гималаях. Однако архивистам оказались доступны сведения об одном из исследователей «Аненербе» в Непале – учёном Петере Ауфшнайтере. С 1929 года этот опытный картограф участвовал в тайных изысканиях СС в Индии и Непале. В январе 46-го Ауфшнайтер, единственный уцелевший из всей группы, неожиданно объявился в Лхасе. Картограф живёт в Тибете, а затем, после вторжения сюда китайских войск в 1952-м, перебирается в Индию, потом в Непал, получает местное гражданство и двадцать лет, вместе с «проверенными людьми», продолжает работы в этих странах.

Всю жизнь Петер хранил молчание о делах 45-го и лишь один раз, незадолго до своей смерти в 1973-м, когда уже вернулся в Австрию, упомянул о сотрудничестве с секретным отрядом СС «Чёрный орёл», который выполнял в Катманду в конце войны задание Гиммлера. О сути задания Ауфшнайтер говорил так: «Рейхсфюрера интересовало, есть ли шанс повернуть время вспять в вопросе войны с Россией»...

Ещё один тесно связанный с Гималаями немец, Пауль Бауэр, не был ни мистиком, ни нацистом. С началом Первой мировой войны он добровольцем ушёл на фронт, а конец войны провёл в английском плену. По возвращении из плена учился в Мюнхене на специалиста в области права, во время учёбы увлёкся альпинизмом.

В 1928 году Пауль возглавил первую послевоенную немецкую экспедицию на Кавказ, где штурмовал вершины и налаживал дружеские связи с советскими альпинистами. В 30-х руководил или участвовал в пяти немецких гималайских экспедициях на восьмитысячники Канченджанга и Нанга-Парбат. Сумел достичь высоты 7700 метров.

Почётный член Австрийского и Гималайского альпинистских клубов, обладатель золотой медали X летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе за книгу «Битва за Гималаи», Пауль Бауэр стал основателем и руководителем Германского гималайского фонда. А Петер Ауфшнайтер совершал экспедиции вместе с Бауэром.

С началом Второй мировой войны Пауля Бауэра назначили руководителем военной школы горно-стрелковой подготовки в Австрии, а в 1942–1943-м в звании майора он командовал горно-стрелковым батальоном и участвовал в боях на территориях СССР – Центральном и Западном Кавказе...

Всё сходится.

ГЛАВА I

Предыдущее

Немецкие парни

Непогода в горах... Ох, уж эта непогода! Хуже нет ничего. Уж не помню, рассказывал или нет о ситуации, когда, например, группа альпинистов идёт на восхождение, а товарищи – остающиеся в лагере или встретившиеся на маршруте – желают ей, представьте себе, не удачи, не успешного штурма, а... погоды. Так и говорят, прощаясь и напутствуя: «Погоды!» Всё прочее, мол, приложится.

Я точно рассказывал про шаровую молнию и про то, как бард Юра сочинял в кавказском альплагере «Узункол» песню «Непогода в горах, непогода...». А Гималаи что, исключение? Как бы не так: они, скорее, правило. И вот опять непогода.

Слава богу, что мы не штурмуем Эверест или Лхоцзе. Мы вообще ничего не штурмуем. Мы с товарищами пришли в уже известный читателю район Аннапурны – первого восьмитысячника, взятого человеком, французом Морисом, в далёком 1950 году. На Аннапурну – ни на главную, ни на Южную – мы тоже не собираемся. Достигли базового лагеря священной вершины Мачипучаре на 3700 метров и... стоп: всё заволочло туманом, непрерывно валит снег. Можно, конечно, повернуть назад. Некоторые опасности в этом случае подстерегают, но уж точно не смертельные. Однако задача-то у нас совсем другая. Она заключается в том, чтобы добраться до базового лагеря Аннапурны – АВС – на высоте 4200 и посмотреть на великолепный цирк с панорамой «семейства» одноимённых вершин. Идти-то до АВС с нашей стоянки всего два часа; ну, ладно, в непогоду три или четыре, но что толку: никакого цирка и вообще ничего не увидишь. Так что ждём. Чего? Чего же ещё – погоды.

Время у нас есть. Резервные дни на гималайских трекингах и клаймингах всегда закладываются, так что суток трое можем просидеть под Мачипучаре спокойно. А чего ж не посидеть? Тут не палатки, тут лоджи с хозяйской обслугой, печкой, газом, готовкой, кроватями и тёплыми одеялами. Здесь виски, кукри-ром и даже французские вина, которых в 90-е не было, а в 2000-е появились. Здесь путешественники.

Надо обязательно сказать об одной любопытной детали, с которой связаны подобные «сидения». Вот ты пришёл в лоджи для того, чтобы покушать, переночевать, а на другой день двигаться дальше. И пусть в это время будет много народу со всех континентов мира, но знакомиться тебе с этим народом особенно некогда за хлопотами, да и незачем. Другое дело, когда ты пережидаешь два-три-четыре дня. Контингент один и тот же, никто никуда не торопится, ты начинаешь узнавать людей в лицо, потом наблюдать за их действиями, а далее естественным порядком происходит знакомство. Ну, помните, как случилось с кумари? Во-от. И здесь то же самое.

Народу в лоджи, помимо нас, человек пятнадцать. Внимание привлекает тройка немцев: один в возрасте за шестьдесят, другой – лет на десять помоложе, а третий совсем молодой. Они достают какие-то тетрадки, карты, фотографии и ведут обстоятельный разговор, не похожий на ленивую беседу с целью скоротать часы. Интересно, о чём? Знакомство вряд ли получится, поскольку никто из нас не говорит по-немецки. Однако вскоре – всё ж на виду, в одной кают-компании – выясняется, что они могут общаться и по-английски; а главное – что третий, самый молодой, вообще русский гид, подрабатывающий и в немецких Альпах, и на нашем Кавказе, и в Гималаях.

А потом меня резануло слово, отчётливо и несколько раз произнесённое слово «Эльбрус». Пусть ничего и не понимая, я стал прислушиваться, приглядываться и – ба! Либо во сне, либо наяву, но одного из немцев я точно видел. Но когда и где? А-а-а! В 1992-м, на этом самом Эльбрусе...

Читателю уже знаком Володя-старший – хотя бы по приключениям с шаровой молнией. Опытный клаймер, он всегда отличался способностью придумывать не только восхождения, но и целые альпинистские проекты. Очередной из них вызрел к лету 1992-го: почему бы к 50-летию военных событий в горах Кавказа не встретиться ветеранам обеих сторон на Эльбрусе и не пожать друг другу руки?! Пусть с ними приедут дети и внуки, чтобы было кому продолжать традицию. И пусть эта акция – её назвали «Эльбрусиадой примирения» – станет примером поколениям сегодняшним и будущим.

Заработал организационный механизм. Пользуясь давними связями московских альпинистов с Баварией, провели переговоры с немцами, и те приняли идею на «ура». Презентация проекта

прошла в Москве, в Доме дружбы народов, под специально выученные бардами Олегом Митяевым и Костей Тарасовым альпинистские песни; потом в Мюнхене, и вот уже готова программа, пик которой приходится на 18 августа 1992 года. В этот день по пятьдесят человек с каждой стороны должны взойти на Эльбрус и установить на его вершине флаги России и Германии.

Надо ли полагать, что немцы забыли о событиях полувековой давности, а мы их вроде как разбудили? Нет, разговоры в ветеранских организациях Баварии шли давно. Не о помпезном восхождении и, конечно, не о флагах на вершине – о том, что у новой России большие экономические трудности, что в Приэльбрусье до сих пор есть объекты, не восстановленные после войны, а значит, надо помочь. Собирали деньги. И тут, как нельзя кстати, пришла идея «Эльбрусиады примирения».

А что случилось именно в эти августовские дни 50 лет назад, есть ли расшифровка туманной фразы «военные события»? Да, есть. 17 августа 1942 года группа немецких альпинистов, руководимая гауптманом 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Хайнцем Гротом, вышла на перевал Хотю-Тау...

Всего три года назад гауптмана звали по-другому – Генрих. Он жил в Баксанском ущелье, в Терсколе, и работал горным инженером на молибденовом руднике в Тырнаузе. Учил русский язык, делал «любительские» зарисовки местности, поднимался на Эльбрус... Я обещал напомнить про то, как «до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою». Вот и пришло время напомнить. О том, что немецкий парень Хайнц-Генрих брал кавказские вершины в 39-м. С «тобою». А также со своими немецкими товарищами – «инженерами» и альпинистами. Теперь, в 42-м, он тоже стоял на перевале Хотю-Тау, откуда виден Приют Одиннадцати – туристическая гостиница на высоте 4200 метров, на отлично выверенных немецких картах его давно обозначили как Elbrushaus. От Приюта идёт крутая, но понятная и проходимая снежно-ледовая тропа на двуглавый Эльбрус. И «свой автомат готовил к бою» теперь просто Хайнц. Но потом...

В советское время многие ветераны кавказской кампании об этом эпизоде знали, но доступные источники информации рассказывали о нём как-то неохотно. Ну да, взял Хайнц Грот в руки белое полотенце и пошёл на Приют – один и без оружия. Там, на метеостанции рядом с Приютом, вроде бы находились несколько метеорологов, которые свою базу покинули – буднично и совсем не драматично. А немцы заняли хижину, без схваток и даже конфликтов. И 21 августа водрузили на Эльбрусе флаги... Вопросы есть? Есть. А наши военные что?

На станции эльбрусской канатной дороги «Мир», на высоте 3500 метров, расположился Музей обороны Приэльбрусья. В материалах музея про историю с Приютом и флагами говорилось следующее:

«Зимой 1942/43 гг. альпинисты – участники обороны Кавказа помогли нашим войскам сбить упорно оборонявшегося врага с Приюта Одиннадцати... Фашисты отбили две атаки советских войск. Третьего удара гитлеровцы не выдержали и начали поспешный отход от Главного хребта...»

Вообще в музее имелось немало подробной информации о героизме наших бойцов на Кавказе. В том числе о том, как доблестные отряды советских альпинистов снимали с вершин фашистские флаги. В музее не хватало информации о том, чем занимались в это время немцы...

А происходило вот что. Когда в 1942-м «немецкий парень» пришёл сюда опять, он встретился уже не «с тобою» – подготовленным альпинистом. Хотя встреча «с тобою» вполне могла состояться, поскольку к началу войны на территории СССР действовало сорок альплагерей, где ежегодно проходили подготовку до 30 тысяч спортсменов. Однако вместо «тебя» пришли совсем другие – неподготовленные. Альпинистов не регистрировали по особой военно-учётной специальности и с объявлением мобилизации стали призывать в армию на общих основаниях, они оказались рассеянными по разным фронтам и широтам. Если кто и попал в горные соединения, то абсолютно случайно.

В Приэльбрусье же вошла 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Хуберта Ланца. Она комплектовалась исключительно из альпинистов, горнолыжников, горных стрелков, имевших опыт ведения боевых действий в горах; оснащались приспособленным для горной местности снаряжением и числились в ряду элитных соединений немецкой армии. Это были *лучшие*, отобранные из многих германских, австрийских, итальянских альпинистов бойцы, *все* с опытом восхождений альпийских, кавказских, как «немецкий парень» Хайнц-Генрих с товарищами, а иные – как мы дальше увидим – и гималайских. Это были егеря – горный спецназ Вермахта.

Взять даже самого командира дивизии. С 1936-го Хуберт тоже числился «немецким парнем», осваивавшим горы Кавказа. Говорил по-русски, свободно ориентировался на местности, совершал восхождения, знал перевалы и охотничьи тропы, заводил кунаков. Позже получил специальное звание генерала *горных* войск.

Кто противостоял «немецким парням»? Части Красной армии, по названию горнострелковые, а на деле неприспособленные для войны в горах. Отличие их от обычных воинских формирований заключалось лишь в том, что автомобильный транспорт частично заменялся на вьючный, а артиллерийское вооружение было несколько облегчённым. Необходимая горная подготовка, снаряжение в этих соединениях отсутствовали. Полбеды, если необученные парни погибали в немногочисленных боях, но нередко дело не доходило и до боя: замерзали, проваливались в трещины, задыхались в лавинах.

Что же касается экипировки немецких егерей, то приведу некоторые детали из многих: у них – лёгкие альпийские ботинки, подкованные триконами – стальными зубчатыми набойками – на подошву для передвижения по льду; на ногах советских солдат – кирзовые сапоги, в подошвы которых для устойчивости на скользком рельефе вворачивались шурупы и забивались обычные гвозди.

У немцев – ледорубы, у наших, в лучшем случае, – лыжные палки.

Егерям выдавались индивидуальные спиртовые кухни, примусы, тёмные очки. Солдаты обеспечивались специальным высококалорийным питанием. У красноармейцев этого не было.

В 42-м наступило «прозрение». По личному приказу заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР Лаврентия Берии на Закавказский фронт стали собирать альпинистов со всей Красной армии. Они приступили к боевой горной подготовке солдат и командиров. Берия также добился отмены приказа Иосифа Сталина о запрете призыва в армию горцев-сванов, что оправдало себя: сваны оказались отличными проводниками и разведчиками. В ноябре 42-го в грузинском посёлке Бакуриани открыли Школу военного альпинизма и горнолыжного дела, где преподавал уже знакомый читателю Виталий Абалаков. Помимо этого, в Казахстане и Киргизии начали работать 26 специальных военно-учебных пунктов горной подготовки.

Короче говоря, развернулась обычная история: гром грянул – русский мужик перекрестился. Жаль, поздно: наши упустили время, а немцы прочно встали на ряде ключевых перевалов...

Зачем я так далеко ушёл от Непала? А затем, что одним из немцев, встреченных мной под Аннапурной, оказался Томас, сын Хайнца Грота. С Эльбрусом связан сам факт рождения Томаса: он был зачат ровно тогда, когда гауптман за свою громкую акцию с флагами получил отпуск на родину. В семье Томаса так и звали – «Эльбрус кнабе», что означает «Эльбрусский мальчик». Именно его я видел на «Эльбрусиаде примирения», но вот познакомиться и расспросить подробно тогда не пришлось. Личность второго немецкого собеседника в АВС... пока не раскрою.

Да, с Томасом я в 92-м не беседовал. Зато общался с самими ветеранами горной дивизии Вермахта. Старички под восемьдесят, с орлиными перьями на шляпах, шевронами «Эдельвейс», в гетрах и с длинными, военных времён, ледорубами на деревянных ручках, держались бодро и... скромно. Искренне *не* гордились военными подвигами, а, напротив, то и дело повторяли: «Мы очень виноваты перед вами». Но невозможно было скрыть, утаить то, что в 42-м даже через маленькие окошки Приюта Одиннадцати отлично просматривались все близлежащие склоны и что попытки взятия советскими бойцами Приюта подавлялись пулемётным огнём. За пулемётами сидели «старички» под командованием гауптмана Грота...

На мой вопрос, как же их всё-таки удалось выбить с Elbrushaus и перевалов, участник тех событий, бывший офицер 1-го горного дивизиона Георг Швильм ответил:

– Выбить не удалось. Успешные операции Красной армии под Сталинградом в ноябре-декабре 1942 года вынудили немецкие части отступить. А нам ничего не оставалось, как догонять их, дабы не попасть в окружение. Первого января 43-го, в соответствии с приказом, мы начали отход из Приэльбрусья. Разумеется, если бы обстановка на основном фронте благоприятствовала германской армии, мы бы остались на месте. Запасов хватало на всю зиму, а весной мы планировали спуститься в Грузию...

Гауптман Грот и майор Бауэр

Таким сформировался мой багаж знаний о кавказской войне 42–43-го годов к моменту встречи под Аннапурной. Конечно, в 2000-е многие архивы приоткрылись, информации стало больше, но тут передо мной оказался сын главного героя эльбрусских событий. Знает ли Томас что-то особенное? Томас знал. Более того: тетрадки, которыми немцы шелестели в лоджи, разговоры, которые немцы вели, касались как раз *тех* событий. Но что разговоры? Мы давно привыкли скептически относиться к досужим версиям непричастных людей. А вот свидетельства очевидцев, магическая сила записанных ими слов – они вызывают доверие, тем более что «тетрадками» оказались дневниковые записи гауптмана Хайнца Грота. Напоминание о нашей встрече с Томасом на «Эльбрусиаде примирения» расположило к беседе. Я настойчиво просил посвятить меня в подробности приключений вокруг Приюта Одиннадцати «из первых рук», и немцы решили сделать это буквально: Томас читал немецкий текст Хайнца Грота, Павел – так звали русского гида – переводил, а я подставил диктофон и делал пометки ручкой.

4 августа 1942 года.

– ...1-я горнострелковая дивизия, которую берегли в тяжёлых боях под Ростовом, переправилась через большую и полноводную реку Дон без боя. В станице Кагальницкой, на расстоянии 450 километров от Эльбруса, я получил от генерала Ланца приказ сформировать высокогорную роту. Моя тактическая задача состояла: занять перевалы, ведущие в район Эльбруса от истоков Кубани к истокам Баксана и Терека на Востоке и Ингури на Юге, произвести разведку находящихся на этом направлении долин, прикрыть левый фланг дивизии и, в качестве цели символического характера, водрузить военный флаг Рейха на высочайшей вершине Кавказа.

10 августа.

– ...Я доложил командиру дивизии об окончании комплектования отряда. Я отобрал 150 человек из 22 тысяч личного состава дивизии, в том числе девять офицеров. Все бойцы получили лично из рук генерала новшество в Вермахте – орлиное перо на головном уборе. Я мог смело положиться на каждого из них...

Дальше перечислялись имена, среди них – вспоминайте скорее храм Сваямбунатха в Катманду, задание Гимmlера, страну Агартху – майор Пауль Бауэр, которого так и называли: «специалист по Канченджанге». А также участник гималайских экспедиций Бауэра врач Карл фон Краузе и ряд других «кавказцев» и «гималайцев».

Вторым моим немецким собеседником в Гималаях был Альфред – внучатый племянник Пауля Бауэра...

В общем, всё сходится.

13 августа.

– ...Пробираемся на вездеходах по дорогам плодородного края до высоты 1200 метров. Нас окружают дикие ущелья, скалы высотой до двух километров, необозримые горные пастбища с альпийским метровым разнотравьем. Очень редко мы видим людей. Чаще всего это одетые в меховые одежды и хорошо вооружённые пастухи, которые нас дружно приветствуют. Русских же солдат не видно.

В долине реки Кубань мы наблюдали опустошительную картину разрушений, возникшую в результате тяжёлых боёв, которые здесь вели горные стрелки за проход в горы.

Лейтенант Фишер в одиночку со своим шофёром предпринимает смелую вылазку в высокогорное село Даут на высоте 2600 метров. Он не нашёл там ни одного русского солдата, зато встретил многих карачаевских пастухов, которые годами скрывались здесь и приветствовали немецких солдат как освободителей от «большевистского ига».

14 августа.

– ...В деревеньке Эльбрус меня встретили вооружённые до зубов казаки. Сначала они насторожились, но позднее приветствовали выстрелами в воздух. К вечеру добрался до Уллу-Кама – главного ущелья внутренней долины Кубани. У мечети я выслушал приветствие старосты, окружённого моими разведчиками. В комнате старосты нам презентовали бочонок мёда. Удалось уговорить казаков доставить меня рано утром к посёлку Хурзук.

15 августа.

– ...По ущелью Уллу-Кам решили идти пешком, а мулов использовали как вьючный транспорт. Открылся захватывающий вид на снежные вершины. Мы не раз ловили себя на мысли, как бы объять войну войне и всё чудесное вокруг нас изучить с точки зрения геологии, ботаники и альпинизма.

Дружественные карачаевцы, однако, не особенно разговорчивы, из них не вытянешь сведений относительно передвижения войск противника.

16 августа.

– ...Я получил радостное известие от Хирхельца, что он перешёл перевал Азау, не встретив противника. У меня отлегло от сердца. Я посылаю офицера с отделением разведки в направлении перевала Хотю-Тау с задачей выяснить, занят ли он. По присланной Генеральным штабом карте мы определили, что северо-восточнее перевала на высоте 4100 метров находится горная хижина Elbrushaus – она могла бы стать подходящим опорным пунктом для штурма вершины.

17 августа.

– ...Продвигаемся к перевалу Хотю-Тау. Худшего положения, чем то, в котором мы оказались, трудно представить. Многочисленные трещины вынуждают нас делать большие обходы. Снег начиная с 10 часов приобрел коварные качества, что выражается в повышенной мелкости; мы проваливаемся в него по колено и выше. Отчаянность положения не уберегла нас от такого табу для альпинистов, как поедание снега. Безграничное снежное болото и беспощадно палящее к полудню солнце готовы уничтожить нас. Скоро мы дошли до того, что стали безразличны ко всему в мире и мечтали только о чашке горячего чая.

Из последних сил доходим до перевала и видим: впереди лежит какое-то беззащитное чудовище в виде дирижабля, а рядом вьётся мирный дымок. Вскоре появляется один из разведчиков и, задыхаясь, говорит, показывая на «дирижабль»: «Это Elbrushaus, русские называют его Schutz der elf – Приют Одиннадцати, он занят врагом!»

Я должен любой ценой овладеть Приютом, от этого зависит успех всей операции. Но наступать по льду с кучкой людей невозможно: Elbrushaus господствует над ледниковым плато, и здесь я не смог бы добиться успеха даже с целым батальоном горных егерей. Помочь может только одно – хитрость...

Беру белое полотенце, заменявшее мне носовой платок, поднимаю над головой, подчёркивая мои мирные намерения, и иду, спотыкаясь от голода, жажды и усталости, почти в бредовом состоянии. К тому же не давал покоя страх: чем же всё это кончится?

Неожиданно оказываюсь перед сделанной из кучи камней ячейкой, где лежат два парня с пулемётом, похожие на монголов. С неподвижными лицами они взяли пулемёт наизготовку. Я мгновенно очнулся и сосредоточенно повторял про себя: «Вы не смеете, вы не смеете, вы не смеете...» Они не стреляли, а просто захватили меня в плен, причём выглядело это как-то театрально: «монголы» направили на меня винтовки с примкнутыми штыками и повели к хижине, а пулемёт оставили на произвол судьбы. У Приюта меня встретила группа солдат, тоже монголоидного типа, – они были невероятно удивлены...

Когда передо мной оказались три офицера, ни слова не понимающие по-немецки, я горько пожалел, что не изучил прекрасный язык моих противников. Но со мной были планшетка и письменный набор. Я жестами попросил немного терпения и начал колдовать на бумаге красным и голубым карандашом. Жестикулируя руками, я пытался втолковать моим слушателям, что они окружены превосходящими силами германских вооружённых сил, что являюсь парламентарём, имею исключительно мирные намерения и уполномочен предложить им единственно возможный вариант действий – беспрепятственный отход вниз к Баксанскому ущелью.

Началось оживлённое обсуждение, в которое вмешался человек в штатском, – позже я узнал, что это был профессор и руководитель метеостанции. А спустя некоторое время... я не поверил своим глазам: вся группа во главе с офицерами направлялась в сторону Баксанской долины. Среди них я заметил славную женщину – офицерскую повариху, которая обслуживала и метеорологов...

Что мне меньше понравилось, так это оставшаяся группа темнокожих азиатов с непроницаемыми лицами. Они окружили меня с ружьями, взятыми наизготовку. С чувством отчаяния я заорал на них диким голосом, чтобы мне дали поесть. Поскольку лица азиатов оставались безучастными, я схва-

тил ближайшего ко мне человека за руку и повёл его, поражённого и несопротивляющегося, к входной двери в хижину, над которой дымилась труба. Я вошёл и попал на кухню, где увидел огромный котёл кипячёной воды, чайник, мешок сахара, жиры и другие продукты...

Осматривая «дирижабль», я нашёл зимнее и летнее снаряжение в большом количестве и самое разнообразное продовольствие, его хватило бы на прокорм целой роты в течение нескольких месяцев. Я очень устал и позволил себе несколько часов поспать.

18 августа.

– ...Что касается «монголов», то они оказались узбеками. самого сильного из них – в мирной жизни он был садоводом и жил в окрестностях Ферганы – заставляю быть моим помощником. Остальные, в течение всего периода нашего пребывания на Elbrushaus, выполняют необходимые работы, сопровождают нас на выходах и получают такое же довольствие, как и мы...

Условия фирна и погоды для восхождения на вершину довольно благоприятные, но меня беспокоит то, что я должен отобрать в штурмовую группу людей, которые уже три года не были на такой высоте. Какие-либо другие трудности, которые я предполагал встретить на местности, не подтвердились. Проблемы заключались в неподготовленности людей к кислородной недостаточности и непредсказуемой погоде...

Вечером по радио мы получилистораживающие известия: под ледником Большой Азау наши натолкнулись на превосходящие силы противника, заставившие егерей отступить к перевалу. С помощью бинокля можно было наблюдать, как по фирновым полям под перевалом Донгуз-Орун двигалось в сторону Баксанского ущелья несметное количество огоньков. Это подтверждало сообщение о том, что русские прислали с юга подкрепление.

19 августа.

В час ночи я решаюсь с группой в количестве четырнадцати отборных егерей выйти к вершине. Погода не утешает, я убеждён, что далеко мы не сможем уйти, но всё же делаю тренировочный выход, заодно проверяя наши волевые качества. Поднимаюсь до скал восточной вершины...

Другая часть нашего гарнизона обосновалась на перевале Хотю-Тау и ведёт опасную жизнь, размещаясь в палатках и ожидая каждое мгновение нападения русских.

20 августа.

Бушует снежная буря, заставляя отсиживаться на Приюте. Всякая видимость затруднена, русские могут подойти к хижине незамеченными, поэтому у каждого из нас оружие наготове даже днём...

На метеостанции рядом с Приютом я нашёл богатство художественной литературы. Рядом с поэмами Пушкина лежали повести Гоголя о казаках, драмы Островского, «Кобзарь» Шевченко, произведения Лермонтова. Но все книги на русском языке, я могу прочитать только названия и фамилии авторов...

В середине дня до меня дошло нерадостное и «обтекаемое» радиосообщение: «Скорейшее восхождение на вершину крайне необходимо, так как с севера готовится осуществление непредвиденного мероприятия».

Это означало, что *специальное подразделение СС собирается вырвать у нас Эльбрус из-под носа...*

Опять отвлекусь от дневника Хайнца Грота. Как заметил читатель, я ничего в нём не комментирую, только даю некоторые пояснения. Следующее пояснение необходимо. Подразделение Грота принадлежало *Вермахту* – регулярной германской армии. Но *Войска СС (Ваффен СС)* – это не Вермахт, это боевые формирования нацистской партии под командованием Генриха Гимmlера. Они образованы на базе отрядов охраны Адольфа Гитлера и концлагерей. Вермахт и СС различались даже визуально: символ первых войск – так называемый балочный крест (балкенкройц) на униформе и технике; символика СС – череп с костями и две молнии (двойная руна «зиг», атрибут скандинавского бога войны Тора). На Нюрнбергском процессе войска СС обвинены в военных преступлениях, а члены СС объявлены преступной группой.

Профессиональные альпинисты, в том числе «гималайцы», служили и в упомянутом подразделении СС в Приэльбрусье. Но между отрядами Вермахта и СС всегда существовала конкуренция, переходившая во взаимное неприятие. Я помню, как даже в ходе нашей встречи на Эльбрусе в 92-м егеря из «Эдельвейса» называли эсэсовцев «metzger» – мясниками. То же происходило и 50 лет назад, когда солдаты из «Эдельвейса» делом чести считали не уступить эсэсовцам победу над горой.

21 августа.

– ...В два часа ночи мерцают звёзды сквозь рваные облака. С запада начинают накапливаться большие чёрные тучи. Вопреки благоразумию, я приказываю готовиться к быстрому выходу. При снеге, холоде, буре мы благодарны отличному альпинистскому снаряжению, напоминающему одежду русских танкистов. Осторожно двигаются наши шесть связок по три человека в каждой. У брёвен Приюта Пастухова, на высоте Монблана, встречаем день.

Мы идём без оружия. Я так рассудил: винтовка или автомат с патронами весят около пяти килограммов и отрицательно повлияют на нашу физическую работоспособность на высоте более пяти тысяч метров. Противника не предвидится, а что касается конкурентов из СС, то мы с ними из одного и того же военного лагеря, значит, не надо оружия. Но соревноваться не пришлось: эсэсовский отряд отказался от своего намерения из-за сильной бури.

Вместо него появился мой русский «коллега» Гусев со своей ротой. Он пытался подойти сверху, с расположенного на севере ледника, и выбросить нас из гнезда на Elbrushaus. Но Гусев застрял на высоте около 5100 и повернул обратно. Нам повезло: при столкновении с русскими пришлось бы плохо.

В семь утра, как мы и ожидали, разразилась сильная буря. Пробираться через свежевывавший снег и дышать против ураганного ветра было мучительно. Каждые сто шагов мы останавливались, чтобы отдышаться.

Около десяти утра я в связке с *Паулем Бауэром* и Гербером выхожу на вершину Эльбруса. Наша команда устанавливает на обледенелом флагштоке государственный военный флаг Рейха и штандарт дивизии «Эдельвейс». Начинаем медленный спуск. Измождённые, шатаясь, к наступлению ночи мы вернулись на Приют...

29 августа.

По радио поступает приказ, отзывающий меня в дивизию. Я передаю дела майору Бауэру с его батальоном и передислоцируюсь со своей группой к верховьям реки Кубань. Узбеки сопровождают нас к долине. На перевале Хотю-Тау прощаюсь с царством пятитысячников и следую в Винницу, а оттуда в Берлин. Приключения закончены...

Последующие события, в отличие от дневника Хайнца Грота, хорошо известны. Когда информация о восхождении на Эльбрус дошла до Берлина, Гитлер поначалу вспылал: мол, какого чёрта отвлекались от реальных боевых задач в угоду символической акции. Но, увидев кинокадры флагов на вершине, смилостивился и дал отмашку на проведение пропагандистской кампании. Кинохроника, радио, газеты Германии кричали на весь мир, что немецкая армия покорила Кавказ, что Эльбрус теперь станет пиком Гитлера, а флаги Рейха скоро будут развеиваться и на Казбеке; и вообще, что вся Европа теперь у фюрера под сапогом. Выпустили даже наградные жетоны с силуэтом Эльбруса и надписью «Пик Гитлера»...

Капитан Гусев и младший лейтенант Немчинов

И не только они, а ещё множество советских солдат и офицеров. Просто об этих участниках событий 43-го я знаю побольше. Однако давайте по порядку – о том, что случилось после отбытия Хайнца Грота из Приэльбрусья.

Немцы прочно закрепились в Elbrushaus. Но что толку? Пробриться в Баксанское ущелье и дальше на юг, к желанной и необходимой для войны бакинской нефти, им не давали советские войска. А наши не могли сбросить с Приюта и перевалов закрепившихся там егерей. В августе и сентябре 42-го несколько отрядов НКВД пытались под покровом ночи или тумана подойти к Приюту сверху, и каждый раз неудачно, причём до реального боя дело и не доходило.

Остался в истории штурм немецких позиций отрядом лейтенанта Гурена Григорьянца, который сам по себе являлся фигурой, прямо скажем, экзотической. До войны работал... заведующим парикмахерской при банно-прачечном комбинате в Ашхабаде, рядом с альпинизмом и близко не стоял. Зато успел четыре года, с 1929-го по 33-й, провести в заключении, куда попал за убийство жены, однако был по каким-то смягчающим обстоятельствам освобождён со снятием судимости. Впрочем, никакой связи между ашхабадской баней, «посадкой» Григорьянца и событиями на Эльбрусе никем не обнаружено.

27 сентября отряд Григорьянца численностью до ста человек, под прикрытием пулемётного и миномётного огня – миномёты располагались прямо на леднике, сумел подобраться к Приюту Одиннадцати на расстояние примерно в 100 метров, то есть почти вплотную. Немцы обнаружили отряд, открыли встречный огонь: на Elbrushaus также находились пулемёты, миномёты и даже артиллерийское орудие, и продвижение наших бойцов вперёд остановилось. Лейтенант дважды поднимал солдат в атаку, потеряв при этом три четверти личного состава и получив ранение в ноги. Вечером, под прикрытием темноты и тумана, остатки отряда попытались отойти, но добраться до Баксанского ущелья смогли только четверо: остальные провалились в трещины, были убиты, ранены или замёрзли в горах. Погиб и Гурен Григорьянец...

В начале 43-го, как мне письменно растолковали исторические документы, а устно – ветеран «Эдельвейса» Георг Швильм, немцы, под угрозой окружения, ушли с Кавказа. И теперь уже перед нашими бойцами встала задача снятия флагов с вершин. Столь же символическая, как и для егерей при их установке. А скорее, даже более символическая: за полгода на высоте более 5600 метров, под сильнейшими ветрами, от стягов остались разве что отдельные куски материи.

Операцию поручили специальному отряду из 20 военных альпинистов под руководством опытного восходителя, военного инженера 3-го ранга Александра Гусева. Именно его вспоминал Грот в своём дневнике. 13 и 17 февраля 43-го две группы – одну возглавлял сам Гусев, а другую – лейтенант Николай Гусак, стартовали с Приюта Одиннадцати и взойшли сначала на Западную, а затем на Восточную вершины Эльбруса. Выдернули изо льда древки с лоскутьями символики Рейха и установили советские полотнища.

Я видел и слышал Гусева в 92-м, правда, не на «Эльбрусиаде примирения», куда он не сумел поехать, а в Москве. Ещё ранее, в 80-м, Александр Михайлович издал книгу «Эльбрус в огне» – мемуары о тех самых местах и боях 42–43-го. И в книге, и в публичных выступлениях уважаемый учёный, доктор математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики моря МГУ им. Ломоносова, альпинист и полярник излагал события примерно так же, как и материалы Музея обороны Приэльбрусья:

«Когда мы в феврале 43-го, выполняя задание командования, достигли Приюта Одиннадцати, то увидели, что его здание повреждено бомбами, фасад изрешечён пулями, исковеркан осколками, крыша с дизельной станции снесена взрывом. Всё это – следы наших ударов с воздуха. Метеостанцию рядом с Приютом фашисты разрушили. Они запакостили все помещения до предела, но нам удалось разместиться в нескольких уцелевших комнатах. И это пришлось весьма кстати – надвигалась непогода...

Восхождение на Западную вершину Эльбруса 13 февраля оказалось очень трудным. Снег, метель, ураганный ветер, видимость менее 10 метров. Минуя опасные районы, группа альпинистов довольно точно вышла к седловине: помогло знание до мельчайших подробностей рельефа склонов. При выходе на вершинную площадку ветер набросился на людей с новой силой. Им долго не удавалось обнаружить металлический триангуляционный знак, установленный на высшей точке площадки. Но Александр Сидоренко и братья Хергиани разыскали его. Ветер бешено трепал привязанный к ферме знака растерзанный фашистский флаг. Наши альпинисты сорвали его и установили красный флаг. Затем они оставили в камнях записку о своём восхождении и направились вниз. Половина дела была сделана...

17 февраля я повёл группу на Восточную вершину. Мороз на уровне Приюта достигал 40 градусов. Дул порывистый ветер силой 25–30 метров в секунду. На вершине же, как мы понимали, мороз мог превышать и 50 градусов. Мы шли в тулупах. Они тяжеловаты для восхождения, зато надёжно защищали от холода и ветра. Маски на шерстяных шлемах предохраняли от обморожения лица. На ногах у всех были валенки с закреплёнными на них кошками. Кошки на неподшитых валенках периодически сползали набок, идти становилось всё опаснее, но останавливаться нельзя – замёрзнешь.

На вершинной площадке гуляли снежные вихри, но видимость отсюда – до самого горизонта, а на юго-западе – до Чёрного моря. Мы выдернули изо льда обломки древка с обрывками фашистского флага и установили алый стяг Родины. Прогремел салют из пистолетов. Чувство огромной радости охватило всех нас: флаг водружён, победа! Мы ощущали это с огромной силой. И ощущение было удивительно ярким. Такое случается раз в жизни...»

Что я к этому могу добавить? На «Эльбрусиаду примирения» приехал лишь один из той группы участников советского контрштурма вершин – младший лейтенант Алексей Немчинов, бывший инструктор альпинизма 903-го полка. Не профессор и не доктор наук, на гражданке он работал обычным пожарным. Возможно, поэтому идеологически подкован Немчинов был поменьше Гусева и рассказывал мне о своих впечатлениях попроще:

– ...Шли в валенках, прикручивали к ним кошки. Ледоруб у кого был, у кого – нет. На Восточную вершину пошли 17 февраля в 12 ночи, а забрались около 12 дня, потому что очень ослабли – кончилось продовольствие. На Приюте, откуда начиналось восхождение, оставалась, правда, картошка, которую немцы полили керосином, мы отмачивали её и ели. А ещё обнаружили взорванные консервы, они тоже сгодились. Накануне, 10 февраля, был мой день рождения, по такому случаю сумели убить двух галок...

Этими историями я, в ответ на немецкие откровения, поделился с Томасом и Альфредом в базовом лагере Аннапурны.

За раненых, за пленных и за нас, военных

– Наверное, известна дальнейшая судьба ваших родных? – спросил я, и собеседники охотно откликнулись.

– К концу войны отец стал майором, командиром горнострелкового полка, – рассказывал Томас. – После войны работал горным спасателем, мировым судьёй. Составлял путеводители по Баварским Альпам. С возрастом стал сентиментален, говорил, что не испытывал вражды, а тем более ненависти к русским рабочим и крестьянам, учёным и солдатам. Ещё говорил, что с тяжёлым сердцем пошёл воевать со страной, которую он знал и уважал по литературе. Дома у Хайнца Грота сформировалась солидная библиотека с большим разделом русских писателей. Как-то сказал, что Пушкин ему милее Гёте и Шиллера...

– Пауля Бауэра в Германии вообще мало знают как участника войны, – говорил Альфред. – Он известен как выдающийся альпинист, первооткрыватель целого ряда маршрутов в Гималаях; оставил после себя несколько книг с описанием своих экспедиций. После войны работал нотариусом, много внимания уделял делам военнопленных и заключённых. Но, опять же, главным делом жизни по-прежнему считал альпинизм. Ещё в 1936-м Пауль учредил Немецкий гималайский фонд и в течение многих послевоенных лет оставался его председателем...

Ну что, выпили мы звёздной гималайской ночью за встречу, и за память отцов, и за «миру – мир». Потом «за раненых, за пленных и за нас, военных». Просто фраза? Да не совсем: выяснилось, что и оба немца, и я вместе с ними были офицерами запаса, да ещё с горно-стрелковой подготовкой, да ещё и с гималайским опытом.

Выпили ещё – и началось, как у нас, у русских, в таких случаях принято, застольное братание, сопряжённое с исполнением песен. Мы познакомили немцев с песней, написанной участником февральских событий на Эльбрусе 43-го года – Николаем Моренцом. А потом пели её вместе. Мы явно мешали спать непальцам – хозяевам лоджи – и посетителям из разных стран. Но соседи по кают-компаниям вели себя деликатно и смотрели на нас с пониманием:

Мне не забыть той долины,
Холмик из серых камней.
И ледоруб в середине
Воткнут руками друзей.

Ветер тихонько колышет,
Гнёт барбарисовый куст...
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...

ГЛАВА II

Остальное

«Кукушка»

Кто не знает «Кукушку»? Все москвичи, да что там – вся страна знает «Кукушку»! Но это сейчас, а раньше не так: знала не вся страна и не ту «Кукушку». Сначала «Кукушка» была просто заводским Дворцом культуры имени видного деятеля советских времён Кукушкина с дислокацией в рабочем районе города, рядом с секретным предприятием. Хотя не совсем просто и не только заводским. ДК был очень большим, тысячи на полторы мест, с просторными фойе и подсобными помещениями, поэтому здесь могли происходить события любого уровня. Если говорить о культурной сфере, то это спектакли столичных и других театров, выступления эстрадных ансамблей и клубов самодельной песни; показы новых кинофильмов. Если же, например, о политике – то это партийные конференции с присутствием даже членов Политбюро ЦК КПСС.

С наступлением советско-горбачёвской перестройки к имеющемуся потенциалу прибавился существенный довесок: в прилегающем к «Кукушке» парке началась оживлённая торговля пластинками-дисками, магнитофонными кассетами и сопутствующей атрибутикой. На сотнях метров парковых аллей по выходным дням собирались торговцы и покупатели, счёт которых шёл на многие тысячи. В конце 80-х «Кукушкой» стали называть именно эту стихийную рыночную тусовку. ДК отошёл на второй план, а про давшего ему имя деятеля забыли вовсе. В наступивших реалиях появились иные интересы. Где взять хорошую, не продающуюся в магазинах, дефицитную музыку? На «Кукушке»!

В России «лихих девяностых», в условиях отмирания старого законодательства и медленного становления нового, фактически нелегальная «Кукушка» расцветала и процветала. Так продолжалось целое десятилетие! Но потом рынок в парке закрыли, ДК превратился в музыкальный театр, и «Кукушка» умерла. Однако если оперировать буддистскими понятиями, то она всего лишь перевоплотилась на пути к совершенству и обрела «реинкарнированное» лицо...

Недалеко от «кукушкиного» дворца и парка располагался ещё один завод, выпускавший оборонную продукцию и телевизоры. «Оборонку» к 2000-м перенесли в другое место, а производимые здесь «голубые экраны» стали неконкурентоспособными. Освободились огромные площади, на которые «Кукушка» и переместилась, причём с многочисленными подростками «птенцами» – магазинами, офисами различных контор, индивидуальными предпринимателями. На легальном теперь рынке ассортимент продукции расширился в сотни раз и включил в себя мощный компьютерный сегмент, а цены держались ниже, чем во многих других местах. Вот тогда и наступила всероссийская слава «Кукушки».

Да что там всероссийская – мировая! Однажды «Кукушка» попала в Книгу рекордов Гиннеса в номинации «Самое быстрое пиратство»: в день, когда глава «Microsoft» Билл Гейтс объявил о старте продаж очередной версии «Microsoft Office», уже через четыре часа пиратские копии пакета программ продавались на рынке по цене в десять раз ниже, чем у оригинала! Нет худа без добра: контрафактная продукция во многом способствовала расширению культурного кругозора и повышению компьютерной грамотности москвичей, поскольку в 1990-е лицензионные программы стоили слишком дорого, а Интернет широко не распространился. Что касается поп-музыки, то и она никуда не делась – существовал даже музыкальный хит-парад «Кукушки», не уступавший популярностью чатам FM-радиостанций.

У столь солидного предприятия должен быть серьёзный хозяин, не так ли? Прежний советский владелец оказался тоже серьёзным – в том плане, что сумел приватизировать бывшую государственную собственность, а потом «слить» её выгодным покупателям – они и занялись последующей рыночной раскруткой купленных площадей. Кто же эти «сказочные принцы»? Ну, «принц» фигурировал только один, а если и не принц, то лицо, вполне «приближённое к императору». Вернее, к королю. Правда, что ли? К какому королю? Конечно, правда! Совладельца объекта с рыночной стоимостью в полмиллиарда долларов звали Махендра, он был непальцем и человеком из окружения короля Непала. В общем, опять всё сходится!

Сошлось всё и в дальнейшем. Московского чиновника, в чьём ведомстве находилась названная территория, звали Андрей. Он был тоже приближённым, но не к непальскому королю, а ко мне: мы дружили, выпивали, и я частенько рассказывал Андрею и другим участникам нашей компании о гималайских путешествиях. Однажды Андрей вдруг сказал:

– Ты нас своим Непалом сильно впечатлил: мечтаю – кушать не могу! А я познакомил с твоими рассказами одного товарища. Но товарищ, представь себе, оказался при делах! И предложил организовать путешествие в эту экзотическую страну.

– Андрей, дорогой, да я сам тебе в Непале что хошь организую! Зачем нам какой-то товарищ?! Кстати, как его зовут?

– Махендра.

– Нет, не слышал... И что он может?

– Да всё!

– Ну, например?

– Ты на самолёте вокруг Эвереста летал?

– Нет...

– В пятизвёздных отелях жил?

– В Непале вроде таких не наблюдал...

– Но они есть!

– А как с опасностями гражданской войны?

– Старичок, пойми! Все вопросы решаются! Лучше подскажи самый интересный маршрут.

– Думаю, что в базовый лагерь Эвереста, с восхождением на ближайшие обзорные вершины.

– Вот! Этим и займёмся...

Этим и занялись. А конкретнее, купили билеты на самолёт, поскольку ни о чём другом беспокоиться не стоило.

Полетели вчетвером и наслаждаться маршрутом начали незамедлительно: «забухали» «на четверых» прямо в Шереметьево. В самолёте в то время порядки с алкоголем обстояли попроще, поэтому употребление согревающих кровь и веселящих голову напитков продолжили и в салоне лайнера. Быстренько пробежались «экскурсией по золотишку» в аэропорту Шарджа Объединённых Арабских Эмиратов, где происходила пересадка на рейс Nepal Airlines, накатили ещё вискаря за успешную посадку и следующий благополучный взлёт и, наконец, прибыли в Катманду.

Нас встречал... ни много ни мало начальник полиции города – тоже Махендра. В Непале эта часть имени указывает на родовую принадлежность, так что Махендр, как и, например, Шакъев – родовых предков Будды и Кумари, много. Но у каждого есть и вторая часть – собственное имя. Рядом с полицейским начальником стоял «наш» Махендра – невысокий смуглый брюнет с густыми блестящими волосами, хорошим русским языком, простыми и приятными манерами. Принимающая сторона повязала на шею москвичам «мала» – гирлянды из жёлтых цветов – и усадила в автомобили представительского класса, коих в Непале, прямо скажем, не слишком много.

Повезли в тот самый пятизвёздный отель, наличие которого я ставил под сомнение. Такой отель, а вернее, отели, ещё как существовали, просто строились они вдалеке от рабочих трасс и жилых кварталов, а в ряде случаев и вообще за пределами города. Внутри отеля всё выглядело... ну, как и положено пяти звёздам, включая открытый и закрытый бассейны, комфортные номера, хорошую связь и прочие удобства.

Организаторы объявили, что наше путешествие начнётся завтра утром, причём именно с трекинга в Everest Base Camp (ЕВС) – базовый лагерь Эвереста, а остальное потом. Характер *остального* мы пока не представляли, но оно вышло весьма впечатляющим, и повествование об этом впереди. А пока нам рекомендовали отдыхать. Уверен, что читатель помнит о том, как отдыхает русский путешественник в первый день прилёта в незнакомое место. Сергей и Женя попросили меня отвести их туда, где повеселее. В моей памяти хорошо закрепилось Hard Rock Cafe: в принципе, удар прикладом по голове несколько лет назад должен был память отбить, но она почему-то улучшилась. В «памятное» кафе и пошли. Стоит ли объяснять, что рано утром проснулись «не в форме»... Но удручённо-похмельному состоянию в ближайшие часы предстояло кардинально измениться.

Пад кры-ло-ом са-малё-о-ота

Читатель отчасти знаком с маршрутом в ЕВС, – например, я описывал, как ходил по нему с любимой женщиной. Но, во-первых, тогда мы не дошли до конца, а во-вторых, в том рассказе имелись провалы или, скорее, умолчания. Так, говоря о перелёте из Катманду в Луклу, я пояснял, что информация подаётся в мягком, «женском» варианте. Теперь же настала очередь варианта жёсткого и «мужского».

Приступим. Что путешественники не улетят из Катманду в указанное в билете время – это почти гарантировано. Что не отправятся в указанный день – вполне возможно. Выходит, если мы взлетели после каких-то четырёх часов ожидания, то нам повезло. Шикарно поднимаемся над дымным малоэтажным Катманду; как и положено, захватывает дух от восторга. Летим по чистому небу, на котором буквально минут через пять появляются нестрашные маленькие облачка. Самолёт совсем чуть-чуть соприкасается с ними, а ещё – с невидимыми воздушными потоками, и... нас начинает конкретно колбасить. Да чего там, пустяки, полёт продолжится всего тридцать-сорок минут, не успеем поволноваться, – надеются пессимистичные путешественники. Не волнуйтесь, успеете, – рассуждают оптимисты.

Бортпроводница ползала на корточках в узком пространстве между рядами, а вернее, линиями сидений – на каждой линии пятнадцатиместного «лайнера» располагалось по семь-восемь пассажиров – и, представьте себе, раздавала конфетки. Мы клали конфетки в рот, улыбались и старались делать храброе лицо. Но лица бледнели, а подступавшее состояние образно выразил Женя: «Ребята, мне кажется, что моё небо сейчас соединится с простатой...»

А потом самолёт влетел фактически внутрь ущелья, где справа и слева высились горы, а воздействие воздушных потоков стало значительно более интенсивным. Я закрывал глаза и считал про себя: один, два, десять, двадцать, сто... Ой-ёй-ёй, сколько ж раз по сто в отведённых на полёт минутах!

Число маленьких облачков увеличивалось, а потом появились скопления побольше. Самолёт уже не потряхивало, а реально кидало. Застегнуть привязные ремни никто не призывал – мы сами закрепили их давно и мёртво.

А что лётчики? Так вот они, в нескольких метрах, без всяких дверей, перегородок и даже занавесок – молодые парень и девушка. Переговариваются по-непальски между собой и лишь иногда с аэропортом. Судно управляется вручную, никакого автопилота!

Самолёт отвернул куда-то в сторону и начал снижаться. Слава Будде, Брахме, Шиве и Вишну – это ведь их территория. Уклоняясь от облаков, самолёт совершает кульбиты вправо-влево-вверх-вниз и наконец приземляется. Да, в буквальном смысле приземляется, поскольку садится на самую настоящую землю, а если ещё конкретнее – на бугристую земляную дорогу. Что ж получается, в Лукле, международном аэропорту имени отважных первооткрывателей Эвереста Хиллари и Тенцинга, не могли сделать нормальную взлётную полосу? Ерунда какая-то. Но оказалось, что не ерунда. Оказалось, что мы прилетели... не в Луклу.

Уставшие бороться с облачностью и принявшие решение не рисковать, лётчики посадили самолёт на дорогу возле ближайшей деревни. Мы, пассажиры, искренне переживали «второе рождение» и считали себя чудом выжившими героями. Иные настроения испытывали жители селения, сразу прибежавшие, чтобы... Нет-нет, не спасать предполагаемых раненых и погибших, а помочь перенести наши рюкзаки до лоджий, которых здесь, как и в любом непальском посёлке, насчитывалось достаточно, и на этом заработать. «Героическая посадка» и для лётчиков, и для крестьян была обычным делом.

- Сколько осталось лететь до Луклы?
- Говорят, минут пятнадцать.
- Уф, слава богу!
- Да, только б не было облаков.
- Так если будут облака, они и не полетят.
- Что ж, будем сидеть в этой деревне?
- Будем сидеть...

И мы сутки сидели в деревне. За случившейся встряской все похмельные ощущения напрочь исчезли, да и перед полётом мы зареклись принимать спиртное на маршруте. Но ведь человек своему слову хозяин: хочет – слово дал, хочет – назад взял. Плюс такой экстрим! Мы достали припасённую, естественно, на крайний случай бутылку виски и, как писал в самой короткой главе повести «Москва – Петушки» Венедикт Ерофеев, «немедленно выпили».

Через сутки самолёт вновь загрузился и взлетел, провожаемый довольными жителями – наши доллары оказались для них явно не лишними. Небо сияло солнечной чистотой, самолёт шатало лишь слегка, и сказанное про пятнадцать минут оказалось правдой. Тем не менее впереди нас ждал

абсолютно предсказуемый сюрприз, известный всем, кто летал в Луклу хотя бы раз: когда «ползающая» стюардесса объявила скорую посадку, самолёт начал... набирать высоту.

- Что он делает?
- Может, горячее хочет сжечь, чтобы облегчить вес?
- Какое горячее? Что ты несёшь – его в этом самолёте с чайник!
- Лукла не принимает, летим обратно?

Перечисление вариантов мгновенно завершилось, когда прямо по курсу мы увидели скалу. Самолёт не старался её облететь, а стремительно приближался к лесисто-каменной стене и готовился её... пробить? В мозгу теперь зазвучали строчки Александра Твардовского: «Не пробил, старался слабо, видно, с местом прогадал...» А может, не прогадал, и попадём мы сразу в волшебную страну Агартху...

Да, не пробил, но и с местом не прогадал. Продолжая лететь снизу вверх, самолёт вознёсся над скалой и... приземлился на самую настоящую взлётную полосу. Женщины взвизгнули и перекрестились, мужчины выдохнули и сказали «ух, б..дь».

«С этого места, пожалуйста, поподробнее», – скажет читатель и будет глубоко прав.

После 1953-го, когда Эд и Тен покорили вершину, маршрут на и даже под Эверест становился всё более популярным. Но подход под базовый лагерь вершины занимал долгие дни и даже недели. Наконец, в 1964-м в Лукле – наиболее ровном и сравнительно близком от АВС посёлке – насыпали гравийную полосу, которая принимала лёгкие борта из Катманду. Небыстро, в 2001-м, гравий залили битумом, положили сверху асфальт и построили относительно приличное здание терминала.

Но! Лети мы в Луклу в 64-м или 2001-м, ощущения при посадке были бы одинаковыми. Почему? Потому что самолёт действительно садится снизу вверх. А как ещё, если перепад высот на полосе происходит тоже вверх от точки приземления и составляет двенадцать градусов! Про героизм, а лучше мастерство пилотов – не шутка. Здесь не работают никакие, кроме радиосвязи с диспетчером, системы навигации и помощи при посадке: лётчики производят свои операции исключительно «на глазок».

Это не всё. Права на ошибку в принципе нет, поскольку подход к ВПП зажат высокими горами, и развернуться при необходимости очень непросто. А после пересечения протекающей на дне ущелья реки Дудх-Коси второй заход на посадку и вовсе невозможен. То есть или сажай самолёт, или умри вместе с ним. Выезд за полосу тоже исключён: полоса завершается скалой. По наблюдениям пассажиров, которые находятся в салоне близко к пилотам, те перед заходом на посадку молятся, прикладывая руку к губам, голове и приборной доске.

Есть и следующее «не всё». Длина взлётной полосы в Лукле – 520 метров. На всякий случай: в московском аэропорту Шереметьево это три с половиной километра. Ясное дело, что межконтинентальный лайнер не сравнить с нашей «фитюлькой», но ни вам, ни лётчику от этого не легче.

Чтоб, как говорится, два раза не вставать, поставим и такой вопрос: а как происходит вылет обратно в Катманду? Да, скала теперь остаётся сзади, но касательно выезда за пределы взлётной полосы как-то не очень понятно... Или, напротив, вполне очевидно: его нет. Есть пропасть глубиной 700 метров. Когда следишь из окна терминала за бортами, уходящими на взлёт, кажется, что они падают напрямик в Агартху... Короче, аттракцион не для слабонервных, и аэропорт Лукла считается одним из самых опасных в мире. В этом месте логично спросить как в фильме Леонида Гайдая «Операция «Ы»»: «А несчастные случаи у вас на стройке были?» Были. Но очень мало. Мастерство и опыт пилотов, как говорится, не пропьёшь, к тому же индуисты и буддисты – люди почти непьющие.

Сижу я как-то, братцы, с африканцем

Извините, вру. Не сидел я в Непале с африканцами. Да если и видел их, то очень редко. Но «я не встречал, значит их нет» – фраза, как вы понимаете, довольно глупая, поэтому приведу немного статистики больших цифр. Или сначала предложить загадку? Например: угадай с трёх раз, какие нации посещают Непал чаще всего? Впрочем, для разгадки хватит и одного раза: с Непалом граничат Индия и Китай – самые многонаселённые страны мира, отсюда и ответ на вопрос о первенстве иностранных путешественников очевиден – это индийцы и китайцы.

Угадать, кто следующий в рейтинговом списке, с одного, да и с трёх раз сложнее, поэтому подсажу: это Западная Европа, где туристический лидер для Непала – Великобритания. Далее идёт Северная Америка, а если называть конкретные страны, то США.

С распознаванием аутсайдеров также не слишком просто, так что вновь помогу любознательным читателям: это Центральная и Южная Америка, откуда туристов прибывает около 0,5 процента от общего числа, и Африка – один процент.

О причинах отставания названных континентов давайте немного порассуждаем. На мой взгляд, вопрос с Америкой объясняется так: в огромном регионе немало своих красивых и разнообразных гор и вообще природно-исторической экзотики, во многом сходной, а иногда и превосходящей компактную непальскую. Но в столь же масштабной Африке всего пять пятитысячников и несколько десятков вершин высотой более трёх тысяч метров. Для сравнения: это значительно меньше, чем на одном Кавказе. Тогда почему африканцы мало ездят в Непал? Не знаю, да и бог с ними, с африканцами.

То есть реалистичное начало истории про гималайские посиделки может выглядеть, скажем, так: сижу я как-то, братцы, с грейтбританцем. Вот с них и начнём.

А что же, про маршрут к базовому лагерю Эвереста совсем не будем? Почти. Во всяком случае, про альпинистские страсти, думаю, сказано достаточно, так что давайте разнообразим повествование. Хотя Лукла, Номче Базар, Кумджунг, Тянгбоче – безусловно, интересные места, и не только с точки зрения альпинизма, но с ними читатель отчасти познакомился. Но разнообразное – это что? В первую очередь люди. Прежде мы смотрели на них как на клэймеров, а теперь поглядим как на представителей народов мира. Итак, про англичан.

Когда вы приходите в любую лоджу на днёвку и ночлег, то непременно встречаете там путешественников. Это могут быть одиночки, двойки, но чаще разного размера группы. В поведении индивидуалов и пар национальные черты проявляются нечётко, а вот в группах порой удаётся наблюдать целые страновые шоу. Что особенного в англичанах? Рыжеватые и веснушчатые мужчины, сухопарые и угловатые женщины – это заметно и без Гималаев. Но с манерами поведения интереснее.

Сказать, что англичане – стадо или даже коллективисты, невозможно: каждый из них хочет быть и в реальности представляет собой самодостаточную личность. И в лоджи они входят тоже сугубо индивидуально, но... плотной и нерастянутой группой. На завтрак, обед и ужин они тоже соберутся лично и самодостаточно, но... все вместе и в одно и то же время. В демократической обстановке кают-компании внутри лоджи есть можно куда угодно, а когда людей много – где свободно. Но... англичане обязательно подождут, когда народу станет поменьше, или сдвинут разрозненные столы, чтобы есть вместе. Всем видом демонстрируя, что не будут ничего делать «по команде».

Это и вправду не по команде, а, наверное, по привычке. К порядку и традициям. Скажем, в нашей группе кто-то приладил носки к печке для просушки сразу по приходу, а кто-то – перед сном. Британцы сделают это одновременно, хотя места для всех может и не хватить. Ничего, они придумают уникальный вариант размещения, навязав верёвочки или подставив к печке дополнительные предметы. В период ожидания пищи или просто короткая время, они не будут вести оживлённую, а тем более громкую беседу – они достанут книги и станут читать. Все? Да, все.

Перед выходом на следующую часть маршрута англичане обязательно запросят кипятку и зальют в свои термосы. Зачем? Через условные час-два ходьбы встретится следующая лоджа, где не составит проблем заказать чая. Но кипяток в термосы всё равно зальют. Все? Все.

Британцы не шумят. Британцы не хохочут – порой они натянуто улыбаются. Британцы не знакомятся с чужестранцами. Британцы никому не доставляют беспокойства. Британцы – настоящие, конечно, не те, что «понаехали тут», ощущают себя аристократами. Даже в горах, даже в мокрой и грязной одежде, даже с ужасным, потрескавшимся от солнца лицом.

А может, и другие нации поступают аналогично? Отнюдь! Довольно часто нам приходилось наблюдать такого рода картину. В лоджи вваливается разноцветная и разновозрастная, галдящая и шумящая, беспокойная и сразу привлекающая внимание толпа путешественников азиатской наружности. Из какой они страны? Да, средний россиянин, вероятно, сможет отличить китайца от индуса. А китайца от японца? А индуса от жителя Шри-Ланки? Это вряд ли... Отсюда идентифицировать национальность «беспокойных» мне с друзьями долгое время не удавалось. Несмотря на

то что они существенно отличались от прочих путешественников и в рамках своих групп вели себя совершенно одинаково.

«Беспокойные», сколько бы их ни было – а их, как правило, бывало много – неизбежно становились самыми заметными из всего временного народонаселения лоджи. За столами они, как и англичане, располагались вместе, но на этом сходство заканчивалось. «Беспокойные» являлись глубокими коллективистами и всё делали «по команде». «Команда» вряд ли определялась каким-то руководящим нажимом – например, как у нас в Советском Союзе; «команда» выглядела органичной. Она не мешала проявлять самостоятельность любому члену группы, но потребность жить «по команде» была, вероятно, присущей генетически.

Сдвинув столы, «беспокойные» начинали метать на них еду. Свою еду, привезённую из своей далёкой страны. Много еды. В больших контейнерах и малых боксиках, в коробках и коробчущках, бутылках и бутылочках. Еда источала запах. Сначала пряный. Потом острый и всё более обостряющийся. И плавно переходящий в вонь. Простите меня, «беспокойные», я не хотел вас оскорбить. Просто для кого-то один продукт прокисший, а для другого – выдержанный, для одного некоторое блюдо пахучее, а для другого – вонючее. «Беспокойные» не жадничали и угощали принесённой едой посетителей лоджи. Посетители вежливо пробовали и хвалили, употребляя слова из родного языка: «остренько», «рїзко», «spїсу». У кого-то проба усваивалась, а у некоторых быстро вылетало обратно.

Но это не самое интересное, а вернее, не самое особенное у «беспокойных». В лоджах, как я неоднократно докладывал, в 2000-х, в отличие от более раннего периода, находилось полно всякого спиртного: и пива, и красненького, и крепенького. «Беспокойные» пили очень аккуратно, заказывая на нос всего по банке пива объёмом ноль целых тридцать три сотых литра и крепостью не более пяти градусов. Такие подробности очень важны, поскольку после маленькой банки с пивом у «беспокойных» начиналось безудержное веселье. Они хором пели песни, плясали, совершали розыгрыши, иногда очень по-доброму вовлекая в игрища окружающую публику. Потом – далеко не все, а только некоторые – просили банку повторить...

По мере её высасывания веселье постепенно перемежалось спорами и выяснением отношений. «Беспокойные» очень эмоциональны: отношения выяснялись на повышенных тонах, переходящих в крики; со взмахами рук, переходящими... в потасовки. Да-да, после двух банок начинался мордобой. Не массовый, конечно, но одна, а то и две пары молодцов – женщин я за этим делом не замечал – дрались обязательно. Такие вот они... корейцы. Южные, разумеется. Северных сюда не отпускают.

У американцев мало интересного. Максимальное дополнение, которое вы сможете найти к многократно нарисованному образу гражданина североамериканских штатов – это... незаметность. Человек как человек. Прямо из нашей советской песни, где «человек проходит как хозяин». К чему американцу выделяться, раз он и так хозяин? Он держит себя, будто бы уже зашёл не меньше чем на Эверест и смотрит на окружающих прямо оттуда. Американец вежлив. Американец правилен. Он не пьёт, не курит и внимательно изучает надписи на упаковках. В разговоре американец беспрестанно улыбается, говорит «о!» или «о, really?!» и норовит похлопать тебя по плечу. Чрезвычайно милы американские бабушки и дедушки. Они не хлопают никого по плечу, а просто тихо перемещаются, находясь в полной уверенности, что всё и все вокруг созданы специально для них. Если возникает повод усомниться в этом, они с удивлением и укоризной покачивают головами...

Наконец, вы встречаете брата-славянина. Славянин чаще всего узнаётся сразу по признакам... Да чёрт его знает, по каким признакам. Он может быть одет в фирменную спортивную одежду, иметь такую же экипировку – всё новое и дорогое. В таком случае это, видимо, обеспеченный славянин. Или выглядеть скромнее, хотя вы не увидите в Гималаях человека, у которого «выштопан на штормовке лавины предательский след». Скромно – это обычный прикид, и снаряга постарее и победнее. Но и первые и вторые легко вписываются в определение «наши».

А если взять да уточнить: «наши» – они откуда? Из России? Вполне возможно, поскольку порядка десяти тысяч соотечественников ежегодно посещают Непал. Или из бывшего СССР? Хотя число посетителей оттуда определить вряд ли получится. Не знаю, не знаю... Но вот появляются узнаваемые ребята. Они узнаваемы тем, что сами тащат свои тяжёлые рюкзаки. При стоимости услуг носильщика 15 долларов за дневную переноску на трекинге одного или даже двух рюкзаков. Экономия – она понятна, но в рамках общей стоимости поездки в Непал выглядит странновато, а вот комфорт передвижения снижает ощутимо. «Узнаваемые» ребята достанут из рюкзаков свои

продукты, причём в значительно меньшем количестве, чем корейцы, зато с хорошо известными по многочисленным «национальным» анекдотам признаками. «Узнаваемые» станут оживлённо обсуждать меню, выгадывая, как бы сделать так, чтобы одной оплаченной порцией накормить двоих или троих, а что останется – взять в дорогу. Вероятно, такие «узнаваемые» могут в принципе оказаться гражданами любой страны мира, но чаще всего – братской, приграничной...

Я уже слышу возмущённые вскрики: «А сами-то, сами! Ты на себя посмотри!» Что ж, давайте посмотрим на себя. У моего товарища Жени на маршруте случился день рождения. Мы, конечно, выпили за здоровье именинника. Сначала красного вина. Вино понравилось, но кончилось. Тогда – хотя понижать градус не рекомендуется – взяли пива. Угостили пивом «беспокойных»: хотелось повеселиться вместе с ними. «Беспокойные» в ответ заставили наш стол своей... пардон, пахучей едой. Мы достали из потаённых припасов две бутылки коньяка, купленного ещё в московском duty free, и стали угощать американцев. Они улыбались и отказывались, потом снова улыбались и отказывались, а потом, простите, выжрали всё вместе с нами.

Душа всё больше хотела праздника.

– У вас есть коньяк? – спросили мы у хозяев лоджи.

– Нет, – ответили они. – Но есть finest local whisky, local kukri, local jin!

– Ладно, давай local, – сказали мы вместе с беспокойными корейцами и вежливыми американцами, поскольку те и другие готовы были пить к этому моменту всё что угодно.

Русский человек – широкий человек. И мы постепенно вовлекли в празднование Жениного дня рождения всех находившихся в кают-компании. А кто не хотел? С теми поступили согласно поговорке: «Не можешь – научим. Не хочешь – заставим!» В разгар пира, переходящего в братание, раздалось неожиданно-ожидаемое: «А ну попробуйте нашей самогоночки!» И вслед за стеклянным штофом с аппетитно плавающим перчиком внутри на столе появился тот самый «наркотик» из анекдота. Вкусно пахнущий. С желтоватой корочкой и розовыми прожилочками. Это подтянулись «узнаваемые». Хотя к полуночи одинаково узнаваемыми стали все участники стихийного торжества...

I didn't climb Mt. Everest

Дингбоче – пьяный ты или трезвый, усталый или отдохнувший – лучшее место, откуда можно наблюдать Ама-Даблам. Немного не дотягивающая до семитысячника, эта вершина, вместе с Мачипучаре, возглавляет перечень самых красивых гор Непала. Больше в Дингбоче смотреть не на что, да и незачем: любуйся Ама-Дабламом.

У горы Ама-Даблама
Солнце красное садится,
А на фото Далай-лама,
Мне сегодня плохо спится,
Да и хрен теперь уснётся,
Когда лёд замёрз в сортире,
Но пописать всё ж придётся
Встать хотя б часа в четыре.

У тебя, возможно, слякоть,
У меня ж одни высоты,
Очень хочется поплакать
От горяшки и икоты.
И снежок тут не весенний,
Монастырь – не новоселье,
Километр вниз – веселье,
Вверх – совсем уж не веселье.

Здесь Дабламы вам не дамы,
Эвересты не фиесты,
Лхоцзы вовсе не колхозы,
Аннапурны не шампурны...

Это не Александр Городницкий, это народное – вернее, наше, внутригрупповое творчество. От чувств, от впечатлений потянуло на стихосложение. В общем, Ама-Даблам чего описывать? Его надо видеть. Хотя бы видеть.

На долгом и нудном пути после Дингбоче схватила за горло и за мозг горняшка. В Лобуче, на высоте около пяти тысяч метров, мы принимали таблетки: вовсе не с похмелья – оно давно улуту-чилось, а чтобы избавиться от щемящей головной боли и немного поспать обычным человеческим сном...

Но вернёмся к фразе «I didn't climb Mt. Everest».

Именно такая надпись значится на сертификате, который вручают тому, кто... *не* покорил Эверест. *Не* провёл ни одной ночи в ЕВС. *Не* прокладывал маршрут по леднику Кхумбу. *Не* забирался в зону смерти. *Не* рисковал жизнью. Тем не менее сертификат очень почётный, этот лист бумаги я бережно храню и горжусь тем, что у меня их целых три, а один даже повесил на стену в московской квартире. Потому что свидетельствующая о *неподвиге* бумага заставляет даже обычного человека верить в себя, сильного и волевого, и в то, что следующие восхождения – пусть и *не* на высочайшую вершину мира и вообще *не* в горах – обязательно состоятся.

Хотите полный текст? Извольте!

«I did not climb Mt. Everest... but stepped it base camp cordially».

И дальше: «Mr. N had a once-in-a-lifetime experience of stepping on the Everest Base Camp and Kalapathar».

Раз в жизни... Читатель уже знает людей, которые покоряли Эверест неоднократно, но таких единицы. 99 процентов граждан мира никогда не увидят Мать – богиню Мира вживую и со столь близкого расстояния, для большинства оставшихся в подавляющем меньшинстве счастливых это произойдёт действительно once-in-a-lifetime.

Классно, да? Но только вот такая штука: из базового лагеря Эвереста вершина... не видна. Что, серьёзно? Вполне: её загораживает стена слабовыраженного по формам семитысячника Нупцзе. Зачем же тогда идти в ЕВС? Ладно, слушайте.

Итак, приём таблеток «от головы» в Лобуче, где до цифры пять тысяч не хватает лишь 70 метров. И переход на 5200, в Горак Шеп – последний стационарный лагерь на пути к Эвересту. «Gorak Sher» на шерпском языке означает «Мёртвый Ворон». С «мёртвым» правильно: лагерь и небольшая деревня шерпов расположены на берегу замёрзшего дна озера, покрытого песком. С другой стороны, «ворон» живёт полной жизнью и даже претендует на звание самого высокогорного постоянного селения в мире с самой такой же гостиницей. В общем, заходите, если что.

Организаторы трекингов поступают, на первый взгляд, не очень рационально: пришедшим в Горак Шеп путешественникам они дают порядка двух часов отдыха, а потом ведут в ЕВС. Но объяснение этому есть. Как бы ты паршиво себя ни ощущал на предыдущей стоянке, но к моменту прихода в «самый высокогорный» всё-таки «расходишься» и, посидев полчаса, чувствуешь какой-то запас сил. Но если тебе дать передых с ночёвкой, то утром... можешь и не встать. Не то чтобы совсем не встать, но не подняться для выхода вверх – будь то ЕВС или что угодно. Ну, мы и пошли в тот же день, что достигли Горак Шеп: на силе, на воле, на «расхоженности» – понимайте как хотите. С целью увидеть святая святых – место, откуда сверхчеловеки стартуют на сверхвосхождения. Увидеть и понять: там ничего нет... Первого октября, когда мы пришли в лагерь, там не было даже палаток – не сезон для восхождений. Лежали два остова испорченных или упавших вертолётов, и всё... Так зачем? Ну я же сказал: «святая святых». Once-in-a-lifetime.

С нами отправился сирдар и *не* пошли двое сопровождающих – *специальных* людей, назначенных Махендрой. Они не были альпинистами, а касательно посещения ЕВС предполагаю, что оказались здесь в первый раз. Для чего же их приставили? Для того чтобы «решать вопросы» на маршруте, что они успешно делали. Но в Горак Шеп «специальные» откровенно сломались, и в ЕВС мы ходили без зоркой опеки.

Если же говорить о суперинтересном событии за пределами лагеря Матери – богини Мира, то это подъём на упомянутую в сертификате обзорную вершину Калапатар. Да, утром тебя ломает не по-детски. Специальные люди по-прежнему влётку, да и мы не намного лучше. Но собираем остатки воли в комок и карабкаемся по склону ещё 300 метров вверх, чтобы... Чтобы опять ничего не увидеть, если придут облака. Три моих подъёма сюда в разные годы разложились «по совести»: один –

в тумане, второй – с очертаниями гор, третий... – вот этот раз был счастливым третьим! Мы оказались на площадке 5545, откуда видно *всё*: глыбу Эвереста; пик Нупце – семитысячник, который в результате «обмана зрения» смотрится выше Джомолунгмы; и, напротив, уменьшенную тем же эффектом «верхушечку» той самой драматической Лхозце. За нашей спиной, совсем близко – семитысячный Пумори, справа вдаль – Ама-Даблам.

Эмоции? Я довольно излагал про эмоции. Они, конечно, присутствовали. И в отличие от покоряющих Эверест суперменов, нам не нужно было, не успев насладиться вершиной, бежать вниз во избежание замерзания и смерти. А здесь, на Калапатаре, выглянуло солнышко, и мы, переполненные восторгом, достали мужские туалетные принадлежности и стали... бриться, прощаясь с выросшими за дни путешествия бородами. Обстоятельно намыливаясь, неторопливо вода лезвием по щекам, опрыскиваясь парфюмом и похлопывая гладкую кожу ладошкой.

Король уехал

Махендра снова встречал нас в аэропорту Катманду. Вежливо поинтересовавшись успехами на маршруте, он сразу перешёл к *остальному*.

– Надеюсь, друзья, вы взяли из Москвы костюмы и галстуки для участия в официальных мероприятиях?

– Конечно, взяли, – дружно ответили мы, поскольку были предупреждены об этом заранее. – О каких мероприятиях идёт речь?

– О съезде NRNA – Всемирной ассоциации непальской диаспоры, он открывается сегодня.

Так мы узнали, что хозяин «Кукушки» является ещё и председателем Координационного совета Ассоциации зарубежных непальцев-соотечественников. И заодно лицезрели совсем другой, неизвестный нам ранее Непал. Блеск очередного пятизвёздного отеля вместе с пятьюстами ухоженных и прекрасно одетых представителей нации из других стран резко контрастировал с запылённым, загазованным, бедным пространством непальской столицы всего в нескольких километрах отсюда.

Однако это не стоило называть «пиром во время чумы», скорее, напротив: собравшиеся искренне желали сделать «чуму» если не «пиром», то хотя бы приличной столовой. Участники съезда единодушно проголосовали за создание Фонда помощи стране и сразу же решили вложить в этот Фонд по несколько тысяч долларов персонально с каждого делегата. Над головой президиума висел крупный плакат с надписью «Fog Nepali by Nepali».

Оценив благородные намерения богатой и почтенной публики, разбираться в сути которых в наши задачи не входило, мы вкусили в перерыве между заседаниями чудодейственных коктейлей, которые приятно цепляли за мозги и вряд ли содержали кукри-ром, а затем вернулись в зал. В концертной части съезда вместо знакомых нам непальских плясок-дудок-барабанов был предложен эксклюзив – пластичная, с огромными глазами, обритая наголо певица Ани Чоинг Дролма.

Честно признаюсь: спроси любого из нас накануне, кого из непальских исполнителей песен знает, ответ получился бы предсказуемым: никого. Теперь же появилось пусть и одно имя, но такое, что запоминается надолго. Необычность аранжировки буддистских песнопений дополнялась биографией исполнительницы: простая семья, жестокий отец, угроза раннего замужества и уход в монахи. Но именно монастырь помог девушке раскрыть свой талант: Ани Чоинг Дролма попала в послушницы к знаменитому ламе, который научил её традиционному пению. Начав сольную карьеру в 1990-е, молодая непалка к нашему приезду стала звездой мирового уровня.

На съезде и на великолепном банкете в парке после завершения сессий Махендра чувствовал себя... Сказать, что «как дома»? Будет неточно. Просто «дома»? Вновь слабовато. Махендра ощущал себя *хозяином дома*. Он запросто знакомил нас с правительственным кабинетом: вот это – министр финансов, а это – туризма, а этот отвечает за сохранение окружающей среды...

Начиная постепенно приходить в себя после «прогулки» под Эверест и вдоволь насладившись VIP-непальским гостеприимством, я задался вопросом: «А где же...?» Но махнул рукой и спрашивать не стал.

Но во второй день съезда ситуация, как говорится, разрешилась сама собой: в президиуме появился принц Пар с супругой. Тот самый принц Пар? – спросите вы. Да, тот самый, всё сходится. Крупный, вальяжный, улыбающийся и вполне довольный собой принц зачитал делегатам съезда приветствие короля Гьяна.

Я перестал слушать делегатов и караулил сидевшего в президиуме рядом с Паром Махендру – тот периодически уходил по своим делам за кулисы. Наконец поймал хозяина «Кукушки» плюс какой-то существенной, невидимой «над водой» части Непальского королевства и спросил:

– Господин Махендра, мы так благодарны вам за путешествие, интересные и полезные встречи. Но можно ли выполнить вот какую просьбу – встретиться и побеседовать с принцем Паром?

– Конечно! После заседания у нас намечено фотографирование почётных гостей вместе с принцем и правительством. Вы, разумеется, в их числе.

Фотографирование состоялось, и, после того как фотоаппараты отщёлкали положенное, я подошёл к Пару и представился. Принц был вежлив и доброжелателен, сказал даже, что готов исполнить любое моё желание. Восток, он и в Непале восток.

– Я хотел бы поговорить с вами, ваше высочество, о *тех* событиях...

– Каких «тех»?

– Первого июня 2001 года.

Пар мгновенно посерьёзней и, плохо скрывая недовольство, отрезал:

– Я не даю интервью по этому вопросу.

Коротко поклонился и вышел.

У меня будто заноза сидела в одном месте, я вообразил себя Шерлоком Холмсом, раскрывающим очередное и самое запутанное дело. Вновь зацепившись за всегда доступного Махендру, я сформулировал перед ним совсем уж дерзкую задачу – увидиться с королём Гьяном.

– Вы хотите посмотреть дворец? Но мы же планировали завтра взять самолёт для осмотра Эвереста с воздуха.

– Спасибо, вроде налетались...

– Значит, полёт отменяем и едем во дворец?

– Да, и желательно встретиться с королём.

– Х-м... Я попробую.

Махендра в который раз подтвердил свою влиятельность: на следующий день мы поехали во дворец Нараянхити, доступ в который был открыт лишь для избранных. Через несколько охраняемых вооружёнными гурками проходных, сквозь высокий забор, мимо огромных деревьев с висящими на них летучими собаками «бэтс» мы вошли в комплекс зданий, напоминающий собой многоуровневую буддистскую пагоду. Внутри дворца Махендра, как обычно, взял на себя роль одновременно экскурсовода и хозяина и показывал нам достопримечательности. Смотрите, вот венец непальских королей: в нём присутствуют перья павлина, волосы яка и драгоценные камни. А этот ковёр сделан из шкуры тигра. Здесь – залы приёма гостей, а здесь – комнаты для сопровождающих...

– Но где же сам король?

– Ах, да, король... Король, к сожалению, уехал в Покхару.

– И принц Пар?

– Да они поехали вместе.

– Можно ли осмотреть парк?

– Зачем вам парк?

– Здесь душно, хочется подышать свежим воздухом.

– Конечно-конечно...

В парке я искал... Нет, *тех* сооружений уже не было. Как и того дивана, который переворачивал Пар, спасая от выстрелов принца Дипа мать, нынешнюю королеву Ком. Но сохранились стены основных зданий, на которых отчётливо виднелись следы от пуль.

Огибая дворец, мы наблюдали, как автомобильный кортеж покидает территорию Нараянхити. Всё сходилось: король, видно, по сложившейся традиции, уезжал в Покхару...

Спустя несколько дней, прощаясь и выражая Махендре слова признательности, я спросил хозяйина «Горбушки»:

– Почему вы вкладываете деньги в Россию?

– Потому что мы любим Россию.

– Кто «мы»?

– Я и король.

– Вот как?! Значит, на нашей родине работают королевские деньги?

- Да, работают.
- Россия – самая выгодная страна для вложений?
- Безусловно, – засмеялся Махендра. – Вместе с Белоруссией, Индией, Кипром, Камбождей, Танзанией – да что ж я вам буду перечислять все выгодные страны!
- А сколько времени вы отводите существованию монархии в вашей стране?
- О, недолго! Думаю, года три, – с поразительным спокойствием и даже улыбкой ответил Махендра.
- И тогда ваш совместный с королевской семьёй бизнес «накроется»?
- Ну что вы! Всё останется как есть!

ЭПИЛОГ

Горячий камень

Жил-был я. Жил уже давно, немало видел и хватил всякого, хорошего и плохого. Побаливали суставы ног, давали себя знать сломанные рёбра, утрачивалась прежняя гибкость. Алкоголь уже не приносил веселья. Сюжеты действительности перестали делиться на чёрные и белые, а люди – на друзей и врагов, не так остры стали ощущения радости и горя. А зря: жить в контрасте было интереснее и проще!

Однажды на улице в Катманду у меня порвался ботинок – зацепился за что-то острое. Я остановился и с неудовольствием рассматривал повреждённую кожу. Тут ко мне подскочил мальчик и на ломаном английском языке предложил услугу по мгновенному ремонту. «Ладно, давай», – согласился я, а мальчик достал простейший набор из нитки с иголкой, сделал несколько стежков и с добродушной улыбкой протянул мне ботинок. «Н-да, быстрая, но пустая работа», – с такими мыслями я сунул пацану доллар.

– No, no, sir, good job, – заявил «сапожник», – ten dollars.

– Ты что, парень, какие десять долларов?!

Мальчик прицепился ко мне и не отставал. Стоило просто дать ему пинка и удалиться, но я поступил по-другому: бросил десятидолларовую бумажку себе под ноги. Укоризненно глядя на меня, мальчик бумажку подобрал...

Я наблюдал его и позже – пацан так и вертелся возле отеля. Грязный, худой «спекулянт». Хотя и сам я виноват: прежде чем получать услугу от непальца, надо непременно заранее обговорить цену. Потом, проезжая по улочке на велорикше, я случайно увидел и жилище мальчика – вход в лачугу закрывали лишь занавески, в тот момент раздвинутые. Не знаю насчёт папы, но маму мальчика и кучу маленьких детей я застал. Мой настырный «предприниматель» приносил им скромную еду: рис, лук, морковь, воду. Еды явно не хватало, и мама горестно взмахивала руками. Мальчик что-то обещал в ответ и снова уходил за добычей.

Во мне шевельнулись иные, далёкие от возмущения несправедливой сделкой чувства, я сам накупил еды и вечером принёс её в эту семью. Мальчик, его звали Ишвар, тоже посмотрел на меня другими глазами и клятвенно заверил, что теперь будет ремонтировать мою обувь или одежду бесплатно. Улыбнувшись, я отказался, поскольку порванные ботинки выбросил и купил другие. попрощался и ушёл в отель.

Утром следующего дня Ишвар ждал меня у входа в гостиницу. Я, было, достал ещё десять долларов, но мальчик с достоинством отказался. Между нами состоялся следующий диалог.

– Сэр, вы были добры к нашей семье, и теперь наступила моя очередь сделать доброе дело.

– Спасибо, я очень тронут.

– Сэр, я вижу, что вам уже много лет, и я хочу помочь вам снова стать молодым.

– Однако! Каким образом?

– Вы, наверное, знаете, что в Катманду есть ступа Сваямбунатха?

– Конечно, знаю.

– Но не знаете про страну Агартху...

Это было слишком! Нищий мальчик знает про страну Агартху? Что тут подумать...

– Я знаю про Агартху! Ты хочешь мне показать, где она находится?

– Да, сэр, вход в неё расположен на Обезьяньем холме, рядом со ступой.

Вот как! Это что, какая-то разводка? Может, мальчик по-прежнему на меня обижается? Или это игра? Что ж, рискнём сыграть...

– Я слышал, что через Агартху можно вернуться в прошлое. Но разве вход доступен для всех?

– Нет, сэр. Я пошёл туда вместе со своим отцом – он хотел заглянуть в Агартху, чтобы вернуть собственную молодость и сделать нашу семью счастливой. Отец не вернулся. Но, показав мне дорогу в Агартху, он сказал: этот вход открывается только тогда, когда боги посылают нам свой знак – грозу, молнию, падение метеорита, солнечное затмение.

– Как же ты покажешь мне вход, когда всё спокойно?

– Ждите, сэр! Когда будет знак, – я предчувствую, что он поступит скоро, – я обязательно приду за вами.

Сдерживая улыбку, я продолжал любопытствовать:

– Хорошо, я войду туда, и что? Увижу тысячу дверей?

– Вы знаете и про тысячу дверей?

– Да, знаю.

– Вам не стоит заходить в эти двери. Прямо у входа лежит камень. На нём высечены мантры. Следует обязательно взять с собой рукавицы, потому что камень горячий. Вам потребуется только унести камень из Агартхи.

– А что написано на камне?

– Прежде чем остаться в Агартхе навсегда, отец крикнул мне содержание надписи, а я записал, чтобы не забыть.

Ишвар достал из кармана скомканную бумажку, развернул её и прочёл: «Кто поднимет этот камень на площадку перед храмом Сваямбунатха и там разобьёт его на части, тот вернёт свою молодость и начнёт жить сначала».

Смешно. Что-то такое я читал в детстве. У одного советского писателя. Неужели его знает и мальчик, а теперь рассказывает мне красивую и грустную сказку про горячий камень? Ну ладно, не буду заморачиваться...

Восхождения нынешнего весеннего сезона я завершил и собирался обратно в Москву. Ещё два дня гуляний и покупок в Катманду – и вылет домой. Вечером мы посидели компанией в «Garden of dreams» и вернулись в отель на ночлег. Какой знак, какая Агартха?!..

Но *это* случилось. Вы ждёте, дорогой читатель, чтобы я назвал конкретный день? Я назову. И день, и час. Это произошло утром 25 апреля 2015 года.

Мы проснулись не слишком рано и неспешно позавтракали. Ну что, прощальный пробег по Катманду? Пожалуй! А куда? Несмотря на вполне обозримые размеры города, я в каждый приезд ловил себя на том, что чего-то так и не посмотрел. Неужели оставшиеся без моего внимания объекты удастся выявить и на этот раз? Да, так и получилось. И мы направились к открытой для посещения башне Дхарахрахара, построенной ещё в 30-х годах XVIII века.

В малоэтажной непальской столице башня считалась почти высотной – целых шестьдесят два метра. По винтовой лестнице из 213 ступеней мы поднялись на смотровую площадку и, в который раз вообще и в первый – с этого места, посмотрели на долину Катманду. Спокойный город дымил, шумел, переливался цветными красками...

Спустились, отошли метров на триста и... Повело. Такое ощущение бывает разве что после «литра выпитой», да и то ускоренными темпами. Закружилась голова, равновесие нарушилось, земля «загуляла» под ногами как живая.

«Загуляла» и башня. Начав зримо шататься, блестящий на солнце пятиметровый шпиль отломился и полетел вниз; вслед за ним всё сооружение стало раскалываться и оседать по кускам. Мозг отказывался верить в реальность происходящего: картина точь-в-точь напоминала компьютерный мультфильм. Качались деревья и дома, а люди внезапно прекращали передвижение и скапливались в кучи.

Это гораздо позже стало известно, что апокалипсис продолжался лишь несколько десятков секунд, но во время наступившего *ничто* никто не мог понять, сколько времени длится кошмар и сколько ещё предстоит его вытерпеть. А голова начинала в сверхскоростном режиме анализировать случившееся. На что из виденного ранее это похоже? Пожалуй, на лавину в горах. Гром,

толчки, снежная пыль... Но где тут снег и где горы? И пыль вовсе не снежная. В следующие доли секунды мозг выдвинул следующую версию – ядерный взрыв! И сразу же её отнёс: если уж такое где произойдёт, не дай бог, то уж точно не в Катманду. И наконец, вместе с собственным просветлением послышались крики туристов: «Earthquake! Earthquake!! Earthquake!!!» Да, это было землетрясение.

Мысли мгновенно сменяли одна другую. Однако, судьба! В башне могли быть и мы... Люди! Там же остались десятки людей... Что делать?!

Видимо, начал работать инстинкт, который зовёт человека к своему дому, пусть и временному. С нашим такси ничего не случилось, водитель не уехал и в панике бегал рядом с машиной, мы запрыгнули в кабину и помчались в Тамел. Толчки прекратились, но нас то и дело будоражили звуки, похожие на выстрелы, однако вскоре мы вздохнули с облегчением: это многочисленные торговцы захлопывали металлические жалюзи на лавках...

По дороге встречались возникшие на асфальтовом покрытии большие разломы. Трещины виднелись и на старых зданиях. Некоторые заборы повалились. Рухнули палатки, навесы, покосились крыши на хрупких зданиях. Болтались порванные провода. Незыблемым, фундаментальным чудом смотрелся окружённый высоким забором королевский дворец Нараянхити – теперь общедоступный музей. В комплексе не было заметно ни единого повреждения, только тысячи белых цапель, ворон, «бэтс» оторвались от веток и зловеще, ужасающе кричали, каркали, пищали в дымном и пыльном небе. По-прежнему неспешно и торжественно возносили пепел к небу погребальные костры в храме Пашупатинатх, будто бы ничего и не происходило. В сознание на смену экстремальному прилетало философское: а что может измениться у тех, для кого смерть уже произошла...

Отель стоял как ни в чём не бывало, повалились только вазоны с цветами и расплескалась вода из бассейна. Менеджеры находились рядом и убеждали нас временно не заходить в здание. Острой необходимости в этом и не было, поскольку деньги и документы мы всегда носили при себе. Остальное же, когда мгновения назад вопрос стоял о жизни и смерти, временно не имело значения.

На всякий случай не отпускаем такси, да автомобиль и не стремился уехать, даже напротив: не зная, что предпринять, молодой водитель-непалец жмётся к нам, видимо, ощущая себя при этом в большей безопасности.

И тут – всякого, конечно, следовало ожидать, но не этой сбывающейся фантасмагории: ко мне подбежал мальчик Ишвар.

– Поедте скорее! *Это* будет там! *Это* произойдёт сейчас!

Всё рациональное во мне исчезло. В отключённом от реальности гипнотическом состоянии я показал мальчику на машину, и мы тронулись к Сваямбунатхе. По дороге попало целиком рухнувшее четырёхэтажное здание, в облаке летающего мусора мы объезжали груды кирпича, бетонные перекрытия, обломки досок. В этом хаосе появилось множество незаметных в обычный период полицейских, которые – чудо! – не паниковали, а энергично выполняли свою работу: отвечали на вопросы, регулировали движение, помогали собрать разбросанные вещи. Множество стихийных или организованных спасателей – по внешнему виду этого было не понять – сновали между домов в поисках пострадавших, переносили их, оказывали первую помощь.

Уже издали стало очевидно: венчающий Катманду священный буддистский храм Сваямбунатха на Обезьяньем холме, к которому мы направлялись, устоял. Не замечалось следов разрушений и вблизи, лишь полчища обезьян с визгом прыгали по деревьям и носились по округе, отчего ощущение кошмара не улетучивалось.

В переводе с непальского слово «сваямбху» означает «возникшая сама по себе». Сваямбунатха – самая священная ступа в Непале. Как говорил Его Святейшество Далай-лама XIV, ступа Сваямбу – источник счастья для всего мира. Распространено предсказание, согласно которому начнётся упадок буддизма, «когда два клыка придут есть ступу». «Клыки» – это индуистские храмы – мандиры, построенные возле ступы, по форме и цвету действительно напоминающие клыки.

Мы с Ишваром подходим к началу крутой лестницы из трёхсот ступеней и начинаем подъём к ступе. В этот момент раздаётся второй подземный толчок. Редкий обезьяний визг сразу становится массовой одуряющей какофонией; каменная лестница извивается, словно живая змея, с деревьев на холме летят ветки и листья...

Один из «клыков» – мандиров рядом со ступой внезапно складывается гармошкой и рассыпается в горку разбитых кирпичей. Пространство возле ступы раздвигается, и перед глазами возникает тёмная мерцающая глубина...

Из сводки геологических служб:

«...Причиной землетрясения явилось внезапное высвобождение накопленных напряжений на линии геологического разлома, где Индостанская плита медленно погружается под Евразийскую. Город Катманду, стоящий на блоке земной коры размерами примерно 120 на 60 километров, в результате землетрясения сдвинулся на три метра к югу...»

– Смотри, смотри, вот он, вход! – закричал Ишвар.

Я увидел вход в Агартху. И череду светящихся дверей. И тени. Мориса. Эда и Тена. Володи. Короля Бира и принца Дипа. Гауптмана Грота и капитана Гусева...

И камень. Да, камень лежал у входа. Я поднёс к нему ладонь и даже на расстоянии почувствовал – камень и вправду был горячим.

– Что же ты медлишь? – затормозил меня Ишвар и протянул рукавицы. Мы подхватили камень, положили его на мою куртку и с трудом, то и дело отдыхая, оттащили его к ступе. На камне действительно виднелись высеченные мантры.

– Теперь разбей его! – за спиной у мальчика висела заранее припасённая кирка.

Я взял кирку, повертел её в руках; подумал, сколько ударов потребуется, чтобы разбить прочный камень. Да, пожалуй, его всё-таки можно разбить. И... протянул кирку мальчику. Ишвар приостановил движение моих рук и выжидающе поднял на меня глаза. Он подумал, что я предлагаю разбить камень ему:

– Нет-нет, вы должны сделать это сами!

Тогда я положил инструмент на землю.

– Ты, конечно, думаешь, что я стар и несчастен.

Но представь: я стукну по камню и начну жить сначала. «Э-э-э, – скажут соседи, увидев меня помолодевшим. – Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет всё начинать сначала».

Да, я тонул, но выплыл.

Я замерзал, но согрелся.

Я ломал кости, но они срослись.

Я видел величайшие в мире горы и равнины, моря и океаны.

Я знал лучших в мире женщин.

Я воспитал детей, которыми горжусь.

Это ли не счастье?

Тебе, Ишвар, хочется узнать путь к счастью? Один умный человек по имени Тенцзин поведал мне, что пути к счастью нет. Само счастье и есть путь...

Подземные толчки прекратились. Плита у ступы встала на своё место, вход в Агартху закрылся. Но камень остался лежать наверху. Неразбитым. Люди смотрели на камень, размышляли, качали головой и шли своей дорогой. Наверное, они думали так же, как и я. А может быть, не могли понять смысл надписи.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – родился 7 февраля 1948 года в семье военного лётчика-фронтовика. Окончил в 1972 году фил-фак (отделение журналистики) Воронежского государственного университета. Служил в Советской армии, работал электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, был редактором отдела прозы журнала «Подъём», главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди». Сегодня вновь работает в литературно-художественном журнале «Подъём».

Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор 10 книг рассказов и повестей, выходивших в книжных издательствах Воронежа и Москвы. Член правления Воронежского регионального Союза писателей России. Член общественного Совета по оценке деятельности учреждений культуры при Департаменте культуры правительства Воронежской области. Лауреат журналов «Берега» и «Сура», лауреат Воронежского областного конкурса «Кольцовский край» в 2017 году. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля во имя Святых Бориса и Глеба (2019). В 2007 году постановлением Центрального Совета Всероссийского Союза общественных объединений ветеранов десантных войск награждён медалью «За верность долгу и Отечеству».

Богу – богово

Рассказ

Обустроив рай и увидев, что это хорошо весьма, «бог» положил себе за правило отныне регулярно прогуливаться здешними романтично вьющимися загадочными тропинками. Тут он будет восстанавливаться духом и свежить мыслями.

На этом деянии все другие «боги» стали просить его остановиться. И без того работа проделана немалая. А вот создавать Адама и Еву они всем кагалом попытались отговорить «бога».

«Ты же знаешь, что тогда начнётся. Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. От людей одна головная боль начнётся!»

«Волков бояться – в лес не ходить... – вдохновенно улыбнулся «бог». – Рай без людей – обычный парк. А мне изюминка нужна! Радость души и сердца! Да, не исключено, что появится много проблем с Адамом и Евой, но, уверен, будут и такие минуты радости, которые способны оправдать любые печали. В общем, сомнения прочь. Готовьтесь».

С тех пор за многие годы «бог» убедился в своей правоте. Он всегда с особым удовольствием брал на прогулку Адама и Еву. «Богу» нравился девчоночий смех Евы и не по годам строгие мужские размышления Адама. Которые при всём при том были чистосердечно наивны и по-особенному забавны. Ева всегда с радостью соглашалась прогуляться с «богом» и благодарно чмокала его в щёку. Неискушённая, она, тем не менее, каким-то особым, даже ему непонятным образом день ото дня всё более обретала сокровенную женственность. То губки соком вишнёвым озорно помажет, то повяжет на шею тонкий гибкий стебель вьюнка с белыми колокольчиками, а другой день, скажем, с фиолетовыми. А вот Адам на призыв «бога» к прогулке всегда отзывался с напряжением, словно преодолевал что-то в себе. Занятый делами в саду, он считал своё мужицкое умение управляться со всяким деревом, кустом или травой более важным, чем какие-либо самые заумные разговоры о Вселенной и брэнном человечестве. Кстати, Адам так и не привык называть «бога» Создателем или хотя бы Отцом. Да и Ева в этом плане тоже оказалась не лучшей ученицей. Она вообще «бога» с простодушным умилением называла невесть откуда ставшим ей известным словечком «папенька». «Бог» сдержанно недоумевал: кто же мог замусорить ей голову таким жеманным низким словцом?

Разве что пройдоха Змей-искуситель? Но тому вроде бы рановато вмешиваться в ход библейских событий... Отмашки такой он ему ещё не давал.

В любом случае в сметливости не по возрасту Адаму было трудно отказать. Однажды он одним своим эдаким вопросом самого «бога» едва не лишил дара речи.

Вышло так. Полдень. Напористое Солнце на взлёте и едва ли не брызжет пламенем. Адам с ведром и веником упёрто опрыскивает райские яблони полынным настоем – от плодоярки.

Осталось стволов десять – и в тень, на временный отдых.

И тут – вот он идёт, «бог», с другими «богами» в торжественно развевающихся белых одеждах, точно на вольных густых облаках восседают.

– Получается, сынок?..

– Кто его знает... Время покажет, батя. Очень уж проворная эта плодоярка. Может, даже придётся ловушки с квасом расставить по саду.

Адам по возможности аккуратно и, само собой, подальше от «бога» звучно высморкался на траву.

– Вопрос можно?..

Глянул на «бога» исподлобья, но достаточно жёстко для своих молодых лет.

– За чем стало?.. – настороженно усмехнулся «бог» и не без печали мысленно отметил про себя: «Кажется, переходный возраст начался у мальчишки».

Адам в самом деле не по годам день ото дня проникался особой вёрткой мудростью, всё чаще ставящей «богов» в тупик своей острой пронизательностью.

– Достали меня дальше некуда все эти гусеницы, улитки, бабочки... – строго вздохнул Адам. – И зачем ты только их создал?

«Бог» значительно нахмурился.

– А цветоед, тля, клещи, щитовка? Или медведка, дрянь эдакая?! Житья нет от этой пакости.

– «Бог» не ошибается... – каким-то нудно-строгим голосом отозвался «бог». – У меня всякой травке, всякой живности уготовано своё высокое предназначение! Но каждому овощу своё время.

Адам чуть ли не весело фыркнул, отряхнул фартук и лёг на траву, лениво потянулся к зачитанному томику Библии.

– Ты чего лыбишься?! – навис над ним «бог».

Тут какая-то райская птичка безбоязненно села ему на плечо и дерзко рассвисталась.

«Бог» машинально передёрнул плечами. Однако птичка никак улетать не собиралась.

– Говоришь, о всякой живности ты отечески заботишься?.. – натруженно вздохнул Адам, резко отбросив трепетно зашелестевшую книжку. – А зачем ты нас с Евой собираешься изгнать из Рая, а потом ещё и уничтожить всё человечество, которое от нас с ней народится?

– Откуда ты про это знаешь?.. – «бог» побледнел так, что лицо его как бы исчезло на фоне блестящей снежности тоги.

– От верблюда... – напрягся Адам. – Умные книжки читать надо. «Библия» называется. В райских кустах случайно нашёл на прошлой неделе. А ты не увиливай, пожалуйста, от вопроса: тебе не жалко будет столько народу утопить?.. Из-за какого-то паршивого яблока! И понапрасну! Потомки Ноя ещё хуже моих будут! Вот так, батя Бог.

– Слушай, сынок... – дёрнулся «господь». – Гляжу я на тебя сегодня и никак не врублюсь, чем ты меня озадачил? Только сейчас сообразил – да на тебе набедренная повязка из листьев! С какой стати?

– Я уже не ребёнок и не хочу вертеться голяком перед моей будущей женой... Да и перед богами неловко!

– Как ты допетрил насчёт своей наготы?! – глухо вскрикнул «бог». – Вы вроде яблоки с древа познания добра и зла ещё не крали?

– Больно нужны они нам! Кислятина. Не тот сорт тебе подсунули!

– Встань, когда с «богом» говоришь... – тихо, начальственно проговорил «бог». – Разлёгся тут, понимаешь...

– Сам нас такими сделал, а теперь напрягаешься...

Адам медленно, с ленцой привстал.

– Зачем ты людей утопишь? Ты же творец всего мира! Стукни посохом по земле, скажи своё волшебное божеское слово и наставь нас на путь истинный!

– Как видно, пора нам с тобой поговорить начистоту, юноша... – напрягся «бог». – Одним словом, я никакой не Создатель всего и всех... И твоя Библия здесь ни при чём...

Он напряжённо замолчал, машинально сорвал яблоко с дерева познания добра и зла, раздражённо цапнул мякоть зубами.

– Реальная кислятина...

Сплюнул раздражённо.

– Итак, юноша, да будет вам известно, что я не Господь Бог, а обыкновенный Платон Михайлович Бородин. Человек! Как ты, как Ева, как мои «боги». Есть, конечно, у меня одна закавыка... Я олигарх, то есть личность, у которой избыточно много денег. И без оных мне жить в этом мире достаточно тоскливо.

– Не врублюсь... – тихо отозвался Адам.

– Попытаюсь объяснить...

Накануне развала СССР Платон, лучший студент физмата ВГУ, в поисках реальных штатовских джинсов авантюрно вписался в компанию фарцовщиков, вскоре став самым нужным всему городу человеком по части честного обмена рублей на доллары. А вскоре, уже при Горбачёве, он создал первый в городе кооператив, а при Ельцине смело затеял торговлю левой водкой, – так что уже вскоре Платон единственный в городе ездил на заветном тогда для многих «тридцать девятом» BMW, а лет через десять возвёл в глубинах пригородной Нагорной дубравы неоготический замок, перед которым Рамонский дворец истинных Ольденбургских выглядел разве что «хрущёвкой». Став через пару лет во главе ГК «Галактика Главснаб», Платон Михайлович достаточно скоро появился на страницах «Форбса» в списке российских миллиардеров второго поколения. И с тех пор не покидал его, уверенно возрастая к заветной первой тройке.

Платон понимал всю неповторимую исключительность своего взлёта и, глядя с нынешних его высот вниз, всегда взволнованно ощущал, что это не он всего такого достиг, а какая-то неведомая, может быть, даже мистическая сила вознесла его невесть ради чего. Фаустианская ситуация? В любом случае он искренне предостерегал своих сотрудников от того, чтобы завидовать ему, а тем более пытаться самим повторить такой зигзаг удачи: «Даже не помышляйте вослед мне открыть своё дело – только погубите себя и свои семьи. Все доходные места в России ещё при Ельцине были распределены “богами” перестройки окончательно и бесповоротно. Так что не рыпайтесь и радуйтесь тому, что я вам достаточно щедро отстёгиваю!»

Всё чаще слово «бог» в том или ином контексте вырывалось из уст Платона Михайловича. А лет четырнадцать назад идея реально примерить на себя тогу «бога» и лично сотворить вновь рай и человека дерзко зацепила его. Кстати, именно тогда он узнал от своей бабушки Ангелины Фёдоровны, что, к счастью, не является атеистом, каким считал себя до сих пор, а был тайно крещён ей по всем правилам на сороковой день от рождения. Бабушка тайком, в корзине, аккуратно прикрыв дитя освящённым платком, носила его в соседний храм Святой Великомученицы Татианы, где батюшка и совершил над ним положенный духовный обряд, – отец Платона Михаил Георгиевич Бородин был вторым секретарём обкома КПСС, а мама, Наталья Александровна, после окончания факультета журналистики деятельно выпускала в местном книжном издательстве многолетнюю серию «Словарь безбожника» и была постоянным автором московского академического сборника «Вопросы научного атеизма».

В его начальных бизнес-усилиях маяком стал Герман Стерлигов. Душевного союзника он в нём подспудно почувствовал. Оба пришли в бизнес, по всему, не за деньгами, не за властью, а в русском поиске себя в себе. Стерлигов было биржу товарную открыл со сказочным названием «Алиса», намекая на возможность превращения России в страну чудес, то увлёкся созданием клуба молодых миллионеров, а как наскучило, приобрёл хоккейную команду «Аргус» и устроил в ноябре 1991-го изначальный в российской истории коммерческий хоккейный турнир «Миллион на льду» с невиданным у нас вознаграждением победителю в один миллион тогдашних рублей. А потом новый рывок вперёд и выше: Стерлигов то кандидат в губернаторы Красноярского края, то кандидат в мэры города Москвы, а на выборах 2004 года выдвигался в президенты РФ, да вот регистрацию, кажется, не прошёл почему-то. Сейчас чин по чину – фермер-отшельник. Как есть всей семьёй Стерлиговы окрестянились и готовы принять к себе на поселение всех ждущих новой жизни православных христиан.

Не «чах над золотом» и Платон. Все вопросы «купи-продай» решал он влёт, как бы играючи, почти авантюрно, и никогда не оставался в минусе, даже развлекаясь по ночам фондовыми сделками на вершинной Нью-Йоркской валютной бирже.

В общем, Платон как бы всё время находился в поиске новизны ощущений. Точнее, экстремальной новизны. Но даже фантастически успешные денежные обороты не могли дать ему нужные дозы адреналина. В итоге Платон покорила все четырнадцать вершин-восьмитысячников, дважды прыгал с парашютом из стратосферы, трижды женился на королевах красоты всероссийского уровня, правда, каждый раз не более чем на пару месяцев, и каждый пятничный вечер вдохновенно демонстрировал соучредителям в глубинах тяжёлого сигарного марева своё уникальное мастерство покерного блефа. Платон Бородин предпочитал техасский холдем за «живым» длинным столом на десять человек, окружённым толпой взволнованных завистливых зрителей. Ими были практически все сотрудники головного офиса, регулярно оставлявшие свои семьи часов до четырёх утра: Платон любил побеждать при достаточном стечении народа. Дилером всегда был директор складского хозяйства Альберт Авдеевич Фёклин, известный своей подобострастной старательностью во всяком деле. Чаевые передавали в местный Дом малютки. И это всегда была более чем достойная сумма.

Одним словом, Платон во всём был непредсказуем, и в каждом его шаге чувствовалась азартная победная поступь. Фирменные корпоративы у него обязательно предварялись квэстами типа «выйти из комнаты», «дом с привидениями» или «кошки-мышки». Поэтому среди его сотрудников чуть ли не каждый второй был ролевиком, автогонщиком, любителем флэшмобов и «Дозоров», иначе он надолго в команде Платона не задерживался.

Тем не менее Платон, привычный ко всяким экстремальным ситуациям, до сих пор не мог без онемения вспомнить, как заведующий его складами Альберт Фёклин однажды у него на глазах действительно скушал махонькую мышку.

Платон Михайлович в тот день, как всегда, объявился со свитой на складском хозяйстве внезапно и повёл Фёклина на обход – заценить соблюдение условий хранения товара.

И тут в тупике из-под деревянной решётки вдруг выявилась мышка: с прижатыми ушками, ссутулившаяся от крайнего страха. Она отчаянно приподнялась, то ли молитвенно сложив перед собой трясущиеся лапки, то ли судорожно готовясь к последнему бою.

Фёклин не стал долго разгадывать этот мышкин ребус: он как-то гадко усмехнулся и тотчас со зверской изворотливостью, которой самый матёрый котяра мог бы позавидовать, притиснул подошвой своих чёрных лаковых английских туфель складского «микки мауса». Всё это произошло беззвучно. Без всякого хруста. Как видно, у молодой мышки были молочные слабые косточки.

И тогда, взрыкнув, Альберт Авдеевич сгрёб горячее трясущееся тельце пятернёй – и в рот свой ёмкий полуживую отправил. Кажется, она так-таки глухо пискнула, как коготком царапнула.

– А был ли мальчик?! То бишь норушка-ворушка?! – гадким густым голосом сказал Фёклин и глухо кашлянул.

Платон лениво поаплодировал такой неординарной находчивости зрителя складов и велел свите тотчас на волне «уважухи» выдать ему из личного резерва бутылку изысканного семилетнего армянского «Ноя» с шоколадным бархатным послевкусием.

– Ты подал мне идею новой игры! «Съешь мышку!» Круто... – сдержанно усмехнулся Платон. – Завтра не забудь заглянуть в бухгалтерию. Премия получишь. Её тебе вполне хватит на свежую «ауди».

Альберт Авдеевич улыбнулся раскидисто, во все свои немалые щёчные пространства.

Расставаясь, Платон тем не менее не пожал вышколенно протянутую ему руку Фёклина. Ограничился двусмысленной улыбкой.

Как бы там ни было, он – депутат областной Думы, он же – генеральный директор ГК «Галактика Главснаб», по орбитам которой вращались далеко не небесные и весьма доходные материальные объекты в образе автошин, зерна, цемента, муки и многого другого, до сих пор чувствовал некую свою вину в нескладности судьбы Фёклина.

Четверть века назад он поднял свой бизнес в немалой степени именно благодаря Альберту Авдеевичу. Тогда, на излёте СССР, Платон сидел в кресле заместителя директора радиозавода по общим вопросам, а Альберт на том же предприятии пребывал в назначенной ему судьбой вечной должности заведующего складами. Так вот, накануне нового 1998-го, на предновогоднем корпоративе, в за-

водоуправлении Альберт Фёклин после трёх бокалов дешёвого «Советского шампанского» и стакана народной водки «Русская» взволновал Платона дерзкой откровенностью: на складах их родного предприятия скопилось невиданное количество неликвидных портативных радиоприёмников эпохи СССР с лирическим названием «Заря». Более того, Альберт, как бы сам того не желая, может быть, просто искусства ради, в озорстве профессиональной всесильности ловко вычистил из складских документов все признаки реального наличия этого густо запылившегося радиотовара. А провести инвентаризацию руководству завода было тогда не с руки: все силы уходили на отбивание рейдерских атак, скупку акций и обслуживание «перекрёстных» отцов новорождённых мафий.

Платон тогда впервые воочию услышал благожелательный трубный глас судьбы. И под эту торжествующую «ангельскую» музыку он более чем успешно на раз толкнул радиоприёмники в Турцию. Фантастический доход честно поделил с Фёклиным. Платон тотчас умело вложил свои деньги в торговлю мукой. Альберт в полном соответствии с принципом «из грязи в князи» ошалело, влёт потратил «бабки» на Карибы, Монте-Карло и модную одежду от лучших итальянских и французских кутюрье.

А когда через несколько лет Платон, уже имея состояние ненамного меньшее, чем у Романа Абрамовича, дерзко возмечтал примерить на себя библейские заботы Творца, он назначил своего директора складского хозяйства Альберта Фёклина на должность будущего райского Змея-искусителя.

Полчаса Фёклин хохотал над новой эпической игрушкой Генерального. Хохотал, конечно, это узко пояснено. Он то заискивающе хихикал, то всхлипывая, то восторженно хохотал а'ля Мефистофель или мышкой той самой складской нахально попискивал.

В итоге возрадованно и благодарно согласился, чуть ли не на колени рухнул.

– Каюсь, Платон Михайлович, каюсь! Простите, дурака... – через раз озорно, мальчишески всхлипывал Альберт Авдеевич и аккуратнo, почти застенчиво прижимал к лицу ладони, чтобы не орошать брызжущей слюной окружающее пространство. – Вы человек масштабный! Вам и с Богом потягаться можно...

– А ты, Фёклин, непростой мужик... – снисходительно заметил Платон. – Хитро на жизнь смотришь! А хочешь, я тебя в своём раю Змеем-искусителем назначу?! Штатным!

– Богу – богово! – улыбочиво откликнулся Альберт Авдеевич. – За мной, того, не заржавеет!

За неделю Платон составил смету работ и набросал чертежи будущего рая на двенадцати гектарах нынешнего городского старого яблоневого сада, оплетённого паутиной мёртвых ветвей сизо-зелёного бешеного огурца. Урожайи здешнего давно вышедшего в тираж сорта «Апрельское» уже не оправдывали ни стоимость поливки, ни оплату молдавским или таджикским гастарбайтерам-сборщикам. Сад какой десяток лет радовал разве что местных коз, нередко на закате меланхолично-задумчиво бродивших в здешнем душистом травостое под строгим хозяйским приглядом своего вооружённого посохом бородатого пастуха с явно библейской внешностью и одеянием. С областным Домом малютки Платон Бородин договорился насчёт своего опекуства над двумя младенцами обоего пола, будущими Адамом и Евой. Хотел было к такому действию привлечь Ангелину Фёдоровну, да решил, что пусть это лучше будет для бабушки подарком, разрешающим боль её многолетнего ожидания внуков. Была даже у Платона вовсе диковатая мыслишка, от которой в два счёта поехать можно, чтобы в своём дерзании стать «богом» открыться батюшке в храме, а, исповедавшись на эту невиданную тему, отчаянно испросить у него на такое дело благословение.

И пусть будет он «бог» с маленькой буквы и как бы в кавычках, но всё-таки... Кстати, какова степень тяжести такой неординарной духовной ноши? Тяготится ли реальный Всевышний своим созидательным бременем? У братьев Стругацких Антон-Румата в конце концов осознал, как трудно быть богом. Весьма трудно. Что ждёт его, Платошу?..

Неспроста он всё время ощущал, что с такими своими райскими намерениями и рассуждениями насчёт экспериментального обожествления явно переступает дерзкими шажками некую нематериальную грань, рискуя навлечь на себя что-то глубинно неведомое, неизъяснимое. Что это могло быть? В какой форме?

Как бы там ни было, от таких мистических рассуждений выброс молекул адреналина в мозг явно и упоительно зашкаливал – скачки сердца учащались, дыхание поднималось, как давление огненного пара в дымогарном котле локомотива, движения становились скорыми и решительными, как у атакующего матёрого зверя завязанного охотника.

Долго посмеивался над собой Платон Бородин: мол, эк его занесло – стать «богом»! «Всевышним»!!! Но, с другой стороны, почему бы и не примерить на себя роль «Создателя всего сущего»?

Мысль дерзкая, но такая креативная. И в немалой степени полезная для души! Вернее, для заблудших душ...

Когда проектировали будущую Райскую обитель, никаких признаков кары небесной не наблюдалось. Их Группа Компаний не только не разорилась, но даже прибавляла обороты.

Первым днём творения стала многоходовая покупка земли заглохшего, мертвенного сада под будущий рай. Хотя, конечно, были по такому поводу народные пикеты со всегда присущим им надрывом, бестолковой суетой, базарной горячностью. Имели место и поджоги бородинских складов с райскими стройматериалами, попытки сломать технику, но как-то всё это быстро поутихло. Неподалёку от сада в кустах нагло раскинувшегося плотной порослью американского тополя виднелись останки не выдержавшего конкуренции полуразвалившегося кафе с выцветшим названием над воротами – «Рай»: нынешнее всероссийское обиталище вольного народа бомжей – своего рода их перевалочный путь из варяг в греки. Именно этот факт существования почти в центре города настоящей республики бомжей сдержал местных жителей от настойчивых протестных пикетов и возмущённого стояния с полужестокими лозунгами перед зданием областной администрации. Бомжовый сад напрягал местных жителей, вынуждая их обходить это место как некую гибельную зону. Ко всему, Платон уверенно знал, как найти путь к сердцам простых людей: они скоро поуспокоились, вняв, что здешний яблоневый сад не только сохранится, но и через энное время, конечно, не завтра, прирастёт добрыми саженцами новых вкуснейших польских, австралийских и даже новозеландских сортов, а урожай будет раздаваться вёдрами бесплатно всем близживущим гражданам с обязательным продуктовым подарком в довесок, который под мышкой не унесёшь.

Во второй день творения Платон Бородин привычно посетил знакомые административные кабинеты и привычно произнёс там привычные в этих краях слова: он дал всем и вся честное «купеческое» слово превратить сад бомжей в буквальном смысле в подлинный земной рай. Тамошние двери, словно сами собой, привычно и даже весело распахивались перед ним – в здешних кабинетах, как и во всех остальных, бесчисленно имеющихся в наших родных краях, издавна, точнее издревле, стало традицией сугубо интуитивное взаимопонимание власти и людей, обременённых большими личными средствами.

И только один свежей выпечки молодой депутат с печально косящим болезненным глазом, случайно оказавшийся на пути Платона Бородина в недрах этих ответственных структур, обессиленно пискнул, как та самая складская мышка: «Зачем вам, деловому человеку всероссийской известности, какой-то старый сад-доходяга?»

Платон снисходительно рассмеялся, обнял его и тихо, почти нежно шепнул в ухо:

– Я устрою там Рай! Вам известно, что это такое? Только в Раю люди были счастливы. Правда, очень и очень временно.

– Это вы про тамошнее кафе? Да его никакой ремонт и никакие инвестиции не спасут... – юношески ярко, как-то даже электрически раскраснелся начинающий депутат, с которым всегда такое мерцающее алое свечение происходило, когда он вдруг задумывался о судьбах родного города, а то даже и страны в целом. Даже оба глаза его сейчас прямо и ответственно смотрели на Платона.

Платон мальчишески светло рассмеялся.

В третий день творения лучшие из лучших мастеров под аплодисменты редких жителей накрыли сад гигантским матово-серебристым надувным куполом, который с высоты пролетавших над городом самолётов с тех пор казался бельмом на глазу морщинистой городской физиономии.

В остальные дни творения внутри купола по распоряжению Платона Михайловича монтажники позаботились об освещении (Да будет свет), а ко всему оборудовали небо со всеми ему сопутствующими причиндалами, включая «светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знаменний, и времён, и дней, и годов».

Платон Бородин был явно доволен, что все работы в саду успешно укладываются в шестидневный библейский срок сотворения мира. Каждое утро он, оглядев мастерски, вдохновенно работающих монтажников, поощрительно говорил (как бы примериваясь к будущей роли Создателя): «И увидел Бог, что это хорошо».

– Гы-гы! – бодро отзывались мастера, сполна удовлетворённые райской оплатой.

Дерево жизни и дерево познания добра и зла Платон сажал лично. Ибо они были, по свидетельству Библии, произращены в Раю самим Господом Богом. Не отступать же от священных строк!

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла».

Однако коварная атеистическая петушистость так-таки тут и прихватила его. Взялся он за лопату никогда её не державшими руками с особым задиристым рвением. Свет и твердь, включая светила великие, всё это было рождено въяве от одного Божьего распоряжения «да будет», так сказать силой слова или взмахом руки. Вообще весь шестидневный процесс формирования Мироздания и Рая во всей его наполненности разнообразной жизнью выглядит в Библии очень достойно, величественно – создал, сотворил... То есть имеется налицо череда явно возвышенных действий, истинно Божеских, мыслью создавших землю, небесную твердь, моря, растения и всех живых тварей. А вот человека Бог руками «вылепил» из праха земного. Жену его по всем правилам из ребра Адама сотворил, причём под наркозом, наведя на того «крепкий сон». А сад райский Он так и вовсе самостоятельно... насадил! То есть как это? Вы только картину такую представьте: Господь Бог реально копается в земле... В руках у него остро наточенная лопата, классическая садово-огородная. Которую дачники обычно «штыковой» называют, некоторые – «заступом». И он с её помощью в полном одиночестве насаждает сад. Несомненно, в поте лица. А как если ещё и с одышкой? Покидай землёй лопату, если та явно целинная, сорняками густо захваченная. А где в это время его «боги»? В сторонке хихикают?!

Как бы там ни было, безрадостно приступил Платон копать полуметровые ямы под яблоневые саженцы. Была осень в середине, сад облегчённо оголился, винный запах падалицы стелился густ и печален.

Кстати, место для посадки того самого дерева познания добра и зла Платон тоже выбрал не на глазок, а с помощью теодолита, чтобы вышло, как и указано в Библии, в центре сада – «среди рая». Правда, сорт яблони Библия не указывала. Так что Платон по собственному разумению выбрал орловский синап с пылающим глянцевым румянцем. На роль дерева жизни ему вполне показалось росошанское полосатое, кстати, успешно плодоносящее в саду английской королевы Елизаветы. Саженцы Платон выбрал на осенней выставке-ярмарке «Дача. Сад. Огород» местного аграрного университета. Осматривал деревца так тщательно, как во времена оные лошадь при покупке.

Еженедельные занятия штангой в элитном загородном спортклубе показались Платону забавой, когда его лопата ткнулась в чернозём целинной твёрдости. Он ковырял её до нужной глубины с матерком. Пока горячие мозоли на руках не припухли. Одно укрепляло: Библия уверяет, что Создатель тоже не сторонился такой работы и был в ней весьма искусен: сам высадил все яблони в раю.

«Если бы он не был Всевышним, я бы сказал про него с уважухой – крепкий мужик...» – поморщился Платон, дую на мозоли.

...Всю зиму Платон был озабочен судьбой дров жизни и познания добра и зла. Загодя до морозов опилки вокруг стволов насыпал, понизу обмотал рваниной и старательно обложил можжевелевым лапником.

И саженцы не подвели. Весной оба выбросили лист яркий, нежный, напоминающий жадно раззявленные клювы только что народившихся птенцов.

И увидел Платон, что это хорошо.

В доме ребёнка ему подобрали замечательных мальчика и девочку, которых, когда оформляли опеку, по его просьбе назвали Адамом и Евой.

С тех пор дети росли в раю под доглядом «богов», «херувимов» и «ангелов» с высшим образованием не ниже Кембриджа. Когда повзрослели, хулиганистый в молодые годы Адам вместо бизнеса увлёкся выращиванием новых сортов яблонь. Так что «ангелы» прозвали его между собой «мичуринцем». Ева взялась за кисть, и вскоре рай по всему периметру был заставлен её работами, изображавшими «богов», «ангелов», а также кошек и собак, которые, несмотря на усиленную охрану, каким-то образом проникали сюда.

Запретное дерево познания добра и зла с годами основательно заматерело: каждую осень оно, как новогодняя ёлка шарами, было обвешано праздничными блескуче-алыми плодами. «Ангелы» бдительно, днём и ночью, доглядывали, чтобы Ева и Адам раньше времени не польстились на запретные яблоки. А в год, назначенный для изгнания Адама и Евы, оно вдруг начало необратимо желтеть и сохнуть.

В конце лета Адам спилил его. На раз-два. Кстати, не спросившись у «бога».

В ту августовскую ночь Платону приснилось, будто он не дал Еве сорвать злосчастное яблоко. Она уже руку к нему с лентой протянула... Взгляд томный, отрешённый. И тут вдруг он бдительно

объявился. Как античный театральный «бог из машины». И успел перехватить запястье Евы. Только стиснул его очень сильно. Она печально ойкнула.

Платон отпрянул и судорожно проснулся. Как перешёл из одного мира в другой. Прихватив с собой оттуда озаряющую мысль. Это был самый настоящий инсайт.

Выдворения из рая – не будет! Отменяется, ёшкин кот.

Платон не сможет выкинуть своих ребятишек за ворота. В конце концов, бабушка ему такого никогда не простит. Ему более чем хорошо известно, что Ангелина Фёдоровна годами печально мечтает о «внучатках». Или хотя бы о внуке или внучке. Пусть даже самых капризных и самых непослушных в мире!

Так что сегодня вместо изгнания он первым делом отведёт своих – да, да, «своих!» – детей к Ангелине Фёдоровне, и она, счастливо обомлевшая, полуобморочно засуетится немедленно приласкать их и накормить её едой, какую они ещё никогда не пробовали. Пушистая матовая пюрешечка со смуглыми сочными котлетами и малиновым пирогом к парному молоку!

А потом Платон аккуратно, шаг за шагом, приоткроет своим Адаму и Еве тот прекрасный человеческий мир, о существовании которого они долгие годы не подозревали под сводами райского пузыря.

– ...Что-то у тебя сегодня такой вид взъерошенный! Ты опять на всех парах сходишь с ума от какой-то новой авантюры?.. – осторожно заглянула Ангелина Фёдоровна в спальню Платона. – Пора тебе жениться, пора!

– В четвёртый раз?..

– Я не хочу умереть, не понянчив внучков!

– Кажется, такая возможность у тебя скоро будет, – усмехнулся Платон.

Сегодня он спозаранку появился в раю с самым что ни на есть праздничным, почти божественным настроением.

Жизнь впервые перестала быть для него игрой.

Он распахнул все двери и ворота рая, чтобы реальная земная жизнь напористо, вдохновенно хлынула сюда своими звуками, запахами, красками и торжественно разбудила Адама и Еву.

Платон отечески улыбался, сосредоточенный на том мгновении, когда сейчас он увидит как всегда радостно бегущих к нему наперегонки Адама и Еву.

Кстати, он распорядился заранее доставить в рай концертный рояль, конечно же белый, и конечно же поставить его на центральной аллее. Рояль сейчас свежо поблёскивал крупной глазастой росой. Седовласый строгий маэстро из местной филармонии был торжественно готов по первой же отмашке вдохновенно наиграть «Турецкий марш». Это действительно райская музыка.

– У нас проблема... – вздохнул, как всхрюкнул, Альберт Фёклин.

– Ты на что намекаешь?.. – напрягся Платон.

– Охрана никак не может найти Адама и Еву... Нигде. Потому что их здесь нет. Мальчик и девочка, того, сбежали... Объявить план «Перехват»?!

– Пока не стоит... – тихо отозвался Платон. – Давайте отнесёмся к совершившемуся факту по возможности мудро... Главное, ни слова обо всём этом Ангелине Фёдоровне! На кол посажу!

– Я слышу голос бога!.. – хихикнул Фёклин.

Платон сдержанно вздохнул:

– Если они бежали, то уже достаточно скоро наше земное бытие в его истинном виде раем им никак не покажется... Уверен, что Адам и Ева скоро вернуться с повинной...

– Вряд ли... – вдруг судорожно вздохнул Фёклин. – Побег детей на моей совести... Пусть я пожиратель мышей... Пусть лизоблюд! Но я хотел упредить их изгнание! Пожалел мальцов. Вот и решил совершить хотя бы один настоящий поступок в своей жизни... Как можно беззащитных детишек изгонять в такую безжалостную жизнь! Словно в мясорубку сунуть! Работы хорошей им не найти. Прописки нет. Их положение хуже, чем у детдомовцев. Натерпятса мальцы выше крыши. В общем, я дал им денег, научил, как ими пользоваться, передел и вывез в фургоне из рая. Никто из охраны не посмел меня проверять. Авторитет Змея-искусителя имеет вес! А теперь казните меня...

– Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт... – поморщился Платон. – Да будет тебе известно, что я и не собирался изгонять ребят! Во имя торжества вселенской справедливости перевернуть библейскую историю!

...Рай закрыли на замок. Вернее, на замки. Над городом зависли квадрокоптеры с бдительными камерами. В каждом районе Воронежа охрану выставили. Из числа самых преданных «богов» и «ангелов».

Была пятница, но впервые за все годы учредители остались без вечернего покера. По версии пресс-центра, Платон для всех уехал на охоту. И это было чуть ли африканское сафари. Поговаривали, что он давно мечтал увидеть сверкающую снегами и как отороченную кольцами облаков величественную танзанийскую Килиманджаро и прочитать у подножия этого вековечно спящего вулкана, лёжа в гамаке, одноимённый рассказ Хемингуэя об умирающем в этих местах писателе Гарри Смите. Кстати, Килиманджаро – это «Дом Бога» в переводе с языка масаев.

Дома за обедом Платон ничего не ел, включая фирменную яичницу с жареными помидорами от Ангелины Фёдоровны.

– Что-то не так, внучок? – тихо присела она рядом.

– Кажется, да...

– У тебя даже голос изменился... Обычно в детстве ты с такими интонациями вводил всех нас в ступор, требуя чего-то невозможного: «хочу научиться летать!», «купите мне живого слонёнка!» или «давайте этой зимой устроим во дворе такой большущий костёр, чтобы сразу наступило лето!».

– Ты почти угадала. Я до сих пор не успокоился в своих странностях, но, кажется, наконец достиг их логического предела.

У Ангелины Фёдоровны на щеках медленно нагустился румянец, что однозначно свидетельствовало о прыжке давления до уровня гипертонического криза:

– Ты наконец решил перекупить у Абрамовича его разнеможную яхту? Кажется, она называется «Затмение»?

– Да, бабулечка, «Eclipse».

– Она обошлась ему в пятьсот миллионов долларов?

Платон печально-детскими глазами посмотрел на Ангелину Фёдоровну:

– Дорогая моя бабушка... Я так виноват перед тобой... Одним словом, пора открыть тебе одну мою тайну... В общем, у тебя есть внуки... Мальчик и девочка. Им сейчас уже по пятнадцать лет.

Ангелина Фёдоровна строго вскинула подбородок. Очки с неё слетели, но она этого как бы и не заметила.

– Пятнадцать?! Так, так... Ты был тогда женат?! Да, да... – драматично вскрикнула Ангелина Фёдоровна. – Кажется, на этой... на Валушке... Режиссёр с нашего телевидения... Вот оно что... Зачем же вы разбежались, лешие? А о детках подумали?!

– Ни она, ни мои последующие жёны тут ни при чём, – усмехнулся Платон. – Я взял малышкой из Дома малютки.

– То-то я не раз замечала, что у меня с кухни стали исчезать то пирожки, то блинчики в таких количествах, какие тебе одному никак не осилить! – радостно проговорила Ангелина Фёдоровна.

– Увы, они всё равно сбежали... – напряжённо доложил Платон. – Что-то не так во всей этой райской истории у нас пошло. Не уложились мы в библейский сюжет.

– Был ты дитём, дитём и остался... – вдохновенно-мило улыбнулась Ангелина Фёдоровна. – Да я, почитай, с первых дней обустройства твоего картонного рая детишек под свою прямую опеку взяла! Спасибо скажи этому дылде Фёклину. С ним мы и провернули всю эту операцию. Адамчик, Евчонка!

На кухню заглянули две новогодние маски Деда Мороза и Снегурочки. Из-под них раздались загадочные вздохи. Маски огляделись, смущённо хихикнули и робко шагнули вперёд. Это были Адам и Ева с карманами джинсов, набитыми райскими яблоками. Кажется, даже с того самого дерева познания добра и зла.

– Здравствуйте, дяденька «бог»... – глухо проговорила Ева. – Мы хотим прощение у вас попросить за всё.

– Мы так боялись вашего проклятия... – строго вздохнул Адам. – Мы вас очень полюбили и ужасно не хотели изгнания. Нам бы тогда и с бабушкой пришлось расстаться.

– Ёлы-палы! – поморщился Платон и виновато посмотрел на Ангелину Фёдоровну.

...«И увидел Бог, что это хорошо»...

И возможно, ещё что-то увидел, чего нам и не понять, и не знать никак невозможно и не нужно.

Проза

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостиный Двор», «Литературная учёба», «Наши современники», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992), отмечен за книгу «Посылка из Америки» в номинации «Лучшая проза на русском языке 2019 года в Германии», на германском Международном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года» и др. В 2019 году вошёл в короткий список «Чистая книга» конкурса Ф. А. Абрамова, короткий список премии им. В. Г. Распутина. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Знак

Рассказ

Кузьма Лукич заходил в дом и, не замечая меня, семилетнего мальчика, здоровался с бабкой и дедом. Ставил в угол суковатый батожок и устремлялся в горницу...

Высокий, сутулый. Он зарос густой и широкой рыже-русой бородой. Круглые, со слезой, глаза, стриженная овечьими ножницами голова имела форму улья. Я не спуская глаз смотрел на Кузьму Комкова, на его нечёсаную, с проседью бороду, широкое лицо, горбатый нос и глубоко посаженные острые глаза. Пронзительная улыбка.

Садился он на лавку широко, основательно, как будто навсегда. Уставившись на деда своими колкими прозрачно-коричневыми глазами, как у филина, Лукич улыбался, спрашивал деда о колхозных делах, но разговор не налаживался. И тогда Кузьма вынимал из бокового кармана допотопную склянку с самогомом, замысловатую и гранёную, ставил на стол. Дед мой оживлялся, приносил стаканы, и бабка начинала заводиться – ворчать так, чтобы слышал Кузьма.

– И чего ходит? – ныла бабка. – От делов отводит... Вот и ходит, и ходит...

– Мать, а мать, – по возможности ласково и сердечно просил мой дед бабку – он называл её «мать», – дай-ка нам чего-нибудь зажевать, занюхать чего-нибудь...

– Вот как сойдутся пара – лапоть да сапог, не разлей вода... И всё «дай» им! А чего я вам дам? Так вот пили бы и пили, да вот болтовня и курятина...

Бабка лукавила. «Болтовня и курятина» бывала не часто, только на праздники: престольные или советские, и тогда бабка, покончив со всеми делами, сама уходила к соседке, не могла она терпеть подвыпившего деда, не в меру разговорчивого и храброго. Но и в простые зимние вечера временами горницу наполнял табачный дым, зависал под потолком облаком, на полу валялись оплёванные окурки, взрывы хохота приводили бабку в трепет, терпение её раскалывалось, истощалось.

– Мужики, – растворяя дверь из кухни в горницу, совестила бабка, – мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи? Дайте хоть поужинать спокойно. Поди-ка, и в уборную захотели?

И тут же накидывалась на главного виновника сборищ, на деда:

– А с тобой, доходяга, я после поговорю! Я тебя сковородником приласкаю!

И когда страсти накалялись, ссора набирала силу драки, мужики нехотя уходили...

Но самым главным и желанным слушателем был дед Кузьма. Тут открывались самые сокровенные дела и думы. Даже и в брежневские времена, когда, по слухам, снова начали хватать за болтов-

ню, открывались подкладки совсем не героической стороны прошлой войны. Один из таких дней особенно запомнился мне.

– ...Слышал, что наговорили тут эти вояки? – спрашивал дед Терентий никогда не воевавшего Кузьму, случаем ли, хитростью ли увернувшегося от призыва. – Слышал? – спрашивал дед после очередного сборища. – Прямо жуть берёт, герои. Когда войны и в помине нет. Языки они брали, штабы громили, кровь мешками проливали! А им было-то тогда кому двадцать, а кому и поменьше. Моему старшему и средненькому ровесники. Как же, и я понимаю, худо им было. У самого двое сыновей погибли, два брата и племян. Да эти-то все на фронт попали когда?

– Когда? – переспрашивал Кузьма без интереса.

– Когда уже попёрли немцев: сорок третий, сорок четвертый, вот когда. А вот когда от них драпали, худо им было, необстрелянным-то.

...Всё это, и приход Кузьмы Лукича в тот день в наш деревенский дом, и двух стариков-инвалидов: один – с культёй, другой – без ноги, не любивший искусственных «непослушных» протезов, а носивший самодельный, как в дупло втыкавший туда культю левой ноги, – живо вспомнилось мне теперь, когда я прочитал в газете «Неделя» за май этого года статью. Как по сердцу ударила: «Порядок клеймения». В 1942 году, 20 июля, вышел приказ Верховного командования сухопутных сил. Берлин – Шенеберг: «Советские военнопленные должны быть клеймены особым устойчивым знаком. Знак состоит из снизу открытого острого угла, около 45 градусов и 1 см длины, на левой половине ягодицы, на расстоянии пяти пальцев от заднего прохода. Знаки делать ланцетами, какие находятся в каждой воинской части. В качестве краски употреблять китайскую тушь...»

Это был праздник, верно, День Победы, и бабка не ворчала на то, что все четверо – и Кузьма, и дед, и двое инвалидов – все были под хмельком. Она всё что-то подавала на стол, то и дело меняла щи, картошку, жёсткую жёлтую солонину с аппетитным мясом и лубяной шкуркой резала ломтиками, а я делал вид, что учу уроки.

Бабка приносила грузди, ароматные, исчерна-розовые, в рассоле, и пухлые оладушки. От самогона отказывалась, её неволили, силком усаживали на табуретку, она пригубила, намочила язык и замахала ладошкой: «Ну яд, как есть яд...»

В конце концов не выдержала, увела меня из горницы, отгоняя ладошками дым от самосада, затворила за нами дверь в кухню, а я прилачился с уроками на краешек подоконника. В горнице дым стоял коромыслом. Друзья прикладывались к самогонке по единой, но неоднократно. Они перебивали друг друга, спорили, упрекали. Наконец опустела огромная диковинная склянка, и, очевидно, воспоминания о войне в тот день достигли самой высокой точки, апогея.

– Ха-ха-ха, – громко смеялся дед Кузьма, – верно, верно, я вспомнил, вас тогда шестерых забрали...

– Да ты слушай, Кузя... На фронт-то забирали кого в чём: старенькие сапоги, телогрейка. В шапках, годных только на галчиные гнёзда. А в холщовых сумках за плечами – яички, сухарики, пышечки-фуишечки... Негусто. А осень была мокрая, будто небо плакало об нас, горемычных, всем было кому под сорок, а кому и больше. У меня пятеро оставались, наострили тогда сдуру. Всей деревней провожали, море слёз выплакали. Мой младшенький впелся в меня: «Тятяка, возьми меня с собой». В военкомате разделили всех по спискам, двое только и вернулись: Семён Таракан без ноги да я из плена. От Сонино часов пять шёл. Доходяга, будто кровь из меня выцедили.

Двое инвалидов из соседнего села курили молча и сумрачно. Я делал вид, что тужусь над прописями, а сам напряжённо вслушивался.

– А меня Бог миловал, – весело смеясь, говорил дед Кузьма, как бы нарочно хвалясь: какой он всё же хитрый, умный, лучше всех из Выселок. – Бог миловал. Спасибо, я мужик такой ловкий...

– Ты сам себя миловал, ловчил, – оборвал его дед Терентий. – Я же один раз комиссию проходил с тобой в сорок первом. Чего ты так вырядился-то? Помнишь? Одна нога в сапоге разбитом, другая в калоше старой на веревочках. Все норовили почище одеться, помылись в бане, а тебя как из нужника вытащили.

Мужики все загудели недовольно.

– Я тогда золотарём был...

– Да знаю, что не комиссаром. Ты и сейчас-то всё плутуешь, выгадываешь.

Мужики заговорили громко, всё больше хмелея. Пустой посуды на столе было много. Из четырёх братьев деда моего погибло двое, а дед был в плену фашистском, погибли два племянника, один пропал без вести. Словом, за дверями в горнице счёт шёл громкий, старики ошибались,

поправляли самих себя, а мы с бабкой скучно сидели в кухне и хлебали жирные щи с оладьями. Вдруг слышим – плач не плач, смех не смех... «Ну-ка, глянь, чего он там, дед-то... Вот горемыка-то, – ворчала бабка незлобиво, – чего-то выкозюливает, глянь-ка».

Дед показывал клеймо точно на том месте, как приказывал шеф Верховного командования сухопутных сил, согнувшись, а мужики смотрели и почему-то смеялись. А дед плакал и ругался. Китайская тушь уже плохо была различима на ягодице левой половины, но было заметно.

Очевидно, бабка не знала о клейме, дед не показывал и ни в оттепель, ни после никому не говорил, а в баню ходил всегда один и после всех. И хотя вся деревня знала, что он был в плену и что его систематически таскали в районное энкавэдэ, тайну знака он не выдавал, совестился, что ли, не хотел ли беречь душу, бог его знает. А тут, по пьянке, при долгой беседе, да ещё в такой день, не выдержала душа обиды, не телёнок ведь, человек...

Сидели за плен не все. Деда только «таскали», как он говорил тогда бабке: спрашивали всё одно и то же, записывали и бумаги сверяли.

– Ну чего он там притих-то? – спросила бабка, когда я вернулся в кухню. – Чего, язык-то корова отжевала?

И когда сама, громко закрыв печь заслонкой, раскрыла дверь, посмотрела в горницу, начала ругаться:

– Капли пить нельзя, хоть ополосни и в гроб положи, а вот неймётся. Эка надобность зад мужикам показывать?! У всех раны есть: тот без кисти, этот без ноги...

– Молчи, дура, дура стоеросовая! – озлился дед. – Ты знак посмотри, не видала же...

Бабка уже плохо видела след далёкой беды, но и она как-то сникла, заплакала, схватила за чем-то меня за руку и увела в кухню. И чего с ней никогда не было, вдруг налила в стакан граммов сто и залпом выпила. А выпив единым духом, вытерла уголком платка глаза и губы.

В горнице стало тихо, как будто там никого не было, хромали ходики. Через минуту-другую дед скрипучим тихим голосом сказал бабке:

– Эй, Ильинишна, принеси-ка нам, у нас тут вся!

И бабка, всегда ворчливая, недовольная, вспыхивавшая, словно береста на огне, от слова «вся», как-то порывисто, как молодая, снялась с лавки, мельком взглянула на причудливую склянку Кузьмы Лукича, трогательно и неловко прижимая к плоской своей груди, принесла начатую когда-то из заначки бутылку очищенной настоящей сельповской водки и отдала старикам.

Всё это запомнилось зримо: и еле заметный уголок на левой ягодице деда, и угрюмый инвалид с оборванной кистью, и деревянный протез хромого с резиновой набивкой снизу...

Многое случилось и после этого за двадцать лет моей жизни, но вот этот знак: открытый острый угол, верно, много раз подновляли, размывая тушь. А как это делали, дед рассказывал со слезами, трезвый же – никогда и никому. И это, если понять его стыд, была и в самом деле глубокая трагедия человеческой души. И вот я выписал из той же «Недели» статью полувековой послевоенной давности: «Порядок клеймения таков: стянутую кожу намочить китайской тушью, потом поверхностно колоть раскалённой ланцетой. Для устойчивости знака каждые 14 дней, 4 недели, 3 месяца знак проверять и по необходимости возобновлять. Это мероприятие не должно мешать работе. Поэтому клеймение работающих провести по возможности в бараках рабочих команд или при следующей дезинфекции». Так приказал шеф Верховного командования.

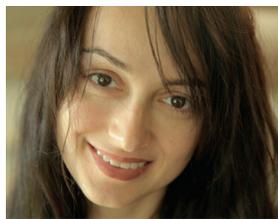
Дед в послевоенные годы брал меня с собой в баню. Шли мы с ним медленно: высокий гнутый старик с полотенцем на плечах, такой немногословный и такой родимый – так и остался он у меня в памяти.

О всех ранах, рубцах и ожогах я расспрашивал его, а про знак, сделавшийся каким-то грубым наростом величиной с грецкий орех и даже схожий с этим орехом, – об этом знаке так и не спросил, не осмелился. А надо бы. Надо спрашивать и рассказывать надо. И вспоминать об этом надо. И когда я волей судьбы был закинут в Берлин, ходил в наше трагическое время «реформ» вдоль рисованной и разбитой Берлинской стены, вдоль сияющих супермаркетов и гаштетов, в которых пьют тягучее пиво и одобряют «продвижение НАТО на Восток», я вспоминал бедный, заставленный пустой посудой стол в моей деревне, слёзы деда и радостные возгласы Кузьмы Лукича:

– А меня Бог миловал! Бог миловал!..

Проза

Альбина Гумерова

Альбина Гумерова – родилась в Казани. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Дважды стипендиат Союза писателей Москвы, автор радиоспектакля по повести «Кройка и житьё» (с Эрой Зиганшиной в главной роли, «Радио России», Санкт-Петербург), лауреат журнала «Русское эхо» (г. Самара) в номинации «Проза» за повесть «Дамдых. Волга. Шеланга», «Лучший драматический сценарий» за проект «Взаперти» на форуме «Время кино» и за киносценарий «Дамдых», лауреат Астафьевской премии – 2017 в номинации «Проза» за повесть «Кройка и житьё» (г. Красноярск). Автор книги «Дамдых» – сборник рассказов и повестей, издательство «Городец», серия «Ковчег», Москва.

Владимир

Рассказ

Я встретила её на берегу Чёрного моря, в Коктебеле, напротив дома Волошина. Был август, тот самый август две тысячи четырнадцатого, когда Крым вернулся в Россию.

Я пришла на берег на рассвете, дабы увидеть, как солнце поднимется из-за горы. Причал Волошина был пуст. Маленькие волны прозрачного, как слеза, моря перешёптывались с камешками на берегу. Возле памятника Волошину коротко стриженный мужичок в оранжевом жилете мёл брусчатку набережной. Чуть дальше от меня, возле тентов, девушка в фиолетовом купальнике делала гимнастику. Светлые волосы её были собраны в пучок, как у балерины.

Небо над горой нежно розовело. Показался огненно-красный краешек солнца. Вскоре оно встало на гору, готовое покатиться по вершинам; мгновение – и солнце повисло над горой. Девушка в фиолетовом купальнике вошла по колено в воду, развела руки в стороны, к небу.

Я сняла обувь и ступила в невероятно чистое утреннее море. Солнце переставало быть красным, поднимаясь всё выше, невыносимо желтело в голубом, без единого облака небе. Чувствуя приближение скорого зноя, я поплыла. Девушка в фиолетовом купальнике вошла в воду по пояс, всё ещё держа руки вверх, будто просила манны небесной. Из моря казалась она мне ещё стройнее, прекраснее, чем с берега. Она явно свершала ритуал перед погружением.

Я легла на спину и, глядя в небо, коротко помолилась о своих пустяках. Течение отнесло меня к пирсу. Хохмы ради я под него заплыла. Обхватила ржавый, напитанный солью столб, прижалась к нему, как к близкому человеку.

Вокруг царила божья благодать. Причал над головой заскрипел и продрожал каждой досочкой. Там, где он заканчивался, свесились босые мужские ноги. Морская волна была слишком слаба, чтобы коснуться чуть ржавых пяток. Казалось, ноги крепко задумались о чём-то важном. Это был неизвестный рыбак. Правее от меня плавала девушка со светлыми волосами. Нырнула надолго... Вынырнула, вновь нырнула – резвилась, как дельфин. Так искренне резвилась, будто забыла, что она человек.

На следующее утро я вновь пришла встречать рассвет. На всю набережную орала отвратительная музыка и слышались пьяные хрипы. На пирсе, свесив ноги, сидел рыбак. Мужчина лет пятидесяти завёл свою старую овчарку в море и умыл её, как ребёнка. Пожилая пара ритмично надувала ножным насосом огромный двуспальный матрац. Видимо, у супругов болели суставы, потому что муж и жена часто менялись: то один ногой поработает, то другой. По морю тихо двигалась прогулочная деревянная яхта, для которой шутки ради пошили алые паруса. Огромный профиль Волошина глядел в море. Небо над горой порозовело. Выглянул краешек солнца. На моё счастье, музыку на набережной выключили, и стало тихо – возможность всем сердцем прочувствовать ещё одно неповторимое утро.

На берег пришла старушка. Она сняла обувь, расстегнула пуговицы тёмно-синего в белый горошек сарафана, скинула его и... обернулась вчерашней «девушкой» в фиолетовом купальнике! Старушка опустила перед морем на колени, погладила его. Умылась. Вошла по щиколотку в воду, раскинула руки и закрытыми глазами поглядела во всемогущее небо.

Немудрено, что издалека она показалась мне юной. Это была идеально сложенная пожилая женщина, с идеально прямой спиной, гордо поднятой головой. Тихо, с каким-то невероятным внутренним достоинством стояла она перед огромным морем, солнцем, перед Вселенной. Жизни, дыханию, всей душе её было тесно в этом идеальном теле, но это много лет покорно жило в нём. Много лет несло людям добро.

Я любовалась ею. Тем, как встречает она новый день. Мне очень хотелось заглянуть ей в лицо.

Старушка в фиолетовом купальнике опустила руки, вошла в воду, перевернулась на спину и поплыла к пирсу, где сидел рыбак. Принялась нырять и резвиться дельфином, как и вчера. Вынырнула перед пирсом, поглядела на рыбака, вновь нырнула и вскоре выбралась на берег.

Наконец я могла рассмотреть её лицо: строгие, но добрые глаза. Тонкие губы, длинные мочки ушей и маленькие золотые серёжки, острый подбородок с большой тёмной мохнатой родинкой. Старушка отжала растрепавшиеся волосы.

– Гляди-ка, какая смелая! – сказала она.

Большая белая чайка опустилась на берег совсем рядом с нами.

– Вы знаете, однажды мой муж явился ко мне во сне и сказал: «Не подходи к краю открытого люка». Это было в восемьдесят первом году. Сегодня ночью, спустя тридцать три года я поняла, что значат эти слова. – Она поглядела на чайку, которая, как приبلудный пёс, тёрлась около нас. – Но я не имею права сказать вам.

В утреннем море плавал мужчина. Его жена ждала на берегу, возле матраца. Муж звал её, но она не шла. Появилась чуть пухленькая молодая женщина с детским выражением лица. Она расстелила огромное цветное полотенце и уселась на него.

– Доброе утро! Вы уже купались? Море как? Тёплое?

Девушка-старушка ответила:

– Простите, но сейчас я не имею права разговаривать с вами.

Молодая женщина на цветном полотенце смутилась, а девушка-старушка продолжила беседовать со мной. Она рассказывала странные вещи: про то, как Бог однажды явился к ней и велел никогда не есть сладкого. «Через несколько лет я узнала, что такой-то (мерзкий, нечистый на руку человек) разбогател на конфетах. Слава богу, что я тех конфет не ела». Она утверждала, что ей дано видеть Бога, дано общаться с ним. «Я могу в жару не пить совсем. Потому что если ты сам родник, вода тебе не нужна». «Если ты зерно, которое посадил Бог, ты будешь плодоносить». Мне стало неловко, что она – пожилой человек стоит, а я сижу. Я встала.

– Я вас не отвлекаю своими разговорами?

– Что вы!

– Просто я вижу – вы пишете.

Я действительно кое-что помечала в блокноте, который тут же кинула в широкую пляжную сумку.

– Тебя как зовут? – спросила она.

Я представилась.

– А отчество у тебя как?

Я назвала и отчество. И добавила: «Только моего папы нет в живых».

– Ах вот через кого я с тобой заговорила! Через твоего отца!

«Она бредит», – первая мысль. Сумасшедшая, крымская блаженная! И в то же время эта женщина какая-то чрезвычайно ясная, чистая, как утреннее море, достойная, уверенная. Вселенская правда ощущалась за её словами. Не только за словами, за ней самой таился смысл жизни.

– Быть может, сплаваем? – предложила я.

– О нет. Бог ещё не позвал меня в воду. – И она принялась беседовать с женщиной на цветном полотенце.

Из моря я слышала гул их разговора. От взрослого, чуть скрипучего голоса было тепло и как-то молодо на душе. Я всё ждала, когда старушка войдёт в море, чтобы поплыть вперёд вместе, но она в воду не шла. Пожилая пара улеглась на матрац и взялась за руки. Мне стало горько, что муж моей старушки умер. Вероятно, это был хороший мужчина, который при жизни творил благие дела.

Когда я вышла из моря, у меня заныл зуб мудрости, а с ним и вся нижняя челюсть.

– Это пройдёт.

– Что?..

– Боль.

Через несколько мгновений я спросила, как её имя.

– Ты когда домой по набережной пойдёшь, я буду слева. Коричневая такая, с кованой спинкой. Посиди там. Это лавочка. А я – Клавочка.

– А как вы узнали про...

– В твоей жизни есть близкий Владимир?

Я растерялась и стала перебирать всех знакомых мужчин. Странно, такое имя, а ни один Владимир мне на ум не пришёл.

– Нет. Только инструктор из фитнес-центра да человек, у которого мы сначала сняли здесь жильё, а потом ушли, потому что нашли дешевле.

– Ты дважды будешь замужем.

– Я пока совсем не была замужем, но у меня есть ребёнок.

– Ты будешь замужем за Владимиром.

– Я не хочу замуж за Владимира! – возмутилась я. – Я уже люблю другого мужчину! Его зовут Сергей! И я пока ни разу не была замужем!

Почему я стою и каждой клеточкой тела верю этому странному человеку?!

– Даже если ты одну ночь провела с мужчиной, считается, что ты вышла за него замуж. Твоим первым мужем был отец твоего ребёнка, а вторым будет – Владимир.

Не успела я повесить нос по этому поводу, как появился мой сонный Сергей.

– А!.. Ты здесь... Рассвет, что ли, встречаешь?..

И тут Клавочка вскрикнула:

– Боже!! Это – Владимир! Самый настоящий Владимир! Господи, спасибо, что они вместе!!!

Серёжа нахмурился и недоверчиво покосился на мою Клавочку.

Она не попрощалась, бормоча: «Это Владимир, господи, спасибо», накинута сарафан, обулась и покинула пляж.

В тот день мы с Серёжей ели на ужин куриные котлеты. Ночью мучились отравлением, не спали. Лишь под утро он слабо задремал. Обезвоженная, уставшая, я пошла просить у моря сил.

Ещё только-только рассвело, и на берегу не было ни души. Лишь рыбак сидел неподвижно на причале Волошина. Видимо, всю ночь сидел... Я ждала Клавочку. От недосыпа слегка знобило, день всё светлел и светлел, небо над горой становилось алым. С набережной послышалась мужская ругань. Я отправилась к ним. Это были мужчины лет тридцати – тридцати пяти, подвыпившие. Всю ночь они, должно быть, куражились в одном из клубов, а теперь, перед тем как разойтись на сон, вздумали подраться. А мне вдруг от всего сердца не захотелось этой драки. Я влезла в их дикий ор и слюнные брызги.

– Сейчас солнце взойдёт, пожалуйста, не шумите! – Я нежно взяла самого борзого за щёки.

Остальные от неожиданности притихли. Если бы я была парнем, мне бы тут же сломали нос. На солнце никто и не взглянул, все смотрели на меня. В то мгновение я успела осознать невероятную силу маленькой женщины. Женщины, которая способна изменить целый мир, начать или закончить войну. Если мужчина её любит или она ему сильно нравится. Красивая женщина может через мужчину многое...

Я была так полна счастьем, что обняла некоторых парней как самых дорогих мне людей и выпорхнула из их шайки. Ни один из них не вымолвил ни слова, ни один не пошёл за мной. Драка не состоялась.

Берег по-прежнему был пуст. Рыбак сидел. Мне захотелось подойти и сесть рядом, но я не решилась нарушить его одиночество. Я скинула сарафан и поплыла. Море исцеляло меня, не бодрило – баюкало... Уснуть бы в нём, и пусть несёт меня в себе... Я заплывала под пирс. Вдруг ноги встали на воду и пошли. Вероятно, мне примерещилось с бессонной ночи... Но я тут же выплыла из-под пирса – рыбака не было. В то утро Клавочка не пришла. Я больше никогда её не видела.

Мы с Серёжей каждый вечер приходили к морю, когда в небе уже была луна. Я плавала без купальника, а мой «Владимир» ждал меня на берегу, видел, как я плаваю, и не беспокоился. А в тот вечер мы пришли, когда луны ещё не было, и море, и небо были черны. Я уплыла в тёплую ласковую тьму. Плыла и понимала, как огромно и могущественно море и как велика земля. Хотелось плыть и плыть вперёд, отдаваясь этому миру.

С берега меня позвал Серёжа. Я вернулась на его голос. Мы сидели на камнях и слушали море. Волны время от времени лизали нам ноги. Вскоре поднялась красная луна и осветила силуэты гор. Послышались мужские голоса, возможно, это была утренняя шайка, которую я оставила без драки. Запшикали пивные банки, послышались плевки и запахло семечками и куревом. Один из парней разделся и, вкусно матерясь, плюхнулся в море. «А ведь это тоже чей-то “Владимир”», – подумала я и крепче прижалась к своему.

Поэзия

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Публиковался в журналах: «Берега» (Калининград) «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (Санкт-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Отечеству на пользу» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Врата Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других. Награждён памятной медалью «Николай Рубцов», медалью «100 лет со дня рождения лётчика-истребителя дважды Героя Советского Союза А. Ф. Клубова», юбилейной медалью «Во славу Отечества» («Общество купцов и промышленников России»), другими наградами. Член редакционного Совета журнала «Берега». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Живёт и работает в Вологде.

Мужики в лесу

* * *

Месяц рядом со звездой –
Что за чудо-красота!
Может, это я с тобою,
И пропала суета...
Тихий вечер над домами,
Над окраиной пустой.
Что же будет завтра с нами?
Подожди, звезда, постой –
Молви что-нибудь не злое
Или просто подмигни...
Чтоб не мучило бывшее
И текли счастливо дни.

МЕЩАНЕ

Мещане – торгошники сердцами,
В сверхмодных платьях, в париках...
Страшна не тема, а вы сами
Страшны, как язвы на руках.
Во что вы только не рядитесь!
В слова ложитесь, как в кровать:
«Не проходите, мол, боритесь...»,
Чтоб больше выгоды урвать.
И, прикрываясь, как фанерой,
Речами о любви к стране,
Уже торгуете и Верой –
Всё ближе жмётесь к сатане.
Теперь в почёте и фаворе
На разных важных этажах.
Но завтра, может, или вскоре –
Всё ваше превратится в прах!

* * *

В ритме танго или в ритме вальса –
Кружит жизнь, ещё нам дни дая.
Сколько б ты не падал – поднимайся!
«И покайся!» – сказано не зря.
Нет слёз – потом они наступят,
Нету плача – плач потом придёт.
Так невзгоды, точно зёрна в ступе,
Вечно перемалывал народ.

РУЧЕЙ

Как извивается ручей –
Причудливо! Но сохраняет русло
От ливней, хлада, зной-лучей...
Какое дивное искусство!
Вода чиста, сверкает дно –
Камней, коряг живое ложе.
Ручью сберечь себя дано.
А кто из нас такое сможет?!

* * *

Ещё дрожит твой нежный голос,
Хотя звонишь издали...
В тебе вдруг сердце раскололось,
И любишь ты наверняка.
Как это можно? Жизнь промчалась
Среди борьбы, грехов и лжи.
И чудо это мне досталось –
Твой голос всё ещё дрожит...

БЕСЧИНСТВА

Слухи вянут, обманет примета,
Есть бесчинства в природе самой:
Давит холод невзрачное лето,
А тепло вдруг вернётся зимой.
Мы забудем лихие морозы,
Речки всплачут – не тронул их лёд,
Плачут бабы и дети, их слёзы
Вождь не видит, холуй не поймёт.
Совесть в людях – Вселенной опора,
Её топчет бездарная гнусь...
А вокруг величают все вора
И орут: «Он – радетель за Русь...»
Ложь хоть чем приодели хотя бы,
Но у них не выходит никак –
Всё равно, что носить вместо шляпы
Новомодный английский пиджак.
И парит над игрой неумелой
Откровением Тютчева стих:
«Нас в борьбе и с природою целой
Обрекают на нас же самих...»
Ну да ладно! За нашей спиной –
Тьмы святых и великих отцов,
Они явятся русской весной,
Смоют гниль до краёв и концов.

МУЖИКИ В ЛЕСУ

*Памяти тракториста
Димы Волкова из деревни Мальгино*

Намедни нам сказал Егор Ерастов:
«Страною правит кучка п-ов!
Народ для них – забава, баловство,
И русских нет среди них ни одного...»
Мы вечером в лесу, ещё весеннем,
Грузили чурки в трактор-кузовок.
Другой сосед мой, долговязый Сеня,
Ответил, будто саданул в висок:
«Егор, откуда ты-то нахватался?
Сидишь, как пень, на тракторе своём.
А тут, смотрю, и до Кремля добрался?
И хочешь всех их закопать живьём!
Ну, закопал ты, разогнал их касты!
А кто ж нас будет грабить, дурачок?
Везде напишут: «Президент – Ерастов!»,
А что он – тракторист, про то – молчок!
Все грохнули, охочие до смеха,
И объявили тут же перекур.
Егор, сигарку раскурив, поехал,
Понёс опять причудливый сумбур.
«А ты, Семён, совсем ослеп, я вижу,
Не чуешь, что же деется в Кремле?»

Толчешь на ферме сапогами жижу,
Как будто и не ходишь по земле.
Я от тебя не ожидал момента.
Да посмотри, как мутят наверху:
Друзья-единоверцы президента
Жируют... и сотрут страну в труху!»
Я слушал молча. Чудно это, право!
Ораторы искусны – хоть куда!
Их скрыла леса хмурая держава
От злых иуд, что рыщут завсегда.
А где они сказать своё-то могут?
Везде им – от ворот да поворот,
Везде им – опоясали дорогу:
Сиди, как мышь, и – на замок свой рот!

* * *

Какое совершенство! «Я – в тебе,
А ты – во Мне, доколе кровь Мою
Пьёшь, отвергая мерзкое в судьбе.
И о тебе Отца Я умолю...»
Какое совершенство! Для него
Не нужно денег, почестей, наград,
А лишь глубины сердца твоего
Открой, хоть там безумствует и ад...

* * *

Я кряж колол одним ударом
И радовался – сил полно!
Ещё не стал совсем я старым,
Но так колоть мне не дано...
Где удаль? И бесстрашье где же?
Всё думаю, что сил полно.
Но уж желанья бродят реже,
И реже веселит вино.
Есть у всего предел весомый.
Но жизнь, как прежде, хороша,
Коль небо манит тёплым домом,
Теряет счёт годам душа.

* * *

О чём ночная плачет птица?
Так плачет, что и мне невмочь.
В пустой деревне мне не спится.
Но чем могу я ей помочь?
Пронзает плач её тревожный.
И может, плач её о том,
Что день прошёл – пустой и ложный...
Так жизнь проходит – день за днём.

ПОЗЁМКА

Опять весенние позёмки
Дорогу к дому заметут.
Душа чужая, как потёмки,
В ней свет найти – великий труд!
Она пригвождена к земному
И меряет любовь земным.
Мне не дойти в позёмку к дому,
Где я любил и был любим.

В ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ

В холодный дождь –
Со мной стакан вина
И шум берёзы рядом у окна.
По веткам осень пробует разбег,
Берёза плачет, будто человек.
В холодный дождь откуда-то извне
Душа твоя летит опять ко мне,
И вьюгой листвою не занесло
Твоё во мне ожившее тепло.
В холодный дождь светлеет голова.
Я знаю, моя Родина жива,
В очах её по-прежнему светло,
Не замутишь их никакое зло!

ЕВРОПА

Столь грязи вылила на нас,
Что в ней давно б мы утонули...
Но мы живём! Свет наших глаз
Летит к тебе страшнее пули...

Страшной удара кирпичом
По голове в парижской драке.
И я напомним кой о чём,
Чтоб отмести Европы враки.
На русской крови ты стоишь
И на костях славянских предков,
Но вороватая, как мышь,
О том не вспомнишь даже редко.
За русской спряталась судьбой
От полчищ Гитлера, Обамы...
Ты сытой стала, «голубой» –
Подобием зловонной ямы.
От мора, хлада спасена
То русской нефтью ты, то газом.
Тебя мы, нищая страна,
Не попрекнули в том ни разу.
Всё учишь, учишь без конца:
Как русским жить, во что обуться...
Учений дьявольских пыльца
Грозит бедой нам обернуться.
Но и в лихие времена
Твои здесь гибли семена!

ДЕНЬ АНГЕЛА

Страшно быть в покаянье нагим,
Открывая грехов застарелость.
Но в желанье – стать сразу другим –
Ты, душа моя, так засмотрелась!
Рядом Ангел, рукав теребя,
Тихо молвил: «Давай полетели
В древний храм, где когда-то тебя
В серебряной крестили купели...»

Поэзия

Светлана Размыслович

Светлана Размыслович – член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Российский колокол», «Невский альманах», газете «Литературная газета», в сборниках «Словенское поле», «Из варяг в греки». Издано три сборника стихов.

ЗА ГРАНЬЮ

За гранью нищеты и низменного круга,
За колкостью небес, ненастием ветров –
Я выбрала не свет – скитанию хоругвью,
А выбрала тебя – предвиденьем портов.

За разностью плеяд, меняющихся с веком,
За мерным звоном их словесных оборон –
Я выбрала не стон – болезненностью эха,
А выбрала твой зов – предчувствием сторон,

С которых, сколь ни жди чудес и снисхождений,
Сойдёмся только мы – единственными из
Оставшихся в живых с проигранных сражений,
Истерзанных борьбой, согласных на ленд-лиз.

За мужеством постичь смирения науку,
За строгостью стихов и бытом без затей,
Во всю свою любовь – протянутую руку –
Я выбрала твою – предчувствием страстей.

И если мир иной уймёт в конечной точке,
Начавшись там, где явь представится за бред,
Не пожелав принять богатств – поодиночке,
Я выберу твой сон – за тот и этот свет.

БЛИЗОСТЬ

Разрубила веха чёрная – на двоих.
Где ж ты, рябь позолочённая, – ветер стих.
Где ж вы, игрища безумные, – стой, не рвись!
Ты ещё такая умная – точно в жизнь.
Ты ещё такая смелая – не беда,
Только были ночи белые, глядь – вода.
Не больная, не убогая, лишь дивлюсь,
Ты ещё такая строгая – умилюсь.
Ритмы шалые да грозные – пруд пруди.
Сон тяжёлый в ночь беззвёздную – уходи!
Всю её единой близостью – умещу.
За предательством и низостью – всё прошу...

БАГРЯНЕЦ

О. Д.

Так восстановлена из пепла –
Как опрокинута из ада.
Вчерашней ночью вдруг ослепла,
Сегодняшняя – сну награда.
Крутись-вяжись в рубец нательный,
Незаживающая рана,
Сойдя за выговор смертельный,
Не знающий в часах изъяна.
Не ведающий, что творящий,
Крутящийся в умах привычно.
И мне в противу – говорящей –
Свой срок выкрикивая зычно.
Как назвала спасеньем – друга,
Со мной равняющего вёсны.
Наощупь выбралась из круга,
Кроша слова, кровавая дёсны,
И, новое взметнувши пламя,
Сквозь бледность щёк зардев румянцем,
Пронёсший дружбу, будто зная,
Не светом стал он мне –
Багрянцем.
Так поучительно и свято
Всё то, что выжжено напрасно.
На серый пепел друг мой – брат мой –
Бросает отблеск ежечасно.

НА ХЛЕБ И ВОДУ...

*...Выйдешь в двери – там Россия...
Игорь Тюленев*

И плывёшь – то луной, то солнцем –
По небосводу.
Точно зная – душе даётся
На хлеб и воду.
Остальное – со лба устало,
С монеты – пылью,
Приживётся – иному мало,
Другому – былью.
Ясность неба да кривость толка –
Лишь суеверье,

Далеко уходя надолго –
 Стоишь под дверью,
 Ждёшь не оклика – только взмаха,
 Бежать – как помнить.
 Пустотой суета пропахла,
 Войти – наполнить.
 Угодить – велика морока
 Тоске приезжей:
 То вода растеклась без проку,
 То хлеб – несвежий.
 То закат не широк размахом –
 К дождю, тем паче.
 То былое – забытым страхом –
 Да лесть кошачья.
 Через час – во черёд эклоги –
 Упрёк бессилью:
 Славь – куда б не вели дороги –
 Придёшь в Россию!

Я ПРОСТИЛА

Я простила...
 Вот – Бог, вот – порог,
 И рука – повисающей плетью.
 Нерастраченный нежностью слог
 Свился мыслям тяжёлою клетью.
 Будет саван, как будет зима.
 Станет снегом февральская зámять
 Укрывать и лелеять дома,
 Застилать-убаюкивать память.
 И спасеньем и мне, и тебе,
 Оказавшихся будто в исподнем,
 Недосказанность в этой борьбе
 Уготована волей Господней.
 Но случись поворот вековой
 Вдруг нежданной-негаданной встречей, –
 Как ветров несмолкающий вой
 Вновь синицей в руке прощепечет.
 Обернётся опорой земля
 Для твоей пошатнувшейся тени,
 Навсегда отпустив журавля
 Из моих запоздалых видений.
 Вмиг расплавившись, кованный слог
 Потечёт мерной речью из клетки.
 Я простила...
 Вот – Бог, вот – порог...
 И душа, будто зарево, светит.

РОДИТЬСЯ ЗДЕСЬ...

Родиться здесь. Здесь выучиться. Жить.
 Встав в полный рост,
 В жар-птицу превратиться.

Никем не показаться, но прослыть,
 Умчавшись вдаль –
 Обрато возвратиться.
 Листать моря с оборванных страниц,
 Сквозь пальцы, как туман, пуская вьюгу.
 Заметив след небесных колесниц, –
 Быть верным не себе, но только другу.
 И если вдруг предложат променять
 Фамилию и родину на славу,
 Ответить им, как выучила мать
 На реющую в бешенстве ораву.
 Своих корней в себе – не загубить,
 И лишь затем, что может пригодиться
 Умение здесь выровняться.
 Жить.
 Здесь умереть. И заново родиться.

СНОВА И СНОВА...

Снова и снова я говорю тебе:
 – Хватит!
 Загадывать на удачу, слова тратить,
 Терять часы в поисках одной минуты,
 Способной изменить способы и маршруты,
 Избегать всеми средствами неудобных тем,
 Используемых, как правило, лишь затем,
 Чтобы с лёгкостью принять обстоятельства,
 Чужую волю, взятые обязательства,
 Чтобы верно постичь истинную суть мира,
 Вышедшего за рамки одной квартиры,
 Который сам по себе – уже удача,
 Даже если не получается иначе,
 Чем видеть его изрядные недостатки.
 И пора, наконец, прекратить припадки
 Твоей яркой ответственности пред теми,
 Кто и создаёт эти опасные темы.
 И если, даже в частности, их не касаться,
 То, понимаешь, точно пора влюбляться
 В жизнь, в приключения и созидания,
 От порога до поезда – в расстояния,
 В изученные до станции институты,
 В новые неизведанные маршруты,
 В слёзы, застывшие на стёклах оконных,
 В заботу, которая в звонках телефонных
 Научит радоваться простому чуду.
 В то, как я, на неделю забывшись, буду
 Снова и снова говорить тебе:
 – Здравствуй,
 Моё милое бесконечное счастье!

Поэзия

Александр Лайков

Александр Дмитриевич Лайков – родился в селе Икряное, в дельте Волги. Окончил филфак Астраханского пединститута. Работал в сельской школе, после службы в армии – в СМИ.

Публиковался в литературных изданиях Москвы, Минска, Санкт-Петербурга, Калининграда, Сибири и Поволжья. Автор поэтических сборников «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Стихи переводились на венгерский язык, некоторые стали песнями. Лауреат нескольких журналистских и поэтических премий, в том числе им. Н. Благова (Ульяновск, 2015), Международного

конкурса «Душа добру открыла двери» (Санкт-Петербург, 2016).

Член Союза писателей и Союза журналистов России. С 1980 года живёт в Ульяновске.

«И Россию всю видно с крыльца...»

* * *

Здравствуй, Волга и свежесть моряны,
Дом родной и дымок из трубы!
Как давно не бывал я в Икряном,
У истоков капризной судьбы!

Здесь без матушки холодно в доме,
Без любимой сестры и отца...
Лишь лампадка горит у иконы,
И Россию всю видно с крыльца.

В ней церковей златоглавые свечи,
А на травах роса, как слеза,
И звенит, где солотник, у речки
С мелодичным шурианьем коса.

А в серванте тетрадки из школы,
Где лиловые кляксы с пера...
Здесь мои зарождались глаголы
Из уроков любви и добра.

Обмелели речные протоки,
И всё реже поют соловьи...
Я поэт переломной эпохи,
С деревенской живинкой в крови!

А вокруг меркантильные нравы,
Нувориши стригут барыши...
Слава богу, что эти отравы
Не спалили крестьянской души.

Хлещет время, как пиво из крана.
Вижу, предок седлат коня...
Все надежды мои и утраты
Бумерангом стреляют в меня.

ВЕРБЛЮЖЬЯ КОЛЮЧКА

Верблюжья колючка на жёлтом песке,
На красном солёном суглинке
Царапает небо в зелёной тоске –
Вокруг ни цветка, ни былинки.

Здесь летом бывает за сорок в тени,
А зимы бесснежны и люты!
Не встретишь ни суслика и ни змеи,
И редко пасутся верблюды.

Под зноем палящим живые кусты
Невзрачны, корявы и ломки...
А вот умудряются буйно цвести,
Багрянцем плеснув на иголки!

О, если упали бы капли дождя
Из рыжей задумчивой тучки!
...Учитесь добру и отваге, друзья,
У скромной верблюжьей колючки.

ЧИ-РИК

Среди заснеженных ветвей
Вдруг зачирикал воробей!
Другие не поют в мороз,
А он не прячет клювик-нос:
– Чи-рик, – прыг-скок, – чирик-чи-рик!
К погоде снежной он привык.
Не улетел на тёплый юг
Со стаей ласковых подруг.
Отважно прыгает у ног:
– Чирик, – прыг-скок, – чирик, – прыг-скок...

За крошкой хлеба под трамвай
Стрельнул, – чи-рик, – не унывай!
Романтик, озорник, поэт!
Роднее птиц на свете нет.
И городской его мотив
Дороже благостных молитв!
Он предан Родине и смел.
С утра чирикает – пострел!
Проспект ему и дом, и стол.
– Чи-рик! – божественный глагол.

* * *

В. Х.

Седой романтик при свечах
Забыл о кнопке монитора.
Мерцают стрелки на часах,
И время виснет на плечах,
Как рваный плащ тореодора.

От самых ласковых времён
До одиночества в квартире
Он был бесстрашен и умён
И в божьем храме окрещён,
Но задышался в грешном мире.

На стрежне ядерных эпох
И оцифрованной бумаги
Всего один свободный вздох –
Тетрадный с рифмами листок
Остался от былой отваги.

А сколько откровенных строк
Жестоко проглотила Лета!
Но время подводить итог.
А правда леденит висок,
И в мире не хватает света.

Чадит надорванный талон
Времён фатальной перестройки.
Орёл двуглавый бьёт крылом.
И нет свободы за Днепром
Для полусонной птицы-тройки.

Морозно и темно вокруг,
На Западе и на Востоке...
Сквозь наледь глянцевых фрамуг
Луны серпастый полукруг
Плывёт, как парус одинокий.

ЙЕТИ

А вчера мне приснился Йети.
Лохматый. Большой. И добрый.
Одиноко ему на свете:
Вокруг ледники да горы.

И редко встретишь в ущелье
Нежный цветок эдельвейса.
А подруга ушла в пещеру:
Ждёт прибавления семейства.

Скоро родит его жёнка.
Значит, не время смерти!
Будет на малого медвежонка
Похож новорождённый Йети.

А в пещере совсем не тесно,
Хоть проводи друзьям дискотеку!
Зачем не хватает места
На большой земле человеку?!

Зачем эти дикие войны?
Вирусы всякого рода?
Вот Йети всегда довольны.
Потому что они – природа!

А почему столько окон
В гнёздах, где плачут дети?
Людам, наверное, одиноко,
Больше, чем даже Йети.

Вот и пуляют, гремя, ракеты...
Что они в Космосе ищут?
Прибирали бы лучше планету,
Чтобы воздух вокруг стал чище!

«Человеки почти одичали.
Совсем свихнулись на интернете!» –
... Так говорил в тоске и печали
Добрый седеющий Йети.

* * *

Снег скрипит, как лист капустный,
Ветер свеж, бодрит и колет.
Я брожу по лесу грустный,
Где давно никто не ходит.
Здесь один залётный дятел:
«Стук да стук», – несётся пеленг.
«Ты кого зовёшь, приятель,
На высокий волжский берег?
Где твою подругу носит,
По стволам каких растений?
Мы под кроной звёзд и сосен
Пополам печаль разделим.
Крошки хлеба вместе с хвоей
И с рябиной кисло-горькой...
Подлетай, поклоню с ладоней!
Я поэт и очень добрый.
Позабудь про шумный город,
Обживай свой волжский берег!»
Клюв у дятла – серп и молот.
«Стук да стук», – несётся пеленг.

* * *

Владимиру Подлузскому

Я отстал от сумрачного века,
Где погоду делает «Газпром»
И в руке блажного человека
Верещит обласканный смартфон.

Я читаю по-старинке книги,
Иногда пишу карандашом...
И ложатся солнечные блики
На полы, где топал малышом.

А теперь вот перегуды-гусли
Слышу я над русой головой...
То не лебеди, а в небе гуси
Над Россией и моей судьбой.

Было дело – рассыпали гранки,
Как экзамен, жизнь не пересдашь...
И кувшинки ерика Икрянки
Не заманишь в бодрый репортаж.

А в чулане пахнет керосином,
Вечностью и бражкой молодой...
Я колдую пёрышком гусиным
И лечусь травой-чередой.

И растёт берёзка из слезинки, –
Вырвалась, кудрявая, на свет!
Гусли-перегуды из глубинки
Берегут нас в окаянный век.

* * *

И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Сергей Есенин

Никогда не ходил на охоту,
Не губил я ни зверя, ни птицу
И частенько в проточную воду
Отпускал окуней и плотвицу.

В небесах мне, наверно, зачтётся,
Как спасал я скворчат от сороки,
И берёза с поклоном качнётся,
Что весной посадил у дороги.

Воробьи в несусветную вьюгу
Принесут мне рябины красной,
И порадует танцем белуга,
Что мальком поселил я на Каспий!

Животворной водицею брызнет
Мне в померкшие очи Волга...
Сам, быть может, я в будущей жизни
Обернусь в осетра или волка!

* * *

Солёные ветры Икрянку хлестали,
В оглоблях бугров бунтовала река,
И шлюпок дюралевых гончие стаи
В косматых бурунах чесали бока!

Моторы, зверея, натужно ревели,
И пена к бортам прикипала, как шерсть!
Я правил на бакен и брал чуть правее,
Отец приготавливал вёсла и шест.

И вот, зачерпнув кипячёной латуни,
Рывком проскочили капканы беды.
Какое раздолье! Но в мутной лагуне
Разводья бензина да рыски следы...

Торчат одинокие прутья рогоза,
В зелёную тину зарылся налим,
И чахнет в мазуте «каспийская роза»,
Царапает днище рогатый чилим.

И нежный фламинго, как призрак сказаний,
Мелькает всё реже над жёлтой грядой...
...Но черпают пену бортами «казанки»,
И гложут моторы над мёртвой водой!

ПОДКОВА

Я шёл босиком по горячей земле,
Курганы дышали, как тесто.
Нашёл я у речки Подкову в золе,
А суть – только Богу известна.

В рыбацком посёлке я жил не тужил,
И – хоть я дитя комсомола! –
С Русалкой водился, и с Лешим дружил,
И дёргал перо у Глагола!

Но Леший не нужен в больших городах,
Где чахнут в гудроне берёзы...
Мне крылья подрезал в горах Карабах,
А веру – чернобильские дозы.

Полынь да репейник рождает земля
От кровушки русской и пота...
Прибить бы Подкову на башню Кремля
На счастье и благо народа!

Вот с полным ведёрком стою на крыльце –
Живительна волжская влага!
Не брызги, а слёзы блестят на лице.
...И всё понимает дворняга.

Поэзия

Нина Волченкова

Нина Петровна Волченкова – родилась 27 апреля 1957 года в селе Муравельник Шаблыкского района Орловской области. По образованию филолог, кандидат педагогических наук. Автор пяти сборников стихов: «Любимых сосен перезвон», «Тихая моя пристань», «У судьбы тропинок много», «Благодарю за счастье полюбить», «Хочу туда, где свет зари». Несколько стихотворений положены на музыку.

Обладатель Специального диплома I Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» (г.-к. Анапа), Диплома финалиста III Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» в номинации «Поэзия» (г.-к. Анапа) и Специального диплома III Всероссийского фестиваля-конкурса в номинации «Малая проза» (г.-к. Анапа), лауреат премии имени Н. Поснова «За Русь любимую». Награждена Почётной грамотой Союза писателей России, Дипломом Московской городской организации Союза писателей России «Современные писатели России. Золотое перо!» (2020). Стипендиат Союза писателей России (2018). В настоящее время работает учителем русского языка и литературы. Живёт в Брянске.

ИЗ ДЕТСТВА

Среди зимы мне вспомнился покос:
Я под берёзой на траве примятой
Сижу. Мне пять. Вдыхаю запах мяты,
Который слит с мотивом острых кос.

Июль в разгаре, за рекой зарницы
Далёких гроз. Раскатов не слышать.
Из тёплой кринки наливает мать
Мне молока парного. Нет, не снится!

Как быстро долу никнет росный строй,
Ряды зелёной сочной косовицы
Подобны косам душеньки-девицы –
От них бы каждый потерял покой.

Работа справлена, сидят на косогоре
Платки и кепки. Света благодать
В весёлых шутках. Края не видать
На скошенном предутреннем просторе.

Роса ушла. От солнца разомлела
Трава в рядах. И грабли в ход пошли.
Плетением покрова для земли
Селянка молодая овладела.

Да, праздник косовицы для души,
Для исполненья собственного долга.
Пусть будет память широка, как Волга,
И льётся солнце в праздничной тиши.

К 22 ИЮНЯ

Есть в нашей жизни имена и даты,
Которые забыться не дают.
За гранью лет покоятся солдаты,
Родные по заслугам воздают.

Хранятся пожелтевшие страницы,
На фотоснимках – молодость и стать.
Нам не забыть людей любимых лица,
Мы память будем светлую листать.

Мы на земле, они уже на небе,
Но связь времён даёт нам силы мощь,
Чтобы забота о насущном хлебе
Была не в силах духа превозмочь.

ЮРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ БОНДАРЕВУ

В мире России печаль поселилась,
Красное солнце вставало в беде:
Сердце писателя остановилось...
Мысли – как рябь на холодной воде.
Март подарил нам вначале рожденье,
Горем размыл краски ясного дня.
Линия жизни Путем Восхожденья
Стала не только теперь для меня.
Душу сполна отдавали Вы людям,
Книги оставили в вечном бою.
Данник Победы, мы не забудем
Славное имя – в солдатском строю.

КОЛОДЦЫ-МОГИЛЫ

В Комаричах, Клетне,
Посёлке Красном...
Любое мне селенье назови –
Страна жила во времени опасном,
Замешенном на бедах и крови.

Я не забуду матери рассказы,
Девчонки, пережившей ужас тот.
Какой чумы, какой только заразы...
И «памятью своей наоборот»

Описывает явно эти сутки,
Да не одни, когда в округе стон
Стоял туманом. Не было минутки,
Чтоб сердце не стучало в унисон.

Колодец, переполненный народом,
Где было много ключевой воды,
В ней болью отдаётся год за годом,
Как будто новой ждёт она беды.

Бадья большая опускалась мерно,
Звериный хохот в форме полевой...
Штрихи войны всегда закономерны,
Но как жить в сердце с точкой болевой?

ДОТЫ РОССИИ

Странное жильё у бабы с дедом.
Много лет уж празднуем Победу,
А они живут всё в том же доте –
В точке огневой, как на работе.

И бойницы чёрные зияют,
Сердцем старики их охраняют,
Поселились со времён Великой...
Защищали образ многоликий –

Матушки России, Ленинграда,
Потому что любят, потому что надо.
Долг перед страной, перед Отчиной,
Что всегда в душе дороже жизни.

...Дот остался, нет жильцов отныне.
Он для города как память и святыня.
Даты роковые на стене,
Невозможно их забыть тебе и мне.

Огневые точки на пространстве,
Казематы боевые в постоянстве.
Пусть молчат, не будоражат землю,
Мир, любовь мы с радостью приемлем.

БОГИНЯ

У шара земного под Санкт-Петербургом
Я видела Юность с улыбкой богини.
Навстречу шагнула фантазии бурной –
Она не даёт мне покоя и ныне.

Смотрю и смотрю я на поступь планеты,
Мелькают военной истории даты.
Пилотки, штыки под стеклом иль в багете,
Но шарик земной охраняют солдаты.

Фигуры защитников крепостью стали,
Сильнее со временем, с жизнью отцветшей.
Они из военной проверенной стали,
Хранимые Памятью, с неба сошедшей.

А рядом – богиня, знакомая многим
По фото на сайте, почти что родная.
Пусть будет счастливою доля в дороге,
Пусть будет как Память Девятое Мая!

* * *

Сквозь юности вёрсты былую не пробиться,
Но Памяти нашей, как знамени, виться,
И течь, как река, во широком раздолье,
И стать многоликой, как ратное поле.

Россия имеет их сколько? Четыре?
А может, оно в каждой нашей квартире?!
Взгляните на снимки ушедших в солдаты.
В сиреновой дымке мечтавших когда-то

О запахе сена на скошенном луге...
Не вышли из плена, сражаясь на Буге,
Погибли за нас и за чистые воды,
Несущие память в просторы природы.

ПИСЬМА ЛЮБИМОМУ

На берег высокий широкого Буга,
Где синяя плещет волна,
Приходит его дорогая подруга,
Подолгу сидит здесь одна.

«Мой милый, любимый,
Три четверти века
Прошло с того самого дня,
Но только война
Не вернёт человека
И не пожалеет меня.

Июньскою ночью мы ждали восхода,
Промчался, как миг, выпускной.
Раздался тревожный гудок парохода,
В лицо нам пахнуло войной.

Тебя я на Западный фронт отправляла,
Ждать в вечной любви поклялась.
Победного мая сирень бушевала,
А боль, как река, разлилась».

Уже похоронок пожухли листочки,
И пятен от слёз не стереть.
Слова в его письмах похожи на точки,
И некому дверь отпереть.

ПОДВИГ

*Жителям Молотино
Жирятинского района
Брянской области*

Израненного солдата
Прятали вы в стогу,
Мужа, чьего-то брата,
Чтоб он не достался врагу.

Время было не властно
Стрелки назад крутить.
Солдату в стогу опасно.
Предатель помог убить.

Стояли в болотной жиже
Две ночи, два полных дня.
Страх подползал всё ближе,
Но сердце просило огня.

Совесть не успокоить,
И боль не унять никак.
Силы бы вам удвоить,
Увидеть бы свыше знак.

Терпенья на все напасти
Просили среди лесов,
Но вражки кипели страсти
На тысячи голосов.

Стояли среди печали
И колотых ран земли,
И ждали вы, очень ждали,
Что пролетят журавли.

Со дня Великой Победы
Немало промчалось лет.
Низкий поклон вам, деды,
За ваш негасимый свет.

Низкий поклон, солдатки,
Что вы смогли сберечь
Землю, детей, порядки,
Славную русскую речь.

КОФТОЧКА

*(глазами очевидца, малолетнего узника
Владимира Демьяновича Атрохина)*

Со всех сторон бомбили беспощадно,
И не было очерченных границ.
Бойцы войной потрёпаны изрядно,
От взрывов и стрельбы лежали ниц.

В лесу застал нас этот ужас сверху,
И по нему от фрицев – напролом.
Мы в сорок пятом будем бить по рейху,
Сегодня же разрушен весь наш дом.

Мне не забыть картины той ужасной,
Писать о ней, поверьте, силы нет –
О гибели, глупейшей и напрасной,
Глазам, закрывшим благодатный свет.

Наряд красивый юная особа
Испачкать так боялась на земле.
Фашист, из «рамы» наблюдавший в оба,
Осколком расписался на челе.

Как больно видеть ран живых надрезы,
Окопы, не заросшие травой.
Берёза белая наполнилась железом,
А я с тех пор с поникшей головой.

РАССТРЕЛЯННАЯ ВИШНЯ

Оттремели бои, и не слышно давно канонады,
Вишня стала богатой – целый сад зацветает весной.
Но историю эту рассказать непременно мне надо,
Потому что судьбою срослась она с прошлой войной.

До чего ж хороша вся была накануне Победы,
И роскошный её подвенечный наряд
Лишь сулил торжество. Но никто не поведал,
Что в жестоком бою здесь орудия заговорят.

А когда тишина наступила – до боли глухая,
Ужаснулись солдаты, глазам не поверив ничуть.
Вишня раненой птицею стала, как будто сухая,
По изломанным веткам прошёл предначертанный путь.

Тишина по земле распласталась без лишнего вздоха,
Свет дневной исчезал, становилось темней и темней.
И вдруг ночью бойцы своим сердцем услышали: кроха,
Сев на ветку, запел! Курский, брянский – родной соловей.

Берега памяти

Николай Бурляев

Николай Петрович Бурляев – Народный артист России, снимался в фильмах Андрея Тарковского, Алексея Германа, Сергея Бондарчука и других выдающихся режиссёров. Автор фильма «Лермонтов», в котором выступил как сценарист, режиссёр и исполнитель главной роли. Сыграл роль Иешуа в экранизации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На «Беларусьфильме» поставил картину «Всё впереди» по одноимённому роману Василия Белова. В 2003 году он начал работу над 20-серийным документальным кинопроектом «Святая Русь в судьбах её подвижников», сыграл главную роль в биографической драме Натальи Бондарчук «Любовь и правда Фёдора Тютчева», в драме «Адмиралъ» предстал в образе императора Николая II, сыграл роль Александра Толстого в драме «Гоголь». Автор книги «Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения», автор цикла телепрограмм «Культура с Николаем Бурляевым».

Президент Международного Славянского Форума Искусств, член правления Союза кинематографистов РФ, член Союза писателей России, академик Международной славянской академии, президент Фонда культуры казаков России. Награды: орден Александра Невского, орден Почёта, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии Югославии, почётный профессор Академии искусств Сербии, награждён орденами Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и преподобного Сергия Радонежского.

Воспоминания

о Н. Мордвинове, С. Бондарчуке, Ю. Селезнёве, В. Высоцком

Великий учитель

Николай Дмитриевич Мордвинов

В начале 1961 года судьба свела меня с Николаем Дмитриевичем Мордвиновым. Я – московский школьник, приглашённый на роль в театр Моссовета. Он – народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, центральная фигура в театре Ю. А. Завадского, любимый мною Котовский, Богдан Хмельницкий, Арбенин... Каждый из этих фильмов я видел по нескольку раз. И вот – он становится моим партнёром по спектаклю «Ленинградский проспект».

На репетициях мы сблизились очень быстро, подружились настолько, что спустя всего несколько репетиционных месяцев, в день торжественной премьеры, Николай Дмитриевич преподнёс мне подарок, созданный его же руками. Мои современники помнят, в каких железных коробочках продавались конфеты монпансье. Мордвинов срезал стенки до половины, сделал внутри перегородочки, заполнил их гримом, вложил маленькие кисточки и, позвав перед началом спектакля в свою гримёрную, вручил мне подарок. Я прожил с этой реликвией всю свою недолгую театральную жизнь – с 1961 по 1968 год.

При первой встрече великий Мордвинов не потряс меня своим фундаментальным величием. Лысоватый, неторопливый, спокойный, не старающийся выделяться повадками премьеры среди остальных артистов, выглядевший на их фоне, пожалуй, даже наиболее скромно. Началось моё постижение Мордвинова – живого человека. В спектакле мы играли роли любящих друг друга деда и внука, и эти отношения закрепились и в нашей жизни. Я ощущал, что Николай Дмитриевич относится ко мне не только с теплотой, но и большим уважением, как к своему партнёру. Я чувствовал это и не верил себе: кто – я и кто – он! Я – пятнадцатилетний мальчишка, он – великий артист, увенчанный высшими наградами страны, любимый и почитаемый народом.

Мордвинов в «Маскараде» потряс меня. Я действительно ничего подобного не видел в жизни. На сцене блистал великий классик, романтик театра Николай Дмитриевич Мордвинов. Аристократизм

пластического рисунка, непередаваемый мелодичный, напевный, иногда раскатистый до надрыва голос. Возможно, в такой манере играли в прошлом, XIX веке. Не странно ли выглядит такая актёрская манера во второй половине XX века? О нет, у Мордвинова не странно. И сегодня, спустя тридцать пять лет, я слышу, словно наяву, его неповторимые интонации: «По-о-слу-у-шай, Ни-и-на, я-я-я ро-о-ждё-ён с ду-у-шо-ой ки-пу-че-ю, как ла-а-ва...» И последние слова монолога, произносимые голосом, восходящим до напевного вопля: «Две на-а-ши жи-и-зни ра-а-а-зо-о-рву-у-у-у!» Холод пробегал по коже, волосы становились дыбом. Я поражался, как это возможно, играя в подобной классической манере, в каждом спектакле плакать настоящими слезами и быть настолько естественным и заразительным, что и зрители плакали вместе с Мордвиновым.

На всю жизнь я остался благодарен моему Учителю Николаю Дмитриевичу Мордвинову за уроки, преподанные мне.

Именно он открыл мне Лермонтова, которого любил самозабвенно. Много рассказывал мне о пламенной, нежной, бесстрашной душе поэта, развенчивая сплетни о его якобы дурном характере. Он брал меня на свои чтецкие концерты, где я мог наслаждаться его «Мцыри» или «Песней о купце Калашникове». Эти уроки Мордвинова о Лермонтове помогли мне спустя двадцать лет, когда я решился на постановку фильма.

Мордвинов научил меня отношению к театру как к храму искусства. Этот урок усваивался сам собою в наблюдениях за отношением к искусству самого Мордвинова. Как Николай Дмитриевич приходил в театр – театр подтягивался и преображался. Мордвинов не торопясь, величественно шёл, словно плыл по коридорам. Всегда спокойный, доброжелательный, тихий, но за этим покоем и тишиной тайно кипела внутри неудержимая лава, которую он готовился, не расплескав по коридорам, через некоторое время обрушить на зрительный зал. В день спектакля с участием Мордвинова все сотрудники театра становились лучше, возвышеннее, внимательнее к окружающим. Осветители и рабочие сцены воздерживались от громкой речи, актёры – от анекдотов (однажды Мордвинов поведал мне слова, сказанные великим русским актёром Михаилом Щепкиным: «Театр – это храм. Священнодействуй или убирайся вон!»).

С течением времени, сыграв «Ленинградский проспект» десятки раз, я, глядя на работу своих старших (а в общем-то ещё молодых партнёров Ии Саввиной и Вадима Бероева), стал подражать им в манере присутствия на сцене. Дело в том, что актёры частенько, отворачиваясь от зала, неслышно говорят друг другу различные смешные слова, не узаконенные текстом автора. И я, глядя на своих партнёров, начал участвовать в этом весёлом «подпольном диалоге».

Очень скоро, после очередного спектакля, когда мы все, радостные, шли после поклонов со сцены по своим гримёрным, Мордвинов тихо сказал мне: «Коля, зайди ко мне». Когда я вошёл, Мордвинов доброжелательно и спокойно произнёс: «Коля, не уподобляйся артистам, болтающим на сцене». Не скрою, что мне стало очень стыдно. Одного этого урока мне было достаточно, чтобы запомнить его на всю жизнь.

Были в нашей театральной жизни и смешные моменты, ибо чувство юмора, а подчас и озорство были присущи и Николаю Дмитриевичу.

На одном из выездных спектаклей в каком-то провинциальном клубе все актёры, и мужчины и женщины, были вынуждены переодеваться в одной большой комнате. И Мордвинов, величественно повернувшись к коллегам, громогласно изрек: «Спокойно – снимаю!» И начал расстёгивать пояс на брюках. Помню, спектакль в тот вечер прошёл особенно радостно и легко.

По режиссёрскому и изобразительному решению декорация «Ленинградского проспекта» – квартира семьи Забродиных – была веером раскрыта на сцене, дабы зрители видели всё, что происходит, в единой панораме. Однажды, находясь в левой, крайней, комнате (смотря в ней телевизор и ожидая реплики для своего выхода в большую комнату), я прислушивался к происходящей в соседней комнате драматической сцене. Ия Саввина, исполнявшая роль Маши, как всегда задала свой трепетный вопрос любимому ей Борису – Вадиму Бероеву: «Ну скажи, Боря, что это неправда?!» Вадим, как всегда темпераментно, прокричал: «Ой, да правда, ну-у-у!» – и бросился на кровать... И в этот момент я услышал (так как видеть из-за стен декорации не мог) незапланированный грохот и мгновенную реакцию зала, выразившуюся в подозрительно ехидном, корректно сдавленном хохотке. Было понятно, что на сцене создалась чрезвычайная ситуация. Дождавшись реплики, предвещающей мой выход, я ворвался в комнату с криком «Наши, наши выиграли, три – два!» И увидел следующую

картину. Вадим и Ия стоят отвёрнутые от зала и едва сдерживают смех. В углу кровать с проваленным между подпорками на пол матрасом. Кровать, на которой через буквально пять минут должна по ходу действия скончаться бабушка. Вадим и Ия с радостью покидают квартиру, оставляя нас троих (Мордвинова, Сошальскую и меня) в сложном положении. Мордвинов спокойно поворачивается ко мне и незаметно для зала произносит: «Ну что, Василёк, давай чинить, ведь бабушке сейчас помирать...» Вдвоём мы подняли с пола матрас, положили его на еле удерживающие его подпорки. Помогли перепуганной В. А. Сошальской тихо присесть, а потом и в ужасе прилечь на «смертное ложе»... Дальше всё прошло как по нотам: не прошло нескольких минут, и Мордвинов своей игрой заставил зрителей не только забыть недавний конфуз, но содрогнуться, а многих и прослезиться.

Однажды я, увлечённый разговором с зав. труппой и не слышавший закулисной трансляции спектакля, опоздал на свой выход на сцену. Вдруг по репродуктору я уловил встревоженный голос помрежа: «Коля! Коля Бурляев! Скорее на сцену! Коля, Коля Бурляев, где ты?!» Стрелой я свинтился с пятого этажа и вылетел на сцену, предстал перед изумлёнными глазами Ии, Вадима, Сошальской... и совершенно спокойного Мордвинова. Никто из партнёров не стал бранить меня за это нечаянное опоздание на выход на целых три минуты. Я был наказан за это вскоре опозданием на сцену артиста Баранцева, правда, всего лишь на одну минуту. Но что такое на сцене есть одна минута существования в ситуации «чёрной дыры», не прописанной автором, я смог ощутить лично. Итак, на сцене – Мордвинов, Сошальская на своём шатающемся «смертельном одре», Ия Саввина и я. Звонок в дверь. Саввина идёт открывать – за дверью никого... Покричав: «Кто там? Кто там?» – она бежала с поля боя, скрылась за дверью, оставив нас с Мордвиновым наедине с залом.

Страх от погружения в неизвестность я особого не испытал: ведь рядом был мощный, как скала, Мордвинов. «Ну, рассказывай, Василёк, что у тебя в школе...» – спросил он. И потекла бесконечно долгая минута нашей вынужденной импровизации. Признаться, это было даже интересно – творить совместно, на равных с самим Мордвиновым.

В 1963 году на гастролях театра в Ленинграде все актёры жили в роскошной гостинице «Европейская». Причём мы с Николаем Дмитриевичем располагались на одном этаже и часто могли видеться на завтрак в буфете. Помню, я до костей продрог, прокатившись в промозглую майскую ленинградскую погоду в одной курточке на мотороллере до Гатчины и обратно. Увидев меня, посиневшего, в буфете и узнав в чём дело, он купил мне, бедному артисту, 50 грамм коньяку и приказал выпить.

По причине безденежья я на этих гастролях ввёлся в массовку «Короля Лира». Ведь за каждый спектакль мне платили по три рубля.

Мне предстояло выйти среди свиты Короля Лира в сцене после охоты. Я решил пофантазировать над обликом моего героя и сделал себе возрастной грим: парик с длинными волосами, усы, бороду, горбатый нос, морщины, седину. Выйдя на сцену со свитой и подпевая в хоре: «Из замка выходит охотник лихой, охотник лихой...», я попытался протиснуться поближе к Лиру – Мордвинову – и попасть в поле его зрения: узнает или нет. Мне это удалось: Николай Дмитриевич заметил меня и, к моему разочарованию, сразу узнал. «Что это ты с собой сотворил?» – тихо спросил он меня. Всю последующую сцену я сидел у его ног, и мне было весело и уютно подле моего великого и доброго партнёра. Неожиданно Николай Дмитриевич шепнул мне: «Коленька, что-то сердце давит... Пойди ко мне в гримёрную... в пиджаке в нагрудном кармане валидол... принеси...» Я сорвался с места и помчался исполнять просьбу моего дорогого друга, доверившего мне столь важное для его жизни и дальнейшего хода спектакля задание. Когда я с капсулой валидола хотел выйти на сцену, я с ужасом заметил, что моя массовка – свита Лира, покинула сцену... Что делать?.. Недолго думая и никого не спрашивая, я шагнул из кулис на сцену (считая своим долгом спасти жизнь Николая Дмитриевича) и решительно направился прямо к Мордвинову – Лиру, выяснявшему отношения с одной из своих дочерей. Я не вглядывался в реакцию опеших актёров, я был занят более важным делом: «Я принёс!» – прошептал я Мордвинову и незаметно для зала вручил ему капсулу. Николай Дмитриевич взял её, спокойно сказал мне: «Спасибо, Коленька...», извлёк таблетку валидола, положил в рот, вернул мне капсулу. Сделав своё дело, я гордо покинул сцену, считая, что мой любимый старший друг, мой дорогой Николай Дмитриевич – спасён.

Помню проникновенные и мудрые тосты-речи Мордвинова на тех или иных театральных вечерах. Тосты эти становились центральным событием застолья, все ждали их и, дождавшись, благоговейно затихали.

Мордвинов поразительно чутко, один из первых отметил начавшее уже в те годы происходить глумление некоторых модных театральных режиссёров над русской классикой. Как-то он поделился со мною своими впечатлениями от увиденного накануне нашумевшего по Москве спектакля. Помню его гнев, печаль и слова об издевательствах над великим русским драматургом, создателем пьесы. Признаюсь, что тогда я не понимал гнева Мордвинова, посчитал это излишней возрастной нетерпимостью к театральным новаторам.

С годами процесс глумления над национальной классикой и русской культурой стал очевиден многим, а в конце XX века стало подлежать критике и презрению само стремление немногих театральных коллективов Москвы, старающихся работать в традициях русской сцены. И сегодня я полностью понимаю гнев великого русского артиста Н. Д. Мордвинова, первым заметившего начало пагубного для русской сцены процесса.

В заключение не могу не вспомнить и ещё один, важный для меня урок Николая Дмитриевича Мордвинова, спасшего мою дальнейшую актёрскую судьбу. В пять лет отроду я был испуган подростком-соседом и с тех пор начал заикаться. Но в театре играл совершенно спокойно, не заикаясь вообще.

Было сыграно уже более 100 спектаклей «Ленинградского проспекта», который шёл уже четвёртый год. Я освоился в своей роли настолько, что плавал на сцене, как рыба в воде. Всё стало мне родным и привычным. И вот на одном из спектаклей я решил заикнуться. Заикнулся, потом ещё и ещё и наконец уже не мог унять своей речи. Страх парализовал меня: ведь я выдал зрителям свою тайну: то, что я заикаюсь... Партнёры смотрели на меня с удивлением и жалостью, но ничем помочь не могли. Едва не теряя сознание от страха и стыда, я кое-как доиграл спектакль. Вот и колонны... Занавес закрылся. Я побрёл со сцены следом за Николаем Дмитриевичем. Словно магнит, влекла меня за собой его неторопливо плывущая по театру фигура, словно я понимал, что только он один сейчас меня поймёт и спасёт. Я зашёл следом за ним в его гримёрную, молча опустил в кресло. Николай Дмитриевич начал разгримировываться, добро поглядывая на меня в зеркало и не начиная разговор первым.

– Я не могу завтра играть спектакль, – произнёс я наконец, – я уйду из театра.

– Скажи, ты хочешь быть артистом? – спросил Мордвинов.

– Не знаю... Какой я артист... заика...

– Нет, Коленька, ты артист. И ты будешь артистом. Знаешь, в цирке у актёров есть такой закон: если артист падает с каната или трапеции, он должен немедленно влезть на трапецию и повторить свой номер. Иначе поселится страх. Ты будешь завтра играть.

Ночь я провёл без сна, бесконечно повторяя в уме текст роли. Еле дождался утра, пошёл в театр, играл и поборол свой страх. Спасибо моему дорогому Учителю.

Мы много играли этот спектакль вместе, записали его на радио, играли отдельные сцены в концертах и на телевидении, играли в Ленинграде, Киеве...

Как живая стоит передо мной картина, врезающаяся в мою память, я вижу её, словно это было вчера: мы с Николаем Дмитриевичем ожидаем за стеной декорации наших выходов на сцену. Первый выйдет он, спустя некоторое время – я. Мы молча сидим на стульях друг против друга, внутренне готовимся к встрече с дышащим, покашливающим, притаившимся залом. Мордвинов сидит, положив ноги на соседний стул. Его глаза прикрыты. Я люблю своё великое партнёрство. Вот он – такой родной, дорогой моему сердцу...

– Неужели же это счастье когда-нибудь закончится? – задаю себе вопрос, влюблённо разглядывая Мордвинова. – Неужели он когда-нибудь умрёт... и всё закончится?

С тех пор прошло уже 35 лет. Мордвинова давно уже нет среди нас. Обеспамятевшие критики и средства массовой информации не желают вспомнить о том, что в истории русского театра был великий Мордвинов. Что именно ему Россия обязана тем, что сохранила свою душу. Мордвинов, Черкасов, Ливанов, Козловский и другие светочи русской сцены пели песню русской, православной, великой и чистой души в годы атеистического безвременья. Они явились тем духовным мостом, перекинутым от прежней России в Россию будущую. И эта грядущая Россия помянет всех, кто честно служил ей. Помянет и великого русского артиста и человека Николая Дмитриевича Мордвинова.

Быть первым на Руси – тяжёлый крест

Сергей Бондарчук

Бондарчук... Произносишь эту фамилию – и сознание мгновенно рисует образ кинематографического исполина: всегда красивого и элегантного, окружённого недостижимым ореолом избранника, баловня судьбы, казалось, рождённого для жизни на творческом и общественном Олимпе. Безусловный вожак, лидер, авторитет. Открывающий любые двери, народный, лауреат, депутат Верховного Совета, Герой Соцтруда, профессор, оscarоносец, свободно колесящий по миру, снимающий всё, что пожелает, и даже за границей. Разве «стая» могла ему это простить?..

1961 год

Первый взгляд на «живого Сергея Бондарчука».

Параллельно со съёмками «Иванова детства» снимаюсь у Г. Рошаля в «Суде сумасшедших». Летаю из приднепровских болот в роскошную Ригу. В один прекрасный день на нашем корабле переполох: дряят палубу, начищают до блеска всё, что способно заблестеть. Почему-то шёпотом произносят: «К Скобцовой должен прилететь Бондарчук». И – вот он, прилетел!

Счастливая молодая пара. Всё и вся вертится вокруг планеты под названием «Бондарчук».

Уж не помню, представили ли меня ему. Да если и представили, заметил ли он меня?.. Четырнадцатилетнего, никому не известного мальчика? А я влюбился в него с первого взгляда и на всю жизнь. Как несколько месяцев до того, придя на пробы к Андрею Тарковскому, я влюбился в Андрея, и тоже с первого взгляда, и также на всю жизнь.

Ныне, когда их обоих призвал Господь, подавая в храме поминальные записки, я пишу рядом имена Сергия и Андрея и твёрдо знаю, что там, где нет скорби, вздыханий и сплетен, они вместе взирают на нас, грешных, с надеждой и любовью; они вместе укрепляют наши души.

Здесь, на земле, им не позволили быть вместе...

Вскоре Бондарчук начал снимать «Войну и мир», и завистливая кинематографическая и околокиношная клоака закопошилась, зашипела, начала отгачивать жало и накапливать яд, чтобы вскоре укусить побольнее: «Бондарчук-то на Толстого замахнулся!.. Куда ему!.. Это будет провал!.. Какой он Пьер Безухов?.. Какой Тихонов – князь Болконский?..»

1963 год

Увидел Бондарчука во второй раз. «Мосфильм», длинный коридор старой тон-студии. Иду из правого крыла и вижу, как из левого на меня надвигается большая кавалькада. Неумолимо, как на дуэли, сближаемся и сходимся в холле. Вижу в центре кавалькады две фигуры – Бондарчук и министр культуры СССР Фурцева.

Вот они в трёх метрах, хочу скрыться, провалиться сквозь землю...

Бондарчук смотрит на меня, улыбается, манит рукой, просит подойти. Раз просят, не убежать же, подхожу, пожимаю протянутую Бондарчуком руку.

– Вот, – говорит он Фурцевой, показывая на меня, – это тот самый Коля Бурляев, герой «Иванова детства».

Фурцева протягивает мне руку, пожимаю, не слышу, что она говорит мне. Процессия проходит мимо.

А я, счастливый, ошеломлённый случившимся, бреду дальше по коридору:

«Надо же, я известен самому Бондарчуку?!»

Закулисные кривотолки сопровождали весь период подготовки, создания и проката «Войны и мира».

Уши людей открыты сплетням и слухам. К моменту выхода в свет этого фильма мои друзья, старшие коллеги, слову которых я абсолютно доверял, столько наговорили мне отрицательного о картине Бондарчука, что я поверил...

Лишь спустя почти три десятилетия, когда «Войну и мир» показали по телевидению, я был потрясён величием кинематографического подвига Сергея Фёдоровича Бондарчука. Конгениальная, классическая киноверсия толстовского романа! Великая режиссура мастера, которому подвластны

не только эпический, надмирный охват глобальной массовости и баталистики (который, я уверен, никогда не превзойдёт ни один режиссёр в мире), но и филигранное, тончайшее по психологизму крупноплановое творчество.

Феноменальное соединение макро и микро: космический полёт духа и погружение в глубины тончайших движений души; слияние и гармоничное взаимодействие светлого разума и доброго сердца художника, исполненного любви к человеку и всему сущему на земле; жадное впитывание и переплавление в себе сокровищ русской и мировой культуры и созидательное творчество во славу Господа и человека; любовь и служение своему Отечеству – вот слагаемые гения Бондарчука.

Едва дождавшись окончания фильма, я позвонил Сергею Фёдоровичу и высказал то, чем было переполнено моё сердце, признавшись, что увидел «Войну и мир» впервые лишь сегодня, невольно поверив в шестидесятых годах слухам, распространяемым «друзьями».

1972 год

Судьбе было угодно, чтобы я породнился с Сергеем Фёдоровичем, соединив свою жизнь с его старшей дочерью Натальей.

Наши отношения приобрели новый, «родственный» оттенок.

Мы виделись на «Мосфильме», во ВГИКе, иногда приезжали домой или на дачу к Сергею Фёдоровичу в Барвиху. И каждая встреча была для нас счастливым событием. Он называл меня по-украински Мыколой, шутил, рассказывал анекдоты, но иногда делился сокровенными мыслями о творчестве, о людях, о политике.

В 1998 году, проплывая на теплоходе кинофорума «Золотой Витязь» по Днепру и пройдя Запорожье, родину моих предков, запорожских казаков, мы через несколько часов подошли к Херсону и посетили родину С. Ф. Бондарчука, Белозёрку. И только здесь меня осенило: Боже! Да ведь мы же – земляки. Всего-то несколько десятков километров друг от друга жили наши вольные прадеды. Мы из одной земли, от одних корней.

1975 год

Выпускники ВГИКа Наталья Бондарчук, Игорь Хуциев и я завершили на «Мосфильме» постановку наших дипломных новелл по роману Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», соединив их в единый фильм, и предложили Сергею Фёдоровичу поработать с нами в качестве актёра, прочитав в фильме текст от автора. Он, занятый постановкой своего нового фильма, сразу же согласился и назначил день и час, когда придёт к нам на озвучивание. Попросил, не откладывая, принести ему тексты.

В назначенное время мы «под конвоем», через весь «Мосфильм» сопроводили его в тон-студию. Войдя в тёмное тон-ателье, Сергей Фёдорович разложил на пюпитре перед микрофоном тексты. Великий профессионал, актёр Бондарчук был абсолютно готов к работе, он их выучил наизусть.

Мы, начинающие режиссёры, замерли у окна в соседней микшерской комнате, не смея давать указаний мастеру. Так, в полной тишине, в которой звучал лишь гипнотический голос великого артиста, прошло несколько минут.

Сергей Фёдорович вживался в образ Салтыкова-Щедрина, искал верную интонацию, тембр, не удовлетворённый достигнутым, командовал: «Ещё раз!», «Ещё дубль!». Наконец обратился к нам:

– Режиссёры! Чего молчите? Какие будут замечания?

А режиссёрам всё нравилось – какие там замечания! И всё-таки кто-то из нас «для приличия» отважился внести лёгкую коррекцию.

Сергей Фёдорович с готовностью исполнил просьбу.

Особенно мне запомнилось, с какой изнурительной самоотдачей озвучивал он последние слова автора «Пошехонской старины»:

– Я люблю Россию до боли сердечной и желал видеть Отечество моё счастливым.

Наверное, около двух десятков раз Сергей Фёдорович просил ещё и ещё дубль, пока наконец не вздохнул облегченно:

– Стоп! Ну, кажется, попал!..

Бондарчук и Тарковский. Равно любимые и дорогие для меня люди. Отношения этих двух гениев ещё требуют своего изучения и расчистки от наслоений сплетен и домыслов. Как я радовался, когда

С. Ф. Бондарчук предложил вечно опальному Андрею работать в его Объединении и под его защитой на «Мосфильме»! Это был период, когда два гения сердечно потянулись друг к другу и даже строили планы совместной работы над фильмом о Достоевском. Да не тут-то было! Их развели. Нашептали Андрею о «коварстве Бондарчука», который-де непременно воспользуется доверчивостью Тарковского... И заключительным аккордом стал – инцидент в Каннах. С. Ф. Бондарчук был приглашён в Канны как член жюри. А. А. Тарковский участвовал в конкурсе с фильмом «Зеркало». Жюри не присудило «Зеркалу» главную премию. И пресса повесила провал фильма на совесть Бондарчука.

Многие читали сплетни об этом. А что же было на самом деле? Когда Сергей Фёдорович вернулся из Канн, при первом же нашем общении я задал ему вопрос: «Ну, как новый фильм Андрея?»

Его отзыв о картине был достаточно спокойным. Фильм ему не понравился, и он чисто профессионально объяснил, почему его этот фильм не захватил. Естественно, я задал вопрос: «Вы голосовали против?»

– Да нет, – ответил Сергей Фёдорович, – я воздержался.

...Спустя несколько лет, когда не стало Андрея Тарковского, я посетил его могилу во Франции, на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Встретившись в Париже с Отаром Иоселиани, я выслушал его рассказ о «каннском инциденте». Он тогда спросил одного из членов жюри:

– Правда ли, что Бондарчук голосовал против «Зеркала»?

– Нет, – ответила она. – Бондарчук вообще ничего о фильме не говорил. И если бы он что-то сказал против фильма, это лило бы воду на мельницу Тарковского.

– Я пересказал Андрею этот разговор, – продолжал Отар, – он обернулся к своей жене и сказал: «Вот видите, Лариса Пална, у Отара совершенно другая информация...»

– Нет! – вскричала жена. – Я знаю! Бондарчук послан КГБ, чтобы не дать вам премию!..

1984 год

Как-то, приехав к Сергею Фёдоровичу на дачу, я рассказал о четырёхлетних хождениях по мукам со своим сценарием «Лермонтов». О том, что писал сценарий для «Грузия-фильма», но там его отвергли по причине моего утверждения добрых отношений между Россией и Грузией.

Потом два года «Лермонтов» стоял в плане Гостелерадио, а меня всё не запускали. Хотела запустить Одесская киностудия – не позволил Лапин: «С какой стати Лермонтов в Одессе?..»

– Годы идут, ещё немного, и я не смогу играть Лермонтова чисто физически. Я просто не знаю, что мне делать.

– А ты ставь у меня в Объединении, – предложил Сергей Фёдорович то, о чём я и мечтать не смел.

Пригласив меня в своё Объединение, Сергей Фёдорович никак практически в дальнейшем не участвовал в создании моего фильма: не приходил на худсоветы, не смотрел отснятого материала, ни во что не вмешивался, предоставив мне полную свободу... Он был поглощён созданием «Бориса Годунова».

Но сам факт, что мой проект поддержан Бондарчуком, что его крыло незримо было распростёрто надо мною, помог мне пройти все подводные рифы и завершить картину.

Лишь однажды, чувствуя, что худсовет без его поддержки может резать мне несколько сцен, я попросил Сергея Фёдоровича прийти на помощь. И он пришёл. И когда кто-то из советчиков предложил вырезать из фильма сцену с гадалкой Кирхгоф, мол, негоже в советском кино о гадалках, он спокойно сказал, что, на его взгляд, это – одна из лучших сцен в фильме. Полушутя обронил фразу о том, что может рассказать, кто из членов Политбюро ездит к Джуне, а кто к Ванге... И проблема с обрезанием отпала. Потом Бондарчук пришёл на просмотр готового фильма. Дал несколько профессиональных советов и поздравил с завершением труда.

Как-то я сказал Сергею Фёдоровичу о невероятной, бескорыстной поддержке фильма «Лермонтов» окружающими людьми, предоставляющими все услуги бесплатно, по зову русского сердца: распахнутые двери дворцов и музеев и даже самого Кремлёвского дворца, бесплатно предоставленные в моё распоряжение войска Северо-Кавказского округа, вертолёты, конница...

– А как, ты думаешь, я снимал «Войну и мир»? Точно так же. Без поддержки народа фильм не мог бы состояться...

Когда Сергей Фёдорович снимал в Ленинграде «Красные колокола», мы снимали там же телефильм «Медный всадник». Однажды мы подъехали на Дворцовую площадь, прошли сквозь оцепление туда, где подле Александрийского столпа, как потерянный, бродил режиссёр. Кругом всё клокочет, десятитысячная массовка бежит по прилегающим к площади улицам к Зимнему дворцу. Снимают параллельно семь камер. Одна из них закреплена на вертолётё, с рёвом кружащемся над площадью. Ветродуи гонят по площади пиротехнические дымы, невообразимый хаос, шум, стрельба, взрывы...

– И как ты всем этим управляешь? – спросила Сергея Фёдоровича его дочь.

– Не знаю, – повёл он плечами. – Да оно как-то само...

1992 год

Прошёл Первый международный кинофестиваль «Золотой Витязь» в Москве. И первую премию «За выдающийся вклад в кинематограф» получил Сергей Фёдорович Бондарчук.

Пройдёт ещё три года, и не станет великого Бондарчука, и награда Всеславянского кинофорума «Золотой Витязь» «За выдающийся вклад в кинематограф» будет навечно носить его имя, и его гордый профиль будет отчеканен на золотой медали.

Пройдёт ещё немного времени, и будет открыта Киноакадемия имени С. Ф. Бондарчука, в которой будут воспитываться кадры для русского национального кинематографа.

А теперь несколько документальных зарисовок из моего дневника.

6 июня 1986 года

Вечером заехал на дачу к С. Ф. Он сидел в бане, работал, писал новый сценарий – «Вишнёвый сад».

Вместо предполагаемых 10 минут я пробыл у него три часа. Говорил главным образом Сергей Фёдорович. Он был эмоционально взведён. Рассказал, как на V съезде кинематографистов поговорил с Тамарой Фёдоровной Макаровой (после разгрома моего «Лермонтова»).

– Вы видели «Лермонтова»? – спросил он её.

– Да, Серёжа, фильм несовершенный. Коле надо было учиться...

– А вы знаете, – сказал Сергей Фёдорович, – что это первый фильм в мировом и советском кино, показывающий зло, мешающее людям жить...

– А какое это зло?

– Надо читать книжки, – улыбнувшись, сказал своей учительнице Сергей Фёдорович.

12 июля 1987 года

Вечером поехали на дачу к Сергею Фёдоровичу. И конечно же, значительную часть вечера мы говорили о «союзной» шпане...

Потом мы заговорили о русских пророках: Пушкине, Лермонтове, Есенине, о планомерном истреблении силами зла тех, кто может быть любезен народу, пробуждая в нём своей лирой добрые чувства, соединяя народ в едином, светлом, патриотическом порыве.

– И Шукшина тоже убили, – вдруг задумчиво произнёс Бондарчук. – И я даже знаю, кто это сделал.

Лето 1994 года

Пришёл домой к Сергею Фёдоровичу, не ведая, что это наша последняя в жизни встреча, не мог допустить мысли, что и Бондарчук не вечен.

Попили чаю, поговорили о разном и простились... Как оказалось, навсегда. Через три месяца великого Сергея Фёдоровича Бондарчука не стало.

«Что ж, веселитесь! Он мучений последних вынести не смог...»

Гроб с телом Сергея Фёдоровича мы несли плечо к плечу с человеком, с которым нас связывает 40-летняя дружба, – с Никитой Михалковым. Я смотрел на него и думал (не помню, сказал ли ему об этом на поминках):

– Теперь только держись. Ты принимаешь эстафету. Быть первым на Руси – тяжёлый крест.

**«Я грудью шёл вперёд.
Я жертвовал собой...»**

Юрий Селезнёв

Личность духовная осознает свою причастность вечной жизни мира и потому даже перед лицом смерти своего личного «я» принимает жизнь, приветствует и благословляет.

Ю. И. Селезнёв

Вновь перечитываю книгу «Достоевский» – основной памятник подвижнической жизни Юрия Ивановича Селезнёва, вчитываюсь в цитаты, выбранные автором из творений Ф. М. Достоевского в качестве эпиграфов к главам книги:

«КЛЯНУСЬ ТЕБЕ, ЧТО Я НЕ ПОТЕРЯЮ НАДЕЖДУ И СОХРАНЮ ДУХ МОЙ И СЕРДЦЕ В ЧИСТОТЕ».

«НЕ ПОТЕРЯЙТЕ ЖИЗНИ, БЕРЕГИТЕ ДУШУ, ВЕРЬТЕ В ПРАВДУ. НО ИЩИТЕ ЕЁ ПРИСТАЛЬНО ВСЮ ЖИЗНЬ, НЕ ТО УЖАСНО ЛЕГКО СБИТЬСЯ».

«В НЕСЧАСТИИ ЯСНЕЕТ ИСТИНА».

«ВСЯКИЙ, КТО ЗАХОТЕЛ ИСТИНЫ, УЖЕ СТРАШНО СИЛЁН».

«ОТ НАРОДА СПАСЕНИЕ РУСИ... БЕРЕГИТЕ ЖЕ НАРОД И ОБЕРЕГАЙТЕ СЕРДЦЕ ЕГО».

«ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ».

Думаю, это смело можно назвать заповедями жизни Ю. И. Селезнёва. Выбор цитат автором всегда не случаен; избирается то, что созвучно душе. Безусловно, программы для Юрия Ивановича и слова Н. В. Гоголя, приведённые им в статье «Созидающая память»:

«ДРУГИЕ ДЕЛА НАСТУПАЮТ ДЛЯ ПОЭЗИИ... КАК ВО ВРЕМЯ МЛАДЕНЧЕСТВА СЛУЖИЛА ОНА ТОМУ, ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ НА БИТВУ НАРОДЫ... ТАК ПРИДЁТСЯ ЕЙ ТЕПЕРЬ ВЫЗЫВАТЬ НА ДРУГУЮ, ВЫСШУЮ БИТВУ ЧЕЛОВЕКА – НА БИТВУ УЖЕ НЕ ЗА ВРЕМЕННУЮ НАШУ СВОБОДУ, ПРАВА И ПРИВИЛЕГИИ НАШИ, НО ЗА ДУШУ...»

Именно за душу человека, за её чистоту и возвышение боролся Ю. И. Селезнёв. «ПОЭТ-ВОИН, БОЕЦ, ТРАГИЧЕСКИ ИДУЩИЙ НАВСТРЕЧУ КАТАСТРОФАМ В САМОЕ ПЕКЛО ХАОСА, ИБО ТОЛЬКО СОБСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ В БОРЬБЕ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ, ХОТЯ БЫ И ЦЕНОЙ СОБСТВЕННОЙ ГИБЕЛИ, ИСХОД ЭТОЙ БОРЬБЫ» – эти слова Юрия Ивановича о Тютчеве целиком относятся и к самому их автору.

Да, только собственным участием в борьбе можно определить её исход. Это жизненное кредо Ю. И. Селезнёва, эта магистральная мысль его бытия прозвучала в художественном фильме «Лермонтов», когда Юрия Ивановича уже не было среди нас. Они прозвучали в устах Михаила Юрьевича Лермонтова, героя последней, не воплотившейся книги Ю. И. Селезнёва. Не только рукописи, но и мысли человеческие не горят, не исчезают, но как эстафета передаются окружающим, укрепляя их сердца. Не написана книга Юрия Ивановича о Лермонтове, но многие положения предполагаемой книги, мысли, гипотезы, утверждения вошли в фильм о великом русском поэте. Я благодарю судьбу за то, что она подарила мне три встречи и десяток телефонных диалогов с Юрием Ивановичем до того, как оборвалась его жизнь, до того, как началась жизнь фильма «Лермонтов».

7 апреля 1984 года на сцене московского Дома журналистов я рассказывал о четырёхлетней работе над лермонтовской темой, о желании снять фильм о великом поэте. После вечера ко мне подошёл человек и оказал, что есть такой Ю. И. Селезнёв, замечательный литературный критик и писатель, автор книги о Достоевском, создающий сейчас для «ЖЗЛ» книгу о Лермонтове, и что нам просто необходимо с ним повстречаться. Человек этот был близким приятелем Юрия Ивановича. Он при мне позвонил Ю. И. Селезнёву и так же темпераментно, как только что говорил мне о Юрии Ивановиче, стал говорить ему обо мне и заключил тем, что мы непременно должны увидеться. Так состоялось наше заочное знакомство. В этот же вечер наш настойчивый «сводник» вручил мне книгу Юрия Ивановича «Достоевский».

Книга меня ошеломила, открыла новое мощное явление в нашей литературе, талантливого писателя и мыслителя, гражданина. Духовная устремлённость к идеалу, позитивность исканий, речь

без иносказаний, нравственная чистота, бесстрашное «упоение боем» – всё было прекрасно в этой удивительной книге, а значит, и в её авторе. Появилось необходимое желание увидеть этого человека: душа потянулась к душе. Следом я «проглотил» следующую книгу Ю. И. Селезнёва – «Мысль чувствующая и живая» – и открыл нового литературного критика.

Через несколько дней, в пасхальную ночь, мы с приятелем Юрия Ивановича подъехали к его дому. Хозяин с нетерпением ожидал нас, стоял у окна, махал нам рукой. Мы ещё выходили из лифта, а Юрий Иванович, не дожидаясь нашего звонка, широко распахнул дверь, встречая нас на пороге. Презрение к чопорному столичному этикету, нежелание соблюдать регламент, но – жизнь по правде, по устремлению души, любовь к ближнему – вот что заключалось в этом порыве. Внутренняя мощь и душевная деликатность – на пороге нас встречал улыбающийся Юрий Иванович Селезнёв. До этого мгновения я не раз мысленно спрашивал себя: каков он, Селезнёв?.. Как часто ожидаемое не совпадает с действительным. Но тут – совпало: книги и их автор. И немудрено: ведь слово и дело было едино для Юрия Ивановича Селезнёва. Итак, вот он: красивый, голубоглазый, приветливый, сильный, статный витязь из народной быliny. Долгое, крепкое рукопожатие... «Именно таким я вас и представлял...» – не удержался я от признания.

Сближение произошло мгновенно. Я полностью впустил Юрия Ивановича в своё сердце, хочется думать, что это было взаимно. Было видно, как доволен наш «сводник». Он тактично отошёл на второй план, не прерывал наш диалог, переводил взгляд с одного на другого. Мы говорили о многом, но доминировали две темы: Достоевский и Лермонтов. Юрий Иванович внимательно выслушал мой рассказ о работе над сценарием фильма о Лермонтове, о четырёхлетних похождениях по кругам киноинстанций, о битвах за право постановки фильма о великом поэте.

В эту пасхальную ночь зашёл разговор о Христе и христианстве, о жертве человека во имя всеобщей гармонии, о подвиге. Помню, Юрий Иванович высказал тогда интересную мысль:

– Как теперь облучают раковую опухоль, так Христос явился светлым спасительным лучом в самое пекло корысти, исчадие ада...

Кто-то задал вопрос: «Почему фарисеи не вняли спасительным речам?» Юрий Иванович рванулся из-за стола в другую комнату и через мгновение вернулся с книгой в руках; быстро нашёл интересующее его в «Евангелии от Иоанна» место, прочёл: «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи... Вы потому не слушаете, что вы не от Бога».

(Позднее эта мысль Юрия Ивановича о «светлом луче, направленном в самое исчадие корысти», прозвучала в фильме «Лермонтов».)

Уединившись с хозяином в его кабинете, я задал ему вопрос: «В какой стадии ваша работа над Лермонтовым?»

– Мне осталось прочитать совсем немного, около сорока авторов, и я начну писать. Видимо, это будет через пару месяцев. Я должен знать всё, вплоть до того, какие на мундире Лермонтова были пуговицы во время встречи с Белинским... Вы читали эту книгу?

Юрий Иванович протянул мне редкую книгу Нарцова, изданную в 1914 году, исследующую род Мартынова, убийцы Лермонтова. Он обратил моё внимание на герб рода Мартыновых, на котором красовались масонские символы: три шестиконечных звезды и карающий меч в руке, протянутой из облака.

– Любопытно, – сказал Юрий Иванович, – этот герб был обнародован единственный раз в четырнадцатом году и до сего дня ни разу не печатался в наших лермонтоведческих книгах...

В тот вечер я оставил Юрию Ивановичу на прочтение мой сценарий о Лермонтове.

Вскоре состоялась наша вторая, пожалуй, самая важная встреча с Юрием Ивановичем. Он говорил о своем впечатлении от сценария, высказывал свои мысли о Лермонтове вообще, открывал новое для меня, неназойливо направлял. Теперь многие отмечают, что Юрий Иванович торопился жить, не позволял себе болтать о несущественном, но только о самом главном. Так было и в этот раз. Но вместе с этой эмоциональной устремлённостью к цели я навсегда запомню ту форму, в которой Юрий Иванович говорил со мной, сидящим перед ним автором: ни тени менторства, великодушный такт, доброжелательство, товарищество. Он говорил, я конспектировал заинтересовавшие меня мысли. Теперь глубоко сожалею, что записывал не всё. Не исключено, что Юрий Иванович в тот день

щедро делился со мной материалами, собранными для своей книги. Он говорил о том, как важно снять о Лермонтове достойный фильм. Дома я расшифровал свой конспект.

Привожу запись без литературной обработки, в том виде, в каком она легла в тетрадь.

1. Не делайте Лермонтова злым...

2. Должна отчётливее выявиться основная идея фильма: ОСОЗНАННОЕ САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНИЯ В БОРЬБЕ С СИЛАМИ ЗЛА.

3. Лермонтов мыслит всей Россией, Вселенной. В каждой фразе Лермонтова звучит весь мир: «Я ВДРУГ НАШЁЛ СЕБЯ, В СЕБЕ ОДНОМ НАШЁЛ СПАСЕНЬЕ ЦЕЛОМУ НАРОДУ...» Говоря о себе, Лермонтов говорит о целом мире.

4. «Личность начинается не с самоутверждения, но – САМООТДАЧИ». Слово и поступок – едины, неразделимы. На деле докажи то, что дерзнул утверждать. Миссия, подтверждённая судьбой. Пушкин не стал бы Пушкиным, не прими мученической смерти за свои убеждения. С его гибелью сотворённое им вспыхнуло, осветилось новым светом. Таков закон: ПОДТВЕРДИ ЖИЗНЬЮ. Его не за жену убили; за знание первопричин зла и способность противостояния злу. Какое значение имеет моя жизнь на земле, если она не послужила народу, человечеству, созиданию гармонии, по образу и подобию высшей гармонии, отзвук которой люди слышат в своих душах. Факел истины не погаснет. Пушкин нёс его за всех нас на Руси, и мы не дали его обронить. Собыют с ног меня – поднимется в России другой человек.

5. Фильм должен нестись к своему идейному исходу, финалу: от рождения Лермонтова к... Вечности!

6. Лермонтов не должен бояться смерти, он презирает её. Приближающаяся гибель не страшна ему «и нам, зрителям», он – выше смерти. «КТО БЛИЗ НЕБЕС, ТОТ НЕ СРАЖЁН ЗЕМНЫМ».

Он смеётся в глаза смерти (очевидцы отмечали, что он с улыбкой стоял под дулом пистолета). Подвиг жизни Лермонтова: самопожертвование во имя Добра, Свободы, «Правды в сердце человека». Души, ВСЕОБЩЕЙ ГАРМОНИИ.

7. На мою реплику «к вам нужно приставлять охрану» Юрий Иванович печально улыбнулся и сказал:

– Нужно действовать... Ведь кто-то же должен. Разве мы не у себя дома живём? Не в России?.. Неужто станем бояться? Надо спокойно делать дело своей совести. Говорить народу правду. Люди услышат и подумают: «Значит, можно её говорить и жить так, как он. Ведь он-то смог.. А чем я хуже?! Скажу и я!»

8. Нельзя впадать в назидательность. Когда Лермонтов «цитирует себя», он должен это делать с иронией: мол, «когда-то я писал...».

9. Монго-Столыпин, родственник Лермонтова, лентяй, светский лев, «Печорин, возлежащий на коврах...». Он бессознательно – или сознательно? – дважды приводил Лермонтова под пулю: на дуэли с де Брантом и Мартыновым. Согласно правилам чести, «честно» привёл М. Ю. к роковому барьеру.

После убийства Лермонтова всю жизнь хранил тайну о его смерти. Он был милостиво выпущен в отставку и столь же милостиво отпущен за границу.

«Друзья» довели Лермонтова до дуэли. «Друзья» стреляли в упор. Всё здесь тайна. И убийство Л. нужно оставить загадкой.

10. Известен факт, что горцы на Кавказе не тронули Лермонтова; они показывали на него в бою своим товарищам, чтобы не стреляли в поэта.

11. Ключ к образу Мартынова в кличке Мартышка – подражатель, кривляка, передразнивающий Лермонтова, писавший графоманские стихи и прозу на темы, которых касался в своём творчестве Лермонтов. Лермонтов – Мартынов. Моцарт и Сальери, Бог и дьявол, истина и ложь, «Я» вселенское, ответственность за грехи всего мира, вселенская совесть и – «я» мелкое, бесовское. Мартынов убивает истину и в себе, и в другом человеке.

12. Юрий Иванович аргументированно доказал, что стихи «Прощай, немытая Россия» написаны не Лермонтовым. Но, несмотря на отсутствие автографа, их упорно стараются приписывать Лермонтову. (Знал бы Юрий Иванович, что через три года после его ухода из жизни московские кинокритики, роem налетевшие на едва родившийся фильм и вонзившие в него 27 ядовитых жал, задолго до выхода на экран, станут упрекать фильм в отсутствии «немытой России» и издеваться над словами героев о любви к Отечеству, называя их «пасхальными» и «выспренними».)

13. Юрий Иванович высказал интересную гипотезу по поводу компании, вертевшейся вокруг Лермонтова последние два года его жизни, именуемой лермонтоведением «кружком шестнадцати». Он говорил, что как раз разрабатывает эту тему, исследует нити, тянущиеся в иезуитский орден...

Все «кружковцы» – юные отпрыски семейств, приближённых к императору. Что общего могло быть у Лермонтова с этой «золотой молодёжью»?

В 1840 году во время высылки Лермонтова на Кавказ члены «кружка шестнадцати» покинули Петербург одновременно с поэтом. В 1841 году на время отпуска М. Ю. «шестнадцать» съехались вслед за поэтом в Петербург и окружали его в столице. Когда Лермонтова вновь выслали на Кавказ и он оказался в Пятигорске, многие «кружковцы» снова оказались подле Лермонтова. Несколько человек из их числа присутствовали при убийстве Лермонтова. Потом подтасовывали общность показаний и все как один всю жизнь сохраняли тайну о подлинных событиях у подножия Машука. Что же это за «кружок»?

Может быть, это своеобразная организация по ликвидации М. Ю. Лермонтова?..

14. «Не вернусь я с Кавказа...» Лермонтов повторил это раз десять, разным людям. Он знал, что не вернётся...

15. «ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ КУПИТЬ – УБЕЙ!» – клич тёмных сил, клеветников из шайки Нессельроде. (Нессельроде и К – подле Пушкина, потом они же – подле Лермонтова.)

Третья и последняя встреча была кратковременной. Солнечным майским днём я заехал к Юрию Ивановичу выслушать его мнение о моей повести и стихах. Хозяин был, как обычно, красив и бодр; казалось, наши контакты теперь будут постоянны и долговременны, ничто не предвещало скорого прощания навсегда. Юрий Иванович говорил, что нужно освободиться от концентрации на личных поэтических переживаниях, стремиться к осознанию себя как частицы всего народа. Снова говорил о том, что нужно жизнью своей подтверждать истинность написанного тобой. От этой встречи осталась дарственная надпись Юрия Ивановича на его книге «Мысль чувствующая и живая». Позволю себе привести эти дорогие для меня слова: «Николаю Бурляеву – с почтением к таланту и глубокой симпатией к человеку – на сорабничество. Сердечно Юрий Селезнев. 22.V.84».

Съёмки картины начались через несколько месяцев после смерти Юрия Ивановича, но я ощущал его постоянное, незримое присутствие. Многие мысли Ю. И. Селезнёва воплотились в фильме «Лермонтов». Сегодня я с радостью обнародую то, что до сих пор было известно мне одному – фильм «Лермонтов» посвящается памяти Юрия Ивановича Селезнёва. И ещё, его памяти были посвящены и стихи. Прошу не судить строго их поэтическое достоинство, они написаны от сердца. Вполне осознанно отправной точкой явилось лермонтовское «На смерть поэта». Несмотря на то что Юрий Иванович встретил свой смертный час в четырёх стенах чужого жилья, в моём сознании он пал на поле боя, ибо каждый миг своего духовного бытия был очередным Бородином его воительницы-мысли. Юрий Иванович Селезнёв был человеком просветлённой души. Его бесстрашие рождено знанием простой истины: добрые, духовные дела человека не подлежат тлению. Они бессмертны.

Погиб России светлый воин
На поле брани с клеветой.
Навечно славы удостоен,
Свой подвиг совершив земной.

Пред злой ордою Русь спасая,
Под стрелы выходил звонарь:
Он сердце нёс не размышляя
На светлый Родины алтарь.

Ты был певцом души народной
Издравле мудрой, удалой,
Непобедимой и свободной...
Ты пал за честь страны родной.

Ты весь был – Правда и Свобода;
Мог неподкупный голос твой
Стать эхом русского народа...
Но враг расправился с тобой.

Язвил чело венец терновый;
Избранник гордо шёл вперёд;
Собой пожертвовать готовый
За Свет, за Правду, за Народ.

Ты был предтечей перелома.
Ты шёл бесстрашно на врагов.
«Ужель хозяин в светлом доме
Бояться станет пауков?»

Был чист славянскою душою,
Красив и светел скифский лик;
Пленяя ближних красотой,
В словах и деле был велик.

Помянут будешь ты любовью,
Жизнь положивший за любовь.
Ты защищал свою кровью
Поэтов праведную кровь.

Мой Владимир Высоцкий

В моей памяти существуют два образа Владимира Высоцкого. Один – знаменитый бард, владевший всенародным эфиром почти два десятка лет, поэт-гражданин, «грудью шедший вперёд», человек, всё более становящийся легендой. Второй, а по времени знакомства – первый – образ более скромный, человеческий, тёплый, сотканный из плоти и крови, образ Владимира Высоцкого из 1960 года.

Тогда, в тёплое солнечное лето, шли пробы на фильм «Иваново детство». А. Тарковский пригласил попробоваться на роль капитана Холина молодого артиста Театра им. А. С. Пушкина, мало кому тогда известного Владимира Высоцкого. Распространение его песен и слава были ещё впереди.

Мы познакомились на «Мосфильме» в группе Тарковского. Сблизились в репетициях и на съёмочной площадке. Время стёрло детали, подробности, оставило лишь основное: образ серьёзного, профессионального, самозабвенно относящегося к делу артиста. Партнёрский контакт установился мгновенно: мосты между нами навёл, на правах старшего, Владимир. Оба мы были в равно-шатком положении, в которое ставит актёров унижительная процедура кинопроб: мы оба не знали, утвердит ли нас Тарковский или нет. К концу кинопроб мы с Владимиром стали друзьями. Вместе разгримировались, поливая друг друга тёплой водой; вместе переоделись в костюмерной в свои одежды, вышли за ворота студии.

День был солнечный, всего 4–5 часов по полудню. В нас обоих ещё не остыл эмоциональный, творческий накал.

– Поедем в сад «Эрмитаж», – предложил мой партнёр.

– Поедем.

По тексту кинопроб мы обращались друг к другу на «ты», и это само собой перетекло за пределы кадра. Из-за своей отроческой застенчивости я трудно сходился с окружающими, но с Владимиром сошёлся с разлёта, словно всегда знал этого доброжелательного, внимательного, простого человека.

Я не могу вспомнить, о чём мы говорили, гуляя по саду. Помню лишь, что мой новый друг заинтересованно расспрашивал меня о моей жизни, помню его внимательное, уважительное отношение ко мне.

Мы присели за столик в открытом кафе. Володя купил мороженого, открыл бутылку шампанского, и мы отпраздновали наше знакомство. Я чувствовал себя совсем взрослым, хотя мне было всего 14 лет. Я обрёл старшего друга. Володя часто брал меня с собой в Театр Пушкина на спектакли, в которых он был занят. Сидя в зале, а иногда даже за кулисами, я с волнением ожидал кратких, эпизодических появлений на сцене моего друга, и мне казалось, что друг мой играет лучше всех. В театр Володя водил меня через служебный вход, на правах «младшего брата». Он знакомил меня с таинственной сумеречной жизнью кулис. Пока мой друг готовился к спектаклю – одевался и гримировался, я сидел в его гримуборной еле дыша и впитывал процесс приготовлений, слушал разговоры Володи и его партнёров.

Осенью нашим встречам с моим другом положил конец мой отъезд из Москвы в киноэкспедицию с группой «Иваново детство». Вместо Володи на роль капитана Холина А. Тарковский утвердил актёра Валентина Зубкова.

Так закончился первый период знакомства с В. Высоцким – период, сформировавший и определивший наши отношения на два десятилетия.

И сегодня, вспоминая Высоцкого, я вижу прежде всего его образ 1960-х годов: образ молодого, обаятельного парня с хрипловатым голосом, так странно сочетавшимся с тёплыми, ласковыми глазами, с его сердечностью и простотой. Внимательный, заботливый, интеллигентный, даже немного стеснительный в дружбе. Я не могу вспомнить проявлений агрессивности к окружающим, напротив, помню лишь предельную доброжелательность Владимира к людям.

Вскоре имя Высоцкого стало частенько произноситься в различных компаниях. В осенние киноэкспедиционные вечера, в каневской гостинице над Днепром, Андрей Тарковский и Андрей Кончаловский пели под гитару песни начинавших заявлять о себе В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Геннадия Шпаликова. Имя Высоцкого вместе с записями его песен широко разносилось по стране. Долгое время я не мог поверить, что автор этих лихих песен – мой друг Володя. Я не мог увязать воедино образ нежного человека с необузданным, неистовым темпераментом, взрывающим его песни.

Прошло несколько лет, на протяжении которых мы ни разу не встречались. Владимир Высоцкий становился кумиром публики, стал ведущим артистом в Театре на Таганке, его песни звучали всюду, где имелись магнитофоны, он женился на Марине Влади.

Наконец наши кинематографические тропы пересеклись на съёмках фильма «Служили два товарища». Владимир играл в картине одну из главных ролей – поручика Брусенцова. Меня пригласили на крохотный эпизодик прапорщика Лукашевича, которого по ходу действия убивает герой Высоцкого. В съёмочной суете общение наше вышло беглым и поверхностным. Мы вместе облачались в костюмерной в белогвардейские мундиры; гримировались в соседних креслах, переговариваясь о чём-то незначительном. Окружённые посторонними людьми, мы не могли начать сближение. И в сцене мы были разведены по разным концам комнаты, не сходились ближе чем на расстояние пистолетного выстрела. Во втором кадре я уже лежал на полу, изображая труп, а Высоцкий произносил надо мною какие-то фразы. Моё краткое участие в этой картине завершилось. Съёмочный водоворот повлёк Высоцкого к следующему кадру. Второпях простившись, мы договорились, что я приду к Володе в театр на его «Гамлета».

Вскоре мы созвонились, договорились встретиться за полчаса до начала спектакля. И снова поражая меня своей простотой, пунктуальностью и внимательностью, Владимир, уже знаменитый на всю страну как бард и киноактёр, ровно в условленное время вышел ко мне из дверей служебного входа и на глазах взирающей на него толпы протянул мне билеты в первый ряд. Помню, что от спектакля я остался не в восторге, покинул зал с ощущением поверхностного прочтения театром Шекспира, казалось, что всё игралось актёрами «мимо текста»: пробегалось, пробалтывалось. По окончании спектакля я не стал впопыхах говорить Владимиру о своём впечатлении, поблагодарил его, и мы договорились созвониться, встретиться и поговорить подробнее.

Наша следующая, неожиданная встреча произошла не так скоро. Это случилось в гостях у художника Бориса Мессерера и Беллы Ахмадулиной. Переступив порог, я увидел сидящих за столом Володю и его жену Марину Влади. Это был единственный раз, когда мне довелось видеть их вместе. Знакомя нас с Мариной, Владимир нашёл в мой адрес какие-то сердечные слова, обнаруживающие сохранность в его душе прежнего тёплого отношения ко мне. Дорогой для меня миг, подтверждавший неизменность нежной сути моего «старого друга».

В мастерской было много гостей. На протяжении всего вечера нам так и не удалось сблизиться ещё раз, снова не удалось поговорить. Я издали с интересом наблюдал за Володей, пытаюсь уяснить, каков же он в нынешних «предлагаемых обстоятельствах», и находил его прежним: естественным, простым; да разве что более тихим, скромным, возвышенным. Владимир не думал брать в руки гитару, и никто не смел ему этого предложить. Во весь вечер он, кажется, так и не отошёл от своей жены: сидел подле неё, говорил с ней, отвечал на вопросы обращавшихся к нему.

И снова мы расстались на несколько лет. Наши судьбы текли по разным руслам: мы жили в одном городе, в одном кинотеатральном мире и не могли соприкоснуться. Слава Высоцкого крепла год от года, но крепла и опала на непокорного поэта. Не раз я слышал, что Володю не утвердили то на одну, то на другую роль. Груз внешних обстоятельств давил всё сильнее, но Владимир не отступал от своего лица, продолжал грудью идти вперёд, бесстрашно возделывать свою целину.

Жизнь столкнула нас ещё раз. В «Маленьких трагедиях» мы снимались в двух разных новеллах: Володя играл Дона Гуано, я – Альбера в «Скупом рыцаре». И всё же дороги наши пересеклись. Как и много лет назад, мы вместе вышли за ворота студии. День был непогожий, время приближалось к полуночи. Володя предложил подвезти меня до дома. Мы сели в его красивую французскую машину с дипломатическим номером и помчались по ночной Москве. Какое-то время ехали молча. Боялись нарушить тишину незначительностью вопросов. Молча изучали, разведывали друг друга; нащупывали под наносной шелухой «имиджа» сокровенное человеческое существо. Комфортабельная машина, дуэлла, громкое имя, известное не только у нас в стране... Оболочка... «А что там, внутри?.. Каким ты стал за эти годы?..» Мы оба, кажется, искали ответа на эти вопросы. Именно это пытлиное молчание приносило нам ответ. Не было поверхностных фраз, болтовни, элитарной пошлости, выпячивания своего «я», всего того, чем грешит современный «творческий мир». Володя был прежним: доброжелательным, деликатным, нежным человеком. Цинизм товарно-денежного бытия никак не коснулся его души.

Беседа завязалась сама собой. Мы начали говорить о чём-то, самом важном для нас. В память врезались слова Владимира:

– Сейчас приеду домой и буду писать. Это – как закон: в каком бы состоянии я ни был, как бы ни устал – я должен написать три песни.

Мы тепло простились. Договорились о скорой встрече, когда, наконец, мы сможем обо всём поговорить. Больше увидеться нам было не суждено.

Берега памяти

Евгений Курдаков

Евгений Васильевич Курдаков – родился в 1940 году в Оренбурге. Один из организаторов молодёжного поэтического объединения БОМП (Бузулукское объединение молодых поэтов), которое впоследствии было подвергнуто политической обструкции со стороны официальных властей и ликвидировано как неблагонадёжное. С 1987 года – член Союза писателей СССР, с 1989 года – член Литературного фонда СССР. С 1991 по 1993 год жил в Алма-Ате. Работал литературным консультантом, заведующим отделом

литературно-художественного журнала «Простор». В июне 1993 года переехал на постоянное местожительство в Великий Новгород.

Известный русский поэт В. Д. Цыбин называл Е. Курдакова «певцом Новгородчины». Выдающийся литературовед и критик профессор В. В. Кожин считал Евгения Курдакова «одним из самых замечательных поэтов последней четверти XX – начала XXI века». За большой вклад в современную русскую культуру дважды был удостоен Всероссийских Пушкинских литературных премий, избран академиком Петровской академии наук и искусств. Исследователь творчества А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина, С. А. Есенина, Низами, Абая. Переводчик с тюркского и казахского языков. Умер в 2002 году после тяжёлой и продолжительной болезни в Великом Новгороде. Похоронен в Старой Руссе.

Дождись меня, далёкая звезда

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ

И опять в этом мире зелёном,
Разгораясь кострами цветов,
Купина полыхает по склонам
Раскалённых июньских холмов.

Смутный облак дрожит над кустами,
Спичку брось – и взлетит, как фантом,
Синевато-спиртовое пламя,
Обдавая эфирным дымком.

И в мгновенном сухом полыханье
Станет ясен во всей простоте
Древний миф об огне мирозданья,
Заключённом в нетленном кусте, –

О туманном дыхании мира,
Восходящем живою волной,
Где и сам ты – лишь выдох эфира
Над горящей его купиной.

...Сонным зноем пропитано лето,
И с его раскалённого дна
Отраженьем всевышнего света
Выкипает, клубясь, купина.

* * *

Душа хотела б быть звездой...
Ф. Тютчев

Когда мечи заменим на орала,
Очистим мир и дух переведем,
Увидим мы, что очередь настала
Неспешно поразмыслить об ином:

О горестной душе о человеческой,
Ещё вчера в нелепой суете
Метавшейся пред вечностью безвечной,
Как бы в последнем полузабытье;

О разуме, бессильном перед волей
Почти самоубийственных идей;
О пагубе тотальных суесловий, –
И снова о душе, душе своей,

Которая над бездной ледяною
Мечтала с обессиленной тоской
Звездой быть, звездой быть, звездой,
Звездой над измученной землёй.

* * *

Дождись меня, река моя, дождись,
Дождитесь, соловьиные дожди,
Цветов и трав искрящийся поток
Под радугой дугою на восток.
Дождись меня, костёр мой вековой,
С дымком над розовеющей водой,
Где всплесками далёкий пережат
Зовёт меня, как много лет назад, –
Где чибисы оплакивают день,
Где с гор стекает зубчатая тень,
Где тайну для меня приберегла
Вечерняя синеющая мгла...
Дождись меня, далёкая звезда,
Заветный свет навек и навсегда,
Полночная звезда моя, зажгись,
Дождись меня,
дождись меня,
дождись...

ИВОЛГА

Где-то вдали или в юности где-то,
Там, где живая томится душа,
Иволга тихо окликнула лето,
Май встрепенулся, дождями шурша.

Где это, что это, как не забылось,
Как удалось, затаившись, сберечь
Этих дождей морозящую сырость,
Этой реки хлопотливую речь?

Как удалось не утратить надежду
Вновь и навеки вернуться душой
К дальней тропе, пробредаящей между
Явью и снами в пыли золотой? –

К миру, где дождь шелестит, пролетая,
Вереск цветёт и в тумане речном
В дальней дали, не смолкая, взывая,
Иволга тихо свистит о былом.

* * *

Два русских века выделены знаково
На тусклом фоне времени жестокого:
Один – дневною бабочкой Аксакова,
Другой – полночным бражником Набокова.

Две бабочки, два знака, два столетия,
Они б сочлись, как два полубезумия,
Когда б меж ними символом бессмертия
Не взмыл осенний шмель Ивана Бунина...

* * *

Юле

...Проснуться вдруг, ещё не понимая,
Что ты проснулся там, в минувшем сне:
Светло, открыт балкон и солнце мая
Узор листвы качает на стене.

Из мастерской кедровый терпкий запах
Взывает к верстаку... И верный пёс
Давно уже стоит на задних лапах,
К хозяину приблизив чуткий нос...

На тумбочке лежит открытый Пушкин,
С подчёркнутым «с порядком дружен ум»...
По комнате разбросаны игрушки,
И слышен из окна трамвайный шум.

В вольере встрепенулся кенар... Скоро
Дом зажурчит, пронизанный насквозь
Высокой трелью... Шевельнулись шторы,
И детский голос «Па-па!» произнёс.

Пора вставать...
Ах, только б на мгновенье
Продлить тот сон, – пока блуждает мысль
Вдали от горькой правды пробужденья...
Забудь, не просыпайся, обманись.

У ОЗЕРА

Ни мечты, ни любви, ни покоя,
Вся судьба – этот берег скупой...
Что там шепчет берёза листвою?
Что там озеро плещет волной?

Что там ведомо небу и листьям,
Этой дымке в мерцающем дне?
Сколько тайн и неведомых истин
Заповедано нам в вышине?..

Это озеро скоро замёрзнет,
Берега свои выбелив сплошь.
И до звона промёрзшим берёзам
Здесь опять станет жить невтерпёж...

Может, это и будет той тайной,
Мне нашёптанной лёгкой листвою,
Той, о чём так легко и печально
Плещет озеро светлой волной,

О судьбе, как всевечной юдоли,
И о мудрости – знать и терпеть,
Даже в остром предчувствии боли,
Побеждающим холод и смерть...

* * *

Сестре Людмиле

Наверное, можно быть где-то счастливее,
Но стал нам судьбой или роком, бог весть,
Тот город, та Двадцать вторая линия,
Дом двадцать шесть.

Он плыл, словно странный Ковчег
неприкаянный,
Дом юности нашей, сквозь годы туда,
Где тлела во тьме неудач и отчаяний
Наша звезда.

Она трепетала лучами неясными,
Зависнув над чёрною пропастью лет...
Но мама слепыми глазами прекрасными
Видела свет.

Тот свет, что хранил нас святыми молитвами
И вывел к иным берегам, очагам,
Где вот уже прошлое снами забытыми
Кажется нам.

...Звезда дотлевет сгорая, и тающий
Наш век остаётся лишь только для нас,
Для наших стихов, для подруг и товарищей,
Век – неведом.

Где тихо уходят по снежному крошеву
Сквозь сад наш безгрешный, грешны
и хмельны,
Друзья и подруги по веку, по прошлому –
В последние сны...

* * *

На Мстинской улице моей летят метели,
И сквозь метельное безвременье глядят
Две церкви древние, две ветхие скудели –
Никита Мученик и Фёдор Стратилат.

Безумен снег, смятенна ночь, но и в смятенье
Святая стража эта страждет до конца:
Никита Мученик в мучительном терпенье,
Воитель Фёдор – с твёрдой стойкостью бойца.

Не бойся ночи, не сдавайся, обессилев, –
В пустом безвременье не спят, ещё хранят
На Мстинской улице моей мою Россию
Никита Мученик и Фёдор Стратилат.

СОФИЯ

...пять земель, две тьмы, море;
мудрый разумеет...

*Сакральная надпись
на полях Апостола 1307 г.,
определяющая Премудрость Божью*

Когда восходит солнце над Софией
И вспыхивает купол золотой,
Я знаю, этот свет над всей Россией
Незримой растекается волной.

В нём смысл и вековечная дорога
Спасения, ниспосланного нам...
София, Эйн-Софа, Премудрость Бога,
Создавшая себе всесветлый храм, –

Храм, где свершает волю Слово Божье,
Природе придавая смысл живой.
Восходит солнце, и сквозь бездорожье
Нам виден древний путь наш вековой:

Пять глав Пятиземелья – счёт познания,
Древнейшей сути пройденный урок,
Две тьмы по сторонам Тропы Троянней,
Апсидами текущей на Восток.

...Колокола дробят тревогу Часа,
Безвременье застыло в маете, –
Но надо всем – священный купол Спаса,
Крест золотой и голубь на кресте.

Берега юбилеев

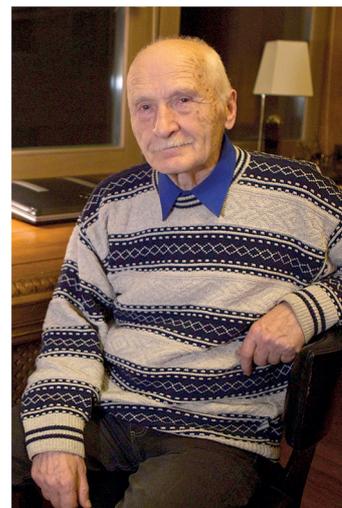
Юрий Ключников

Редакция журнала «Берега», его авторы и читатели сердечно поздравляют Юрия Михайловича с 90-летним юбилеем! Желаем прекрасного самочувствия, отличного настроения, бодрости, энергии, новых творческих достижений!

Юрий Михайлович Ключников – известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 23 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений, как: В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожин, Ю. Селезнёв, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихонос, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, Н. Мирошниченко, В. Костин, М. Бушуева, Г. Красников, С. Дмитриев, А. Сенкевич.

Неоднократно публиковался в журналах: «Наши современники», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», «Молоко», газетах: «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (серебряный диплом), лауреат литературной премии им. Н. И. Гарина-Михайловского, лауреат премии Союза писателей России (2016); премии «Золотой Дельвиг». Герой документального фильма «Белый остров» (режиссёр – В. Тихонов). Живёт и работает в Новосибирске.

* * *

О, Россия! В дневном напряженье
И среди твоих долгих ночей
Я хочу быть твоим продолженьем,
Как берёза, ромашка, ручей.
Чтобы кто-нибудь в грусти осенней,
Проплывая житейской рекой,
О твоём и своём воскресенье
Помечтал над моею строкой.

КОРНИ

И дух, и дых –
Родня по корню.
Душа, дыша, трепещет в нас,
Переболев, как в детстве корью,
Игрою слов, нарядом фраз.
И потому, чем дали мгlistей,
Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.

ПОДСНЕЖНИК

Как улыбка ребёнка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лёд,
Тёмный паводок буйствует рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах –
Всё угроза ему,
Всё охрана ему и отрада,
Всюду зелень надежды
Растёт сквозь коричневый страх.
Да, сломай стебелёк –
Нарастут из-под снега другие,
Пропадём все подряд,
Чтобы встать через год, через два...

Ах, Россия моя,
Вся в снегу почернелом Россия,
Мой безмолвный подснежник,
Ты всё же, родная, жива!

АЗ ЕСМЬ!

Когда облечься письменною плотью
Пришёл душе славянской звёздный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой –
Аз.
«Аз есмь!» – мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.
Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу – сатане на страх,
То поднимаясь Фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.
Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.
Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что утеряло честь,
С российским нескончаемым терпеньем
Ответствуем уверенно:
– Аз есмь!
Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

МЫ – РОССИЯ

Берёзы и снега,
Озёра и луга,
Приветливое солнце в поднебесье.
На много тысяч вёрст
Под тысячами звёзд
Звенит моя Россия, словно песня.
По ней топтался вор,
Душил её измор,
Сгубить пытались дух её и тело.
Но нас нельзя убить,
Продать или купить,
А также в европейцев переделать.
Мы не грозим войной,
Мы не трясём мошной,
Улыбки и слова у нас не лживы.
Мы даже смертный час
Встречаем без гримас,
Мы верим в то, что вечно будем живы.

Берёзы и снега,
Озёра и луга.
Небесная прохлада и отрада.
Нам не о чем грустить
И нечего просить.
Бог подарил России всё, что надо.

* * *

Всё просим у тебя,
Нам вечно мало
Твоих даров и сладких, и лихих.
Врагам ты позвоночники ломала,
Но и сынов не бережёшь своих.
В твоих очах, загадочных и ясных,
Бездонная, как небо, синева.
В степях твоих, ленивых и опасных,
Нас вечно караулит трын-трава.
Промчится конник, юный и горячий,
И гасит пуля огонёк свечи.
И втопан воск, и сотня дальше скачет...
Куда? Бог весть.
Ведь главное – скачи!
Скачи вперёд до гробовой истомы,
За нею новый бой и шенкеля¹.
Полынные российские просторы,
Безжалостная, нежная земля.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Обхожу киоск табачный мимо,
Обхожусь без зелья с давних пор.
Но купил сегодня пачку дыма
С памятным названьем «Беломор».
Именно для памятного дела,
Ведь о нём почти не говорят,
Как страна соединить хотела
Белое и Чёрное моря.
Как она, изматывая жилы,
Проливая кровь свою и пот,
Потеснить пыталась мир наживы,
За собой увлечь его в полёт.
Что потом? Потом был дым табачный,
И в киосках наших с неких пор
Вычеркнули белое из пачки,
Всюду поминают только мор.
Но ведь Русь мою не переделать,
И на ней во все века подряд
Чёрное соседствовало с белым.
Был ГУЛАГ, но был и Сталинград.

¹ В кавалерийской посадке: часть ноги ниже колена (икра), прилегающая к бокам лошади; служит для управления задней части туловища последней.

Смотрят, отвернувшись друг от друга,
Две главы у одного орла.
Потому встревожена округа,
Наши непонятны ей дела.
А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.

* * *

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенах стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья, пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

* * *

Не жалею на женщину любви,
Даже если женщина обманет –
Птица перелётная в тумане
Возвратится на круги свои.
Не жалею на Родину любви,
Даже если Родина поранит –
Никогда родная не обманет
Ни дела, ни помыслы твои.

* * *

В сердечной книге не желтеть страницам,
Пока в ней дни без страха шелестят.
Мы любим в пятьдесят сильней, чем в тридцать,
А в семьдесят смелей, чем в шестьдесят.
Повсюду раздаётся: кайся, грешник,
Страх Божий да приидет в жизнь твою!
Но я чем ближе к смерти, тем сердечней
Земную жизнь и всякую люблю.
Страшиться ли загробных адских вихрей,
Когда их здесь немало перенёс?
Я выносил у сердца этот тихий
Цветок любви,
Он очень трудно рос.
Под небом то лихим, то нежно-синим,
В болотах, на песке и на горах –
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой не ведом страх.

* * *

Прости меня, время! За жалобы каюсь,
А также за свой антирыночный крен.
Я вместе с народом своим спотыкаюсь
На ямах и лужах дурных перемен.
Мы с Родиной зреем в таких переменах,
Без них не поймёшь ни России, ни нас.
Нужда в лихолетьях заложена в генах,
Так жаждет давленья растущий алмаз.

ЦАРСКОЕ МЕСТО

Нам говорят,
Что Россия не знает, зачем
Верит в царей,
На задворках Европы плутая,
Что за века
Не открыла народных очей.
Это действительно
Русская тайна святая.
Нам непонятен
В нас вложенный Богом заряд,
Также и сила заряда ещё неизвестна.
Мы предназначены царству
По имени «Брат».
Верим, что там
Обретём своё царское место.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Её боронили за взрывом и плугом,
В неё хоронили, чтоб сделалась пухом.

В ней вслед за металлом хозяйничал ворон,
Когда не хватало ни силы, ни борон.
Удел её грозен, простор её тесен,
В ней даже берёзам тоскливо без песен.
Траве её в Ницце и где-нибудь в Праге
Всегда будут сниться поля да овраги.
То дубом стоишь, то склоняешься ивою,
Страна моя нежная и молчаливая.
Всё есть у тебя, от Чукотки до Сочи,
Забот не хватает сыновних.
И очень.
Умеешь сворачивать хищникам шею,
А собственных крыс почему-то жалеешь.
Всем роющим норы, и бесу, и вору,
Лишь машешь рукою:
– Хватает простора!..

В ЗАЩИТУ ОБЛОМОВА

Как простодушно верил прошлый век,
Нацеливший на Запад наши дроги:
Всему помеха – некий человек
По имени Обломов на дороге.
Век следующий так его трепал,
Что непонятно, как бедняга выжил.
Но выдержал характер, не пропал
И сделался, пожалуй, чем-то ближе.
Когда сегодня новый Штольц зовёт,
Как на пожар, нас во всеобщий рынок,
Я очень понимаю свой народ,
Не выбросивший старые перины.
Могу в соломе даже спать, как пёс,
С торговыми порядками не споря,
Пусть надо мной сияет море звёзд
И пушкинское снится Лукоморье.

КОНЁК-ГОРБУНОК И МЫ

Подкладывает нам за миной мину
Судьба на перекрёстках всех дорог.
Но нас с коня не так-то просто скинуть:
Конёк волшебный, чудо-горбунок.
И слишком не торопится как будто,
И не догонишь, хоть стремглав скачи.
Мы – странный сплав кнута, горба и бунта,
Свободы и Емели на печи.
Нам русский дух из генов наших вынуть
Советует Европа, но пока
Мы разминировать в пути за миной мину,
Пришпоривая чудо-горбунка.

Алтайская рапсодия

ЗВЕЗДА

Над Белухой вспыхнула звезда,
Что-то шепчет горным склонам глухо.
Что же ты услышала, Белуха,
Что нас ждёт – надежда или беда?

Над Белухой вспыхнула звезда,
Ловят свет алтайские озёра,
Что-то здесь случится очень скоро,
Но тиха озёрная вода.

Над Белухой вспыхнула звезда,
Мир подлунный в ожиданье замер,
Смотрят вверх тревожными глазами
Ледники, селенья, города.

Над Белухой вспыхнула звезда.
Сердце, ты одно звезду услышишь,
Мужеством и радостью утишишь
Пламена Последнего Суда.

Над Белухой вспыхнула звезда.

А МЫ МОЛИЛИСЬ ЗА РОССИЮ

По глыбам льда, из-под которых
Катунь рождается на свет,
Мы поднимались молча в гору,
Светлей которой в мире нет.
Был день, как лёд,
Холодный, синий,
Серели тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение её.
Нам мнилось: час великий пробил,
Страна снимается с креста.
О, как стучалась в клетку рёбер
Нахлынувшая красота!
Нам с ней хотелось сердцем слиться,
Взлететь по стенке ледника
И выше, к солнцу, по ресницам
Лучей, пробивших облака.
Но Голос вдруг раздался строгий,
Звучал он как бы изнутри:
– Ещё не выстроились сроки
Стране обещанной Зари.
Ступайте вниз, в своё безлюдье,
Вериги прежние влача.
Да негасимою пребудет
Зажжённая в груди свеча!

Берега юбилеев

Валерий Старжинский

Поздравляем Вас, уважаемый Валерий Павлович, с 70-летним юбилеем! Светлого вдохновения, новых книг, новых результатов и как можно больше позитива!

Валерий Старжинский – родился 16 октября 1950 года. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, членом экспертного совета Парка. Является автором 4 патентов на изобретения. Работает на стыке научной и художественной культур. На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ в ток-шоу «Выбор» и на СТВ в ток-шоу «Такова судьба» с участием студентов и аспирантов по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи. Печатался в журналах: «Берега», «Польмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Опубликовано 14 монографий, около 500 статей, в том числе более 30 – на художественно-публицистическую тематику.

Профессия – Учитель

Вы знаете, мне по-прежнему верится,
Что, если останется жить Земля,
Высшим достоинством Человечества
Станут когда-нибудь учителя!
Не на словах, а по вещи традиции,
Которая завтрашней жизни под стать.
Учителем надо будет родиться
и только после этого – стать.
В нём будет мудрость талантливо-дерзкая,
Он будет солнце нести на крыле.
Учитель – профессия дальнего действия,
Главная на Земле!

Р. Рождественский

В этом повествовании будет идти речь об учителях, моих родителях, которые по-разному видели мир и по-разному выполняли свою высокую миссию наставничества. Я до сих пор не знаю ответа на многие вопросы, которые ставила сама жизнь, и склонен думать, что однозначного ответа просто не существует. Единственная истина, в чём я не сомневаюсь, состоит в утверждении того, что высота профессионализма учителя зависит от его способности и умения любить других детей, как своих собственных.

ЧАСТЬ 1

Учитель и общество

Мой отец, Старжинский Павел Иванович, родился 1 октября 1921 года в деревне Кутнево Слуцкого (ныне Солигорского) р-на Минской области БССР. Его отец, Старжинский Иван Петрович (1883–1955), был родом из обедневшей шляхты, или однодворцев. Мать, Мария Фоминична

Старжинская (Арестович) (1883–1923), также была шляхетского рода. Его старший брат Михаил (1904–1920) умер в юном возрасте. Когда отцу исполнилось три года, умерла его мама, и поднимала своего брата, заменила ему маму родная сестра – Старжинская Мария Ивановна (1911–1998).

После окончания Погостской средней школы мой отец поступил в Рогачевский учительский институт, где получил профессию учителя русского и белорусского языка и литературы. По направлению год до войны проработал учителем в семилетней школе в дер. Сковшин Старобинского района. Во время Великой Отечественной войны воевал с фашистами в составе партизанского отряда им. Александра Невского, бригады № 25 им. Пономаренко, действовавшей на территории Любанского района Минской области в составе разведгруппы с 23 августа 1943 года по июль 1944 года. Партизанский отряд им. Александра Невского дислоцировался среди болот, в непроходимых для врага местах. Там находились и сражались с фашистами белорусские партизаны – подлинные патриоты и защитники своей Родины. На любанщине были места, где не ступала нога фашистского агрессора, висели советские вывески, действовала Советская власть.

После освобождения Белоруссии отец добровольно (имел бронь как учитель) пошёл на фронт. В рядах действующей Красной армии принимал участие в боевых действиях. Воевал на фронтах в составе 96-й стрелковой дивизии (полное наименование: 96-я гвардейская стрелковая Иловая-ская ордена Ленина, Краснознамённая, ордена Суворова дивизия), освобождал Восточную Пруссию. Принимал участие в Берлинской операции. Во время боя при форсировании на подручных средствах рек Одер и Нейсе был контужен взрывом артиллерийского снаряда и попал в плен. Через месяц пленения освобождён войсками союзников и после отказа ехать на работы в США передан в фильтрационный лагерь Красной армии. После проверки советской контрразведкой был направлен служить в Красную армию, охранять фронтовой артиллерийский склад № 3740 в одном из городов поверженной Германии, поскольку его возраст совпадал с годами призыва. Награждён боевыми орденами и медалями. Уволен в запас в мае 1946 года. С сентября 1946 года был направлен на работу в Козловичскую СШ, где проработал до 1982 года. С 1964 по 1966 год учился на заочном отделении филфака Минского педагогического института имени М. Горького. Учительский стаж Старжинского Павла Ивановича составляет 42 года (с учётом довоенного (1 год) и послевоенного стажа (36 лет), участие в войне и служба в РККА – 5 лет).

Это официальная биография для отдела кадров. Что можно понять из этих сухих строк о человеке. Я начинал писать о своём отце давно. И только два года назад решился опубликовать повесть о его военной судьбе «Учитель»¹. Линия судьбы настолько лихо закручена и драматична, что в это трудно поверить, особенно нам – поколениям, «не нюхавшим пороха». Несмотря на тяжелейшие испытания, которые выпали на его долю, он остался настоящим человеком, гражданином, отцом, другом и учителем. Рассказывая о его поступках, я хотел бы понять неиссякаемые и неистребимые истоки духовности и человеколюбия фронтовиков. Пройдя через горнило невероятных испытаний, Павел Иванович, унаследовавший внутреннее дворянское² благородство, не ожесточился, не сломался, а, наоборот, стал ещё более возвышенным человеком, внутренним стержнем которого были справедливость и милосердие – наиболее важные христианские ценности.

Свобода выбора и звёздное небо над головой

Мы купили старый дом у человека по фамилии Федосик. Как оказалось позже, это была не фамилия, а деревенское имя рода, основателем которого был Фёдор, или по-местному Федосик. Дом располагался на хуторе, который потом вошёл в деревню Ближние Бондари. Дом представлял собой деревянную довоенную сельскую хату, ошалеванную изнутри, размером примерно 5×6 метров, с четырьмя окнами, под соломенной крышей. К дому примыкали сени и к ним ещё одна постройка, которая имела название «истопка», представлявшая собой амбар для хранения овощей и картошки. Название сие строение получило от глагола «истопить» (печку). Зимой, во избежание промерзания помещения и находящихся в нём картофеля и овощей, топили печку либо ставили горящие угли в ведре, которые выделяли жар. Дом находился метрах в пятидесяти от улицы, поскольку распола-

¹ Старжинский В. П. Учитель // Берега. – 2019. – № 5. – С. 54–74.

² О дворянском происхождении рода Старжинских см.: <https://geno.ru/news/1039/>

гался на старинном хуторском месте, а улица появилась позже. В этом и состояла его уникальность. Его не нужно было перевозить в деревню. Он оказался волею судеб в деревне, которая насчитывала лет через двадцать после описываемых событий около шестидесяти дворов. Из хозпостроек ещё был сарай, который находился в плачевном состоянии, и отец его реставрировал в первую очередь, поскольку он мог рухнуть в любой момент и задавить нашу живность – корову и кабанчика.

Наша корова-кормилица Ласка пришла на новое местожительство самостоятельно через лес напрямую, привязанная к телеге. А поросёнок Васька приехал на грузовике, в кузове, вместе со мной, когда перевозили шкаф, стулья, другую мебель и небольшие пожитки. В кабине находился помимо водителя отец и мой старший брат, я же сидел в кузове вместе со стреноженным Васькой. Вначале предложили место в кузове брату, но тот отказался, а я согласился и не пожалел. Ощущения остались незабываемые. До сих пор помню тепло, которое исходило от кабанчика, прямо как от печки (потом я узнал, что нормальная температура тела у свиньи около 40 градусов). Я сидел в кузове, разговаривал с Васькой и впервые столкнулся один на один со звёздным небом, которое завораживало. Ещё я отчетливо помню звук мотора машины ЗИС-5, завывание которой менялось в зависимости от того, ехали мы вниз или поднимались вверх по гостинцу, вместо которого была потом построена дорога Слуцк – Любань через местечко Пагост. Так вот, все «новосёлы» переселились в новое старое жилище. Дом был вполне пригоден для жилья, а хозпостройки потихоньку перестраивались, причём сарай был перенесён ближе к улице. Планировалось, что новый дом будет стоять по уличной линии, затем сарай и истопка.

В доме справа от двери находилась русская печка, довольно больших размеров, и две кровати – родительская и детская, на которой мы с братом спали вдвоём. Детской кровать стала после того, как отец её переделал, уменьшил длину, чтобы встала вдоль стены вслед за взрослой. У нас был кот, которого тоже «почему-то» звали Васькой, который всё время спал на печи, мы залезали к нему, и он нам мурлыкал очень громко. Слева, сразу у входа, стояла кухонная тумбочка, она же иногда выполняла роль обеденного стола. За ней вдоль стены стояла широкая лава, на которой стояло ведро с водой и алюминиевая кружка. Над лавой висели часы-ходики, с гирей на цепочке. В левом углу стоял письменный стол, с точёными ножками, покрашенный в тёмно-вишнёвый цвет, с выдвигаемым ящиком – шуфлядой, который единственный из мебели перекочевал потом в новый дом. За этим столом мы делали уроки, родители проверяли тетрадки и принимали гостей. Над столом висела керосиновая лампа-трёхлинейка. Ещё одна керосиновая лампа, меньшего размера, висела над кухонной тумбочкой.

Можно ли обманывать

В скором времени, примерно через год после нашего переезда, к нам в деревню стали проводить электричество. Мы с пацанами нашли себе новое занятие – наблюдать за процессом электрификации. Вначале привезли деревянные столбы, затем бетонные пасынки и разложили на улице возле забора примерно через каждые 50 метров. Затем пришли рабочие и выкопали вручную лопатами ямы под столбы. Ямы для столбов были глубокие, около полутора метров, и копались в два этапа, вначале около метра глубиной копали яму пошире, затем рабочий опускался в яму и копал углубление поуже ещё на полметра. К деревянным столбам прикрутили бетонные пасынки и при помощи крана установили и закрепили столбы вертикально и строго по одной линии. Затем монтажник при помощи специальных приспособлений, которые смешно называются «кошки», забрался на столб и установил фарфоровые изоляторы, на них повесили провода, по которым пустили электричество. Через некоторое время по этим столбам провели радио. К нашей хате поставили ещё один столб, так как она стояла в конце огорода.

Я помню, как мы радовались, когда в доме появилось электрическое освещение. Лампочка горела настолько ярко, что ни одна керосиновая лампа не могла с ней сравниться. Теперь книжки можно было читать даже забравшись на печку. Через какое-то непродолжительное время отец пришёл из школы ещё с одним учителем, которого звали Леонид Леонтьевич Сучок. Этот учитель преподавал в школе труд, черчение и был на все руки мастер. Но это я узнал значительно позже, когда закончил начальную школу, пошёл учиться в среднюю и стал его учеником. Сейчас Леонид Леонтьевич уже не работает, находится на заслуженном отдыхе, но по-прежнему является нашим любимым учителем и моим ГУРУ¹.

¹ Старжинский В. Яго «жалезная» педагогіка // Настаўніцкая газета. – 2008. – № 108–109. – 30.08.

Меньше чем через час у нас в доме было уже две лампочки: одна на прежнем месте посредине комнаты, вторая – над письменным столом, которая ярко освещала наши книжки и тетрадки, а от лампочки, которая висела посреди комнаты, создавалась тень человеком, сидящим за столом. Именно поэтому освещение решили усовершенствовать. Вторую лампочку провели при помощи провода, который закрепили под потолком, на одном конце провода прикрепили патрон с лампочкой, на другом – вилку, которая втыкалась в специально изготовленный народными умельцами патрон-розетку. Такой патрон в народе называли «жулик», смысл названия которого до меня дошёл примерно через месяц. Патрон для лампочки, которая висела посреди комнаты, заменили на жулик, в него вставили вилку, и у нас загорелось две лампочки. Искушённый читатель сразу поймёт смысл названия жулик, если ему сообщить, что в те времена не было счётчиков в доме, а расход электроэнергии учитывали по количеству так называемых «точек», или лампочек и розеток.

Примерно через месяц мы играли на улице в свои детские игры. И вдруг к нам на велосипеде подъехал электрик, такой старый дядя, которого звали Петрок. Отозвав нас в сторонку, он спросил: «А сколько у вас в доме лампочек?» Мы оба дружно ответили, что две. «И обе горят?» – «Да, но по очереди – или над столом, или в комнате». Петрок удалился, а мы забыли про этот разговор и никому дома ничего не сказали. Через несколько дней смотрим – идёт со школы отец, а рядом электрик. Зашли к нам в дом, мама накрыла стол и стала потчевать электрика. Выпили они немного настойки вишнёвой, и тут отец спрашивает:

– Но как ты узнал про жулик? Мы же никогда две лампочки одновременно не включали. Да и с улицы не видно наши лампочки, поскольку дом стоит в конце огорода.

А Петрок ему отвечает:

– А ты спроси у своих бойцов, кто мне рассказал про жулик.

На самом деле он первый спросил, а я лишь пытался ему объяснить, как здорово всё устроено с этим электричеством, как используется патрон с дырочками, этот самый жулик.

Петрок тоже воевал на войне и решил проявить фронтовую солидарность. Предложил не оформлять вторую лампочку, отцепить провод от потолка и включать по мере необходимости, а в дневное время суток провод и жулик убирать в шкаф. Отец его выслушал, поблагодарил и сказал:

– Чего уж там. Оформляй две точки. Нельзя жить и бояться.

На том и порешили. Пётр ушёл, а мама выразила недоумение:

– Ну зачем ты отказался? Он же предложил сам. – И, обращаясь к нам: – Дети, вы поняли, что нельзя никому ничего рассказывать, что у нас имеется в доме.

Не успели мы закивать головами, что всё поняли, как отец заявил:

– Обманывать нехорошо. Надо всегда жить по правде. Тогда не надо будет ничего и никого бояться.

Можно ли украсть для подарка

«Карали» – это по-русски бусы. Когда мы были маленькие, папа и мама работали в школе, а нас оставить было не с кем. Ещё в Замошье, где мы жили раньше, родители наняли няню – местную девочку, выпускницу семилетней школы, которая присматривала за нами, когда родители были на уроках. Известно, что средняя зарплата учителя в 1950–1955 годах составляла 700 рублей в месяц. Алеся, так звали нашу няню, получала 200 рублей. Для деревенского жителя это были неплохие деньги, так как колхозники за свою работу получали трудовни, которые только в конце года отоваривались зерном и частично деньгами. Для Алесиной семьи это было неплохое финансовое подспорье. Да и мы были под присмотром.

Алеся приехала к нам, по новому месту жительства, однако пробыла недолго. Всё время скучала по дому и постоянно жаловалась на нас, дескать, мы её обижаем. Конечно, мы тоже были дети не херувимы и постоянно от неё удирали, поскольку у нас появилось много деревенских друзей, которые готовы были с нами играть, только без няни. Алеся волновалась и со слезами нас искала, боялась, чтобы ничего с нами не случилось. В конце концов отец уступил её просьбам и отвёз домой в Замошье. Там он нашёл новую няню, которую звали баба Валя. Ей было лет под шестьдесят, и она нам казалась очень старой. С первой минуты она нам очень понравилась. Более того, мы с ней подружились, поскольку она нам потакала во всём, совершенно не контролировала, отпускала на все

четыре стороны, но с одним условием – к обеду, до прихода родителей из школы, мы должны были быть дома. А после обеда все разрешения мы получали уже у родителей.

У бабы Вали было одно хобби – она очень любила наряжаться. В отсутствие мамы она надевала её платья, кофточки, платки, а также бусы. Нарядится, как королева, покрутится перед зеркалом, которое было прикреплено к дверце платяного шкафа, и спрашивает у нас:

– Ну как, идёт мне этот наряд?

Мы восхищённо и искренне ей поддакивали. Особенно ей нравилась мамина бижутерия, несколько каралей (бус) – янтарные и ещё какие-то. Название ни мы, ни бабуся, никто не знал. Спросить же у мамы мы не могли, так как дали слово держать всё в тайне. Некоторое время спустя, в отсутствие родителей, к ней повадился ходить дед Михей, местный старикан, живший одиноко на другом конце села. От этого деда исходил крепкий запах немытого тела, как от бомжа. Именно по этому амбре наш отец вычислил непрошенные визиты жениха в наш дом. Кстати, баба Валя перешла жить вскорости к деду и стала баба Михеиха. Она привела его в божеский вид, и он перестал смахивать на бомжа. Однажды перед «женитьбой» дед пришёл к бабе и принёс ей карали, которые сам сделал из различных кусочков разноцветных проволочек, вернее, изоляции, которой они были покрыты. Он с гордостью рассказал технологию изготовления. Нарезаешь различных цветов проволочки, бросаешь в кипяток, а затем вытаскиваешь проволочки из оболочек, и нанизываешь эти оболочки (кусочки изоляции) на суровую нитку. Возможно, этим подарком он и растопил сердце «невесты».

Однажды мы с братом были у бабы Тани в гостях в деревне Козловичи. Мы часто к ней ходили, поскольку у неё был огромный сад, яблони и груши – ранние и поздние, а также росла садовая малина. Мы наедались от пуза и несли домой, сколько могли утащить. В один из визитов мы увидели её старшую дочку Веру, которая нарядилась, как королева. Но главное, у неё на шее красовались гранатовые бусы, стекляшки ярко-красного цвета, обвитые вокруг шеи два раза. Когда мы рассказали про бусы бабе Вале, у неё испортилось настроение. Назавтра она стала нас уговаривать принести ей эти бусы. Когда мы возразили, что красть нельзя, нас накажут родители, баба привела два убойных аргумента. Во-первых, никто не узнает, а во-вторых, вы не будете красть карали, а возьмёте на время поносить. Дальше обсудили план операции и пошли на дело. Старший брат стоял на шухере, а я пошёл за каралами. Долго искать не пришлось, они лежали в красивой железной баночке из-под индийского чая, выполнявшей роль шкатулки, которая стояла на подоконнике в зале. По дороге домой я всё время щупал карман, проверяя, на месте ли карали. Радость бабы Вали была безмерна, она сияла, улыбалась и кружилась в танце. Затем сняла самодельные и надела настоящие карали, нарядилась в мамино платье и крутилась перед зеркалом. В конце сеанса сняла все наряды и оставила только карали. Она нас целовала и говорила, что мы лучшие на свете мальчики. Мы все переживали минуты счастья, и оно было не поддельное, а самое настоящее.

А вскоре пришли родители с работы, и первым делом наша мамуля спросила:

– Ого, какие красивые бусы. И где же ты взяла, баба Валя, такую красоту?

Этот вопрос застал бабу врасплох, она не подготовила никакой правдоподобной легенды. Вначале она заявила, что это её собственные, она их привезла из дому, шанавала (берегла) и не носила, а сегодня решила надеть. Затем сказала, что карали ей подарил дед Михей... Мы опустили глаза и, после нескольких уточняющих вопросов относительно визита к бабе Тане, «поплыли». Карали были изъяты, и отдан приказ завтра отнести их и отдать тёте Вере, извиниться и больше никогда так не делать. Кстати, бабу Валою, как идейного вдохновителя и организатора кражи, мы не сразу сдали. Отец догадался о мотивах нашего поступка, но не давил, ждал, когда мы расскажем сами. А вскорости баба Валя стала Михеихой и покинула наш дом. Карали мы занесли и положили на место, признаваться в содеянном и извиняться не стали, было жутко неловко и боязно. Поскольку временную пропажу никто не заметил, мы думали, что всё сойдёт нам с рук. Однако мамуля допросила нас с пристрастием, и мы были вынуждены признаться в содеянном всем – бабе Тане и её дочерям. Кстати, в этом происшествии отец занял нейтральную позицию и не был сторонником моральной экзекуции.

В другой же ситуации он поступал строго и спуску не давал. Так, в одной из уличных разборок я вмешался в детские игры моей сестрёнки Тамары и её подруги, тоже Тамары, и как-то их обидел. Не помню деталей, помню только, что обе подруги с рёвом пошли по домам, жаловаться мамам. Как только я вернулся домой, мама учинила мне допрос. Вердикт отца был короткий. Иди домой к Тамаре и извинись. И тут я тоже бросился реветь, помня нравственные муки в разборках. Папа дал

время мне успокоиться и стал призывать к совести: «Ты же старший, они же девочки. Все извиняются, если поступают несправедливо». В общем, сил и мужества хватило у меня дойти до калитки обиженной девочки, дальше ноги не шли. Я так и стоял в нерешительности. Но тут вышла мама Тамары тётя Анюта, увидела меня и спросила: «Ну что, разбойник? И чего ты пришёл?» Делать нечего: «Извините меня, что я обидел Тамару. Я так больше делать не буду», и разревелся. Видя такое чистосердечное раскаяние, тётя погладила меня по голове и сказала: «Иди и скажи папе, что мы тебя прощаем». Как мне рассказывала мама через много лет про этот эпизод при обсуждении проблем педагогики, Анюта очень удивлялась искренности моего покаяния и его эффективности для детской души.

Можно ли бить детей

Однажды два брата – старший Коля, которому было около одиннадцати лет, и девятилетний Толя Дубосековы – пришли к нам домой и стали секретничать с моим братом. На то время ему было неполных восемь. Я был самый младший. В сентябре мне исполнилось шесть. Они все меня считали слишком маленьким и не принимали в свою компанию. И на сей раз они попытались незаметно от меня улизнуть из дому, оставив меня на попечении няни-домохозяйки. Однако я был начеку и не спускал глаз со своих старших друзей. Тем не менее они от меня убежали. Буквально пару минут мне понадобилось, чтобы надеть пальто, найти шапку и надеть сапоги. А мои старшие товарищи как сквозь землю провалились. Нигде во дворе их не было. Я побежал на улицу, надеясь определить хотя бы направление их движения, чтобы продолжить поиск. Два Коли и Толя исчезли, а я уныло побрёл домой. Однако дома было невыносимо скучно, и я опять засобирался на улицу.

Вышел за дверь, сел на лавочку у дома и стал думать, чем бы мне заняться. И вдруг услышал приглушённые голоса, скорее даже шёпот, моих исчезнувших друзей-предателей. Голоса раздавались со стороны истопки, перед которой была подповетка, или клеть, – неотапиваемая пристройка. Подкравшись вплотную к стене, я через щёлочку увидел, что ребята укладывают на земле в одну линию какие-то коротенькие макаронки. Далее старший мальчик, Николай, чиркнул спичкой и поднёс к краю лежавшей на земле змейки из макароншек. Такого чуда я ещё не видел, крайняя макаронка в мгновение ока загорелась, и огонь с большой скоростью побежал по змейке. Всё это закончилось моментально. Кто-то из них предложил повторить этот фокус. Но тут я не выдержал и завопил что есть мочи:

– Ага, я всё видел, папе расскажу, как вы балуетесь со спичками и поджигаете подповетку.

Ребята сначала онемели от неожиданности, а затем мой брат открыл дверь и решил замять назревающий скандал:

– Заходи. Будешь с нами играть. Если не расскажешь папе, то мы и тебе дадим пороха.

Таким способом, путём угроз и шантажа, я влился в компанию старших товарищей. Как оказалось, братья Толя и Коля где-то нашли артиллерийский снаряд и дома сумели вытащить поражающую часть – головку снаряда из гильзы – и извлечь оттуда порох. Как они не взорвались, одному Богу известно. «Главное, – учил старший, – не стучать по снаряду». Николай насыпал мне горсть «макароншек» и со смехом предложил понюхать, что я и сделал. Затем я попробовал его на зуб по совету старших. Ни вкус, ни запах мне не понравился. Ребята же стали надо мной смеяться, а старший мальчик Коля объяснил, что они меня таким образом посвящают в солдата, который «порох нюхал». Как мне кажется, никто не понял его шутки, кроме него самого. Но я на этом не упокоился и тоже решил устроить огненную змейку. Старший поджёг, огонь побежал и буквально уткнулся в деревянную стенку клетки, а затем моментально подскочил вверх и погас. Такого эффекта никто не ожидал. Оказывается, вспыхнула паутина в углу клетки. Удача была на этот раз на нашей стороне. Ничего не загорелось. Тем не менее Николай стал страшать:

– Расскажешь папе, то получишь больше всех. Ты же чуть клеть не поджёг.

Об этих проделках никто из взрослых не узнал, и мы избежали наказания.

Однако наши игры в войну продолжались. Не помню, кто из мальчишек, наших друзей, рассказал и продемонстрировал в действии пистолет из велосипедной спицы. Устройство до гениальности простое. От спицы отрезается небольшой кусочек с резьбой, который используется в качестве пули. На оставшуюся часть резьбы накручивается головка спицы, которая начиняется серой от спичечных

головок. Затем лёгким усилием руки на один – пол-оборота закручивается кусок с резьбой, который отрезали. Сама спица сворачивается наподобие ручки пистолета. Всё. Оружие к бою готово. Поджигаем спичку и подносим к головке спицы, сера в головке воспламеняется, и пуля с негромким звуком взрыва серных газов летит на два-три метра.

Успешное испытание провели во дворе. Затем я предложил потренироваться в точности стрельбы. Пошли в дом, легли на пол, примерно в двух метрах от входной двери. Внизу двери поставили в качестве мишени оцинкованный тазик, который использовался для мойки пола, и начали пулять. Стреляли по очереди. Один стрелял, второй поджигал патрон. В тазик попадали, но хотелось попасть в десятку, середину тазика. Чувствовали себя солдатами на войне, с оружием, точнее пистолетом, в руках.

И в самый разгар тренировки в стрельбе, во время перезарядки оружия, открывается дверь и входят родители. В доме сизый дым, запах от спичечной серы и два солдата, застигнутые враг-сплох. Сразу же началось следствие, суд и наказание – отцовский ремень. Количество ударов ремнём каждому, как будущий физик-математик, я подсчитал безошибочно. Решение задачи состояло из трёх действий. Первое действие: посчитать, сколько спичек осталось в коробке, – 20. Сколько спичек было в спичечном коробке – 60. Действие второе: сколько спичек сожгли – 40. Действие третье: сколько приходится на каждого – 20. Экзекуцию описывать не хочется, но придётся. Становись буквой Г. Голова зажимается между ног отца, и только слышится «ой». Каждый получил поровну, по-братски. Через некоторое время в доме над письменным столом появился плакат, где была изображена горящая спичка, полыхающий дом и надпись:

Ростом спичка невеличка,
Не смотрите, что мала.
Эта маленькая спичка
Может сделать много зла.
Крепко помните, друзья,
Что с огнём шутить нельзя.

Как мне кажется, запомнили крепко. Тем более брат, который служил потом в пожарной части и был огнеборцем. Однако война нас не отпускала.

Когда мы учились в классе шестом или седьмом, старший школьник по кличке «Малина» нашёл в лесу неразорвавшуюся бомбу и пригласил своих друзей её взорвать. Мы с братом участвовали в этом захватывающем мероприятии. В яме разложили костёр, когда он разгорелся, подбросили ещё дровишек, и Малина притащил спрятанную в кустах бомбу. Она была довольно внушительных размеров, и «сапёр» нёс её перед собой на полусогнутых руках, нагонял на нас страх, приговаривая:

– Главное в сапёрном деле, не споткнуться и не уронить боеприпас, а то может взорваться.

Затем он очень небрежно положил её в костёр, языки пламени, по-видимому, обжигали руки, и присоединился к нам. Мы сидели в засаде, на довольно большом расстоянии, спрятавшись в канаве. Время от времени мы высовывали головы и смотрели на костёр и бомбу в ожидании взрыва. Было слегка не по себе и одновременно жутко интересно посмотреть, как на самом деле рвутся бомбы, поскольку сей процесс мы видели только в кино. Костёр догорал, а бомба лежала целая и невредимая. Кто-то высказал предположение, что бомба, по-видимому, пустая, из неё извлекли взрывчатку. Малина опроверг сей спорный аргумент, поскольку, дескать, она была очень тяжёлая, и выдвинул другую гипотезу. Бомба очень толстая и не очень хорошо прогрелась, костёр был слабый. Надо пойти и ещё подкинуть дровишек. Стали совещаться, кто пойдёт «дожаривать» бомбу.

Однако принять решение не удалось. Вдруг раздался взрыв такой силы, что у нас заложило в ушах. До нашего окопа долетели головешки от костра и комья земли, осколками срубило несколько берёзок. И наступила звенящая тишина. Звенящая, потому что звенело в ушах. Малина вскочил, стал прыгать, как папуас, и кричать «ура», мы подхватили его боевой клич и чувствовали себя на войне, где мы победили немцев. Потом восхищались своей отвагой и долго рассматривали место взрыва: яма увеличилась в несколько раз, а от костра и следа не осталось. По дороге домой обсуждали дальнейший план действий по поиску боеприпасов, очень хотелось продолжить «войну с немцами».

Мы ощущали себя настоящими бойцами Красной армии. Однако нашим планам не суждено было сбыться. Вся деревня слышала взрыв, мощность его была такова, что в домах задрожали стёкла в окнах. Отец сразу понял про взрыв и, когда увидел нас целыми и невредимыми, спросил: «Что вы

взорвали? Никто не пострадал?» После нашего восторженного рассказа он напомнил про случай самоподрыва маминого ученика в Козловичах, после которого наша семья отправилась «в ссылку» в Замошье, затем напомнил стрельбы в доме из спицы и попросил пригласить к нам домой «заводилу». Малина поначалу отнекивался, затем согласился, и мы пришли к нам домой. О чём они разговаривали с нашим отцом наедине, так и осталось загадкой. Тем не менее общее собрание «подрывников» состоялось. Во вступительном слове отец кратко описал эпизод, как он форсировал немецкую реку Одер, как попал под артиллерийский обстрел, как на него летели фонтаны воды, смешанные с кровью и останками человеческих тел... Подробности были так натуралистичны, что я не могу их описать, чтобы не уподобляться адептам расчленёнки. Затем он неожиданно замолчал и после продолжительной паузы обратился к Леониду, так звали Малину:

– Леонид, ты же старше всех. Пообещай мне больше никогда ничего не взрывать.

Бомба была финальным аккордом. С войной мы покончили. Вернее, с боеприпасами.

Добро должно быть с кулаками?

Однажды меня мама послала в магазин в соседнюю деревню за селёдкой. В деревне Козловичи работал сельский магазин (сельмаг), где управлялся Сазонович – завмаг, лет пятидесяти, поджарый, с вечно поджатыми и узкими губами, и его помощница Аня, молодая симпатичная девушка, недавняя выпускница школы и торгового училища. Разумеется, у завмага были фамилия и имя, но его все называли уважительно по отчеству. Сельмаг в те годы был центром местной вселенной. Народ вечно толпился как возле магазина, на уличной стороне, так и во дворе. Во дворе, как правило, собирались местные любители разливного пива и чего-либо покрепче, которые с кружками стояли и сидели на ящиках в импровизированном пивном баре на свежем воздухе. Иногда за магазином стояла телега без запряжённой в неё лошади, которая использовалась в качестве дивана-кроватьи. Иногда в неё запрягали лошадку и развозили по домам совсем уж «уставших» друзей.

Пиво привозили на грузовике в двухсотлитровой дубовой бочке, которую с кузова осторожно скатывали по двум наклонным доскам. Два крепких мужика – грузчик магазина и его закадычный друг – весело, в предвкушении скорого веселья и праздника для души катили бочку за прилавок. Сазонович суетливо освобождал место и держал наготове насос. Последний представлял собой длинную трубу, вставленную в конусную металлическую пробку, на которой была нарезана винтовая резьба, дальше шёл кран-«гусак», затем собственно сам насос в виде цилиндра и поршня, который приводился в действие длинной ручкой-рычагом. Чтобы проще было понять, представьте себе колонку для воды, которые устанавливают на даче. Бочка устанавливалась вертикально, пробкой вверх. Затем два мужика начинали священнодействие, от успеха которого зависела их премия в виде кружки пива каждому и навару завмага. Мужики брались за насос и по команде дружно и резко давили на пробку, которая проваливалась внутрь бочки, её место должен был занять насос, пробка которого наглухо закрывала отверстие в бочке, затем несколько поворотов насоса для ввинчивания его и надёжного крепления и – получай свежее разливное пиво «Жигулёвское».

Ребята наловчились прodelывать этот фокус, как правило, не пролив и капли. На сей раз что-то пошло не так, видно, нетвёрдой оказалась не только походка помощника, но и его рука. Насос вошёл наперекосяк и никак не хотел становиться на место, ввинчиваться в днище бочки. Пока исправляли ситуацию, пиво под давлением весело устремилось к посетителям, но не в кружки и бидоны, как обычно, а на изумлённые лица и одежду зевак и страждущих. Сазоновича окатили с головы до пят, высота струи менялась по мере ввинчивания насоса. Пришлось менять не только синий халат, но и брюки и сорочку. Я и другие пацаны, а затем и некоторые бабы, находившиеся в магазине, стали хохотать и острить. Одни: «Пей, хоть залейся». Другие: «Так им и надо, пропойцам. Плохо, что не всё вылетело. Никак не нажрутся». И вдруг все, как по команде, замолчали. Из подсобки вышел Сазонович, чернее тучи, в чёрном халате и таким же цветом лица и разразился отборным матом и угрозами, адресованными прежде всего грузчику. В конце спича объявил, что пиво до конца дня отпускаться не будет, слышались жалобные вздохи, слглатывание слюны и тихое роптание.

Затем он решил дать возможность реабилитироваться грузчику магазина, да и с товарами нельзя задерживать райпродторговскую машину. Была поставлена задача выгрузить ещё две бочки с селёдкой и одну открыть для торговли. Тем же способом спустили бочки на землю и покатали, одну в под-

собку, другую за прилавок, в дальний угол, где собирались развешивать и торговать. Бочку поставили на днище, выбрав верх, на который указывали следы от обруча, который нагоняли, когда ставили крышку. На этот раз всё прошло без сучка и задоринки. Вначале сбили верхний стальной обруч, скреплённый двумя заклёпками, затем средний согнали на более узкое место в бочке, чтобы освободить крышку. Затем потихоньку, чтобы не повредить, при помощи стамески и топорика извлекли днище-крышку. Последний аккорд – поставить на место обручи. Всё, подходи, не зевай, селёдку покупай. Анна принесла из подсобки подшивку старых газет (главное, чтобы не использовалась газета «Правда»), сняла слой пергаментной, плотной упаковочной, жёлтого цвета бумаги, которой была укрыта селёдка, и произнесла: «Кто у нас по очереди?» На весы легло полгазеты, сложенной вдвое, а на неё два жирных, сочных дальневосточных «селядца». Торговля началась.

Сазонович колдовал возле пивной бочки. Открыл кран, с «гусака» довольно резво в наклоненную пивную кружку побежало пиво. Значит, есть давление в бочке, пива убежало немного, пока не нужно было использовать насос. На сердце отлегло, может, потери уложатся в лимит. Но подстраховался. «Пиво будет без отстоя», и уменьшил угол наклона кружки почти что до нуля. Народ вошёл в положение, страждущие с полными кружками пива и пены через край потянулись в бар на улицу.

Через пару минут в сельмаг зашёл сапожник Герасим, которого местные называли Гераська, а следом за ним, пропуская его и придерживая дверь, вошёл мой отец Павел Иванович. Герасим был участником Великой Отечественной войны, воевал под Сталинградом, где и потерял ногу, наступив на пехотную мину во время марш-броска. Ему ещё повезло, что госпиталь оказался недалеко и старшина перетянул ему ремнём ногу, из вены которой кровь била фонтаном. Ногу ему в фронтовом госпитале отняли выше колена, и он ходил на самодельном протезе, который представлял собой деревянную култышку, которая пристёгивалась к обручку ноги и туловищу ремнями. Вернулся домой, а через некоторое время жена ушла к другому, оставив ему маленького сына. Так и жили вдвоём, Герасим работал в сапожной мастерской, где подвизался и его сынишка. Герасим не считал себя несчастным и радовался, что живёт в деревне и не был выслан на Соловки, как другие инвалиды, которых вывезли из городов, чтобы они не портили их (городов) вид. Однако его счастье не было настоящим, поскольку зависело от этого проклятого зелья. Когда кончалась пенсия и не было заказов в мастерской, Герасим страдал, «трубы горели». Именно эта беда гнала его в сельмаг, ибо Сазонович давал «под запись», то есть в долг. Герасим встал в пивную очередь и, когда подошёл его черёд, попросил бутылку беленькой. Сазонович, ни слова не говоря, взял из ящика бутылку «Московской» за 2 руб. 87 коп. и протянул руку за трёшкой. Проситель криво усмехнулся и попросил «на павер», то есть на доверии, с записью в журнале. Сазонович опять взорвался. То ли не отошёл от пивных дел, то ли возмутился тем фактом, что Гераська сразу не сказал, что просит товар без денег. Завмаг распустил язык и не просто стал костерить Гераську, а упрекнул его в увечии, якобы он давит на жалость своей деревянной ногой, а все должны быть ему обязаны. Партизан и ветеран, такой же фронтовик как Герасим, мой отец оставил меня в «селёдочной» очереди и подошёл к Сазоновичу.

– Слушайте, вы – хамло, не смейте оскорблять заслуженного человека, благодаря которому вы здесь торгуете и вообще живёте на этом свете. Сам, небось, прятался во время войны за женской юбкой.

Отец еле сдерживался от бушующих эмоций и остановился, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Сазонович перешёл в наступление:

– А ты кто такой?! Защитник нашёлся! Знаем мы вас, партизан. От полицаев не отличишь.

Отец перегнулся через прилавок, схватил наглеца за грудки, притянул к себе и буквально по словам произнёс:

– Тебе это даром не пройдёт.

И вышел из магазина.

После небольшой тишины женщины заговорили одновременно:

– Ну зачем ты хороших людей обижаешь?

А через пару недель районная газета «Шлях Ильича» опубликовала статью «Грубиян за прилавком». В те времена на публикацию в прессе начальство реагировало серьёзно. Сазоновича вызвали в райпищеторг и объяснили, как надо разговаривать с покупателями, особенно с ветеранами и инвалидами войны.

Можно ли обманывать

Мы жили в старом доме около десяти лет, пока не переехали в новый. Столько времени потребовалось, чтобы заработать денег и построить новый дом. И вот такой день настал, мы – новосёлы. Помню новый дом и сосновый запах, как в лесу, когда мы в 1963 году, в конце лета, впервые в нём ночевали. Он представлял собой сруб из высококачественных корабельных сосен, размером 7×8 метров, с временным полом в виде досок, положенных на подвалины (специальные брёвна, расположенные поперёк дома, предназначенные для настилки пола). Семь окон были изготовлены мастером в течение предшествовавшей зимы и вмонтированы им собственноручно в оконные проёмы сруба. Не помню имя мастера, помню только, как мы с братом на колхозной телеге ехали забирать изготовленные окна в соседнюю деревню Дальние Бондари, где жила наша бабушка Степанида и тётя Люба с семьёй. Прошёл дождь, ярко светило солнце и отражалось в лужах и на листьях придорожного олешника. Мы были счастливы и упивались жизнью. Особенно брат, который чувствовал себя взрослым, поскольку именно ему отец доверил ответственное поручение – привезти изготовленные окна домой. Я был на вторых ролях – помощника, но также испытывал эйфорию не меньше брата. Брат гнал лошадку во весь опор, затем она перешла в галоп, обратно ехали спокойно, бережно везли семь окон и рамы-«дубельты» для зимнего сезона.

Однако вернёмся в дом. В доме была наспех сколоченная отцом временная дверь. По шутивому замечанию отца, чтобы в дом не забрались собаки. В доме отсутствовал потолок, но крыша была из оцинкованного железа. Не было сеней и крыльца, в дом мы забирались по времянке – крепко сбитой отцом лестнице от земли до входной двери. Но все эти временные неудобства мы не замечали. Главное – мы жили в новом, построенном нашим отцом доме. Конечно, сруб изготовили профессиональные плотники из деревни Кальчицы. Рубили они его неделю четвером. Каждый сидел на своём «углу», и рубили они дом в «немецкий угол», в котором брёвна не накладывались друг на друга с торчавшими концами. Напротив, конструкция угла основывалась на специальных шипах, которыми заканчивались брёвна, и угол был «заподлицо». Как я уже рассказывал, окна, а также двери сделали профессиональные столяры, всё остальное сделал наш отец собственноручно, а мы в меру возможностей ему помогали. Вот такое было трудовое и нравственное воспитание.

Но я хочу рассказать о другой истории, связанной с нашим домом, которая запала глубоко в душу и впервые заставила задуматься о правде и лжи. Проблема возникла в связи с ответом на вопрос о законности приобретения лесоматериалов для строительства. Внешне всё выглядело таким образом. Отец приезжал на велосипеде из школы, а следом ехал лесовоз, который привозил готовые пиломатериалы в виде бруса толщиной 16 сантиметров, а также необрезной доски разной толщины, от сороковки до двадцатки. Отец быстренько расплачивался, деньги отдавал Змитеру, дяденьке, который работал завхозом в школе, и машина быстро уезжала. Я никак не мог понять, почему всё проходило в спешке и под покровом темноты. В течение недели брусья и доски аккуратно складировались на улице возле нашей усадьбы. Затем история повторялась. Лес поступал в течение всей зимы. За один раз привозилось около восемнадцати-двадцати брусьев. Сруб состоял, как правило, из восемнадцати венцов. Как известно, венец складывается из четырёх брёвен. Итого, на сруб надо семьдесят два бревна, плюс шесть балок, плюс шесть подвалин, плюс материал на стропила, окна и двери. Кроме того, лесоматериал нужен был ещё для постройки «трёхстенка» – сеней. В общем, привезли нам примерно пять или шесть машин строевого леса. Отец рассказывал, что завхоз Змитер поставлял лес ещё и другим нуждающимся.

Через пару лет после начала нашей стройки к нам приехал милицейский «бобик». Из него вышли двое милиционеров и устроили допрос нашему отцу, мол, предъяви билет (документы) на лес. Документы были в порядке. Однако отцу выписали повестку явиться на допрос по поводу приобретения лесоматериалов, поскольку лес оказался ворованным. Мы с волнением ждали отца с допроса. Я до сих пор не могу понять, зачем отец нам, пацанам-несмышлёнышам, рассказывал эти события в подробностях. Дело в том, что в те времена лес для граждан не выписывали, и каждый доставал как мог, кто договаривался с лесником, кто выходил на лесничего, и только немного позже стали выписывать лес гражданам для индивидуального домостроения.

Змитер как человек предприимчивый организовал маленький бизнес. Некоторые бдительные граждане доложили куда следует. Змитера арестовали, осудили и дали семь лет тюрьмы. Если бы было доказано хищение в особо крупных размерах, то его могли и расстрелять. Змитер отсидел

пять лет и вышел по амнистии. И сразу после освобождения он приехал к отцу, и мы услышали продолжение этой истории. Отец на допросе Змитера не сдал. Факт покупки леса он не отрицал. Однако покупал он лес у незнакомых людей. Номер машины не помнил. Где он нашёл продавцов? – На перекрёстке возле деревни стоял лесовоз и предлагали купить лес желающим. Лесоматериалы сопровождалась документами. Сколько денег заплатил, не помнил, поскольку цена была разной. Змитер брал деньги для предоплаты, поскольку ему отец доверял. Большая часть из того, что говорил отец, было истинной правдой. Но правдой было и то, что не вся информация была предоставлена следствию. Следователи выходили из себя, истерили, кричали, запугивали, мол, из свидетелей пойдёшь по статье. Как оказалось позже, после ареста Змитера первый визит милиционеры нанесли в наш дом, поскольку отец и обвиняемый вместе работали. После общения с милиционерами отец, не мешкая, поехал к другим покупателям и предложил подобную форму защиты, которой упорно придерживался сам. Не все выдержали. Тем более не всегда Змитер лично сопровождал машины с лесом. Приговор оказался не сильно жёстким, поскольку Змитер не был организатором, не имел непосредственного отношения к добыче лесоматериалов, а лишь помогал найти покупателей. Возможно, учли, что он был участником войны, фронтовиком. Во всяком случае, мы – пацаны – ещё раз увидели фронтовое братство и солидарность, интуитивно почувствовали, что имеет право быть «ложь во спасение». Что касается более сложной проблемы взаимосвязи правды и лжи, доказательства правды в юриспруденции, то её решение, начиная с античности до настоящего времени, не удовлетворяет человеческое общество.

Можно ли научить плавать, не влезая в воду

Сейчас, в период серьёзного социально-политического кризиса, в нашей стране отзываются об учителе не очень лестно. Если не сказать похуже – вешают на него всех политических собак и делают крайним во всех наших бедах. Во времена моего детства, в шестидесятые годы прошлого века, ситуация со статусом учителя была прямо противоположная. Учитель в те времена был уважаемой фигурой, нёс знания и культуру не только школьникам, но и взрослым. Так, перед каждым праздником – Ноябрьскими праздниками, Первомаем и Новым годом – учителя готовили и давали концерты в сельских клубах. Наш отец, Павел Иванович, был очень талантливым декламатором. Он так здорово, с таким выражением умел читать стихи, что публика замирала и во время пауз, которые он умел держать, стояла мёртвая тишина, все буквально замирали. Смешной эпизод, который был обязательным, сопровождался взрывом искреннего смеха. Смеялись все без преувеличения. Перед концертом строго отбирался репертуар и проводились репетиции. Отец при этом привлекал и нас – меня, моего брата и младшую сестрёнку Тамару. И если Николай отнекивался и не любил, по его словам, кривляний, то мы с Тamarой охотно повторяли за отцом способы выразительной декламации.

Кстати говоря, эти курсы актёрского мастерства не прошли даром. Через пару лет я «работал» конференсье и в возрасте десяти-двенадцати лет вёл учительские концерты. Однажды забыл слова «в том же исполнении», вышел на сцену, объявил песню и сказал: «Исполняют... – замолк, подбирая слова... нашёлся: – Те же самые». Зал грохнул. Я зашёл за кулисы красный как рак и спросил у отца:

– Я сильно провалился? Больше не выйду.

На что тот ответил:

– Вот теперь ты докажешь, что ты не трус.

Однако слова написал мне на бумажке. Я вышел на сцену и не успел открыть рот, как кто-то из зала выкрикнул:

– Тот же самый.

Зал захихикал. Я мужественно по бумажке чётко и отчётливо произнёс номер, исполнителей, и концерт покатился дальше. А я преодолел ещё одну планку страха публичного выступления. Я до сих в своих лекциях использую паузы, меняю темп речи, повышаю и понижаю интонации. Скажу не хвастаясь, несколько раз после моих лекций раздавались дружные аплодисменты. Прошу заметить при этом, что лекции у меня учебные, казалось бы, о скучных материях.

Что касается Тamarы, то оказалось, что у неё классный музыкальный слух и голос. В последующем она стала петь сольные песни на концертах настолько успешно, что к концу десятилетки за-

думывалась о карьере профессиональной певицы. Однако не сложилось. Тем не менее я помню её, исполняющую песню «Школярочка», которая стала местным шлягером:

Я школярочка мала,
Зовуть меня Маруся,
У меня триечек нема,
Бо я добро учуся.
Школярочка я малесенька,
У меня триечек нема,
Бо я добро учуся.
Как уроки все зрблю,
Так книжки читаю,
Так ленивых не люблю,
Усим помогаю.
Школярочка я малесенька,
Так ленивых не люблю,
Усим помогаю.

Однако вернёмся к нашему папе. Так, на один из концертов Павел Иванович нашёл стихотворение о бракоделах, которое называлось «Кое-как о кое-каках». Прослушав это стихотворение, мама дала дельный совет. Прежде чем читать эти стихи, надо перевести их на белорусскую мову: «Абы як пра бракадзелау», а затем прозой пояснить смысл, ибо эти «кое-каки» могут всё испортить. Оказалось, что опасения были не напрасны. Народ открыто ржал при неблагозвучных словосочетаниях. Особенно запомнился триумф концертной деятельности нашего отца буквально по Станиславскому. Учительские концерты включали в себя песни под баян, художественное чтение стихов (в основном басен), танцы, иногда на сцене ученики строили спортивные художественные пирамиды. Гвоздём программы всегда была постановка одноактной или двухактной пьесы.

Вспоминается пьеса, которую написал сам отец, и он был исполнителем главной роли. Дело было в 1957 году, после войны прошло двенадцать лет. Сюжет был незамысловатый и весьма актуальный, про войну, – русские и немцы. Помню, как ученики в нашем доме делали реквизиты: немецкие погоны, которые прикрепляли на настоящий немецкий чёрный плащ, из кожи «молодого дермантина», который отец действительно привёз из Германии. Рисовали немецкую кокарду на фуражку, потом всё это примеряли. «Фашист» получался как настоящий. Краткий сценарий: партизан переодевается в немецкую форму и идёт в разведку. Его полиция разоблачают каким-то образом, и начинается рукопашная схватка. Два полиция повалили на пол нашего папу, якобы немецкого офицера, и начинают душиить за горло. «Немец» хрипит и сучит сапогами по полу. И в это время маленькая Тамара, которой было три годика и которая сидела с мамой и братьями на первой скамейке, стала кричать: «Не убивайте его, это не фашист, это мой папа». Зал взорвался аплодисментами. Это были овации. Детское отчаяние, страх и крик нельзя сыграть. Всё было по-настоящему. А тут подросли друзья – партизаны, убили полицаев и спасли папу второй раз. Но первой спасительницей своего папы была маленькая доченька. Аплодисменты звучали как никогда.

ЧАСТЬ 2

Учитель: призвание или профессия?

Я знаю точно, что происходило 22 июня 1941 года в первой половине дня в средней школе № 1 города Слуцка. Война ошеломила. Страх и ожидание неизвестной беды сковывали сознание. Выпускники школы, среди которых была моя мама, прибыли в школу для получения аттестатов зрелости. Однако рано утром директор школы забрал семью и срочно покинул город. Учитель физики (к сожалению, имя его неизвестно) взял на себя командование. Он раздал всем ученикам чистые бланки аттестатов и попросил заполнить. Естественно, что каждый знал свои оценки, и ни один выпускник школы не проявил жлобство – не добавил себе баллов. Учитель физики стал сверять оценки с журналом и остановился на третьем аттестате. В воздухе висел призрак войны, а перед учителем стояли выпускники, кристально чистые и ясные, как июньское небо. И тут учитель физики понял,

что проверка не только не нужна, но и неуместна, и даже унижительна для всех. Учитель расписался в аттестатах вместо директора, поставил печать и выдал – вручил аттестаты зрелости своим выпускникам. Напутствие было коротким. За окном – война, страшная своей неизвестностью, а школа живёт будущим МИРОМ – выдает путёвки в жизнь. Она запомнила слова учителя из напутственной речи: «Не бойтесь. Война когда-либо закончится, мы победим врага. Вам нужно будет начинать свою взрослую жизнь. Аттестат – это путёвка в жизнь. Не забывайте своих учителей, свою родную школу». И наша Настя не могла представить, что её жизнь будет неразделима со Школой. Школа станет её судьбой.

Детство босоное

Анастасия была самой младшей, как думала Степанида (затем Бог дал ещё одного ребёнка – Любашу), и самой любимой дочерью. У моей бабушки Степаниды было семеро детей. Трое «чужих», от покойницы Ефросиньи, – Давид, который погиб во время войны с немцами, Татьяна и Надежда, а также свои – старшая Ольга, затем Лидия, Анастасия и младшенькая Любовь.

Пусть меня простят мои двоюродные Галя и Лидия, но я поведаю не очень благопристойный факт, о котором рассказывала моей маме бабушка Стёпа. Любаша была, как теперь говорят, незапланированным и поэтому нежелательным ребёнком. Молоко у её мамы пропало, и возникла проблема с питанием малышки. За ней ухаживали старшие сёстры, Оля и Лида, и кормили коровьим молоком. Нянчилась с сестрёнкой в основном Лидия, поскольку старшую Олю привлекали к работам по хозяйству. Многочисленная семья Трофима – мужа Степаниды, жила на хуторе, имела много десятин земли (около трёх гектаров), пару лошадей, а также немало коров, свиней и другой живности. Все были заняты делом, а поэтому маленькую Любашу иногда оставляли на произвол судьбы, одну в избе. Из-за семи нянек ребёнок был неухоженный и, как оказалось, недокормленный. Степанида, грешным делом, однажды подумала: не жилец наша младшенькая. Бог не дал долгожданного сына и теперь собирается забрать к себе Любашу. К этому времени Любе исполнился год, но она не умела ходить, а только ползала. Как оказалось, этот навык спас ребёнку жизнь. Некоторое время спустя Оля доложила маме, что младшенькая приползает к корыту (рашке), в котором секачом измельчают варёную картошку для свинок, маленькими ручонками загребает это «пюре» и с удовольствием уплетает. Прошло несколько месяцев, Люба стала на ноги... По иронии судьбы, именно Люба, как говорят, досматривала свою маму Стёпу в старости, закрыла ей глаза. Несмотря на жизненные трудности и семейные неурядицы, она была очень жизнерадостной и человеколюбивой. Ни разу она не упрекнула свою маму в «халатном» отношении к себе. Более того, когда сёстры собирались вместе, то именно Люба была «философом-стойком», говоря: «Настя, ты не понимаешь, какая ты счастливая. Все твои проблемы не стоят выеденного яйца».

Вернемся, однако, в «Вязинки» – так называлось место, где был хутор Третьяковых. Третьяковы – местное прозвище рода Трофимовичей, истоки которого мне установить не удалось, несмотря на все усилия. Кстати, на месте нашего хутора сейчас расположено искусственное водохранилище, которое находится в километре от здания новой школы. Места там были низкие, заболоченные, и, по воспоминаниям моей мамы, они весной после паводка ловили вьюнов в лужах прямо возле дома. Метод ловли был простым, но эффективным. Дети залезали босыми ногами в лужи, тёплые, как парное молоко, и усиленно ходили по лужам, перемешивая болотную грязь. Рыбы, естественно, в такой жиже дышать не могли и высовывали головы наружу в надежде найти спасение. Но тут юные браконьеры ловко черпали их плетёными лукошками. Впоследствии мы с братом также успешно занимались подобным рыбным промыслом.

Наступила школьная пора, и Настя пошла учиться в начальную школу в деревню Козловичи. Училась она отлично, успевала по всем предметам, как по языкам, так и по математике. Как лучшую ученицу школы, её поощрили путёвкой в санаторий, расположенный в городе Бобруйске. Кстати, более чем через пятьдесят лет Анастасия Трофимовна, будучи пенсионеркой, опять приехала в Бобруйский санаторий имени Ленина и с удивлением обнаружила, что помнит некоторые места довоенного санаторного отдыха. Между тем Настя за три недели пребывания набрала три кило веса, и это был рекорд санатория. В те времена эффективность работы санатория измерялась

килограммами «привеса». Домашние утверждали, что она прямо подросла и похорошела, волосы стали кудрявиться, и этот её кудрявый локон сохранился на всех взрослых фото.

Всё было замечательно, но тут случилось две беды, более точно – трагедии. Когда Насте было восемь лет, умер отец Трофим. По её рассказам, дело обстояло весьма страшно и необычно. Отец вернулся с поля раньше обычного и, сославшись на недомогание, прилёг на лаву, попросив сына Давида истопить баньку. Собравшись с силами, но заметно шатаясь, словно во хмелю, ушёл с сыном на помывку. Затем попросил Степаниду принести чистую одежду. Не только исподнюю, но и верхнюю – рубаху, брюки и новые сапоги. На недоумённые взгляды и вопрос Степаниды сказал: «Да, Стёпушка, родная, умирать буду». Не успел облачиться в чистое, как свалился на лаву и... помер. По рассказам Давида, они с отцом корчевали лес для нового участка пахотной земли, и батя «надорвался». Во время корчёвки старых пней и сильного физического напряжения, по-видимому, случился инсульт или инфаркт.

В людях

Вторую беду принесли комитеты бедноты (комбеды), которые, выполняя решение ВКП(б) – Всероссийской коммунистической партии большевиков – о коллективизации, раскулачили семью Трофимовичей, поскольку она имела двух лошадей – кобылу и жеребёнка, коров и телят, несколько свиней. Забрали всё, оставив корову и маленького поросёнка. Главный по реквизиции, местный голодранец и пустодомок, лодырь и пьяница, обратился к Степаниде: «Ну, как будем лошадей делить? По закону можно оставить только одну лошадь. Кобылу мы реквизируем, а тебе оставляем жеребёнка, растите, и будет вам лошадь». Но как только повозка тронулась, жеребёнок, оставленный во дворе хозяйке, так жалобно заржал, что его мама резко развернулась, опрокинув телегу, и помчалась на помощь плачущему дитяти. Степанида не выдержала этого издевательства над материнским инстинктом и самой жизнью и открыла ворота.

Через несколько месяцев комбедовцы ехали на Трофимовой повозке, рядом бежал, сопровождая маму, заметно подросший жеребёнок. В это время Степанида с Олей и Лидой возвращались с поля, где ей как члену колхоза была нарезана норма – участок посевов для прополки. «Ну что, подкулачница, садись подвезём, небось устала». Первыми побежали девчата, однако как только они поравнялись с телегой и намерились заскочить в повозку, возница резко стеганул заметно похудевшую, со впалыми боками кобылу и умчался, поднимая кучу пыли, захлёбываясь от смеха и упиваясь безнаказанностью и всевластием...

Но, как говорится, беда не ходит одна. Помимо незаконного изъятия живности, нелюди разорили хутор: разобрали гумно – помещение для складирования сена, все сараи и амбары, а двобавок разобрали соломенную крышу на хате. Таким образом крестьян вынуждали к переселению, осуществлялась политика борьбы с хуторской системой и приобщения белорусских жителей к «цивилизованной» жизни в деревнях. Предложили на выбор переезжать в Ближние или Дальние Бондари. Степанида выбрала Дальние Бондари, поскольку у самого леса-кормильца и подальше от комбедовцев-комиссаров. Хатку разобрали, перевезли и собрали на новом месте на окраине деревни – прогоннице. Я помню это жилище: о двух окнах, низенький потолок, но с полом. Прошло время, и супруг Любови Трофимовны Владимир Никифорович построил новый светлый дом, который гостеприимно распахивает нам – «бездомным» – свои двери. Сейчас на погосте у деревни Дальние Бондари покоится прах Степаниды, её детей и внуков. Нашли своё успокоение там и мои родители – Павел Иванович и Анастасия Трофимовна.

Ну а что же Настя, которая окончила начальную школу? Пришло время идти в семилетку, но денег на учёбу, не говоря уже об одежде, не было. Тем более, была проблема с дорогой. От деревни Дальние Бондари до Козлович было около семи километров. Маленькой девочке ходить такое расстояние тяжело, да и небезопасно: нередко стаи волков нападали на деревенский скот. Посоветовавшись со своей старшей приёмной дочерью Татьяной, сошлись на едином решении – переехать Анастасии временно жить к Татьяне. Рядом школа, да и сестре поможет нянчить детей. Татьяна рано вышла замуж, и к этому времени у неё была дочь Вера пяти лет и двухлетняя Ольга. Так десятилетняя Анастасия пошла в люди, как говорится, на свой хлеб. Конечно, было страшно уходить из дому, расставаться с любимыми сёстрам, а главное – с любимой мамочкой, но желание учиться

было сильнее всяких страхов. Чтобы успеть к началу занятий в школе, Настя с клунком в руках, в котором была её выходная одежда, в конце июля 1934 года в сопровождении мамы и сестры Ольги направилась пешком в Козловичи. Степанида проводила любимицу до конца села, вытерла слёзы разревевшейся Насте и поспешила к дому, детям, хозяйству, огороду, к тысяче дел, которые ждут хозяйку в деревне в конце лета.

Занятия в школе были большой радостью, которая компенсировала страхи жить в чужой семье и все трудности в работе няньки. Главная трудность была связана с Верой, которая была очень упитанным ребёнком и в свои пять лет весила очень много, по мнению Насти. Она возила обеих девочек на коляске-самоделке, которую смастерили деревенские умельцы. Коляска была о двух деревянных колёсах, стянутых железными обручами. Тащить её за собой можно было за метровое дышло, которое заканчивалось круглой перекладной, за неё нужно было браться вдвоём. Но Настя была одна, и усадить в коляску старшую девочку было для неё большой проблемой – просто не хватало сил. Более того, ещё больше усилий требовало передвижение коляски по деревенской улице, узкие колёса которой утопали в песке. А в остальном жизнь была замечательной – новые друзья, новые школьные открытия, но главное – старшая сестра Татьяна оказалась очень доброй и мудрой женщиной, которая во многом заменяла Насте её родную маму. Замечу между прочим, что первую дочь мы назвали Татьяной в честь этой благородной женщины с большим сердцем. Анастасия иногда по выходным бегала домой на побывку, быстро выросла и по-прежнему хотела учиться дальше.

Наступил 1938 год, Настя окончила семилетку. Среднее образование можно было получить только в городе Слуцке. Степанида пыталась отговорить Настю, но старшая Ольга поддержала и пообещала лично помогать деньгами. «Пусть учится». Благородство Ольги трудно переоценить. Она пожертвовала своим образованием и возможностью учиться дальше ради сестры. Будучи старшей в семье, она заменила рано ушедшего отца – косила, пахала наравне с деревенскими мужиками, сохраняя при этом женское обаяние и застенчивую улыбку.

Учёба в средней школе пролетела как один день. Страшная война перечеркнула все планы на университет и на всю дальнейшую жизнь....

Здравствуй, школа, я – учительница

3 июля 1944 года наши войска освободили Минск, и это почему-то считается у нас Днём независимости. Город Слуцк был освобождён от немецко-фашистских захватчиков 30 июня. Город лежал в руинах, как и вся Беларусь. Тем не менее встал вопрос о восстановлении системы образования, организации школьного обучения. Основная проблема состояла в катастрофической нехватке учителей. Примерно через месяц в дом Степаниды прибыл нарочный и передал сообщение для Анастасии прибыть в Слуцк в районный отдел народного образования (РОНО). Все домашние не на шутку встревожились за Настю и с нетерпением ждали её возвращения. Настя прибыла домой к вечеру и рассказала о том, что её отправляют на двухмесячные курсы на учёбу в Слуцкое педагогическое училище, а затем распределяют на работу в одну из школ учителем начальных классов. В исполкоме выбрали лучших выпускников последних лет и решили в срочном порядке подготовить их к работе в школе, чтобы начать учебный процесс. Примерно к середине октября 1944 года Настя переступила порог Безверховичской СШ Слуцкого района. Работа с детками сразу понравилась, и Настя после первого урока поняла, что это её стезя. Ни о какой другой работе она и думать не хотела, видя горящие глаза школьников. Директор школы после посещения её уроков сказал прямо: «Так тебе не нужны никакие университеты. Ты же готовая учительница». Затем он перевёл Настю из начальных в старшие классы и дал уроки русского и немецкого языка. Прошёл учебный год, и Настя обратилась к директору с просьбой отпустить её для работы в Козловичи, поближе к дому, где тоже заработала средняя школа. Директор был категорически против. И только поход к заведующему РОНО и его твёрдое обещание найти Насте замену помогли ей перейти работать в Козловичскую среднюю школу в качестве учителя русского языка и литературы. Именно в этой школе Настя нашла свою любовь и обрела свое призвание – быть настоящим учителем.

Наша родная Козловичская СШ в мае 2020 года отпраздновала своё 120-летие. Сельский учитель А. Василевский ещё до революции собрал детишек в сельской хате и начал обучать основам грамоты и арифметики. Я учился в этой замечательной школе, которая поначалу располагалась в четырёх

деревянных зданиях, построенных из домов раскулаченных деревенских жителей. А в 1964 году школа переехала в новое типовое трёхэтажное здание, которое было построено на средства колхоза им. Кирова. Односельчане с огромной благодарностью вспоминают председателя колхоза Героя Социалистического Труда Сергея Дмитриевича Лемещенко. Приезжавшие из Америки земляки брали землю на память и фотографировались на фоне школы.

Школа стала для всей нашей семьи судьбой – мамы, отца, брата Николая, его супруги, тестя и тёщи, меня, моей супруги Натальи, детей, сестры и мамы Натальи, сестры Тамары и её дочери Анастасии.

БГУ им. Ленина

Какой всё-таки учительницей была моя мама – Старжинская Анастасия Трофимовна? Моим учителем был и мой отец Павел Иванович. Если сравнивать, кто из них был лучшим учителем, кажется, на первый взгляд, что это вопрос типа, кого любишь больше – папу или маму. Однако на него можно дать, как мне думается, вполне внятный ответ. Мой отец как учитель относился к детям как взрослым. Он был рафинированным интеллигентом и преподавал в школе в стиле университетского профессора. Он никогда не читал нотаций, никогда не выговаривал ученикам, и они относились к нему с уважением. Однако его сдержанность в сфере чувств ощущалась детьми, и они тоже проявляли к нему почтительную сдержанность. В теории он был сильнее мамы, и это доказывалось в процессе обучения её в Белгосуниверситете и постоянными консультациями, которые она брала у него.

Мама же как учительница была настоящим педагогом и наставником именно средней школы. Проработав педагогом без малого полвека, я с уверенностью могу сказать, что она была Учителем с большой буквы. Её ученики были лучшие во всём – в учёбе, в воспитании, в общественно-полезных мероприятиях. На её уроках не было проблемы с дисциплиной. Её нельзя было не слушать. В её арсенале была любовь и похвала, строгость и порицание. Она относилась к ученикам как к своим детям. И это говорит о многом, если не обо всем. Я уверен, что любовь к другим (чужим) детям как своим – это редчайший дар, христианское благословение. К сожалению, я не могу признаться в этом качестве. Но дети эту божественную любовь чувствуют интуитивно и тянутся к таким людям, как цветок к солнышку. И такую любовь многие ей не прощали, особенно коллеги... Кстати, в моей жизни всеми своими достижениями я обязан именно таким учителям, которые встретились на моём пути и помогли обрести цель и смысл жизни. Таким настоящим учителем стал для меня также Леонид Леонтьевич Сучок, который явился для меня своеобразным гуру – человеком-образцом, по которому делаешь жизнь. Я о нём ещё расскажу чуть позже.

А сейчас о том, как работала моя мама. Можно сказать словами известной телепередачи. Она работала лучше всех. Доказательство – её ученики и качество их обучения и воспитания. Успех, как известно, не остаётся «безнаказанным». В один «прекрасный» момент директриса вызвала учительницу А. Т. Трофимович в кабинет и сказала: «Прошло уже десять лет после окончания войны, большая часть учителей имеют дипломы о высшем образовании, либо учительские институты, либо, наконец, дипломы педучилища. А у вас справка об окончании курсов. Вы либо поступаете в пединститут, либо ищите другую работу». Такой ультиматум был предъявлен в конце учебного года. До начала приёмной кампании оставалось чуть больше месяца. Замечу, что с такими справками об окончании курсов доработали благополучно до пенсии математичка и учительница начальных классов. Кстати, лет через десять эта же проблема коснулась и Павла Ивановича, который до войны окончил Рогачёвский учительский институт, что приравнивалось к неполному высшему образованию.

На семейном совете решили поступать в БГУ, факультет, естественно, филологический. А теперь представьте ситуацию. Лето 1956 года. Сельская учительница, трое детей: два сына – семи и пяти лет – и дочь – неполных два годика. Хозяйство в виде коровки, свинок и кур, а также огород и 20 соток картошки. Живём в старом доме, а на улице лежит брус (опилованный лес) для строительства нового дома. Необходимо всё отставить и переложить все заботы на плечи папы. Мама наспех готовится к вступительным экзаменам. Помню фанерный жёлто-оранжевого цвета довоенный чемодан с навесным замочком, в который мама складывала вещи и книги для поездки в Минск. Вернулась дней через десять-двенадцать. Стали ждать вызов. И вызов пришёл! Это был

большой праздник в нашей семье. С первого сентября 1956 года старший брат Николай пошёл в первый класс, а Анастасия Трофимовна стала 32-летней студенткой первого курса филологического факультета Белгосуниверситета заочного отделения. И ровно через шесть лет, в 1962 году, мама получила диплом о высшем образовании. Ни одного «хвоста». Все зачёты и экзамены сдавались успешно и вовремя. Правда, однажды вернулась назад контрольная работа как незачтённая. Папа срочно устранил замечания и отослал работу обратно. Этот сбой имел два последствия. Незачтённая контрольная работа, отправленная обратно, долго искала адресата и долго плутала по разным Трофимовичам. Мою маму знали под фамилией Старжинская. Во избежание путаницы в дальнейшем пришлось срочно стать Старжинской и по паспорту. А папа взял функцию написания контрольных работ на себя. Все работы получали зачёт с первого раза. И тому было несколько объяснений. Отец был сильным филологом, относился к работе ответственно, обладал изумительным каллиграфическим почерком. Для написания работ он ездил в Слуцкую библиотеку за соответствующей литературой.

Мамин университет не обошёл и нас с братом. На последних курсах появилась необходимость в прочтении большого количества современной отечественной и зарубежной литературы. Но когда читать книги?! Вот расписание. Подъём в шесть часов утра. В это время начинает работать проводное радио и всех будит. Приносятся дрова и растапливается русская печка, зимой – и грубка, готовится завтрак, как правило, это яичница на сале, картошка или блины. Ставится вариться два чугуна картошки для свинок. Доится корова, процеживается молоко, кормятся куры и свинки. Поднимаются дети в школу, все завтракают и идут к восьми часам на занятия. Раньше, во время маминной учёбы в университете, школа находилась посередине деревни Козловичи. Расстояние около трёх километров.

Когда мы были дошкольниками, у нас была нянька. Большую часть забот по дому она брала на себя. Когда мы стали школьниками, всё легло на плечи родителей. Домой возвращались в три-полчетвёртого. И опять – обед, работа по хозяйству: коровка, свинки, куры, а ещё сад, огород. Зимой торф и дрова, чтобы отопить дом. А ещё, что у учителей-филологов за домашняя работа? Правильно. Проверка тетрадей, написание планов, подготовка к урокам. К двенадцати ночи мама засыпает над написанием планов. Я сам видел эти записи сонного, смертельно уставшего человека. Текст (буквы) становятся всё уже, строка опускается вниз, а затем от буквы идёт линия вниз. Всё – человек вырубается. Как они это выдерживали?

Конечно, мы – дети – не были сторонними наблюдателями и всячески помогали родителям. Особенно в уборке урожая – яблоки, груши, сливы, вишни, мы были незаменимыми помощниками и выполняли эту работу с удовольствием. В сентябре наступал период уборки картофеля, который мы не любили. Кроме сезонных работ, к которым нас привлекали родители, у нас были постоянные обязанности. В холодное время года брат отвечал за отопление дома, выбирал золу, приносил дрова и торф и топил печку-грубку, в последующем топил котёл водяного отопления. Я отвечал за чистоту в доме, каждую пятницу или субботу мыл полы, гладил бельё, приносил воду в дом, выполнял другие мелкие поручения. Подросла сестра Тамара и стала маме надёжной помощницей в домашних делах. Все трудились не из-под палки, а сознательно помогая родителям, но работы всегда было невпроворот. И только с приходом зимы наступало некоторое послабление.

Поэтому ещё раз. Как найти время, чтобы прочесть большое количество книг для сдачи экзамена? И выход был найден. Современную отечественную и зарубежную литературу читали все, в том числе и мы с братом. «Консуэло» Жорж Санд, «Красное и чёрное» Стендаля, «Железный поток» Серафимовича. Каждый получал свою порцию книг, должен был прочесть и рассказать маме сюжет. Затем она брала книгу и просматривала её бегло. Таким образом формировалось общее и в некоторых деталях представление о книге.

Брат настолько увлёкся этим делом, что стал книгоцеем. Стал читать запоем. На столе лежат две книги. Сверху математика, внизу фантастика. Родители на улице – книги меняются местами. Для меня же это чтение имело несколько иные последствия. Читая взрослые книги и половину не понимая, я научился «скорочтению», выбирать главное – сюжет. Поэтому все монологи и диалоги я пропускал, считая, что это «вода», не заслуживающая внимания. И это сказалось на моём восприятии социальных отношений и умении их строить. Мне кажется, что я до сих пор во многом не понимаю действий и слов многих людей. Впервые я столкнулся с этим ненужным говорением и, как мне каза-

лось, пустой тратой времени на заседаниях кафедры, когда стал аспирантом. И именно в это время я понял роль диалогов и коммуникаций в конструировании социального статуса. Стал перечитывать книги по-другому и стал прозревать.

За десять лет в нашей жизни произошло многое. Мы (конечно же, папа) продали старый и построили новый дом, построили сарай и другие постройки, выкопали колодец и посадили сад. Но не всё было столь благополучно, как может показаться на первый взгляд. Родители совершили фатальную ошибку. Отец продал родительский дом и перевёз свою сестру Марусю жить к нам, в надежде, что она будет помогать по хозяйству и присматривать за детьми. Надежды не просто не оправдались. Вся наша жизнь превратилась в огромную свару, огромный конфликт, который имел губительные последствия для всех, и в особенности для меня. Но это другая история... Давайте вернёмся к нашей героине Насте.

Преимственность и смена поколений

Прошло 33 года, как Анастасия Трофимовна переступила порог школы. 1 сентября 1977 года. Время семь часов утра. Моя мама стоит у окна в своём доме и украдкой вытирает слёзы. Вот она и вышла на пенсию. Вернее, её «вышли» по выслуге лет. Не хватило нагрузки.

А на улице праздник – дети идут в школу. Все в школьной форме, девочки в белых передниках и с белыми бантами. Мальчики в строгих школьных костюмах. И все с букетами цветов. Идут мимо нашего дома, что-то радостно рассказывают друг другу, радуясь встрече. Здороваются со своей учительницей. Они ещё не знают, что с бывшей. Большинство – её ученики. У одних она была классным руководителем, у других – учителем русского языка и литературы. И вот теперь она уже бывшая учительница. Мне кажется, с этой ситуацией она не смирилась до конца жизни. Она была учительницей по жизни.

Чтобы не показывать нахлынувших чувств, она уходит в глубь дома. Но разве от себя спрячешься. Для неё, как и для тысяч других настоящих учителей, школа – это было нечто большее, чем просто место работы. Это было призвание, смысл жизни: «Сеять разумное, доброе, вечное». И здесь нет преувеличения. Дети шли в школу, и душа моей мамы-учительницы летела вместе с ними. Она всю жизнь вкладывала частицу души в своих учеников. Она была и есть не только моя мама, но и мама своих учеников. И это чистая правда. Её отношения с учениками были особенными, потому что она их любила, и они ей отвечали взаимностью. Все конкурсы и смотры выигрывал её класс, потому что дети старались изо всех сил. Иногда комиссия засуживала её класс, многим учителям не нравилось такое положение дел, и прежде всего руководству. Тем не менее её отношение к ученикам было сердечным и высоко нравственным. Такой чистой и незамутнённой бывает родниковая вода. Школа, в отличие от общества, сохраняла правду, справедливость, чистоту. И это я чувствовал – как её ученик, как сын и как в последующем её коллега. Лучшие ученики – это те, кто лучше всех учился и участвовал в общественной жизни школы. Неудачающиеся старались исправиться – «подтягивались» (тогда был именно такой термин). Конечно, были и свои «герои», которые стеснялись своих заслуг. Во всяком случае, не ходили гоголем.

Прошло ещё 30 лет. 1 сентября 2007 года. Время восемь утра. Внучка моей мамы, тоже Настя и тоже учительница, пришла на свой первый урок. Это был не просто урок английского языка. Это был урок-шок! У большинства детей отсутствует готовность учиться. Или они её тщательно маскируют. Большинство детей приходят в школу не учиться, а развлекаться: испытывают учителя на прочность, подначивают, в общем – ведут наступление. Настя считает дни «до дембеля» – когда закончатся два года распределения. Что происходит со школой? Может быть, Насте не повезло и у неё в классе слишком много отвязных детей? Либо она никудышная учительница? Увы, реальность куда серьезнее. Современная школа находится в серьёзном кризисе, но это уже другая история.

Берега любомудрия

Анатолий Бесперстых

Анатолий Бесперстых – лексикограф-русист, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства.

Крылатые мысли Владимира Путина. Афоризмы. Цитаты. Юмор

Фрагменты книги

От автора: Более 60 лет творческой жизни я отдал служению Русскому Слову. Ни дня без строчки, ни дня без работы со Словом – это также и обо мне сказано. Вот закончил совсем недавно оригинальный словарь «Крылатые мысли Владимира Путина. Афоризмы. Цитаты. Юмор». Работал на одном дыхании, просто с наслаждением. Книга, думаю, получилась интересной и полезной для всех, кто неравнодушен к судьбе нашей великой России. Хотя я и живу в Белоруссии, люблю эту прекрасную землю, красивых, трудолюбивых белорусских людей, но внутренне я по-прежнему живу в России, считаю и Белоруссию частью единой могучей страны, имя которой матушка-РУСЬ. У меня создана филологическая тетралогия «Любовь моя и боль моя – Россия», в которую вошли четыре книги, объединённые одной темой: «Слово о Русском Слове» (кстати, эта книга получила высокую оценку на последнем Международном литературном фестивале «Золотой Витязь», стала дипломантом в номинации Литературоведение).

В готовящуюся к изданию книгу-словарь вошли 740 наиболее ярких цитат, начиная с 1999 по 2020 год включительно, взятых из интервью президента, пресс-конференций, прямых линий, всевозможных выступлений, бесед.

Т. С. Рыжова, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России:

Рассматривать дискурс Владимира Путина как национального лидера и государственно-политического деятеля едва ли возможно без учёта лингво-риторических ресурсов его языка. И в России, и за рубежом он справедливо воспринимается как оратор, в избытке владеющий не просто образным, но и «ядрёным» языком национального фольклора, знанием и умением использовать изречения классиков, остротой речевой реакции на самые непредсказуемые вопросы и ситуации, возникающие в ходе пресс-конференций, интервью, переговоров. А таких ситуаций, когда «заготовками» обойтись невозможно и нужно порой не просто отвечать на вопросы, а парировать их, наполняя одновременно идейным и эмоциональным содержанием, в практике российского президента было немало. Цель словаря видится, скорее, в намерении показать роль русского образного языка во всём его многообразии как инструмента достижения коммуникативно-прагматических целей, обусловленных интересами государства, в политическом дискурсе талантливого оратора, которым в данном случае выступает действующий президент России. Именно благодаря такому подходу словарь «Крылатые мысли Владимира Путина: Афоризмы. Цитаты. Юмор» сможет достойно войти в национальный историко-культурный пласт, отражающий реалии нашего времени.

* – Трансформация высказываний В. В. Путина.

** – Цитаты других авторов, а также пословицы и поговорки, фразеологические выражения в высказываниях В. В. Путина.

АБСУРД

Соединить отвёртку и наукоёмкое содержание. Россия постоянно беременна великими свершениями. Ещё чуть-чуть – и российские космические корабли забороздят своими ядерными реакторами просторы Вселенной, отечественная медицина станет самой бесплатной в мире, по объёму ВВП мы наконец-то догоним Португалию, а президентский кортеж будет целиком состоять из продукции АвтоВАЗа! Правда, пока, как говорит Владимир наш Владимирович, мы никак не можем «соединить отвёртку и наукоёмкое содержание»! Но это уже не важно. Главное, что «Единая Россия» – это основа политической стабильности в стране, поэтому любая атака на партию власти – это удар по государству! (*Михаил Лашков. Невозможно сделать мир чище, отравляя его своим присутствием*).

АВТОМАТ КАЛАШНИКОВА

Знаете, в своё время говорили, **что мы чего ни начинаем делать, у нас всё автомат Калашникова получается****. Вот сейчас у меня такое впечатление, что американцы к чему ни прикоснутся, у них всегда получается Ливия или Ирак (*Общение с участниками молодёжного форума «Селигер», 29 августа 2014 г. Отвечая на вопрос об эффективности ООН*).

АМБИЦИИ

Амбиции хорошо, зазнайство плохо. Тот, кто добивается того, чтобы считаться лидером и получить какую-то номинацию, никогда не должен задирать нос, полагая, что он лучше всех. Как только человек начинает считать, что он лучше всех, с этого момента он начинает проигрывать. Амбиции хорошо, зазнайство плохо (*Встреча с учащимися гимназии-2 Владивостока, 1 сентября 2016 г.*).

Первые лица государства не имеют права ныть. Надо ставить амбициозные цели, основанные на реалиях, и стараться мобилизовать все общественные силы для их выполнения (*Большая пресс-конференция, 14 февраля 2008 г.*).

АНТИГЛОБАЛИСТЫ

Антиглобалисты могут натворить где угодно и что угодно, такая публика. Отвечая на вопрос о том, как Россия будет бороться с антиглобалистами, которые в последние годы постоянно приурочивают массовые акции к встречам, подобным саммиту в Глениглсе, Путин отметил, что «антиглобалисты могут натворить где угодно и что угодно, такая публика». Вместе с тем, по его словам, темы, которые они [антиглобалисты] поднимают, нельзя оставлять без внимания (*Саммит «большой восьмёрки» в 2006 году пройдёт в Санкт-Петербурге, NEWSru.com*).

АППЕТИТ

Под камерами трудно есть с аппетитом. В агрохолдинге «Кубань» Путин пообедал за одним столом с комбайнёрами. Журналистов с обеда попросили удалиться сразу же, как главе государства и рабочим принесли борщ. Путин объяснил, что «под камерами трудно есть с аппетитом» (*Владимир Путин поел борща за одним столом с комбайнёрами / «Совершенно секретно», 17 сентября 2013 г.*).

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Можно шило в стенку и залечь на боковую!** Я уже об этом говорил: так сложилась судьба, что у меня был шанс поработать в качестве первого лица Российского государства, и я считаю, что я отработал по-честному эти восемь лет. Предпочитаю не стонать по поводу того, что закончился этот срок, а порадоваться тому, что есть возможность послужить стране на другом месте. Конечно, можно, как у нас в некоторых местах говорили, шило в стенку – и на боковую залечь. Думаю, что пока рановато (*Большая пресс-конференция, 14 февраля 2008 г.*).

БЕРЛУСКОНИ

Берлускони судят за то, что он живёт с женщинами. Если бы он был бы гомосексуалистом, его бы пальцем никто не тронул (*Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 19 сентября 2013 г.*). – *В ходе*

заседания дискуссионного клуба «Валдай» российский президент в шуточной форме поддержал бывшего премьер-министра Италии, которого затаскали по судам за связь с несовершеннолетней.

БИЛЕТ

Купить билет и не поехать.** Мы ничего не будем делать только для того, чтобы кого-то наказать и наказывать себя. Купить билет и не поехать – так мы не поступаем (*Итоговая пресс-конференция в Гоа, 16 октября 2016 г.*).

БОГАТСТВО

Я богат тем, что народ России дважды доверил мне руководство такой великой страной, как Россия. Я считаю, что это моё самое большое богатство. Что касается статей о моём финансовом состоянии, то это болтовня (*Большая пресс-конференция, 14 февраля 2008 г.*).

ВЕРА

Я верю в человека. Я верю в его добрые помыслы. Я верю, что все мы пришли для того, чтобы творить добро. Я верю в человека. Я верю в его добрые помыслы. Я верю в то, что все мы пришли для того, чтобы творить добро. И если мы будем это делать, и будем это делать вместе, то нас ждёт успех и в отношениях между собой, в отношениях между нашими государствами. Но самое главное, что мы добьёмся таким образом самого главного – мы добьёмся комфорта в своём собственном сердце (*Интервью ведущему телеканала Си-Эн-Эн Ларри Кингу, 8 сентября 2000 г.*).

ВЗЯТКА (ВЗЯТКИ)

Взятка – это более общественно опасное преступление, чем просто кража. Понимаете? Это очевидная вещь (*РИА Новости, 4 сентября 2013 г.*).

Как бороться со взятками? Вешать надо, наверное.** На вопрос о методах борьбы с коррупцией Путин ответил: «Как бороться со взятками? Вешать надо, наверное». «Но, – заметил он после, – это не наш метод». Россия не должна использовать средневековые методы для решения проблемы, а должна увеличивать «эффективность правоприменительной практики» (*Ник. Иванов, Литературный дневник*).

ВЛАСТЬ

Власть – это труд, который оплачивается из кармана налогоплательщика. Будем наказывать за нарушения строго по закону – и те, кому до сих пор было выгодней их нарушать, предпочтут с нами больше не связываться. А тем, кто забыл, можно напомнить: власть – это труд, который оплачивается из кармана налогоплательщика, из нашего с вами заработка (*Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям / Газета «Коммерсантъ», 25 февраля 2000 г.*).

Муниципальный – самый близкий к людям уровень власти, люди должны знать их [мэров] лично (*Пресс-конференция, 19 декабря 2013 г.*).

Надо исключить то, чтобы кое-кто присосался к власти и мог использовать это в своих целях. Ни один клан, ни один олигарх не должен быть приближён к региональной и к федеральной власти – они должны быть равноудалены от власти (*Встреча с доверенными лицами в общественной приёмной предвыборного штаба, 28 февраля 2000 г.*).

Сами «грохнут», а потом будут власть обвинять. Они уже десять лет как пытаются её [провокацию] применить, прежде всего те, кто за границей сидит. Точно вам это говорю. Это мне известно. Даже ищут так называемую сакральную жертву из числа каких-нибудь заметных людей. Сами «грохнут», извините, а потом будут власть обвинять (*Выступление перед членами ОНФ, 29 февраля 2012 г.*). – *О провокациях на митингах.*

Слушать и слышать.** Запрос граждан на справедливость высок, как и на честность и открытость. Поэтому, когда федеральная власть открыто декларирует всей вертикали чиновников, что людей нужно «слушать и слышать», а также «быть вместе с ними», это здорово! (*Выступление на съезде партии «Единая Россия», 12 августа 2018 г.*).

Чего хочет оппозиция? Денег и власти. Поураганили в своё время, в 90-х годах, унесли вместе с Березовским и другими, находящимися сейчас в заключении, о которых мы уже говорили, немало миллиардов. Сейчас их оттащили от кормушки, они поиздержались, хотят вернуться и пополнить свои карманы. Если мы позволим им это сделать, они отдельными миллиардами уже не ограничатся – всю Россию распродадут (*Прямолинейный Путин / Lenta.ru, 16 апреля 2015 г.*).

ВОЙНА

Война войной, а обед должен быть по расписанию.** После обсуждения иракской и чеченской тем на регулярном совещании с членами правительства Владимир Путин предложил обсудить ситуацию в... сельском хозяйстве. «Я хочу напомнить пословицу: война войной, а обед должен быть по расписанию», – сказал он и попросил вице-премьера Алексея Гордеева доложить о ходе сева и проблемах села (*Александр Братерский. Обед по расписанию. Афоризм Фридриха Вильгельма I (1688–1740) – короля Пруссии, приписывают В. Путину.*

Теперь по поводу наших отношений с Украиной. Я позволю с вами не согласиться, когда вы сейчас сказали, что, если бы мы были разделены, мы не победили бы в войне. Мы всё равно победили бы, потому что мы – страна победителей... Если мы посмотрим статистику времён Второй мировой войны, то выяснится, что наибольшие потери в ВОВ понесла именно РСФСР – более 70 % потерь. Это значит, что **война выиграна**, не хочу никого обижать, но **в основном за счёт человеческих и индустриальных ресурсов России.** Это исторический факт (*Росбалт, 16 декабря 2010 г.*).

Что бы кто ни говорил по поводу жертв в ходе Второй мировой войны, Отечественной войны, но мы всё-таки победили (*Выступление на Всероссийском молодёжном форуме «Селигер-2014», 29 августа 2014 г.*).

ВОР (воры)

Вор должен сидеть в тюрьме.** Отвечая на вопрос о Михаиле Ходорковском, Путин процитировал фразу из фильма «Место встречи изменить нельзя»: «Вор должен сидеть в тюрьме» (*Прямолинейный Путин / Lenta.ru, 16 апреля 2015 г.*).

Меня тут спрашивают, почему бы не расстрелять публично, как в Китае, 350 крупных воров – «тогда весь народ будет с вами». Хочу сказать, что у нас за воровство никогда не расстреливали. Вопрос не в тяжести наказания, а в его неотвратимости. К этому мы будем стремиться. Но я специально взял и прочитал этот вопрос, чтобы чиновники разных уровней видели настроение народа (*Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014 г.*).

ЕСЕНИН

И Есенина будем помнить, будем все помнить наше величие (*Выступление на митинге в Лужниках, 23 февраля 2012 г.*).

ЖЕНЩИНА (женщины)

Для женщины слабость – это не самое плохое качество. С женщинами лучше не спорить и лучше не вступать с ними в пререкания. Но госпожа Клинтон и раньше не отличалась особым изяществом в выражениях. Ничего, мы с ней встречались после этого и мило беседовали на различных международных мероприятиях. Думаю, что и в этом случае можно было бы найти общий язык. Когда люди переходят определённые границы приличия, это говорит не об их силе, а об их слабости. Но для женщины слабость – это не самое плохое качество (*Интервью телеканалу TF1 и радиостанции Europe 1, 4 июня 2014 г.*).

Женщины – украшение нашей жизни. Женщины всегда и во всём сопровождают нас по жизни. И конечно, мы, мужчины, очень хотим, чтобы женщины были украшением нашей жизни (*Поздравление женщин России с 8 марта, 2011 г.*).

Женщина даёт всем нам жизнь. Мы все должны быть благодарны женщине за то, что она даёт нам жизнь. И этим почти всё сказано (*Там же*).

Женщины – они, конечно, очень разные. Но всегда прекрасные. Вот видите, я заговорил стихами. Просто, но от души (*Там же*).

Может ли женщина стать президентом? Может, с нашими проблемами женщина лучше всего и справится (*Прямая линия*, 15 июня 2017 г.).

Участие женщин в общественной и политической жизни страны – это яркий признак зрелости общества (*Большая пресс-конференция для российских и иностранных журналистов*, 1 февраля 2007 г.).

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Люди должны осознать, что здоровый образ жизни – это личный успех каждого (*Интервью телеканалу «Матч ТВ»*, 2014 г.).

ЗНАНИЯ

Знания – лучшая валюта XXI века. Я думаю, что не только здесь присутствующие, но и многие другие молодые люди нашей страны уже поняли, осознали, что самой лучшей валютой XXI века являются знания. Но не только знания – для того чтобы быть полноценным и востребованным человеком сегодня, необходимо ещё трудолюбие, необходимо убеждение, только тогда и только в этом случае мы можем говорить о тех людях, которые нужны сегодня и тем более будут нужны в самом ближайшем будущем нашей стране (*Встреча в Кремле со стипендиатами президентской программы «Одарённые дети России»*, 30 апреля 2002 г.).

КОНТРАБАНДА

Что касается контрабанды – отдельная тема. И борьба вроде бы ведётся, а чего-то результатов мало. А результат в таких случаях – это посадки в тюрьму. Где посадки? (*Заседание президиума правительства*, 1 июня 2009 г.). – *Обращение к МВД, ФСБ и прокуратуре по поводу нелегального производства в лёгкой промышленности.*

КРЕСТИК

Крестильный крестик. Года за четыре до маминой смерти я поехал в Израиль. И мама мне тогда дала мой крестильный крестик – освятить на Гробе Господнем. Я взял его и, чтобы не потерять, надел на себя. С тех пор так и не снимаю (*Газета «Коммерсантъ»*, 10 марта 2000 г.). – *О своих действиях после запрета КПСС в 1991 году.*

ЛОЗУНГ

Лозунг для моей предвыборной позиции, то он очень простой. Это – достойная жизнь. Достойная в том самом смысле, какой её хотят видеть и в какую верят большинство моих сограждан. Как вижу нашу жизнь и я сам, будучи русским человеком (*Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям* / *Газета «Коммерсантъ»*, 25 февраля 2000 г.).

МЕЧТА

И я мечтаю, чтобы все мы были счастливы, каждый из нас. Я мечтаю о том, чтобы каждый человек в нашей стране, и большой начальник, и рядовой гражданин, жили по совести. И это сделает нас намного сильнее. Я мечтаю о том, чтобы в душе каждого человека была надежда, надежда на лучшую долю и на счастье. Я мечтаю, чтобы все мы были счастливы, каждый из нас. Но как это сделать? Главное – чтобы мы были вместе (*Выступление на митинге в Лужниках*, 23 февраля 2012 г.).

Берега любомудрия

Александр Субетто

Александр Иванович Субетто – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, лауреат литературной премии им. Лескова «Левша», президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, почётный профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Умозамещение как отражение капиталогенной антропологической катастрофы и предстоящие «Роды Действительного Разума»

Статья дана в сокращении

- 1 -

Известный учёный, дважды доктор наук, и не менее известный писатель, главный редактор литературного журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин опубликовал недавно свой роман-новеллино «Задушевные беседы об умозамещении».

Понятие «умозамещение» родилось у него как некий аналог понятия «импортозамещение». На мой взгляд, это понятие очень удачное, несущее на себя печать сатирического хохота Капитала-Фетиша, воюющего, как и Мефистофель в «Фаусте» Гёте и затем в одноимённой опере Гуно («Сатана там правит бал, люди гибнут за металл»), против Человека, вернее, против «человеческого» в человеке, и одновременно превращающего человека в свой придаток (по образу и подобию) своему – без души и без ума).

Николай Александрович Бердяев, известный русский философ, певец свободы, в 1918 году записал: «в частном интересе таится, по-видимому, безумие».

Процесс «умозамещения» в современном российском обществе, как плата за рыночные реформы и как отражение колонизаторской миссии происходящей рыночно-капиталистической контрреволюции (вот уже более чем 25 лет, с 1992 по 2017 год), одновременно есть одно из «измерений» той *капиталорационализации человека*, которая происходит в мире диктатуры Капитала – строя мировой финансовой капиталократии. Этот процесс я раскрыл и проанализировал в 2000 году в своей работе по теории капиталократии «Капиталократия». В ней я ввёл *понятие Глобальной Капитал-Мегамашины*, «движущей силой» которой выступают деньги (в виде мировой валюты – доллара) и которая пытается капиталорационализировать всё – и человека, и природу Земли, и входит в конфликт с законами Природы и с законами бытия Человека, *породив первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы. Теперь уже звучит новая «песня» Капитала-Сатаны: «Сатана там правит бал, не только люди, человечество гибнут за капитал, но и гибнет природа Земли».*

- 2 -

В своих работах по Ноосферизму, теории ноосферного социализма, системогенетике и ноосферной парадигме универсального эволюционизма я показываю и доказываю, что любая прогрессивная эволюция, – в том числе прогрессивная эволюция нашей Вселенной (космогоническая эволюция), эволюция Биосферы Земли, эволюция социального человечества в пространстве Биосферы, т. е. история, – подчиняется действию двух метазакон: (1) *метазакону Сдвига от доминанты Закона*

Конкуренции и механизма «естественного отбора» – к доминанте Закона Кооперации и механизма «интеллекта»; (2) метазакону Интеллектуализации или «Оразумления» прогрессивной эволюции (как своеобразному следствию действия первого закона).

Отражением действия второго метазакона применительно к эволюции Биосферы явились: появление Человека, Человеческого Разума на Земле, закон перехода Биосферы в Ноосферу В. И. Вернадского.

На мой взгляд, первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть Экологический Приговор Стихийной истории человечества, её последней рыночно-капиталистической фазе развития, который выражает собой Экологический Конец капитализма, рынка, доминирования закона конкуренции и принципа Гоббса «человек человеку – волк».

Возник императив выживаемости человечества в XXI веке – как императив Перехода к Управляемой («подлинной» по К. Марксу) Истории на базе доминирования Закона Кооперации и механизма Общественного Интеллекта, но уже в Новом Качестве самой Истории – в виде управляемой социоприродной, т. е. ноосферной, эволюции, – единственной модели устойчивого развития человечества, которую ищут лучшие умы человечества уже более 40 лет, в том числе на конференциях ООН и саммитах глав государств мира, и не могут найти. Устойчивое развитие и рыночно-капиталистическая система есть вещи несовместные. В Докладе, написанном под руководством учёных-экономистов-экологов Гудленда, Дейли и Эль-Серафи по заказу Мирового Банка, ещё в 1991 году был вынесен вердикт: в экологически заполненной нише, которую занимает человечество, рынок как механизм развития экономики исчерпал себя.

- 3 -

Я ещё в конце 80-х годов XX века в работе «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив» (1990) показал, что *возникший под «давлением» глобального экологического кризиса, принимающего катастрофический масштаб, императив выживаемости есть единство социалистического и ноосферного императивов, т. е. основой выживаемости человечества и его устойчивого развития в будущем является Ноосферный Экологический Духовный Социализм, олицетворяющий собой управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.*

Россия, как первая в мире страна и цивилизация, осуществившая 100 лет назад Прорыв Человечества к социализму, создав, как развитие созидательной функции Великой Русской (Октябрьской) Социалистической Революции, Союз Советских Социалистических Республик (СССР), обозначила этим Социалистическим Прорывом начало Новой Эпохи – Эпохи Социалистического Преобразования Мира, когда Человек Труда становится Хозяином своей Исторической Судьбы.

Один из героев романа Яшина в «задушевной беседе» вспоминает фильм «У озера» Герасимова и замечает, что в нём передана «тогдашняя атмосфера всеобщего духовного, нравственно-этического прорыва, что и составляла сущность интеллигентизации советского общества». Советский социализм раскрыл таящиеся в русском народе и других народах бывшей Российской империи огромные творческие энергии, поднял Труд и Разум человека на небывалую высоту исторического созидания, которых не знала История. В новелле, посвящённой младшему сержанту Олегу Александровичу Лаврентьеву – автору идеи разработки термоядерного оружия и идеи термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем («токамака»), в романе он – Игорь Алексеевич Прокофьев, Яшин словами своего героя – профессора Игоря Васильевича Скородумова, подводит такой итог-оценку: «Да-а, были люди в наше время, говоря словами Поэта. Самое главное, сколько таких сержантов в сталинском и последующем Советском Союзе народилось? Тот же сержант Калашников... Великий и мудрый Вождь был дарован нашему, в общем-то несчастливому, Отечеству. И хрущёвская “оттепель”, и расцвет Державы при Брежневе – до четвёртой его геройской звезды – всё наследие установки Сталина: прежде думай о Родине, а потом о себе. Что бы там диссидентствующие на кухоньках, а ныне во весь голос вещающая продажная пресса, радио- и телевидение не говорили».

Императив выживаемости – это императив установления на Земле Ноосферного Экологического Духовного Социализма, и одновременно это «Роды Действительного Разума» как Разума, Управляющего Социоприродной Эволюцией, и «Роды», соответственно, Действительного Человечества, такой разум собой олицетворяющего.

Итак, раздвоение Истории 103 года назад на два «потока» – «новый», социалистический, делающий историю «подлинной» и, соответственно, делающий человеческий Разум «подлинным», и «старый», рыночно-капиталистический, олицетворяющий собой «предысторию» и «предысторическую форму развития разума», сохраняющий «Стихийную парадигму» Истории, вдруг столкнулось на рубеже XX и XXI веков, в моей оценке, с *новой Эпохой Великого Эволюционного Перелома, которая ставит Экологический Предел «старой», в рыночно-капиталистическом формате, Истории* (и если человечество в этом, «старом», стихийном «потоке» истории «задержится», то, вполне возможно, оно даже не переживёт XXI век) и *«пропускает» в Будущее «новый», социалистический «поток», придавая ему Ноосферное содержание.*

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы ознаменовала собой начало Великого Эволюционного Перелома в развитии Биосферы в единстве с Человечеством, а именно переход Биосферы в своё новое состояние (как и прогнозировал В. И. Вернадский), или качество, – в Ноосферу.

Ноосфера – это не «сфера разума», как многие её трактуют, следуя воззрениям Леруа и П. Тейяра де Шардена, и, как следовало бы её толковать из этимологии этого слова («ноо», «нус» – разум, «ноосфера» – «сфера разума»), а новое качество Биосферы, в котором коллективный Разум человечества начинает управлять социоприродной (или Социо-Биосферной) эволюцией, соблюдая ограничения, диктуемые законами гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля (как суперорганизмов).

Ноосферная парадигма Истории, которая идёт на смену Стихийной парадигме Истории, есть «подлинная» (по Марксу), т. е. Управляемая История, но Управляемая история, выходящая за пределы своей социальной автономности, т. е. за пределы себя как Социальной эволюции, становящаяся Управляемой социоприродной эволюцией.

«Стихийная история» одновременно, таким образом, предстаёт как «беременность» Биосферы «человеческим разумом», который должен стать «Разумом Биосферы», превращая её в «Ноосферу». Это означает, что Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Эпоха Родов Действительного Разума Человечества, как Разума Ноосферного, как Разума, Управляющего социоприродной эволюцией, когда человеческий разум из состояния «Разум-для-Себя» переходит в состояние «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса».

И обеспечить эти «Роды» может только Социализм, но «Социализм XXI века» как «Социализм» нового качества – Ноосферный Экологический Духовный Социализм.

На этом историческом фоне «умозамещение» в концепции А. А. Яшина есть один из аспектов происходящих процессов капиталогенной и рыночногенной глобальной антропологической катастрофы.

Императив выживаемости человечества в XXI веке как своеобразный императив, включающий в себя «Роды Действительного Разума» (или Действительный Разум появится из «куколки» «предысторического» разума человечества, или человечества не будет на Земле, «Анти-разум» мировой капиталократии уведёт его с собой в небытие через глобальную экологическую катастрофу), таким образом, несёт в себе посыл преодоления процесса рыночно-капиталистической деградации человека и его разума (интеллекта), в ряде своих работ я назвал его «деинтеллектуализацией», и соответственно, как его момента, процесса «умозамещения».

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина «Задушевные беседы об умозамещении» состоит из 10 новелл, представляющих собой беседы в «тёплой», домашней обстановке, которые ведут регулярно два друга, советских человека, в прошлом два инженера, успешно работавших на предприятиях оборонной промышленности, в частности – ракетостроения, а теперь в рыночной, «демо-

кратической» России, уже в солидном возрасте, нашедших себе место для приложения накопленных знаний и опыта в Тулуповском университете. Один из них, Николай Андреянович, – доцент кафедры ракетостроения военно-технического факультета, продолжающий «передавать свой немалый опыт юному поколению оружейников», а другой – Игорь Васильевич Скородумов, профессор, дважды доктор наук (и технических, и биологических), издающий свой теоретический журнал и работающий «на новомодном факультете с естественно-биологическим уклоном». Друзья они давнишние, ещё со времён работы в научно-производственном объединении «Меткость» (НПО «Меткость»), которое «уже третьим по счёту американским президентом» объявлено «личным врагом Штатов», наподобие тому, как «личными врагами бесноватого фюрера» были объявлены «подводник Маринеско, диктор Левитан и киноактёр Крючков».

«Задушевные беседы» проходят, куда друзья каждый раз направляются, в гостеприимном пригородном доме Прокофьевича, дальнего родственника профессора Скородумова, из военных моряков, служившего в молодости на крейсере «Киров» Северного флота. В круг «героев» новелл романа ещё входят супруга Прокофьевича Тихоновна и «матёрый кот Мичман – хранитель очага этого дома, пронизанного душевной теплотой».

Но главным «героем» романа является «умозамещение» как категория и как предмет постоянных (периодически происходящих) задушевных бесед Николая Андреяновича и профессора Скородумова, в голове которого впервые и появился этот термин.

«Умозамещение», как смысловой «фокус» рефлексии обоих героев в этих беседах, формирует особый философско-научный «пласт» романа, погрузившись в который потенциальный читатель задумывается над судьбами мира, судьбой человека в этом мире, над понятиями ума, мышления, разума, интеллекта, интеллигенции и над тем, куда же «плывёт корабль» под именем «Россия».

«Точкой отсчёта» или, вернее, «базой определения сущности» феномена умозамещения для А. А. Яшина служит подъём интеллектуально-творческих сил, трудового энтузиазма советских людей в эпоху советского социализма, СССР, строивших новое, невиданное ещё в мире, социалистическое общество, где человек Труда приобрёл Будущее:

- строил новые города, новые электростанции и новые заводы, разводил сады,
- менял климат в засухоустойчивых регионах страны, посадив там лесные полосы (по 15-летнему сталинскому плану создания новых лесозащитных полос в СССР),
- создавал новые научно-технические отрасли – авиастроение, космонавтику, атомную энергетику и др.,
- первым запустил вокруг Земли «спутник» в 1957 году, а потом первым послал человека в Космос в лице Юрия Алексеевича Гагарина в 1961 году,
- ощутил себя Творцом нового мира, в котором братство людей, познание тайны мира, созидание, радость трудовых людей становилось былью («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»).

СССР развивался во «вражеском» капиталистическом окружении, потому что Мировая капиталократия в самом его появлении и его развитии, в «чуде» сталинских пятилеток, с помощью которых отсталая Россия превратилась в мощную социалистическую державу, занявшую по развитию промышленности и производимому национальному валовому продукту 2-е место в мире уже к началу Великой Отечественной войны, видела угрозу для своего существования, своего Будущего, – развивался на собственной основе («СССР оставался автаркией, всё и вся производил сам», – замечает А. А. Яшин).

«Жить своим умом» – этот принцип лежит в основе исторического развития любого народа, самодостаточного в своём коллективном интеллекте. Он материализован в ценностном геноме любой национальной культуры, отражая особенности взаимодействия хозяйствующего человека на Земле с «кормящим ландшафтом», что и лежит в исторической логике этногенеза по Л. Н. Гумилёву.

Социализм в СССР, раскрепощая человека Труда, открыв ему дорогу к книге и образованию, раскрепостил одновременно ум советского человека, поднял его на такую высоту, которая отразилась в невиданном прогрессе в развитии науки, культуры, искусства, литературы, техники и технологий.

Ум, замечает профессор Скородумов, в одной из бесед с Андреяновичем, посвящённой феномену «подхалимажа» как «пьедестала чиновника», есть «категория самодостаточности

мышления». И этой самодостаточностью мышления обладал советский человек, потому что она формировалась его Ответственностью за Будущее своего Отечества и мира, ответственностью за качество своего труда и за «качество века» (понятие Н. К. Рериха), в котором он жил, трудился и творил, строя коммунизм.

«Умозамещение», или «зануление ума» (в определении А. А. Яшина) – феномен многогранный: в нём как в «фокусе» «пересекается» много линий деинтеллектуализации и одновременно «деинтеллектуализации» общества как выражения рыночно-капиталистической (по источникам) Глобальной Антропологической Катастрофы и как её отражения – первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

И если в СССР, в советском обществе, в советском человеке этот феномен практически отсутствовал, разве что за исключением тех «шестидесятников», которые, взяв за «идеал» американский, западноевропейский стиль жизни, возненавидели всё советское, назвав советского человека «хомо советикус» или «совком», принялись за «замещение» собственного ума «западным», «рыночным», то в России «ельциновской», «демократической», «рыночной» он расцвёл пышным цветом.

- 6 -

«Западничество» как таковое, и тем более «обезьянничество» с западной ориентацией («...славны бубны за горами!»), а вернее, колонизация «Западом» отечественных «умов», имеет в России определённые традиции и всегда находило в русской философии, в русской литературе и русской поэзии достойный отпор: достаточно вспомнить борьбу за русскость науки и за самобытность истории русского народа М. В. Ломоносова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, письма А. С. Пушкина Чаадаеву, «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, сатирические произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Записки из подполья», «Беседы», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, философские произведения Н. Ф. Фёдорова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. В. Кожина, А. С. Панарина, И. Р. Шафаревича, С. Г. Кара-Мурзы, А. А. Зиновьева и др. Классическим примером «умозамещения», как оно описано в русской литературе, является образ «Смердякова», мечтавшего превратиться из «противного русского» в идеального француза, и на его основе – понятие «смердяковщина».

«Смердяковщина» и есть колонизация сознания русского человека, замещение всего русского, включая и социокультурную, историческую память русского народа, всем нерусским, как правило – или французским, или английским, или немецким, а в современную эпоху – американским (выражаясь «языком» А. А. Зиновьева – «западоидным»).

Пример «официозной» «смердяковщины» в России начала XXI века – это слепое подражание («обезьянничанье») «Болонскому процессу» в Западной Европе. Этот «Болонский процесс» по-русски де-факто, через рыночные реформы применительно к образованию, доставшемуся «смердяковым» (от образования) от СССР, направленные на его переделку под «бакалавро-магистерские стандарты» англо-американской системы, привёл к разрушению традиций русской – и затем советской – системы образования, к уничтожению математической, естественно-научной, русско-литературной педагогических школ в образовании, имевших мировой приоритет, к разрушению фундаментальной подготовки отечественного инженерного корпуса, отраслевого педагогического образования, не имеющего аналогов в мире.

Да и как может быть иначе, если процесс умозамещения начался с «голов» некоторых руководителей коммунистической партии и Советского Союза (аналогично тому, как происходило замещение «головы» на «голову, болвана», а вернее – «голову-болванку», которая владела простым языком¹ наподобие «Элочки-людоедки» из знаменитого произведения Ильфа и Петрова, т. е. «головозамещение» (кстати, тут стоит вспомнить знаменитое горбачёвское «процесс пошёл») в известном повествовании Салтыкова-Щедрина, с М. С. Горбачёва, с Б. Н. Ельцина, с Шеварнадзе, с Кравчука, с А. Н. Яковлева и др. вдруг, под влиянием агентов влияния, возненавидевших коммунистический

¹ В «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, посвященной истории Глупова, в рассказе о градоначальнике описывался случай, когда у этого городничего вместо головы был «органчик», который воспроизводил только две «пьесы»: «разорю» и «не потерплю».

идеал и всё советское (по их же собственному признанию) и затеявших расчленение СССР и переделку советской цивилизации и советского народа под эталон «западной колонии».

«Умозамещение» в руководстве КПСС и СССР началось уже тогда, когда решили отказаться в пользу рынка от революционной новации, которую внесла история советского социализма – СССР, – планирования социального экономического развития на базе Госплана, сталинских пятилеток, создавших, как убедительно показано В. Ю. Катасоновым в работе «Экономика Сталина» (2014), советское, сталинское «чудо» – стремительный рост экономического могущества советского государства.

Здесь уместно вспомнить оценку этой революционной, всемирно-исторического значения, инновации, которая в XXI веке становится важнейшим основанием ожидаемого Ноосферного Прорыва из России к Управляемой истории, в виде управляемой социоприродной эволюции, которую дал знаменитый французский писатель и одновременно коммунист Анри Барбюс в начале 30-х годов XX века в книге «Сталин»:

«Гигантская система «планирования», охватывающая своей сетью целые страны и большие периоды, есть порождение советской власти. Но эта идея распространилась по всему миру. Если конкретное своё осуществление она получила в СССР, то в других местах она существовала абстрактно, на словах. Советский Союз никогда не имел возможности заимствовать что-либо у других стран. Но другие страны сделали у него немало заимствований, в том числе это. Они даже извлекли из идеи планирования понятие управляемой экономики, прикрываемое кое-какими претензиями интернационального порядка... Да, да, управляемая экономика. Для человечества нет другого выхода из положения. Это действительно универсальное средство... Управляемая экономика подобна миру между государствами: если её начать резать на части, то она существовать не может... Само собой, очевидно, что именно в материалистических планах всего более разума. А если мы учтём рациональность всех форм социализма, непосредственность и простоту его связей со всем многообразием действительности, то точнейшее выполнение заданий плана окажется вполне естественным, как бы круты ни были намеченные кривые. Это было бы чудом, если бы это не было социализмом, – говорил Сталин» (выдел. мною. – С. А.).

«Рыночные реформы» в России, в соединении их с западничеством, по своей внутренней сути, поскольку они, как и в целом рыночно-капиталистическая контрреволюция, как стратегия глобального империализма мировой финансовой капиталократии, изначально несли с собой «умозамещение» и колонизацию экономики России, т. е. превращение её в экономическую колонию, в первую очередь США и в первую очередь по линии захвата «командных высот» в системе финансовой власти (банковского капитала) и в системе приватизации по схеме Сакса-Чубайса, а также «вестернизации» образования и науки, т. е. на простом языке – превращения их «в видимость» или «в кажимость» образования и науки. Деиндустриализация и деинтеллектуализация России, выражаясь языком одного из «героев» книги А. А. Яшина – «деинтеллигентизация», – сопутствующие этому процессы. Их можно назвать колонизацией общественного интеллекта России, интеллекта политической («либеральной») элиты, одним из «измерений» которой и выступает «умозамещение».

- 7 -

«Умозамещение» в России, как в «Цивилизации рынка» (по Жаку Аттали), со времени отказа от плановой советской экономики и нанесения 10 «ельциновских ударов» по уничтожению самостоятельности России и русского народа (см.: А. И. Субетто. Эпоха Б. Н. Ельцина: десять ударов по уничтожению самостоятельности России и русского народа), с отказом «России демократической», в отличие от СССР, от установок в развитии на собственный интеллект, науку, образование, собственные природные ресурсы, а также на технологический и экономический суверенитет, приобрело всеохватный масштаб. И это хорошо показано в «задушевных беседах» двух друзей, профессора и доцента, оставшихся верными своему советскому прошлому, которое продолжает «питать» их человеческое достоинство и самостоятельность их научно-философского и критичного мышления, в книге А. А. Яшина.

Одним из механизмов «умозамещения», как показано в романе-новеллино, стали:

- *исчезновение с интеллектуального пространства России массового чтения (чем славился СССР, который даже называли цивилизацией массового чтения, или «читающей цивилизацией»), массового издательства доступной, хорошего качества научной и художественной литературы,*
- *замена чтения бумажной книги «интернетовским», «компьютерным» чтением, в котором исчезает культура познания глубоких смыслов человеческого бытия,*
- *фактическое уничтожение сети библиотек и массового посещения библиотек, чем опять славилась советская цивилизация.*

За этим возникает метафора «невидимого вселенского костра», в «пламени» которого сгорают книги знаменитых писателей и учёных, во всех странах мира, как в своё время сжигалась запрещённая литература на разожжённых на улицах городов гитлеровской Германии кострах в 30-х годах XX века и когда процесс «умозамещения» ради создания гитлеровско-фашистского «суперчеловека» носил тотальное содержание.

В романе, в беседе с Порфирием Дормидонтовичем редактор журнала «Срединная Россия», он же – Игорь:

«Я человек, абсолютно далёкий от интернетовского, вообще компьютерного чтения... Прозрение пришло к окончанию деятельного периода десятилетнего издания “Срединной России” в бумажной и электронной формах. Сопоставляя характерные моменты в активной переписке с авторами и читателями журнала, невольно сделал для себя вывод: практически нет отзывов на публикации от авторов и читателей, не державших “бумажный” журнал в руках, это нам легко отследить. Для подкрепления такого неожиданного вывода – на фоне оголтелой рекламы СМИ интернета как всеобщего просветителя – побеседовал (с наводящими вопросами) по “программе-выборке”, всё же закончил наш прежний политех по кафедре ЭВМ, с этими самыми продвинутыми пользователями. И выяснил, что из собственно художественной литературы изредка читаются только пасквильные стишата... Конечно, всё это несколько преувеличено, но неоспоримо, что *интернет (преимущественно) в части художественной литературы используется не как средство познавательно-эстетического погружения в мир творчества, но, в лучшем случае, как эквивалент “перелистывания журнальчика”* (это из телерекламы “Дэну позвонить или журнальчик полистать?”)».

При этом, как показывает А. А. Яшин, происходит замена «слова» «цифрой». И соответственно, происходит замена «языка, выстроенного на словах», т. е. вербального языка, с появлением которого в антропогенезе и произошёл скачок в развитии разума человека (поскольку вместе с появлением Труда и создания с помощью Труда простейших орудий производства в стаде протогоминид «сигнального языка» птиц и животных стало не хватать, возник информационный кризис, выход из которого сопровождался появлением вербального языка), – «языком цифр». И этот «язык» стал вытеснять не только «язык слов», но вместе с этим «языком» – и регулярное чтение книг, тем самым запуская инволюцию человеческого интеллекта, его деградацию.

- 8 -

На «рынке человек-товаров», где покупается «человеческий капитал» и действует закон фальсификации качества (если можно получить прибыль, да ещё при норме прибыли более 100 %, вспомним высказывание К. Маркса, что, если прибыль достигает 300 %, капиталист готов идти на любые преступления), «умозамещение» становится формой фальсификации знаний, профессионализма, компетенций через купленные на «рынке» «сертификаты ума», например, купленные за определенные денежные суммы дипломы бакалавров, магистров, кандидатов наук, докторов наук и т. д.

Как это происходит, хорошо рассказывается в четвёртой новелле романа «На цыганском факультете». В ней повествуется история одной энергичной дамы, которая *«расширяя и расширяя свой торговый рынок в России и Азии, в то же время неустанно повышала и своё научно-образовательное реноме, хорошо понимая: чем выше это реноме, не в голове, конечно, но на визитке и в официальных анкетах, тем с большим успехом проворачиваются торгово-аптечные дела с солидными, особенно государственными, партнёрами.* К тому же крепким женским, что даётся от рождения и младенческо-детского воспитания, умом понимала какие дни стоят на дворе, улавливая все экономические, политические и иные веяния» (выдел. мною. – С. А.).

Интересным механизмом «умозамещения» в среде «интеллектуалов», особенно «интеллектуалов» в СМИ, является «тусовка».

Андреяныч в 9-й «задушевной беседе» с Васильевичем, т. е. профессором Скородумовым, по поводу глобальной сущности «умозамещение», замечает:

«– Знаешь, Васильич, *если главный движитель, опять же выражаясь языком ракетчика, всеобщего умозамещения суть правящий тайно и явно всемирный “клуб глобализаторов”, то приказчиками его, то есть сугубыми исполнителями являются в явной, открытой для всех иностасии средства массовой информации.* Ни для кого не является загадкой; почему они, вроде как принадлежащие к различным государственным образованиям и их блокам, конфессиям, традиционным этическим нормам и пр., дуют в одну дуду. Даже не особенно обременяя себя маскировкой национальным колоритом, степенью тоталитарного или демократического устройства, опять же “прочая”... *СМИ давно уже стали транснациональными субъектами глобализации, а значит и умозамещения*» (выдел. мною. – С. А.).

И одной из технологий умозамещения в СМИ становится «тусовка», ну, например, это я уже добавляю от себя, – передача «Поле чудес» на телевидении российском. «Другой пример, – говорит Андреяныч профессору, – тусовка, запаренная СМИ, случившаяся в Москве в прошлом году. Помнишь, конечно, эту шумиху с выставкой картин Серова, когда число её посетителей перевалило за всякую мыслимую величину? Как же тему эту муссировало телевидение! Прямо-таки помешательство случилось: люди, в основном экзальтированные в части общедоступного досуга москвички и пригородные, ночами в музейной очереди стояли... Ну, и молодёжи ведь толпы?! Самое же интересное, или уморительное – понимай, как хочешь, я это в какой-то газетке прочитал: некий репортёр приставал к жаждущим вернисажа: на какого они Серова “стоят” – Валентина Александровича, автора “Девочки с персиками” и карикатур на царя “Солдатушки, бравы ребятушки”, или на сталинского лауреата, вице-президента советской художественной академии, создателя историко-революционных картин навроде “Зимний взят” и “Ходоки у В. И. Ленина” – Владимира Александровича Серова (настоящая фамилия у него другая...)?» И далее следовали ответы стоящих в очереди, в которых звучали, во-первых, изумление, что «Серовых целых два», во-вторых, полное незнание искусства ни того ни другого.

Андреянович задаёт себе вопрос: с какой целью была спланирована СМИ тусовка? И далее отвечает, ведь «вариантов использования принципа тусовки великое множество. Последний органически переплетён с обезьянничеством, двигателем торговли и впаривания обывателю совершенно ненужных вещей». И здесь, даже в мире искусства, рынок всё опошляет и фальсифицирует, и здесь Капитал-Сатана поёт свою «песню», замещая «умы людей» на «болванку»: «Сатана там правит бал, и люди, и искусство гибнут за металл!»

- 9 -

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина продолжает сложившиеся традиции сатирического смеха над теми или иными патологиями российского общества, выходками «процветающих мерзавцев» (понятие М. Е. Салтыкова-Щедрина) в России, наподобие олигархических пьянок в Куршевеле с девочками лёгкого поведения, в классической русской литературе – литературе Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого, Горького, Маяковского, Зощенко, Твардовского, Шолохова, Леонова.

«Умозамещение» – это колонизация сознания и интеллекта людей в современной «рыночно-капиталистической» России, как экономической колонии, феномен власти Капитала над Трудом, как манипуляционной власти, требующей, чтобы подчинённый ей «народ» был «умозамещённым», с «манипулируемым» сознанием (феномену манипуляции сознанием С. Г. Кара-Мурза посвятил капитальную научную монографию). Одновременно «умозамещение», как и проанализированный мною ещё в 90-х годах феномен «социальной вирусологии», является инструментом войны глобального империализма – информационной, экономической, технологической, духовной, ценностной – против России, вплоть до полного её уничтожения как геополитического противника.

Природа, Космос на «старте» XXI века взыскует к Человеческому разуму, потому что начинается Ноосферный Этап эволюции Мира, в котором мы живём, в том числе Ноосферный Этап в Эволюции Биосферы и в Истории Человечества. Этот переход в «Эпоху Ноосферы» (понятия Н. Н. Моисеева) и есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома.

Закончилась «предыстория» Человеческого Разума, и наступили его «Роды» – «Роды» Действительного Ноосферного Разума, которые могут состояться только в единстве с «Родами» Действительного – Ноосферно-Социалистического Человечества.

А это означает, что за «Родами», как за метафорой, скрывается Ноосферная Социалистическая Революция XXI века – Прорыв Человечества к новому качеству своего бытия в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

«Роды Действительного, Ноосферного Разума» – это одновременно и успешная реализация императива экологического выживания человечества – выхода из Экологического Туника Истории в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Русская философия, русская литература, Русский Космизм как особое течение русской мысли, направленной на мировидение и мироосвоение, Русский Ноосферизм, рождённый Русским Космизмом, всегда были направлены к Всечеловечности (по Ф. М. Достоевскому), к раскрытию Космического предназначения Человеческого Разума (об этом писали Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Фёдоров, С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, И. А. Ефремов и др.), к возвышению Творчества человеческого ума.

Роман А. А. Яшина продолжает эту лучшую традицию Русской мысли. Этот роман «укладывается» в его исследовательский «поток», связанный с разработкой «феноменологии ноосферы», которой он посвятил уже более десятка томов научных монографий.

«Умозамещение» – это один из признаков экологической катастрофы рыночно-капиталистической системы как таковой, своеобразная «теневая сторона» капиталократии, которая уже превратилась в «утопию» человечества, которая продолжает жить, как «раковая опухоль» на «теле» человечества, с помощью империализма, колониализма, расчеловечивания человека, тотальной деинтеллектуализации капиталистического общества.

Моё убеждение: Россия первой открыла для человечества историческую «дорогу» в социализм, Россия (в лице СССР) первой открыла для человечества историческую дорогу в Космос, и всё это она сделала за прошедшее 100-летие Великой Русской (Октябрьской) Социалистической Революции, – России суждено в XXI веке возглавить Ноосферный Прорыв человечества. Открыть историческую «дорогу» в Ноосферный Экологический Духовный Социализм!

И так будет!

А «умозамещение» как «мираж» развеется, исчезнет с исторического экрана человеческого бытия вместе с освобождением человечества от «объятий» мировой финансовой капиталократии, или «мирового капитализма» (по Дж. Соросу), уже превратившегося в «экологического самоубийцу», – от «объятий» капиталократического Анти-Разума (каким бы могущественным он не казался некоторым умам).

Правда Истории за Социализмом, но в новом качестве – Ноосферном.

Берега любомудрия

Эдуард Демиденко

Эдуард Семёнович Демиденко – доктор философских наук, профессор Брянского государственного технического университета, demidenkoes@mail.ru. Окончил в 1959 году Брянский институт транспортного машиностроения (сейчас – БГТУ) по специальности «Машины и технология литейного производства», в 1971 году – Высшую партийную школу при ЦК КПСС, г. Москва, в 1977 году – аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, г. Москва. Степень кандидата философских наук присвоена в 1977 году (диссертация по социологии урбанизации), степень доктора философских наук присвоена в 1993 году (диссертация «Урбанизация: концепция и политика городского развития»). Преподаваемые дисциплины: «Философские проблемы естествознания», «Философия».

Им разработаны новые теории: философия и наука социально-техногенного развития мира, переход биосферно-биологической эволюции жизни к социотехнобиосферной (сейчас) и далее к социотехнобиологической, или постбиосферной. Всего опубликовано более 330 научных и научно-методических работ, в том числе 10 собственных монографий и книг и 30 в соавторстве; среди них: Демографические проблемы и перспективы больших городов. – М.: Статистика, 1980. 231 с.; Ноосферное восхождение земной жизни. – М.: МАОР, 2003. 247 с.; Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. – М.; Брянск: ВИЭ, 2006; Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачёва, Н. В. Попкова. – М.; БГТУ: ВИЭ, 2011. 388 с.; От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: Научный доклад / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачёва. – М.: РАН, 2017. 28 с.

Эдуард Семёнович реализует мультимедийный проект Всемирной Информ-Энциклопедии, начиная из Калининградской области – www.kaliningrad.wie.su, с публикацией достижений творческих людей.

Смертельная смена эволюции жизни на Земле и основные пути её предотвращения

В мировой науке утвердились идеи глобализации природных и социальных явлений в ходе развития на поверхности Земли биосферы и жизни человечества. Авторской научно-философской школой при Брянском государственном техническом ун-те идёт формирование философии и науки социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни. В качестве методологии этих исследований принимаются обоснованные В. И. Вернадским выводы о саморазвитии биосферы и переходе её в ноосферу под воздействием науки как коллективного разума нового человечества и его производительных сил. Но капитализм определил варварское угнетение народов и разрушение биоприроды. Осмысление деградации биосферы и почвенного покрова, патологий человека и живых организмов в городской техносфере привели к разработке мультидисциплинарного и социоприродного аналитических подходов к изучению этих явлений и решению глобальных проблем. Исследования мира, его явлений не могут обойтись без философии, играющей организующую роль в изучении сотнями наук и дисциплин многообразии развития Земли и её биосферы на протяжении 4 млрд лет.

Оснащённое наукой и техникой человечество, по Вернадскому, стало сравнимо с геологическими силами. «Научная мысль могущественным образом меняет природу... – писал он в «Трудах по всеобщей истории науки». – Созданная в течение всего геологического времени, установившаяся

в своих равновесиях биосфера начинает всё сильнее и глубже меняться под давлением научной мысли человечества...» Отмечая малый вес человечества («ничтожную массу вещества планеты»), он пишет: «Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом. В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймёт это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление». Будущее он связывал с формированием ассоциированного человечества, переводящим биосферу в ноосферу. И действительно, мир с промышленной революцией и индустриализацией получил в XVIII–XX вв. гигантские научно-технические производительные силы, способные перевести биосферу на высокий уровень окультуривания. В аграрном обществе в начале XIX в. на долю людей приходилось порядка 30 % совокупного труда, животных – 68 %, технической энергетики – 2 %. За два века индустриально-городского развития доля машинно-технической энергетики поднялась до 98–99 % . Это позволило к концу XX в. увеличить существенно богатства человечества. Как отмечал Р. Фаззораль, благами цивилизации, как дом или квартира, медицинское обслуживание, транспорт, связь, образование, регулярный отдых и социальное обеспечение, вместе взятыми, пользовались 40 % земель, а в начале XX в. всего лишь 1 % . Сейчас же этим пользуется большинство людей мира.

Эволюция жизни на Земле проходит свои особые эры. Мы же живём в последней эре – кайнозой, начавшегося 65–70 млн лет назад, в котором и сформировались *homo sapiens* и его общественная жизнь. Антропологи отмечают наличие на планете обладающих разумом двух типов людей – неандертальцев и кроманьонцев, которые существовали в облике животного образа жизни: первые появились около 0,5 млн лет, вторые – 0,2 млн лет назад. Более жизнеспособные кроманьонцы, частично ассимилируясь с неандертальцами, составили нынешнее человечество, занимавшееся долго охотой и собирательством плодов диких растений.

Если мы обратимся к сущности земной биосферы, то она саморазвивалась и её можно охарактеризовать в качестве *естественной модели* до появления новой модели жизни – разумной. Если учесть, что она по космическим меркам недавно зарождается, а окраинные условия галактики позволяют ещё существовать жизни и человеку на Земле несколько миллиардов лет, то переход жизни под контроль общества не является случайным. Автор статьи именуется существующую и *саморазвивающуюся* биосферу *естественной*, по-иному, *биосферно-биологической формой* (или моделью). Она и стала преобразовываться в иную и отмеченную уже А. П. Павловым и В. И. Вернадским в образе *антропогенной эры биосферы*, так как человечество стало преобразовывать её уже на основе применения развивающегося разума, создавая *элементы социально-биосферных форм* коллективной жизни первобытных племён в природе, просуществовавшие 0,5 млн лет. Сыграли существенную роль не только производство орудий труда, возведение жилищ, но и формы материального и духовного творчества.

С сокращением крупных животных как итога постоянной охоты пришлось искать новую нишу для жизни. И она была найдена 10–12 тыс. лет назад с созданием на суше Земли производящего хозяйства, экономики развития земледелия с одомашниванием ряда животных и окультуриванием растений. Это и привело к улучшению жизни людей и к начавшейся деградации почв как одной из основ земной биосферы. Новый общественный организм «привязался» к земельным участкам и оседлому образу жизни на длительное время – на тысячелетия, перестраивая биосферные участки суши в нечто новое (ноосферное) при окультуривании растений и одомашнивании животных аграриями. Животные составили дополнение человеку как основной производительной силе, разум человека привёл в действие мускульную силу животных с техно-орудиями земледельческого труда, удовлетворяя личные и общественные потребности. Новая модель жизни получает своё усложнение, что позволяет нам рассматривать её как *социотехнобиосферную*, в которой не только на территории аграрного хозяйства развивается техносфера более высокими темпами, но и создаются новые биосферные трансформированные живые организмы со свойствами, удовлетворяющими потребности и граждан, и общества.

О росте всей мощи техносферы (искусственного: строений, энергетики, машин, техники, технологий и т. п.) говорят расчёты автора: если за 7 тыс. лет (до 1800 г.) городское население возросло до 45–50 млн человек (5 % от земель), то сейчас горожан стало около 4 млрд (в 85 раз больше, 52 % от земель). Без роста искусственной инфраструктуры городов не может быть и полноценной жизни горожанина. Уже по массе искусственное стало сопоставимо с живой природой. Если К. Маркс остро

ставил вопрос о формировании общества социального равенства и справедливости, то западными теоретиками Р. Ароном и Д. Беллом прогресс в развитии общественных систем оценивался уже научно-технологическими изменениями. Оба будущее видят в постаграрных общественных системах – индустриальной и постиндустриальной (информационной). Постиндустриальное буржуазное общество, опирающееся на сферу услуг, преподносится Д. Беллом как вершина общественного развития. Воспринимается и людьми как буржуазное общество «всеобщего благоденствия», хотя его «природное благоденствие» рушится на наших глазах, не вызывая озабоченности и теоретиков, и рядовых граждан.

Автор статьи на основе мультидисциплинарного и социоприродного подходов уже детально рассматривает *две системы общественного развития – биосферного и постбиосферного*, техногенного типа, по сути, сверхиндустриального, впервые именуя эту систему «*техногенным обществом*» в «Глобалистике: Энциклопедии, 2003».

Характерная черта его – ускоряющееся развитие с формированием *техносферы* как *искусственного материального мира – основы будущей общественной и природной жизни*. Современное общество вступает в новое состояние: с *развитием на основе НТР и техногенным состоянием, с последствиями* воздействия искусственного на социум, природу и человека с их трансформациями. *Техносфера при капитализме* получает *тенденцию к бесконечному во времени возрастанию для получения сверхдоходов* и тем самым *к бесконечному замещению биосферы*, о чём говорит рост миллионных городов и крупного капитала при разрушении почвенного покрова как основы биосферы.

Важным достоянием биосферы являются *живое вещество, почвенный покров* с живым и био-генным веществом, микроорганизмами, микроэлементами и минералами, с плотными *биогеообменными процессами* в почвах. За последние 10 тыс. лет на Земле уничтожено $\frac{2}{3}$ лесов. В 1970–2010 годах в мире в два раза сократилось количество популяций живых организмов, на 30 % – живое вещество. Гибнут и почвы. За 10 тыс. лет агроразвития (до 1700 г.) было расходувано на питание и др. потребности 1,3 млрд га почвенных земель, а за 300 лет индустриального (1700–2000) – ещё 0,7 млрд га. По расчётам автора, эксплуатируемых 1,5 млрд га почв хватит на столетие, а 1 млрд га слабых почвенных земель – на 40 лет. Биогеохимические обменные процессы превращаются в социально-техногенные. *И весь этот процесс уничтожения биосферы превращается в «технологию» очищения поверхности литосферы от биогенных химических элементов и микроэлементов, вытягивавшихся зелёным покровом из тверди суши 0,5 млрд лет*, с выходом жизни из гидросферы на литосферу. *Завершающим этапом становится омертвление поверхности суши*, когда уйдут запасы гумуса и полезных веществ. По расчетам В. А. Ковды, в 20-е годы XX в. ежегодно сбрасывалось в моря, океаны и распадки 3 млрд т гумуса, в 70-е – 24 млрд. Рост показывает: сейчас сбрасывается до 30 млрд т, его осталось на столетие.

Что же происходит с жизнью на Земле? Исследования и расчёты показывают: она переходит в городскую техносферу. Вначале в ней поселялись люди, за ними – животные, а сейчас – и окультуренные растения. Последние сначала выращивались на полях с применением минеральных удобрений, химических веществ для защиты от вредителей, а в городах – в облике биотехнологических производств. В 1860 г. в техносфере жило 5 % наземных животных по своей массе, включая и людей, в 1940 г. – 10 %, в 1980 г. – 20 %, сейчас – свыше 40 %. В XXI в. треть агросуши представлена окультуренными видами растительности. «Это означает, – делает заключение М. И. Потеев, – что вся масса насекомых и бактерий “замкнётся” на человеческой популяции и домашних животных, возникнет исключительно сложная проблема сохранения здоровья населения Земли». Она и возникла. В теле горожанина насчитывают тысячи искусственных и вредных веществ. В пупочной крови новорождённых обнаружено в уловимых концентрациях 287 чужеродных химических веществ из 471 предполагаемого индустриального загрязнителя, среди них – ртуть, пестициды, диоксины, фураны и др. Всего за 18 лет III тысячелетия в РФ в 3 раза возросли болезни онкологией, в 2,5 раза – сахарным диабетом. Как отмечает член-кор. Ю. Г. Аляев, в 2002–2018 гг. в России стало на 60,5 % больше пациентов с заболеванием мочеполовой системы. А случаи мужского полового бессилия выросли на 57 %. В США осталось 5 % биосферных лесов и аграрных почв, в 3 раза сократилось полезных веществ в почвах в XX в. От трансформаций страдают и рядовые граждане, их дети: до $\frac{4}{5}$ с избыточным весом, 38,2 % – с ожирением.

Какую модель приобретает наша жизнь? Индустриальное развитие *расширило социотехнобиосферную модель жизни* на территории биосферы; и с уничтожением биосферной жизни на суше стало активно завершаться формирование и утверждение *постбиосферной формы жизни*, или *социотехнобиологической*, создавая на Земле *вне биосферы биологическое вещество и внебиосферную жизнь*. Приведённые мной расчёты показывают: *при бездействии учёных, ООН, руководителей государств в середине XXI в. начнётся экоболезненный мор земель, а оставшиеся в живых в XXII в. поселятся в городах с воспроизведением жизни и питанием на биотехнологической основе*. Факты говорят о том, что мировая общественность и наука свои знания и силы должны направить на сохранение биосферы. РАН могла бы войти с предложениями в Правительство и далее в ООН для проработки этой проблемы мировой безопасности. С 2012 г. РАН признаёт ценность исследований авторской школы в Брянске, но назревшие вопросы сохранения биосферы в мире и России пока не решает... Какие пути предотвращения гибели биосферной жизни выходят сейчас на первый план? Главный вопрос: кто убивает жизнь на Земле? Капитализм. По своей сущности бесконечного наращивания богатств за счёт биосферных ресурсов и концентрации богатств в руках немногих, а также эксплуатации населения. Так, в России в 2019 г. сверхдоходы размером в 1,7 трлн руб. получило пять богатейших семей, тогда как все остальные граждане России (146 млн человек) – всего 1,14 трлн руб. Но мыслимо ли сейчас весь мир превратить в социализм? Буржуазная власть этого не даст. Но можно убедить ООН и государства пойти на создание *единого управления Живой Землёй*, так как буржуа с семьями могут оказаться на том свете в XXII в. А правительствам взять на себя управление юридическими организациями вне зависимости от размера капитала с жёстким «китайским опытом» борьбы против всех коррупционеров. Далее: разработать программу заинтересованного перехода от буржуазного общества к социалистическому с многократным использованием ресурсов природы, с ограничением богатств.

Так как гибнет биосфера, то:

1) все силы должны быть направлены на её спасение: прекращение уничтожения живой природы, почвенного покрова с его восстановлением за счёт посева многолетних трав и культур, экономия биосферного биологического вещества на всех этапах его потребления, многократное его использование на производстве и в быту, разработка многолетних культур, поощрение личного подсобного хозяйства с рачительным его ведением и др.;

2) рациональное использование земель при строительстве техносферы, городов и промышленных комплексов, высококачественное создание техносферных объектов, искусственных предметов – без ущерба для человека и живых организмов, многофункциональность использования техники и технологий;

3) создание мировой, государственной и региональной наук на базе высших учебных заведений, аналитически работающих на сохранение региональных биологических ресурсов, на воспитание специалистов нового направления и экологически мыслящих людей;

4) создание экономики формирования полноценного биологического вещества в условиях его гибели и широкомасштабной переработки биоотходов;

5) рационализация всех видов социально-экономической, культурной, политической и иной деятельности по требованиям сохранности биосферной жизни и т. п.

Эти краткие выводы не дают представления о той огромной перестройке и объёме работ, которые придётся провести, не ограничиваясь только экологическими мерами, определёнными пока ООН и государствами. И это не может быть выполнено без разоружения, активного участия всех международных организаций и управляемой ООН мировой экономики, государств и общественности, каждого из нас, если мы собираемся сохранить гуманную и благоухающую биосферную жизнь на нашей Земле.

Берега Крыма

Александр Дидуленко

Краевед, автор многочисленных статей по истории Крыма. Активно занимается экскурсионно-преподавательской деятельностью на морских и сухопутных тропах в Юго-Восточном Крыму. В 2005 году окончил курсы экскурсоводов на кафедре Краеведения при географическом факультете Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (с 2014 года КФУ РФ, Симферополь).

С 2007 года возглавлял ОО «Экологический Клуб “Кара-Даг”». В 2017 году был избран председателем ОО «Территориальное Общественное Самоуправление “Биостанция”» (http://biostan-karadag.blogspot.com/p/blog-page_21.html) в сфере деятельности Заповедника. С 2020 года в ОргКомитете Съезда НСР (<https://www.youtube.com/watch?v=ИyXwbpky77w>). Автор (и соавтор) ряда краеведческих изданий, публикаций, включая учебные видеофильмы по эколого-просветительской тематике в Республике Крым.

Крым сакральный. Она была кентавресса

Не погас ещё пламень от горящей крови Горгоны, как брызнул из тела луч, и второй плод Горгоны, титан Лук Золотой, вышел вслед за Пегасом и унёсся за океан, на Пурпурный Остров Заката.

Из мифов Древней Греции

Самое сильное впечатление Карадагский горный массив производит именно своим береговым склоном, если смотреть с маленького корабля, потому что большой не может подойти близко к скалам, а тем более не пройдёт в арку Золотых Ворот. Лучше всего такой осмотр (прогулку-экскурсию) начинать с коктебельских причалов. Где-то 10–12 минут необходимо для того, чтобы выйти из бухты Коктебеля, приближаясь к территориальным водам заповедника. Кара-Даг при этом медленно и величественно разворачивает свою панораму.

И вот, пройдя Ревущий Грот и не доходя до Маяков, наблюдатель видит стройную скалу, стремительно взлетающую на высоту 420 метров над уровнем моря и невольно притягивающую взор. Невозможно её не заметить, более того, хочется задержаться здесь и рассмотреть получше эту гордую скалу, которая, бывает, даже пугает путника. Вовсе не случайно татары называют её Дьявольским Когтем. Так говорят. Но мало кто знает, что существует другая традиция в отношении этой загадочной скалы, истоки которой теряются в глубине веков. Рядом Большой Маяк (а за ним сразу Малый Маяк) высотой 380 метров н.у.м. Название говорит само за себя, оно оправданно: ориентир для мореплавателей. Но этот так называемый Дьявольский Коготь значительно выше, ему быть маяком (!), но нет, название сформировано по-другому, причём очень и очень давно. Так вот, в давние времена, на самой заре возникновения нашей европейской цивилизации, когда не то что татар в Европе, а и самой Европы как союза государств ещё не было, у скалы этой уже было название – «Меч Христора, достигающий небес».

Много причудливых скал в крымских горах, и фантазия человека издревле неудержимо наделяет их самыми невероятными названиями. Есть и такие, которые уже невозможно сейчас объяснить. Кто их придумал? Когда? Для чего? Кара-Даг избилует как раз такими названиями (топонимами, по-научному). К примеру, откуда здесь взялась «Шапка Мономаха»? А кто назвал карадагские «Ворота» Золотыми? Когда и для чего? Ответить на эти вопросы мудрено. Скалы знамениты, их знают миллионы людей, тянутся в эти места отовсюду, и существует уже давно огромная литература, живописная традиция изображения этих настоящих чудес природы, не счесть кинофильмов,

легенд и т. д. и т. п. Но откуда пришли к нам эти названия, сейчас, то есть сегодня, уже никто не скажет. Ответить на эти вопросы необходимо: но как? Они потеряны где-то в глубинах веков или даже тысячелетий.

Странное название «Меч Хрисаора» имеет длинную историю. Оказывается, седой Кара-Даг сохраняет память о войне титанов, которую мы знаем большей частью из мифов Древней Греции. Гомер, рассказывая о «буйном племени гигантов», отмечал их время как далёкую древность уже в его эпоху. А ведь он жил почти три тысячи лет тому назад!

От этих грозных событий остались лишь мифы, но даже по ним можно определить воистину «гигантский» размах и значение этих вселенских битв. Масштабы и значение тех войн были таковы, что мифологическая традиция окрестила их «битвой богов» или «войнами титанов» (Титаномахия или Гигантомахия).

Со школьной скамьи нам хорошо известен миф о страшной Медузе Горгоне, у которой были змеи вместо волос, а своим взглядом она превращала всё живое в камень. Её одолел греческий герой Персей, отрубив ей голову. В награду за этот подвиг он получил эфиопскую принцессу Андромеду, им же освобождённую от тяжкой власти другого чудовища. Соединившись, таким образом, Персей и Андромеда вознеслись на небо и стали созвездиями.

Красивый миф

Чтобы понять, как на Кара-Даге появился «Меч Хрисаора», необходимо разобрать весь этот миф. Он огромен, отражает длительный период истории в глубочайшей древности. А именно: борьбу ревнивых олимпийцев за власть в землях Северного Причерноморья. История сия своими корнями уходит ещё в матриархат, то есть во времена женоуправляемых цивилизаций, жён-цариц, которых «образованные» греки *крайне неудачно обозвали амазонками*.

«Кто обречён земной тьме, тому суждено стать змеиным отродьем. Изменит он свой прекрасный образ на образ чудовищный. Обернутся его ноги змеиным хвостом, вздыбятся, закрубятся волосы змеями, и из бёдер и шеи вырастут змеи. Засверкает чешуйками кожа. И клыки вздыбятся изо рта. Станут руки медными. А глаза... лучше не видеть этих глаз».

Вот что случилось с прекрасным телом Медузы Горгоны после битвы (войны) с Афиной Палладой. А ведь она была самой красивой из всех титанид.

У морского титана Форкия (Морского Старика) и титаниды Кето (Пучины) родилось шесть дочерей: три «лебединые девы» – Энно, Дина и Пемфреда – с серебряно-белыми, как морская пена, волосами. Другие три родились с «золотыми кудрями и золотыми крыльями»: Сфенно, Эврилоя и Медуза.

Краше всех была Медуза (иногда говорят Медуса, Мелуса, Мелуза, Мелузина или Ехидна, что всё вместе означает, если толковать из древнегреческого, «горделиво-властная», «властительная»). Гордоокая, носящаяся как ветер, неизменно вызывающая *восхищение и зависть*. И вот за эту красоту и гордость возненавидела её Афина, придумав жестокую, чисто женскую месть. Так рассказано в «Сказаниях о титанах». Древнегреческий поэт Гесиод в своей «Теогонии» даёт намёк на первоначальный образ титанид. Медузу он трогательно наградил эпитетом «познавшая горе».

Под влиянием ревнивых богов Олимпа рассказы о дочерях Форкия, красавицах-титанидах, претерпели изменения. Все шестеро стали страшными чудовищами. Миф принадлежит победившей стороне, а это значит, что враг страшен, презрен и всё человеческое ему чуждо. А весь остальной мир, кроме этой «победившей стороны», думал иначе.

Именно эта болезненная ревность олимпийцев сделала змееву Медузу символом защиты. А эпитет «познавшая горе», которым её наградил Гесиод, говорит о многом. Когда горделивые греки так отзываются о своих врагах, то это дорогого стоит.

Деве-Змее в глубокой древности (задолго до греков, которые, как известно, ещё не знали лошадей) поклонялся народ всадников – скифы, сменившие своих предшественников-киммерийцев на огромной территории всего пространства Северного Причерноморья и имевшие с последними отдалённое родство.

Согласно преданию, которое записал Геродот в V в. до н. э., Геракл в этой стране встретил полудеву-полузмею, и она согласилась вернуть ему похищенных коней («исчезнувших чудным образом») при условии, что он сочетается с ней браком. Так и произошло. И родились у них три сына: Агафирс, Гелон и Скиф. Только Скиф смог потом натянуть лук, оставленный отцом, а потому и стал царём всех земель, названных уже его именем, и получивший ещё от своей матери геракловы пояс и золотую чашу.

Этот миф мы все также знаем со школьной скамьи.

«Сказания» ещё говорят о том, что Медуза Горгона могла обращаться кобылицей: «Обернулась она золотогривой девокобылицей – девой по пояс, кобылицей от загривка золотого. В этом образе Посейдон, обернувшийся Чёрным Конём, овладел ею. И эта Горгонида родила, таким путём, Пегаса и Хрисаора».

То, что Медуза Горгона кентавресса, подтверждает находка амфоры VII в. до н. э. из Беотии (область в Греции), где она рельефно изображена в виде полудевы-полукобылицы и в её волосах нет змей. Рядом изображён Персей, готовящийся её обезглавить.

Кентавры – это божества всадников-скотоводов, которые за свою мудрость признавались даже заносчивыми греками. Таким образом, мы видим два совершенно противоположных отношения двух народов к одному и тому же персонажу. Греки убили Медузу-чудовище, а скифы поклонялись ей как богине и считали своей прародительницей. *В чём тут дело?*

А дело в том, что между этими народами уже был конфликт за обладание благодатными землями Северного Причерноморья, где лучшие в мире чернозёмы, орошаемые бесчисленными реками, изобилующими рыбой. И где обитают многочисленные чисто женские (женоуправляемые) племена, а мудрейшие и красивейшие представительницы этих народов, как правило, служат жрицами в Святилищах, куда берут только девственниц («парфений» по-греч.). Где пересечение морских и сухопутных путей образует тот самый «Крест Пространства» между Востоком и Западом, Севером и Югом одновременно.

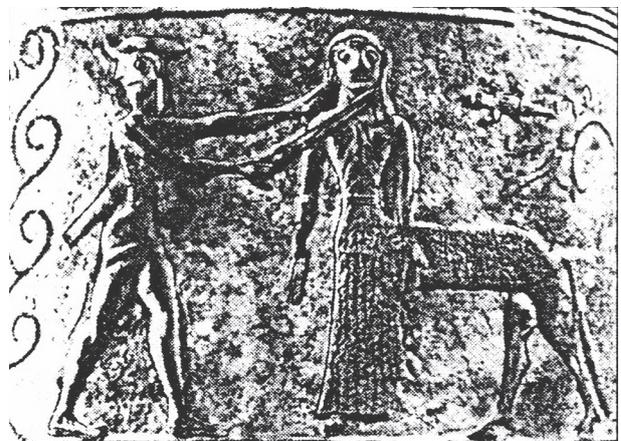
Обладание этими землями вместе с морем даёт прочную власть чуть ли не над половиной земного шара и высочайший подъём культуры из-за расположения здесь же важнейших ритуальных мистериальных центров планеты, где было добыто «Золотое Руно» и зафиксирован национальный «Састер» синдо-меотского союза (то есть единения древнейшего культа, отмеченного греками в имени тавров, – см. «Присягу» Херсонеса Таврического). Уже тогда всё это прочно «сидело» в костном мозгу каждого жителя будущей Индо-Европы, а благословлено было ещё в эпоху Прометея миллионы раз.

Все мировые академии наук (даже те, где «заседает князь Дундук») всегда и неизменно отмечали этот пассионарный период Мировой Истории одной сухой фразой, как «отзвуки царившего когда-то матриархата в единой индо-европейской общности, который уже начал сменяться патриархатом, то есть был расколот конфликтом».

Характер такого «конфликта» равнялся Мировой Войне в самом настоящем понимании этого слова и со всеми вытекающими из этого факта выводами. Эллина, пришедшие в будущую Грецию, ещё хранили образ прекрасной «лебединой девы».

Конский налобник (из захоронения знатного скифа) с изображением змеедевы-прародительницы. Золото. IV ст. до н. э., курган «Велика Цимбалка» вблизи с. Великая Белозёрка Запорожской обл., раскопки И. Е. Забелина, Государственный Эрмитаж

Рельефное изображение на амфоре, найденной в одной из областей Греции (Беотия): отвернувшийся от глаз Медузы Персей, готовый её обезглавить

*Изображение на зеркале,
Северное Причерноморье, IV в. до н. э.*

*Скифская богиня (серебряный сосуд из кургана
Чертомлык, Днепропетровская обл.), раскопки
И. Е. Забелина, IV до н. э.*

Но с воцарением Олимпийского Пантеона с Зевсом во главе всё изменилось. Горгона «познала горе». Необходимо было унижить врагов, оправдать войну с ними, чтобы захватить их страну и все её богатства (в современном мире это называется «гибридная война»). Судите сами, вот какие им дали имена: Энио («Воинственная»), Пемфредо («Оса»), Дино («Ужасная»). Сейчас, в XXI веке, ситуация в этих «волшебных краях» такая же. Стратегия мировой политики не меняется никогда, это старо как мир, и всё по-прежнему. Вот почему титанид «сделали» отвратительными чудовищами, к красавице Медузе, благодаря грекам, пристало прозвище Горгона (от греч. «Gorgo» – чудовище). История олимпийцев – это борьба тщеславных ревнивцев за власть. В этой борьбе они не считаются ни с кем и ни с чем. Они – центр Вселенной, её Закон. Так всегда считали эти самые олимпийцы, но остальной мир думал иначе. Совсем иначе.

Скифы сохранили светлую память о своей Богине, родоначальнице своих племён, и передали это почитание своим потомкам, *то есть нам*. Культ верховной богини-женщины жив и сегодня: на весь мир известны изображения Медузы на древнерусских оберегах – «змеевиках».

Самая «большая знаменитость» в музейных коллекциях такого рода – это амулет киевского князя Владимира Мономаха как высочайший образец всех старинных «змеевиков».

Даже христианство было не в силах искоренить эту древнейшую традицию почитания, веру в магическую силу лика Горгоны. На обратной стороне медальона с её изображением помещали рельефы христианских святых, Михаила-Архангела, Богородицы и т. д. На серебряном сосуде из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.) богиня изображена с поднятыми вверх ладонями – оберегающий жест, не меняющийся десятками тысячелетий: от отпечатков ладоней на стенах пещер-святилищ до поднятых рук Ио-Исиды и Софии-Оранты.

Скифы (прежде всего скифы-земледельцы, по Геродоту, «Scythae georgos») упорно сохраняли культ верховной Богини-Матери, несмотря на наступающий патриархат. Их в свою очередь, кроме прочих, сильно теснили массагеты из Каспия и Кавказа, которые также ещё не изжили тогда матриархат. А их царица Тамарис (Томирис), разгромив считавшееся непобедимым войско персидского царя Кира, поступила с ним чисто по-амазонски: отрубила ему голову и бросила в свой мешок.

В кожаном мешке вытекающая кровь запекала лицо и волосы отрубленной головы. В таком бурдюке с кровью само лицо и весь вид становились ужасными. Деталей вот такой картины сколько угодно было во все времена и у всех народов. И даже сейчас ещё кое-где можно наблюдать подобные поступки в отношении поверженных врагов: со временем лицо чернело, глаза выкатывались из орбит, язык полувываливался изо рта, а пышные волосы спекались в змееподобные космы. Вот какие военные трофеи в то время были в почёте! Показывая такую голову, можно было напугать кого угодно. И не просто напугать, кое-кто от страха и ужаса буквально цепенел и, что называется, «каменел».

За нанесённые обиды и унижения себя и своего народа, которые Томирис претерпела от жестокого персидского царя, было отмщение: «Ты крови хотел – так напейся ею!» Народ ничего не забывает. Это выражение стало крылатым, его часто цитируют, но уже мало кто знает, откуда оно. Разные народы, каждый на свой лад, восхваляли эту по-настоящему мужественную женщину, вот где истинно всенародная героиня (!). И известна она широко и, как водится, под разными именами. Здесь раздолье для тех самых «пресловутых ошибок переписчиков»: Томирис, Тамара, Таморис, Хаморис и даже Ахаморис.

*София Оранта,
Киев, украшение собора, XI в.*

*Медуза Горгона.
Рисунок Б. Валеджо, XX в.*

*Пластика из одежды скифа. Золото.
IV ст. до н. э. Курган Куль-Оба, раскопки
П. Дюбрукса. Государственный Эрмитаж*

В последнем случае обычно ссылаются на Геродота, потому что «отец истории» всегда точен. Это правда, великий Геродот – это вовсе не преувеличение! – исключительно добросовестно делал свою работу, но не всегда точны и добросовестны те, кто его читает и изучает.

Общеизвестно, что многие народы Востока пишут не слева направо, как мы (европейцы), а наоборот, то есть справа налево. Европейец Геродот не всегда имел возможность работать с подлинными рукописями, а пользовался часто не совсем качественными копиями и даже слухами. Обычное дело. Великий галикарнасец всё же и эти не совсем проверенные и неуточнённые данные тщательно переписывал для себя (и для всех нас). Прочти, уважаемый читатель, два последних варианта имени массагетской царицы и получишь вот что: Сиромах, Сиромаха. Комментарии излишни.

Как это бывает чаще всего, народ (народы) дают клички-прозвища своим царям и царицам, любимым и нелюбимым. Сиромах жалеют люди, и жалость часто переходит в любовь. Загляните в словарь народных говоров восточных славян (особенно белорусов, украинцев и русских). Сиромаха – женщина, потерявшая мужа или по каким-то другим причинам оставшаяся одинокой. В большинстве случаев это несчастные женщины, и люди, зная это, жалеют их.

Однако вернёмся к нашим амазонкам и воевавшим с ними грекам.

Поединок Афины и Медузы – это соперничество двух женоуправляемых кланов за власть, переросшее в «международный конфликт». Горгона родилась, воспитывалась и росла в североприморских степях, у моря, а также на островах Чёрного моря. Отсюда её лошадиная сущность и морское происхождение. Афина же родилась «из головы Зевса» и воспитывалась им.

А для чего это вдруг верховный бог Олимпа такое сотворил? Только лишь для того, чтобы ещё более укрепить свою власть, которой ему всегда не хватало. Все «верховные» только об этом и думают, а по-другому просто не могут жить.

Если Афина воспитана Зевсом, то и воюет как он. Вот откуда у этой женщины мужской стиль боя. Но амазонская техника хитрее, изощрённее. Это отражено даже в русских былинах, все знают: «А поляница удалая, в бою хитра, зла-догадлива!» И вот поэтому в прямом бою Афина всегда терпела поражение. От этого разозлённая донельзя, она обратилась к Персею – сыну Золотого Дождя (то есть Зевса), к своему сводному брату. Персей победил Медузу, отрубив ей голову. С головой этой поступили точно так же, как Томирис с головой Кира, то есть бросили в кожаный мешок. И от этого лик несчастной Горгоны стал ужасен. *Вот оно – «познанное горе».* Но именно в таком виде это изображение перекечовало на щит-эгиду Паллады и стало охранным символом. Иной человек скажет: «Как это кощунственно так говорить о блестящих олимпийских богах!» А вспомните, как Афина получила своё прозвище Паллада (свою эпikleзу, по-научному). Она победила великана Палласа, заживо содрала с него кожу и натянула её на свой щит-эгиду. Ревнивая борьба за власть рождает

*Убийство Медузы Персеем, рядом Афина.
Фрагмент росписи гидрии,
мастер Пан, ок. 460 г. до н. э.*

Хрисаор, имеющий прозвище Лук Золотой и чей поднятый меч «достигает небес».

Никаким образом непонятно, почему у такой «уродины» (помните, прозвище «Горгона» происходит от греческого слова Gorgo, то есть «чудовище») родились такие красивые и талантливые дети. И которых тут же принял и полюбил тот самый «цивилизованный мир», греческий в том числе. И ничего с этим поделать нельзя.

К примеру, точно в таком же, крайне неудобном, положении оказались специалисты «Аненербе» в 1941 году в оккупированной Западной Украине. Когда они произвели антропологические промеры галичан, русинов, гуцулов, бойкивчан и т. д., то оказалось, что формы их черепов намного более правильные и красивые. То есть они оказались как бы более арийцы, нежели сами немцы. Нацисты сами себя посадили в лужу и не знали как с неё выбраться. Так и не выбрались, данные пришлось засекретить и помалкивать об этом. Но Нюрнбергский процесс разоблачил всё. Тут такая же история, и вот поэтому здесь греки противоречат сами себе.

Задача «победного» мифа – очернить противника, оправдать убийство его, но почему-то не вышло. У «чудовища» Медузы Горгоны родились прекрасные дети. Хрисаора знают мало, зато крылатый конь Пегас прочно укоренился как общемировой символ вдохновения всех художников и поэтов. Видно, традиции скифской земли оказались сильнее олимпийской ревности и полной победы не получилось.

*Рождение Пегаса и Хрисаора из крови Медузы.
Автор сэр Эдвард Берн-Джонс, 1876–1885 гг.,
картинная галерея Саутэмpton-Сити*

непомерную жестокость даже среди своих (особенно среди своих). Но с убийством Медузы Горгоны «змеиный» род не пресёкся...

Из умирающего тела Медузы родился крылатый конь Пегас. Этот белый конь-красавец унаследовал от матери чудо-глаза, которые, наоборот, оживляли всё мёртвое. Ударом копыта он создаёт Гипокрену – чудесный источник, вдохновляющий всех поэтов. Само имя Пегас переводится как «источник», имеется в виду источник вдохновения всех художников и поэтов.

Весь мир это прочно усвоил, и до сих пор все эти образы-явления существуют неизменно в сознании любого жителя земли. А второй плод любви Горгоны и Посейдона – титан-красавец

Хрисаор, имеющий прозвище Лук Золотой и чей поднятый меч «достигает небес».

Никаким образом непонятно, почему у такой «уродины» (помните, прозвище «Горгона» происходит от греческого слова Gorgo, то есть «чудовище») родились такие красивые и талантливые дети. И которых тут же принял и полюбил тот самый «цивилизованный мир», греческий в том числе. И ничего с этим поделать нельзя.

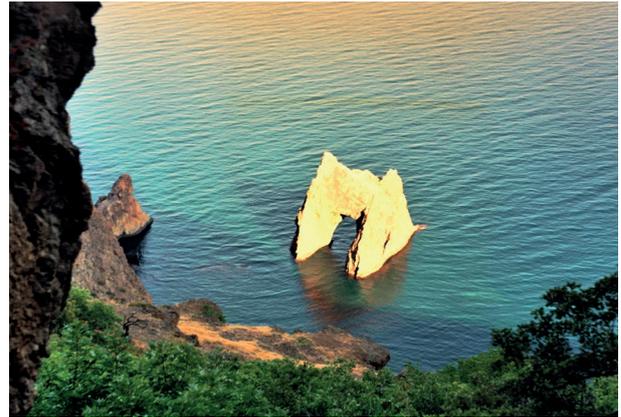
К примеру, точно в таком же, крайне неудобном, положении оказались специалисты «Аненербе» в 1941 году в оккупированной Западной Украине. Когда они произвели антропологические промеры галичан, русинов, гуцулов, бойкивчан и т. д., то оказалось, что формы их черепов намного более правильные и красивые. То есть они оказались как бы более арийцы, нежели сами немцы. Нацисты сами себя посадили в лужу и не знали как с неё выбраться. Так и не выбрались, данные пришлось засекретить и помалкивать об этом. Но Нюрнбергский процесс разоблачил всё. Тут такая же история, и вот поэтому здесь греки противоречат сами себе.

Задача «победного» мифа – очернить противника, оправдать убийство его, но почему-то не вышло. У «чудовища» Медузы Горгоны родились прекрасные дети. Хрисаора знают мало, зато крылатый конь Пегас прочно укоренился как общемировой символ вдохновения всех художников и поэтов. Видно, традиции скифской земли оказались сильнее олимпийской ревности и полной победы не получилось.

Как у греков Посейдон, так у скифов Тагимад первоначально представляли солнечных божеств и одновременно олицетворяли плодородную силу водных стихий, их необузданную мощь. Эти божества почитались как покровители знатных родов и аристократических союзов. Они приносили успех в битве, им жертвовали военные трофеи. Это говорит об общих индоевропейских корнях скифов и греков. Но в связи с установлением верховенства Олимпийского Пантеона богов грекам нужно было отделить от повелителя вод его древнюю сущность. Вот почему крылатый конь Пегас (Источник), подобный солнечному лучу (рассветный луч над морем считается самым вдохновляющим для всех художников и поэтов), существует отдельно от Посейдона – Чёрного Коня. И потом, согласно греческому мифу, Афине удалось приручить Пегаса и отправить его на Олимп, где он доставлял Зевсу громы и молнии. *Победу необходимо закрепить!* А теперь осталось только очернить па-

Луга печальных асфodelий (в Кара-Даге)

Вид из ущелий Берегового Хребта на «Золотые Ворота» Кара-Дага в последний момент захода солнца, при эффекте красного луча

мать об убитой сопернице. До конца это не удалось. Скифы продолжали почитать свою Змееву, а за попытку её очернить относились к грекам с величайшим и жесточайшим презрением.

* * *

Персей, переправляясь к «острову Горгон», не пользуется кораблём. Гермес даёт ему пару крылатых сандалий, которые могут носить его по воздуху. От nereид он получает шлем-невидимку, серп, закалённый в крови Урана, чтобы рассечь тело Медузы, и волшебную сумку, куда можно спрятать всё что угодно. Персей отправляется к северным пределам Океана, «куда смертным нет пути» и где «душа Ахиллеса, с гордой осанкой и шагом широким, по зелёному Асфodelовому Лугу тихо идёт, веселясь великою славой сына», и где «мёртвых кликал голос Одиссея».

Ведущие мифологи мира давно определили, что Медуза царствовала на севере обетованной земли, у древних скотоводов и конных воинов, ведь она была кентаврессой. Там сумеречная страна киммерийцев, там пределы мира и преддверие входа в Аид. Укрылись сёстры Горгоны на острове, в пещере огромной скалы. С этой скалы видно, как «во время заката на мгновение станет видна тогда вдаль, на водах океана, чаша-чёлн Гелия и на нём колесница, и его чудные кони. Ещё дальше – Пурпурный Остров Заката и скала одиноких Сирен».

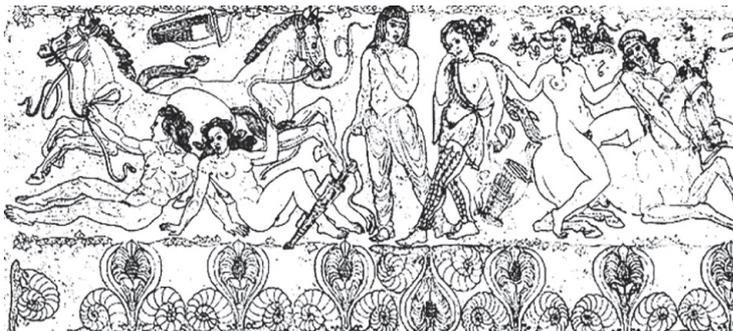
Это всё – населённые объекты мифологической географии. На огромных просторах Восточного Средиземноморья, Мраморного и Чёрного морей кое-где встречаются названия «Сирены» в реальной географии. «Скалы Сирен» есть даже в Коктебеле, их хорошо видно с Кара-Дага, за мысом Хамелеон, в Тихой бухте, в километре от берега.

А «Пурпурный Остров Заката» – это редкое оптическое явление: когда на западном горизонте, в момент захода солнца, появляется полоса облаков с «окошком», и прорывается яркий рубиновый луч. Это явление красного луча, как его окрестила современная наука, а в греческой мифологии – Пурпурный Остров Заката. Видеть его можно только на море.

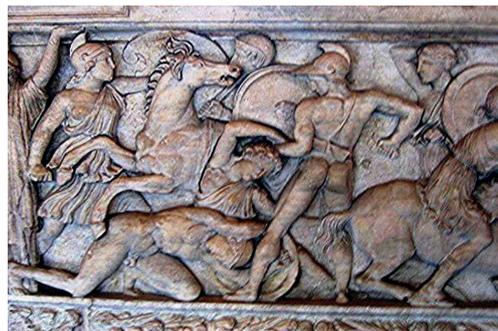
Ну а в «острове Горгон» нетрудно узнать Крым, и этот «чудный остров» (так в сказках и мифах всегда именуется Крым) даже для греков является «детским садом богов», по их собственному признанию. Вот тут-то, в горах-пещерах и степях-полях, доживали свой век проклятые олимпийцами Грайи и Горгоны. Сюда и направился Персей. Грайи и Горгоны (дети Форкия и Кето) появились на свет на морском побережье, властвуя каждая над своим народом, но при этом признавая старшинство во власти Медузы.

Зевсу с Афиной необходимо было обезглавить союз племён. Невольным пособником этих коварных планов стал Посейдон, давно добивавшийся взаимности Медузы. И это было на руку Афине. В облике прекрасного коня Посейдон всё-таки подкараулил кентаврессу Медузу и овладел ею. Спешили сёстры на помощь, но Афина сначала отогнала их, ослепила ярким светом и убила поодиночке. А старшую не тронула, удовлетворённая внебрачным позором соперницы.

Ну а дальше стали развиваться события, о которых нам рассказывали ещё в школе: Горгоны превращаются в страшных чудовищ с золотыми крыльями, железной чешуёй и медными руками. На

Брачующиеся амазонки. Рисунок

Амазономахия. Греческий барельеф. Лувр

голове вместо волос змеи, а взглядом своим превращают всё живое в камень. Настоящие античные валькирии, летающие по небу над миром во время своей страшной охоты.

Откуда всё это в сознании древних греков?

А вот откуда: желая отомстить за поруганную честь сестры, Форкиды выступают в поход против олимпийцев. Войны греков с амазонками хорошо известны всему миру, длились столетиями и отложились в громадный мифологический цикл («Амазономахия»). Войны эти были затяжными, изнуряющими для обеих сторон. Борьба была жесточайшая, с переменным успехом, потери огромны, результат сомнителен, а конца не видно. Вот почему Одиссей (пройдоха-хитрец и неважный вояка) в отчаянии и ужасе воскликнул: *«Пусть будут прокляты амазонки и война!»* (так сказано в «Пентесилее»).

Войска амазонок, осаждая греков-олимпийцев, оставляли после себя опустошённые земли. Набеги их чётко совершались раз в год: «Горгоны просыпались раз в год и вылетали на свою страшную охоту» (греческий миф).

А зимой, по замерзающему Боспору Киммерийскому (современный Керченский пролив), амазонки проникали «в страну Актè». Слова «Крым» тогда не существовало, для греков это была «благословенная Таврида», их «детский сад богов», а для гордых лебединых дев – их любимая «страна Актè». Это древнее, ещё «докрымское», название полуострова сохранилось до наших дней на территории главного святилища таврской Девы. Сейчас здесь город Севастополь (Ахтыр, Ахтияр: от имени Актеон. Имя юноши-охотника, подсмотревшего наготу купающейся Девы-Артемиды и за нарушение запрета убитого разгневанной богиней).

Так вот, желая покончить с этими набегами, Афина посылает сюда Персея. Победить амазонок в походе было немисливо для греков. Их техника ведения боя и манёвренность конного войска были непревзойдёнными («цивилизованные» греки тогда ещё не знали лошадей!). Вот тогда и созрел дерзкий план: напасть на Медузу в самом её логове, в её землях. План не то что дерзкий, но даже безумный. И именно из-за своего безумия и дерзости он сработал.

Так иногда бывает

В тыл сёстрам был заброшен экспедиционный корпус будто бы с неба (крылатые сандалии Персея). Нападения не ждали. Пока другие сёстры примчались на помощь из своих земель, убийцы ушли. Кроме того, Афина умыкнула ещё крылатого коня – белоснежного Пегаса. Достойный трофей в удачной вылазке. Ещё бы!

Такое объяснение мифа сводит все концы с концами: скифский союз со своей Змеедовой-богиней противостоит грекам, для которых она страшная Горгона; отрубленная голова в мешке с кровью, согласно амазонским матриархальным обычаям, сохранённым скифами и известным греками; белый царский конь как достойный военный трофей, присвоенный победителями; вечная слава героям в виде названий созвездий.

И всё это происходило в землях Причерноморья и в Крыму, о чём говорят названия. А какова же судьба Хрисаора?

Медуза поступает с ним чисто по-амазонски, то есть отсылает к отцу. Посейдон же отсылает сына на остров Эрифия («Красный»), где он женится на океаниде Калирое (Калиорды, Калитра, Калиера – это же карадагские земли! Kaliordi – один из шести городов внутренней Таврики, по Плинию = SC). А остров Эрифия входил в группу островов на территории Боспора Киммерийского. Именно там располагались амазонские святилища и одна из столиц киммерийцев. И как раз здесь на протяжении тысячелетий находится зона активного вулканизма. Таких вулканов нет нигде (они холодные, +18 °С), малых размеров, но многие числом. Здесь постоянно изрыгаются из недр земли холодные горючие газы метан и сероводород, пепел с песком, тяжёлая крымская нефть, грязь и битум. Здесь настоящее Пекло, как называли его наши предки, а на греческих мореплавателей, впервые появившихся здесь, всё это произвело чрезвычайное впечатление. Вот почему им показалось всё это преддверием входа в Аид (Царство мёртвых). Острова, таким образом, давно исчезли, на их месте пролив, но античные географы донесли нам картину развитой цивилизации на Боспоре в те времена, которая безвозвратно погибла.

Много позже, через тысячу лет после этих событий, наследники гордых воителей пытались возродить былую славу уже в составе Киевской Руси. Так появились здесь города, собранные в Тьмутараканское княжество со столицей Таматарха. Кое-кто из специалистов по древней истории толкуют это название как «Тьмутавроконское» царство. Потому что здесь издавна и всегда обитали тавры (коренное автохтонное население этих земель), их тут всегда была «тьма-тьмушная» и они раньше всех других приручили коня. Для тогдашних словоохотливых выдумщиков-греков конь был в диковинку, что-то сильное и недоступное пониманию. Называли они его словом «кен», а «тавр» – это тавр. Так возникли многочисленные греческие мифы о кентаврах, которые всегда поражали сыновей Эллады своей мудростью, до которой пешие греки не смогли дотянуться. У тавров-синдо-меотов конь был обожествлён, море своё они называли материнским (Майотис по-гречески, а на родном наречии – Меотида, то есть Кормящая Мать), и здесь дольше других удерживался амазонский матриархат. В какой-то степени он живёт и сегодня. Высочайшее мастерство коневодов – будущих кубанцев и донцов – с их религиозным почитанием коня выросло именно отсюда. Не существует ни одного народа на земле, кто бы мог сравниться с ними в искусстве ухода за лошадьми и где коня *ценят выше человека*.

Тьмутаракань разрушили батыевы орды, а когда и этих прогнали, то на месте пышной Таматархи возник «маленький заштатный городишко», который так удручил впечатлительного М. Лермонтова, побывавшего здесь проездом. Михаил Юрьевич даже не удержался от досадной характеристики – «скверный городишко», потому что местные свободолюбивые моряки-контрабандисты предложили ему бедный ночлег, он им очень не понравился, его ограбили и даже пытались утопить.

Однако вернёмся к нашим Горгонам, чтобы закончить о них рассказ. У титана Хрисаора и океаниды Калирои рождается трёхголовый, трёхтелый великан Герион («Героический»). Прихотливые мифообразы едва прикрывают реальность: у молодых родилась тройня, и все трое стали героями. Ну а дальше появился Геракл, похитивший коров Гериона, убив при этом самого хозяина. За спиной могучего Геракла стояла всё та же Афина (греки), снедаемая неуёмной жадностью истребления всего «змеиноного» рода. И снова этот «змеиный» род не пресёкся. Геракл «вдруг» совокупился на брачном ложе со Змеедовой-богиней, и появился новый народ – скифы, помнящие и почитающие своих предков. И в соответствии с этим, ненавидящие греков.

Герой погнал коров в Микены, к царю Эврисфею, но пригнал только часть. Остальное стадо «взбесилось и убежало в Скифию». Что же могло случиться со священными коровами в Греции, отчего они убежали аж в Скифию?! В поисках этого стада и встретил Геракл Змеедеву: Медузу-Ехидну.

Как всё это объяснить?

Единственная версия, то есть вариант объяснения, чтобы распутать настоящий мифологический клубок, – только одна. Это наложение нескольких историй друг на друга, «упакованных» логикой

Скифский народ

*Амазонка.
Рисунок на античной вазе*

*У скифо-сармат
(реконструкция)*

одного мифа. Геродот, будучи в Ольвии, в V в. до н. э., слышал похожее предание о киммерийцах, где герой-всадник встретил Змеядеву, которая родила ему сыновей. Так возникло новое племя – скифы. Не станем утверждать, что дева называлась Медузой, но она явно доводилась родственницей последней, хоть и дальней. *Иное предположить невозможно.*

Древние союзы племён – киммерийцы, амазонки, скифы, синдо-меоты (тавры) – тысячелетия «вываривались» в Северопричерноморском Этническом Котле, и это не могло не отразиться на их верованиях и общей мифологии. И не только их. В этот «кипящий котёл народов» вливались множество других, сплавляясь, как в гигантском тигле, всё той же общей мифологии, каждый на свой лад.

Набеги скифов на государства Малой Азии и Ближнего Востока в точности повторяли набеги киммерийцев сюда же. Никакое это не «случайное совпадение», а сознательное повторение дороги отцов, чётко отмеченное мудрецами-летописцами, творившими Библию.

Точно так же казачьи отряды под предводительством Ермака Тимофеевича прошли по Сибири «узнаваемым» путём. Кто-то из их далёких родственников точно таким же путём уже ходил. Дорога была давно проторена.

Жёны-царицы со своими сыновьями-героями поступали точно так же, как Медуза с Хрисаором: двоих отсылали к отцу, а лучшего оставляли себе. Именно он (Скиф) натянул гераклов лук, но ведь и Хрисаор не хуже, его прозвище – «титан Лук Золотой», а поднятый им меч «достигает небес».

Так, с лёгкой руки героев, закончилась история богов и началась история народов – исконных обитателей Северной Припонтиды.

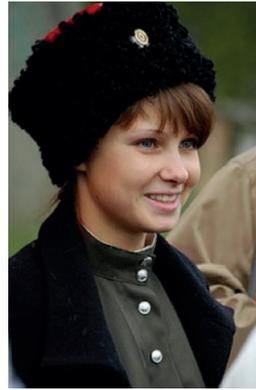
Далеко не последнюю роль в этой истории играют сыновья проклятой олимпийцами-греками Горгоны. Образы эти пережили тысячелетия, сохраняя одновременно человеческие и животные черты как пережитки тотемизма.

Пример: русская сказка о деве Мелузине: «Рыба Мелузина во Окияне живёт». На соответственной лубочной картинке она изображена в виде царственной девы с короной на голове, а ноги и хвост в виде змей в соответствии со скифской традицией. Рыбьего в ней ничего нет, она только окружена рыбами, что говорит о её связи с водными стихиями.

Кроме того, сохранились русские фольклорные предания о Деве Горгонии, которая «знала язык всех животных». Мелузина и Дева Горгония дополняют друг друга и в сумме дают полный облик скифской богини. Среди наследников конных воинов и амазонок ужасный греческий миф не прижился, как олимпийцы ни старались.

Великий учёный и врач Древней Греции, основатель мировой медицины Гиппократ, живший в IV в. до н. э., отмечал: «В Европе есть скифский народ... их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трёх неприятелей. Та, которая выйдет замуж, перестаёт ездить верхом, пока не явится *необходимость поголовно выступить в поход...*»

Удалая поляница-дева русских былин. Грудь никогда не мешала натягивать тетиву лука, как это придумали «древние греки», не знавшие лошадей и так никогда и не научившиеся стрелять из лука. Но зато вместо этого придумали слово «амазос» (безгрудые). Одна грудь удалялась или выжигалась ещё в детстве, якобы чтобы не мешать руке удерживать стрелу во время натягивания тетивы.

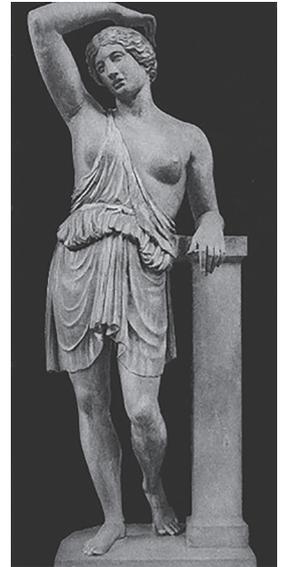

В царской России дончанки и кубанчанки в парадно-выходной военной форме разных родов войск, конец XIX – начало XX в. (времена последних Романовых)

Они же сегодня, то есть дончанки и кубанчанки в XXI веке (их называют – дончаночки, кубанчаночки, ростовчанки, азовчанки...)

Амазонка (византийская мозаика)

А грудь не изувечена (!) даже в скульптурных памятниках тех самых «древних греков»!

Советская амазонка на войне. Замещает коня крылатая военно-воздушная машина

Дева русских былин

Аристократка

Каппадокии

Девица-воин у саков

Кавалерист-девица

Более бессмысленной и неправдоподобной трактовки всей этой многотысячелетней истории с возникновением самого названия «*амазонки*» трудно придумать. Обычно своё собственное неумение или несовершенство в чём-либо психологически некомфортно и сильно раздражает носителя оно. А потому клеветнически сбрасывается на других, то есть свою «болезнь» перекинуть другому, и вроде бы сам остался чист. Так во всех судебных делах всех стран *лжесвидетели* свою собственную грязь всегда стараются вылить на других. Такова, к сожалению, психоприрода человека (любого), обуреваемого гордыней. А как поступает отдельно взятый человек, так иногда поступает и целый народ. Примеров не счесть – в любые времена и у всех народов.

И вот эта клевета-придумка упорно продолжает жить во всех учебниках по истории Древнего мира всех стран, где такие учебники издаются. Специалисты всех мастей бесконечно и бездумно, как *попугаи*, повторяют уже автоматически заученную фразу: женщины-воительницы с одной грудью, то есть по-гречески «*амазос*» и уже по-русски: *амазонки!!! А вот теперь, друзья, послушайте правду:*

«*Аз есьм!*» – Я есть! То есть существую, живу. Наидревнейшее выражение, неизменно существующее до сего дня, что не может не удивлять, а с другой стороны, восхищаться *невероятной* стойкостью русского языка, чьи словоформы стоят нерушимо, как скалы посреди сотен тысяч лет! «*Амазонки*» как словосочетание *очень чётко* подчиняется точно таким же правилам, и конструкцию настоящего названия легко разгадать, используя эти древние ключи русского языка: «А у царя там *ЖОНКА* есть, /что не можно глаз отвести!» *А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане.*

«*Аз есьм жонки*» – это жонки, то есть женщины. Это слово «слегка» искривилось в картавом и косноязычном произношении тех самых «древних греков», которые его закрепили своим недоразвитым письмом и разнесли по всему миру. Наш язык для них чужой и недоступный.

И от бессильной злости, что недостижимо для их рабовладельческого менталитета, обозвали нас «варварами». Так всегда бывает у всех (см. стр. 150 в «Русский язык из глубины веков» (или «Вавилонский феномен»), 2002 г., «ЛИО Редактор», Санкт-Петербург, автор монографии П. П. Орешкин).

Комментарии к фото:

Девушка-воин у саков-массагетов (в Крыму есть город Саки, – почему именно такое название, по имени народа, дано городу Крыма? Ответить на данный вопрос мудрено. Не существует ни одной, достаточно исчерпывающе-обоснованной научной работы на эту тему. Только догадки).

Кавалерист-девица у гусар в войне 1812 года.

Женщина-аристократ у русских дворян, любящая коня больше человека. Существует масса примеров из жизни таких родовитых женщин, а именно: они могут несколько раз выходить замуж, разводиться и снова выходить за другого. Но со своим конём, ещё с детства, не расстанутся вовек.

У лидийцев Каппадокии времён Троянской войны.

От названия страны Лидия (столица Сарды) происходит чисто женское имя Лидия, очень распространённое в современном мире только у определённой части народов. Обычно все имена имеют как мужскую, так и женскую форму или ипостась (Виктор-Виктория, Олег-Ольга, Александр-Александра и т. д. и т. п.). Это же имя чисто женское и мужской формы-ипостаси не имеет.

https://www.youtube.com/watch?v=2gUJ_T5R-TE – вот они, не расстающиеся со своим верным и преданным боевым конём...

Гуляющий на воле конь посреди просторов Крымских Предгорий (амазонская страна Актё).

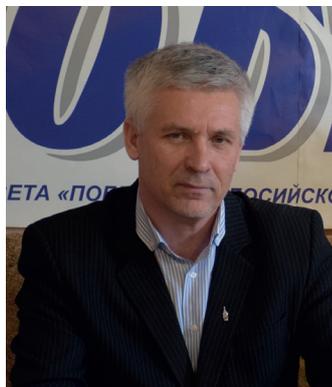
«Золотая рожь и кудрявый лён, – я в тебя, Россия, влюблён...» (слова из их песни, грубовато переделанной под «мужскую ипостась» как отзвук победившего патриархата в современном мире).

Русь, Россия, – это всё же женского рода СЛОВО, – и говорит это о многом...

Современная девушка-почтальон или наездница почтовой службы России в XXI в. В случае увольнения или перехода на другую работу, переезда на новое место жительства обязательно забирает с собой своего верного коня, с которым не расстанется никогда.

Берега Крыма

Владимир Смирнов

Владимир Вячеславович Смирнов – поэт, прозаик, журналист, председатель правления Союза русских писателей Восточного Крыма, член Союза журналистов России. Автор сборника поэзии «Распахнула ресницы сосна», исторической повести «Княжество Феодоро», сборников рассказов «Криминальный Севастополь» и «Завещание Генриетты». Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Гумилёва (2020), лауреат республиканских поэтических фестивалей. Публиковался в журнале «Молодая гвардия» (Москва), альманахах и сборниках: «Крымский мост», «Крымский телеграф», «Крымское приключение», «Литературный Севастополь», «Литературная Феодосия» и других.

РОМАНТИК, ПОЭТ, ЧЕЛОВЕК

Посвящается Николаю Гумилёву

В миру его имя известно
Как русский Серебряный век.
И вновь на слуху повсеместно:
Романтик, Поэт, Человек!

А вспомним расстрельные годы –
Никто не ответил за зло...
Поэтов пускали в расходы,
Их много тогда полегло.

Нельзя закрывать эту тему,
Покаяться нужно за тех,
Кто выжег в России богему,
За всех, кто свершил этот грех.

...В начале девятого года
Приехал Поэт в Коктебель.
Сияла звезда с небосвода,
В горах растекалась пастель.

Почувствовал запахи моря
И буйно цветущих холмов.
И взглядом, с Волошиным споря,
Ловил белизну облаков.

Поэзии духом пронзённый
И болью несчастной любви,
Бродил по холмам, утончённый,
Шептал: «Ты меня позови...»

И как сохранить сердце добрым,
И видеть по-своему мир?
Казаться весёлым и бодрым,
И как не запачкать мундир?

И где же то место Поэта
В обыденной жизни людей?
Та острая грань у ланцета,
Та боль, что сильнее и сильнее.

Поэты всегда одиноки
В бескрайней поэзии чувств!
Но всё же бессмертные строки
Сильнее холуйских кощунств.

В ФЕВРАЛЕ...

А. С. Пушкину

Он ушёл в феврале,
не дожив три недели
До капризной весны,
не услышав капели.
Закачались над ним
ветви голых деревьев,
Вороньё загалдело,
взъерошило перья.
Краткий век Золотой
оборвался с ним вместе,
Как пустой поцелуй
от сбежавшей невесты.
Жизнь прошла словно миг,
будто ночь в лунном блеске.
Он лежал на снегу,
возле дач в перелеске...
Он ушёл в феврале,
не дожив три недели
До капризной весны,
не услышав капели...

ГРОЗА В ФЕОДОСИИ

На полпути гроза застала,
Но спас подъездный козырёк.
А в лужах брызги танцевали,
А в доме пили кофеёк.

Спиной прижавшись к чьей-то двери,
Я полчаса смотрел на то,
Как стрелка на секундомере
Крутила танго и фокстрот.

На плоской крыше чайка мокла,
В районе порта грянул гром.
Девчонка сквозь разводы стёкол
Плыла по дому нагишом.

А я стоял! – Гроза в разгаре,
Хлестало ливнем по ногам.
И на горбатом тротуаре
Молился пёс своим богам.

ДРУГ АНГЕЛ

Стою на каменном полу
Огромного пустого храма.
Шепчу Всевышнему хвалу:
«Спаси и вырви из бедлама...»

Вдруг шум и гам со всех сторон,
Кольцо сжимают свинобесы.
Я понимаю: это сон,
Сознание в плену завесы.

Сработал вовремя инстинкт,
Как птица, я взмахнул руками.
Взлетело к куполу: «Аминь!»,
А бесы скрылись за углами.

В душе и радость, и тепло:
Ко мне явился друг мой – ангел!
Он белоснежное крыло
Подал, как воздух в акваланги.

И сквозь витражное стекло
Мы вышли с ним в ночное небо.
Оно судьбу мне рассекло,
За ангелом пошёл я слепо.

Летали вместе до утра,
Очнулся я на горном склоне,
Где солнце кистью маляра
Разбрызгало в траве пионы...

ДЕВЯТАЯ АРКАДА

Гостиный двор, девятая аркада,
Притихший Волхов, небо в облаках.
Реки и камня вечная прохлада,
Она и он – на разных берегах.

В разгаре лета, под цветенье липы,
На берегу таинственной реки,
Ломая стойкие стереотипы,
Их встреча будет – карме вопреки.

Да, встреча состоится непременно,
И это подтвердит горбатый мост,
Подслушав разговор о сокровенном
При тусклом свете новгородских звёзд.

Их ждёт уже аркада номер девять –
Пристанище надежды и любви.
Богиня Лада запустила невод,
Поди его, попробуй, разорви.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Марина Цветаева

Я шёл по городу ночному,
Укрылся снегом тротуар.
Вокруг всё было по-иному,
В душе – минор-репертуар.

От грусти, холода, печали
Мои глаза смотрели вниз.
И отмечали лишь детали,
Зимы той памятной сюрприз.

И вдруг на старом парапете
Увидел я десяток книг.
Они, как брошенные дети,
На их обложках замер крик.

Из них – «Цветаеву Марину» –
От смерти, от позора спас.
И, выгнувши от ветра спину,
Благословил меня Пегас...

ТОПОЛЯ ТАВРИДЫ

В Царскосельский лицей завезли тополя
С берегов южнорусской Тавриды.
Лицеисты, забыв про свои табеля,
Вмиг представили крымские виды.

Юный Пушкин стоял одиноко среди них,
Сердцем чувствуя значимость Крыма.
Ну а ночью, свернув незаконченный стих,
Он во сне повстречал серафима.

И поведал тогда приближённый Творца
О грядущих больших переменах.
Не простит ему власть ни строки, ни словца,
Но и он не преклонит колени.

В южной ссылке найдёт он покой для души,
А талант засияет, как солнце.
Знойной степью проехавши сквозь камыши –
Из фонтана водицы напьётся.

В Феодосии будет всего лишь два дня,
А затем отплывёт на корвете.
Восхитит, убаюкает волн беготня...
Очарует Юрзуф на рассвете.

А когда, вновь на берег Тавриды шагнув,
Он увидит живые колонны,
То поймёт, что притихший, волшебный Юрзуф
Преподнёс ему в дар тополиные кроны.

КАРАНТИНКИ

Люблю я слушать тишину,
Люблю росу, игру туманов.
Сосне-подружке подмигнув,
Укроюсь в хвое от шайтанов.

На время график изменив,
В объятьях хвои помечтаю:
«Коронавирус сдать в архив,
Заразу беса обуздаем!»

«У нас, товарищ, карантин!» –
Кричат лесник и полицейский.
И тычут в тело карабин:
«Слезай-ка вниз, гиббон гвинейский!»

Сломав хрустальную мечту,
Лицо засунув в респиратор,
Меня, борца за правоту,
Вдруг поместили в обсерватор.

ПЛАЧ ЖУРАВЛИНЫЙ

Ветер уносит с собой за моря
плач журавлиный, прощальный.
Словно мелодию от звонаря –
триптих осенний, ментальный.

Ветер промок, вытирая слезу,
близятся зимние вихри.
Тихо пока в осеннем лесу,
но дремлет где-то антихрист...

Голый, унылый, униженный лес –
столь неприглядна картина.
За горизонт направляясь, исчез
хвост журавлиного клина...

В АРТ-КАФЕ «АНТРЕСОЛЬ»

Хожу я часто в «Антресоль»,
А вдруг... за столиком Ассоль
Сидит тихонько в уголке,
На лёгком летнем ветерке.

Но, правда, я совсем не Грэй,
Коньяк, мой друг, – меня согрей!
Сними мне боль со старых ран,
Дай силы написать роман.

Роман о пламенной любви,
Ты, Грин, меня благослови!
Сюжет прекрасный подсажи,
Чтоб яркий был, как витражи.

Чтоб, как матрос с «Пролива бурь»,
Влюбился я в очей лазурь.
Чтоб, как небесный странник Друд,
Взлетел я ввысь под вой зануд.

...Осенний ветер за окном
Пищит настырным комаром.
Скребёт стекло кленовый лист,
Закат сегодня бархатист.

Я вновь за столиком один,
Как каравелла среди льдин.
И вдруг – она, идёт одна,
Неотвратимо, как волна.

Садится за соседний стол,
А я притих, как богомол.
– Так говоришь, что ты не Грэй?
Тогда хоть коньяку налей!

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Андрей Чернов – литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Широко публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Автор книги очерков «Притяжение Донбасса» (2016). Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Заместитель главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

Донбасский «Забой»: литературные портреты 20–30-х годов

Человек прошлого нам дорог своей человечностью, проявлениями своей бытийной сущности в простых, вроде бы неприметных чертах. Узнав их, у нас мелькнёт мысль: «Как я...» или «У моих родных похоже...». И в этом нам видится какой-то особенный знак – знак человеческого сродства, побеждающего и время, и расстояния. Не от того ли нас так трогают безыскусные строки древних новгородских берестяных грамот? Или ничтожный в своей «историчности» букетик цветов на саркофаге Тутанхамона? Но в этих мелочах предстают живые люди, их мысли и чувства, истинную ценность которых мы осознаём только спустя столетия. Не золото саркофага и не титул фараона, а простое проявление любви к человеку.

Наверное, в этой бездумной беспечности, порождённой то ли ленью, то ли равнодушием (как тут не вспомнить афористическое высказывание Грибоедова?), корень многих бед человека. А прежде всего – в отчуждении от своего ближнего, от его человеческой сущности. Той самой, которая «как я...» или «у моих родных похоже...». И пока преодолевается человеком это отчуждение, многое может быть безвозвратно утеряно. И найдут ли бережные руки археологов то, что вернёт нам человеческую сущность давно ушедшего из жизни человека – неизвестно.

Всё это заставляет нас бережней относиться к сохранившимся свидетельствам о людях прошлого, ценить то, что спаслось от беспощадной отчуждённости целых поколений. Не от времени – время бесчувственно, это лишь природная форма, как воздух или солнечный свет. А именно от бездумного равнодушия людей.

Вглядываясь в прошлое Донбасса, часто натываюсь то на сумрачные «пятна» беспроглядной неизвестности, то на условный саркофаг показушного возвеличивания, больше скрывающий человеческую сущность, чем говорящий о ней. Увы, титулы, звания, награды порою больше значимы, нежели сам человек – во всяком случае, именно такие стереотипы навязывают обществу. Для чего? Для воспитания честолюбивых дельцов и карьеристов? Тех самых, которым наплевать на народ, его святыни, саму Родину?

И сумрак неизвестности, и саркофаг тщеславия во всей своей полноте предстают в истории старейшего литературного объединения Донбасса – «Забой». Не сотни лет назад, в начале 1920-х годов возникло это литобъединение, положившее начало активному литературному процессу в регионе. Но при этом очень мало известно о начальном периоде существования «Забоя». Многие вытравили кислотой репрессии 30-х годов, стёрла шершавой ладонью Великая Отечественная война. Но не следует забывать и о беспечном и жестоком равнодушии людей, позволивших кануть в безвестность многие факты прошлого. И первое десятилетие существования литобъединения пролетарских писателей «Забой» остаётся нераскрытым. За исключением нескольких имён, возведённых на пьедестал тщеславия господствовавшей тогда идеологией.

Но сохранились книги, сохранились стихи «забойцев», воспоминания участников литобъединения. И они раскрывают, хотя бы частично, перед нами картину напряжённой творческой жизни писателей Донбасса того времени. Простых людей, ещё не добившихся значительных успехов, но живущих художественным словом, постигающих мастерство. И во всём этом – будто яркой вспыш-

кой отражённого солнечного света – предстаёт эпоха, время потрясений и коренного преобразования общества и самого Донбасса.

Конечно, и до возникновения «Забоя» в Донбассе были писатели. Целой легендарной Атлантидой предстаёт перед нами литературный процесс Донбасса до 1917 года. А ведь здесь выходили газеты и журналы – не только на русском языке, но и на еврейском. В одном Луганске было три еврейских издания. Сейчас об этом, как ни парадоксально, мы почти ничего не знаем.

После завершения Гражданской войны в Донбассе выходили газеты, журналы, в которых среди прочего публиковались и стихотворения, и рассказы местных писателей. Главные центры литературной жизни – крупные «старые» города Донбасса Бахмут (с 1924 года – Артёмовск), Луганск, Мариуполь. Но какой-либо упорядоченности литературного процесса не было. Не было центрального стержня – литературного издания, служившего бы сердцевиной литературного процесса. И не было единой литературной организации, выступавшей двигателем литературной жизни.

Но в обществе был высок запрос на перемены. Страна, едва не погибшая в хаосе Гражданской войны, оживала, восстанавливалась. Люди грезили будущим счастьем, верили в него, стремились жить уже сейчас соответственно своим идеалам. Поэтому многие, порою – едва освоив грамоту, пытались писать. Кто-то брал за ориентир классические образцы. Кто-то в вдохновенном самонадеянности творил «так, как никто не творил». Бурно схлестнулись традиционализм и новаторство. Порою новаторство побеждало за счёт юной энергичности и интуитивной спайки с коммунистической идеологией.

После Гражданской войны в Донбассе осели многие люди, ранее жившие в других регионах Российской империи. Они быстро интегрировались в общество Донбасса. После упразднения (путём «забвения») Донецко-Криворожской республики, Донбасс партийным решением большевиков был включён в состав Советской Украины. И со второй половины 20-х годов начинается постепенный процесс насильственной, принудительной украинизации Донбасса. Конечно, украинцев и до 1917 года в Донбассе жило достаточно много, как и в любом другом крупном промышленном регионе России. После Гражданской войны был новый приток украиноговорящего населения, активно трудоустраивающегося на предприятиях «всесоюзной кочегарки». Были среди них и украинские писатели. Но значительной роли в обществе Донбасса они не играли, ориентировались не на жителей Донбасса, а на Харьков (первая столица Украины) и Киев.

В этом отношении неслучайно, что активизация литературного процесса Донбасса, самоорганизация писателей в литобъединение связана с русскими писателями. Инициативная группа, в которую вошли писатели Николай Олейников, Евгений Шварц и Михаил Слонимский, начинает с сентября 1923 года издавать литературный журнал «Забой» – ядро будущего литобъединения, первое исключительно литературное издание Донбасса. А уже в 1924 году в Бахмуте при газете «Всесоюзная кочегарка» возникает объединение пролетарских писателей «Забой».

Смелое решение – затеять издание собственного литературного журнала. Нельзя сказать, что Донбасс был обеспечен литературными кадрами. Скорее – наоборот, не было крупных ни прозаиков, ни поэтов, ни драматургов. Ещё не пробил час Бориса Горбатова, Павла Беспощадного, Ильи Гонимова. Да и многих других ещё не было в Донбассе. Именно потому, когда в начале 1920 года Пролеткульт создал в Луганске организацию под названием «Союз деятелей литературы», то это начинание закончилось фиаско – о «Союзе» мы имеем представление по одной единственной публикации в «Бахмутской правде» за февраль 1920 года. Ещё, значит, не наступило время для творческого порыва, не накопил Донбасс, обессиленный в Гражданской войне, творческих сил.

В 1923 году ответственный секретарь газеты «Всероссийская кочегарка» Николай Макарович Олейников принимает решение организовать литературный журнал. Острое понимание – Донбассу литературный журнал необходим для концентрации творческой молодёжи, для её развития. Для того чтобы ввести в русскую литературу писателей из шахтёрской и рабочей среды Донбасса.

Возможно, идея о собственном литературном журнале существовала и раньше. Но толчком для её реализации послужило появление в тихом Бахмуте двух писателей из Петрограда – Евгения Шварца (тогда едва ли известного литературным кругам Питера, ведь публикаций у него ещё не было) и Михаила Слонимского. Главным редактором первых выпусков журнала стал Слонимский.

Об этой поездке мы многое можем почерпнуть из воспоминаний Слонимского «Вместе и рядом». Два друга, Шварц и Слонимский, решили в 1923 году навестить родителей Шварца, живших тогда

в Бахмуте, губернском центре Донбасса. В Бахмуте они посетили редакцию газеты «Всесоюзная кочегарка». Вот тут-то и поступило им неожиданное предложение: помочь с организацией литературного журнала.

Михаил Слонимский вспоминает об этом: «На Донбассе Шварц начал печататься. Это произошло со всей неизбежностью... “Кочегарка” нуждалась в стихотворном фельетоне, и Женя стал писать рашник. Он подписывался псевдонимом “Щур”... Его “Полёты по Донбассу” имели большой успех». Вот так газета «Всесоюзная кочегарка» и первый литературный журнал Донбасса «Забой» ввели в русскую литературу знаменитого в будущем Евгения Шварца. Слонимский убеждён при этом, что именно работа в донбасском «Забое» выбила все «тормоза», сдерживавшие талант Шварца.

В своих воспоминаниях Слонимский отмечает, что в послевоенные годы Борис Горбатов с большой «нежностью вспоминал о том, как он обязан Шварцу при первых своих шагах в литературе».

Слонимский был в Донбассе несколько месяцев, после чего уехал в Петроград. К концу 1923 года из Донбасса уезжает Шварц. Работу продолжает Николай Олейников, и «Забой» издаётся и распространяется в городах Донбасса. С 1924 года в Донбассе живёт и работает Алексей Павлович Селивановский, он вовлекается в работу по изданию журнала. К сожалению, других участников «Забоя» тех лет установить мы не смогли. Можем только предположить, что уже тогда активным участником «Забоя» стал Борис Леонтьевич Горбатов.

В 1925 году Николай Олейников уезжает из Донбасса – сначала в Ростов-на-Дону, а после – в Ленинград. В Ленинграде он становится видным писателем, пишет стихи для детей, редактирует детский литературный журнал «Ёж» («Ежемесячный журнал»). Входит в круг ОБЭРИУ. В его стихах открывается светлый безбрежный мир – наивный и ясный, такой, каким он предстаёт в сознании детей. Но эта простота – будто костюм актёра, и за маской простака мы видим умный взгляд, таящий внутреннюю силу понимания. Сочетание напускной примитивности с глубинной ироничностью в большей степени проявилось в сатире Олейникова. Он пишет много ироничных стихов, где с добрым юмором, без оскала и цинизма, говорит о бюрократизме и других пороках общества, а порою – о коллегах-писателях.

В Ленинграде совместно с Евгением Шварцем Олейников пишет сценарии для фильмов «Разбудите Леночку» (1934) и «Леночка и виноград» (1935) – с добрым юмором, прищуром смотрит на ребёнка и его постижение жизни. Эти комедийные фильмы и сейчас приятно смотреть. В 1937 году Олейников возглавил детский журнал «Сверчок»... Казалось бы, жизнь может и должна продолжаться. Но рок репрессий обрушился на многие тысячи людей. Олейников в 1937 году был арестован и, как многие, расстрелян. Как и многие, Олейников был реабилитирован посмертно.

С 1925 года журналом «Забой» занимался Алексей Селивановский. После его назначения на должность главного редактора «Луганской правды» он переезжает в Луганск. Сюда же переведено издание журнала «Забой». Энергичный, деятельный Селивановский, умеющий добиваться поставленных целей, привлёк к себе внимание из центра. В 1926 году он переезжает в Москву и работает во Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Становится одним из крупнейших литературных критиков своего времени, широко публикуется в периодике, активно участвует в литературном процессе СССР. В 30-е годы выходят его книги – «Поэты и поэзия» (1933) и «Очерки по истории русской советской поэзии» (1936)... К сожалению, в трагический 1937 год Селивановский был арестован и расстрелян в 1938 году.

Что было с журналом «Забой» после 1926 года, когда уехал Селивановский? Журнал продолжал выходить в Луганске, во всяком случае, до 1930-х годов. Но более определённые сведения найти трудно. Сохранилось мало, но эти факты говорят о том, что в это время журнал пролетарских писателей пристально следил за большой литературой в Москве и Ленинграде. Ориентиры брались не только на Горького, Маяковского или Багрицкого, как могло бы показаться. Так, в краеведческом музее Луганска хранится один из номеров «Забоя» за 1926 год, на обложке которого портрет Сергея Есенина. Отмечу, что есенинское влияние было велико на лириков Донбасса, как, впрочем, везде в России.

А между тем – в это время литературный процесс в Донбассе набирает обороты. Бурно расцветает талант Бориса Горбатова – писателя и организатора, необычайно одарённой натуры. Большой успех пришёл к Горбатову после публикации в Москве первой повести о комсомольцах Донбасса «Ячейка» (1928). Он много ездит по Донбассу, бывая то в Артёмовске, то в Краматорске, то в Лу-

ганске, завязываются десятки знакомств. По воспоминаниям донбасского писателя Алексея Ионова, именно Горбатов помог вовремя заметить редкий самородок – Павла Беспощадного.

В 30-е годы Горбатов уезжает из Донбасса, живёт и работает в Москве и на Урале, службу проходит на Закавказье. Но с родным Донбассом не порывает. В 1930-е годы на донбасском материале он создаёт «Нашгород», разгромленный партийными идеологами и потому «забытый» на долгие десятилетия. В годы Великой Отечественной войны Горбатов пишет о героизме луганчан повесть «Непокорённые». А после войны начинает роман-эпопею с ёмким названием «Донбасс». Увы, болезнь и смерть в 1954 году оставили этот план незавершённым. Как бы то ни было, но Борис Горбатов стал первым крупным прозаиком Донбасса конца 20-х и начала 30-х годов. Его живой портрет запечатлён в замечательных воспоминаниях Константина Симонова. В них Борис Горбатов предстаёт во всей своей энергетической кипучести и трогательной доброте.

Сколько сердечной доброты проливается из произведений Горбатова, сколько отражено в воспоминаниях современников. Всегда он спешил протянуть руку помощи – не только как писательский функционер, прежде всего – как человек. А ведь ему также довелось познать опалу. И не только из-за романа «Нашгород» (о судебном разбирательстве «артёмовского дела»). В 1937 году он сам чуть не попал во «враги народа». Что его спасло – неизвестно. Но в жернова репрессий угодил его родной брат Владимир, возглавлявший в те годы комсомольскую организацию Луганска. Автору этих строк довелось ознакомиться в архиве Министерства госбезопасности ЛНР с делом Владимира Горбатова (№ 4090-р). Обычная трагедия тех лет – бездоказательные обвинения в «террористической деятельности», навешивание ярлыков, быстрый приговор без права (да и времени не было!) на обжалование. И расстрел 20 сентября 1937 года в городе Сталино. Любопытно, что на обращения матери Владимира в 1945 году последовал отказ в пересмотре дела. И только в 1956 году наступила реабилитация...

В 1937 году Борис Горбатов был в Москве. Он лишился работы, над ним нависла угроза исключения из Союза писателей СССР и ареста. Бывшие друзья отвернулись мгновенно – жуткая примета того времени. И в этой страшной обстановке он создаёт свою «Обыкновенную Арктику», пронизанную волшебной силой оптимизма и веры в человека, во взаимопомощь и доброту.

В середине 1920-х годов впервые зазвучал поэт-шахтёр Павел Григорьевич Беспощадный. Его путь в литературу был тяжёл, труден. Преодолевая безграмотность, косность среды, тяготы выживания в разрушенном горняцком крае, Павел усердно осваивал литературный путь. И как уголь давал на-гора стихи – энергетические сгустки шахтёрского бытия:

Мы недаром идём к пластам –
Нам понятен земли устав.

Первая книга Павла Беспощадного увидела свет в 1930 году – «Каменная книга». Почти сразу же она переиздаётся, он становится известным на весь СССР поэтом. Несомненно, именно с этого года – 1930-го – в Донбассе появляется первый крупный поэт.

Лирика Беспощадного сочетает в себе интимность и гражданственность. Внутреннее переживание не утаивается от других, а как бы соотносится с общественным мнением. Безусловно, это отражение своего времени, эпохи. В этой незаикленности исключительно на собственном внутреннем мире – объяснение востребованности поэзии Беспощадного в обществе.

Пытаясь оправдать свой «жестокий» псевдоним (настоящая фамилия поэта – Иванов), Павел Беспощадный заявляет:

Шахтёрский быт и шахты нрав
Поют мои простые губы...
По-моему, я даже прав,
Когда пою немного грубо.

Но во многих своих строках, в самой глубинной сути «Каменной книги» Беспощадный предстаёт во всей полноте своей человечности – любви к ближнему, вниманию к нему, отторжении несправедливости, чёрствости, жадности, жестокости. А в знаменитом стихотворении «Коногон» сколько трепетного света любви проливается коню Стрепету, любимцу умирающего шахтёра: «Мой подземный товарищ Стрепет...» или «Человек ты, мой милый Стрепет». Так прочувствовать глубину шахтёрской души мог только шахтёр и большой поэт.

Павел Беспощадный всю жизнь свою связал с Донбассом. Из родной Парижской Коммуны (прежнее название Перевальска в ЛНР) он переезжает в Артёмовск, после – в Горловку. Жил также в Луганске и Краснодаре. Только во время войны гитлеровцы вынудили его покинуть Донбасс. Но после освобождения Донбасса – Павел Беспощадный в родном краю. Много пишет, широко публикуется. До конца жизни (его не стало в 1968 году) он жил в Горловке, здесь и похоронен. Его значение трудно в полной мере оценить. И при жизни, и некоторое время позже – это было неясно. Но ведь именно его строки мы, донбассовцы, взяли на вооружение в 2014 году, когда ненависть киевской преступной власти обрушилась на свободолюбивый русский Донбасс. Под артиллерийским огнём, при налётах украинской авиации на наши города, во время жесточайшей гуманитарной блокады, устроенной бесчеловечным Киевом, мы твердили жаркие, как пылающий антрацит, строки Павла Беспощадного:

Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!

В начале 1930-х годов вспыхивает яркой звездой имя прекрасного донбасского поэта Юрия Ароновича Черкасского. Родился и вырос он в Луганске, здесь же в многотиражке паровозостроительного завода «Октябрьский гудок» впервые были напечатаны его стихи. Вся страна была стройкой, весь Советский Союз – будто один муравейник, обитатели которого в едином кипении были заняты преобразованием мира. Оттого и первая книга Черкасского названа им «Стропила» (1933). В его стихах много звонкого и радостного, чистого и наивного, искренней открытости миру, всей вселенной.

Зачем вы там, на старой улице,
Ведущей к звончатым цехам,
С таким доверьем улыбнулись
Мальчишеским моим стихам?
А что в них было, что вас тронуло?
Знакомый полдень заводской,
Река в мазуте, шум Патронного
И наша песня за рекой?

Эти строки, адресованные друзьям-единомышленникам, возможно, по «Забой», достоверно отражают мироощущение современников Черкасского, их веру в доброту и в то, что мир полон невысказанной радости – творчества, познания, открытия.

Перед Великой Отечественной выходят книги Юрия Черкасского «Отвага», «Жажда», «Лирика», «Мост». А потом, потом оглушающим горем обрушилась война. Ему показалось, что лирике отдавать себя как-то ничтожно мало. Гибли люди – разве русский поэт может стоять в стороне от людского горя? Жизнь требовала – отвагу нужно показывать не в стихах, а на деле. Добровольцем Черкасский уходит на фронт. Погиб поэт смертью храбрых в 1944 году в боях за Советскую Белоруссию.

Но даже если мне застонется,
Друзьям далёким прокричу:
– Пусть будет мука, пусть бессонница,
Другого счастья не хочу, –

с потустороннего берега доносится нам голос Юрия Черкасского, поэта и воина, отдавшего жизнь «за други своя»...

В 1932 году в СССР начинается процесс перестройки деятельности литературных организаций. Под присмотром идеологов большевистской партии создаётся единая писательская организация – Союз писателей СССР, первый съезд которой состоится в 1934 году. Накануне, 23 ноября 1933 года, прошёл Первый съезд писателей и литкружковцев Донбасса. О массовости говорит такой факт – в этом съезде приняло участие 300 делегатов. Нетрудно догадаться, что на местах были многие сотни писателей и тех, кто пробовал свои силы в литературе.

После создания Союза писателей СССР литобъединение «Забой» вливается в единую писательскую организацию. При этом продолжают – в виде литературных кружков – функционировать ячей-

ки «Забоя» в различных городах Донбасса. Известно, что такие кружки действовали в Луганске, Горловке, Краснодоне, Сталино (с 1929 по 1961 год, сейчас – Донецк). Из этих писательских организаций вышли десятки писателей – как украинских, так и, преимущественно, русских. Среди них – Михаил Матусовский, Илья Гонимов, Павел Байдебур, Николай Упеник, Леонид Жариков, Юрий Чёрный-Диденко, Фёдор Вольный и многие другие.

После 1934 года журнал «Забой» издаётся под другим названием – «Литературный Донбасс». Издаётся он уже не в Бахмуте (Артёмовске) или Луганске (с 1935 по 1958 год – Ворошиловград), а в шахтёрской столице – Сталино. Каким был этот журнал во второй половине 1930-х годов – судить сложно из-за скупости сведений. После Великой Отечественной войны журнал издавался в виде альманаха «Литературный Донбасс», с 1960-х годов стал выходить уже как журнал под названием «Донбасс».

Мы рассказали о наиболее прославленных «забойцах» 20–30-х годов, чьи имена вошли в историю литературы – как Донбасса, так и России. Но ведь были десятки других писателей, кто из всех сил стремился воплотиться в словесном творчестве. Какие они были, типичные представители литературных кружков 1930-х годов? К счастью, ответ на этот вопрос помогает найти книга воспоминаний известного поэта-песенника Михаила Матусовского «Семейный альбом». Сам Матусовский стал посещать литкружок «Забоя» в Луганске с конца 1920-х годов. В книге воспоминаний он оставил штрихи-портреты и Павла Беспощадного, и Юрия Черкасского. Но не менее ценны его зарисовки других участников, не добившихся славы на литературном поприще.

В воспоминаниях Михаил Матусовский отмечает чрезвычайную пестроту луганского литкружка, по его словам, «наряду с людьми бесспорно одарёнными в него входили местные барды, ниспровергатели всего существующего в литературе, доморожденные гении, не поспевающие за изменчивостью столичной моды, и совсем странные люди, без которых не обходится ни один литературный кружок». Как тут не поразиться удивительной точности этого описания! И через сто лет любое литобъединение Луганска или другого города Донбасса – один в один с исчерпывающей характеристикой Михаила Матусовского. Кажется, ничего не изменилось – ни время, ни люди.

«Помню я такого Лапшина, не приспособленного к жизни, не от мира сего, без гроша за душой проживавшего в Поляковском переулке в пустынной квартире с голыми, ободранными стенами, где не было ни стола, ни табуретки, ни вешалки, ни кровати, где всегда пахло грязными носками и на подоконниках навалом пылились книги, посвящённые всевозможным отраслям человеческих знаний. Лапшина всё интересовало, от всего он приходил в восторг», – вспоминает Матусовский.

Чудак-Лапшин бросался то в изучение йоги, то в нумизматику, но при этом всею душой оставался верен поэтическому слову. Именно это и влекло совсем юного Мишу Матусовского к этому чудаку. Лапшин писал стихи, ни на что не похожие: «Буря, снежная буря, что ты кружишься, мёрзлую землю буря? Что ты носишься в яростном свисте, всё стараясь с ума нас свести, и о ком ты печалишься и тоскуешь о ком, глядя в наши глаза ледяным своим оком? Ни тропинки в степи, ни курганы, ни рвы успокоить не могут твои раздражённые нервы. Буря, белая буря, перестань мести на одном месте, дай нам передохнуть, чтоб не передохнуть» (воспроизводит Матусовский по памяти, поскольку записей и публикаций не сохранилось).

Писал Лапшин и палиндромы, а также панторифмы, демонстрируя изрядную оригинальность стихосложения. «Мне и сейчас кажется, что в этих стихах что-то было», – замечает Матусовский. Но, конечно, в провинциальном Луганске 30-х годов интеллектуальную утончённость Лапшина не оценили. «Как вы понимаете, такой человек был самым подходящим объектом для проработок, которые то и дело сотрясали жизнь нашей литературной околицы. Если в Москве начиналась борьба с формализмом, то и у нас хотели найти своего формалиста, и, само собой разумеется, таким оказывался Лапшин. Если в столице долбали конструктивистов, заманчиво было и у себя дома вскрыть явления конструктивизма. Имя Лапшина склонялось на всех собраниях, без него не обходилась ни одна резолюция», – с горькой иронией пишет Матусовский.

Проработки в 1930-е годы были не столь безобидными, и третирование Лапшина дало свои плоды. Добродушный чудак-интеллектуал стал подозревать за собой слежку, им овладела мания преследования. А потом его увезли санитары и удивительные эксперименты Лапшина со словом остались лишь в памяти юного Миши Матусовского, бережно пронёсшего их через всю жизнь для добрых, проникнутых грустью страниц «Семейного альбома».

Конечно, Лапшин был одной из крайностей. На другой стороне, по мнению Матусовского, был некий поэт Забуров, «отличавшийся трезвостью ума и прямолинейностью суждений». О нём он исчерпывающе, не скупясь на краски пишет: «Он прятал под молодёжной кепкой лысину, захватывающую, как лесной пожар, всё большую территорию, носил португепю через плечо и гимнастёрку без знаков различия, с военным щегольством расправляемую так, что все складки приходились на спину, и писал стихи, призывающие к борьбе с прорывом в угледобывающей промышленности. Усвоив несколько ходовых технических терминов, особенно часто употребляя слово “на-гора”, он ни разу не спустился в шахту». Как видим, перед нами – типичный приспособленец-графоман, с твердолобой уверенностью пробивающий себе путь в литературу, в которой не смыслил ровным счётом ничего. «Забуров считал Есенина кулацким подпевалой, а у Блока признавал только “Двенадцать”, и то с оговорками, не прощая ему появления Христа в конце поэмы. Всё, что было недоступным его пониманию, что хоть в малейшей степени не соответствовало его вкусам, раздражало его и казалось направленным против него лично. Потрясая листками со строками Лапшина, Забуров приходил в бешенство», – вспоминает Матусовский, отмечая, что больше всего Забуров свою ярость изливал на бедного чудака.

«Это сейчас я пишу спокойно и даже позволяю себе иронизировать на его счёт, а тогда, ежели говорить положа руку на сердце, мы смертельно боялись Забурова, боялись его сверлящего, знающего о нас больше, чем мы знаем о себе сами, взгляда, его сиплого, сорванного голоса, его полувоенной формы и пояса, на котором, по идее, должен был бы висеть пистолет, но пистолета, к счастью, не было», – отмечает Матусовский, делая вовсе не прозрачный намёк. Да, именно такие вот «забуровы» сыграют свою чёрную роль в роковом 1937 году. Лютая зависть, тупость, бесчеловечность, заскоружное стремление к тщеславию подтолкнёт их к доносам. А другие, их братья-единомышленники, не дрогнувшей рукой вынесут и исполнят приговор, губя тысячами невинные жизни.

История с Забуровым в воспоминаниях Михаила Матусовского имеет абсолютно закономерное продолжение. В годы Великой Отечественной Матусовский был военкором на Северо-Западном фронте. И там оказалось, что на станции Дно гитлеровцы организовали издание «русской» газеты, где наряду с геббельсовской ложью печатались предупреждения комендатуры всем местным жителям о «неминуемой смерти» за непослушание. «И среди этого газетного мусора были оттиснуты стишки во славу гитлеровского воинства, несущего освобождение народу России, трусливо подписанные псевдонимом “Русский крестьянин”. Я сразу узнал стих Забурова. Тематика изменилась, но стиль был тот же», – вспоминает Матусовский.

Такова закономерная эволюция блюстителей «партийности» в литературе: от стихов о шахтёрах и травли несчастных чудаков к предательству Родины. «...Старый немецкий китель донашивает», – лаконично завершает рассказ Матусовский.

И наш рассказ также движется к логичному финалу. Из разрозненных, чудом уцелевших кусочков удаётся собрать картину литературной жизни Донбасса 20–30-х годов прошлого века. Времени трудного и противоречивого. Соприкасаясь с ним, можно ощутить и жар донбасских строек, и энергичный творческий порыв десятков писателей, творивших литературу края. Далеко не всё было правильным тогда. Но когда, в какие времена люди жили без ошибок и заблуждений?

Мне же кажется, что ценны здесь любые имена, любые детали – для ясного и осмысленного понимания бытия человека того времени. К тому же, как нам кажется, удивительным образом многое из прошлого сопоставимо с нашим днём, хотя, безусловно, много различий. И в этом сопоставлении «как я...», «у моих родных похоже...» мы больше и глубже понимаем самих себя, видим свои ошибки. Это хорошо, поскольку учит нас человечности.

Алексей Полубота

Алексей Полубота – родился в 1975 году в Мурманске. В 2000 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Секретарь Союза писателей России. Лауреат литературно-художественной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» (2017), победитель ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Ответственный секретарь комиссии по литературному наследию Н. И. Тряпкина. Автор трёх поэтических сборников. Стихи и проза печатались в журналах: «Север», «Наш современник», «Волга – 21 век», «Мир Севера», «Разговор»; в альманахах: «Братина», «День поэзии», «Полдень», «Площадь Первоучителей»

(Мурманск), «Крылья» (Луганск); в газетах: «День Литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия»; в Интернет-изданиях: «Российский писатель», «Молодое око», «Соты» и др. Участник трёх коллективных сборников, посвящённых гражданской войне на Украине: «Я дрался в Новороссии», «Русская весна», «Слово о Новороссии». Вдохновитель Всероссийского поэтического конкурса имени Н. И. Тряпкина «Неизбывный Вертоград».

«Исчезни, бес, – перед тобой дитя»

Парадоксы судьбы недооценённого поэта Евгения Курдакова

В начале 90-х годов прошлого века великий критик и мыслитель Вадим Кожинов поставил поэта Евгения Курдакова (1940–2002) в один ряд со столь выдающимися именами, как Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев.

Однако время наступило такое, что слова Кожинова услышаны не были. И выдающийся поэт Евгений Васильевич Курдаков до сих пор остаётся известным в основном узкому кругу ценителей подлинной поэзии.

Вот, казалось бы, повод посетовать на несправедливость судьбы. Ведь если бы поэт, который родился всего на пять лет позже Николая Рубцова, сумел войти в большую литературу хотя бы на полдесятилетия раньше, масштабы его известности могли быть гораздо большими. А его поэзия, безусловно, заслуживает общенационального признания.

Но сам Евгений Васильевич, как мне кажется, к концу жизни уже понимал, что дело не только и не столько в том, какое количество людей читает и цитирует твои стихи. Куда важнее, чем шумный успех, осознание, что ты выполнил изначальное предназначение.

Об этом говорит такая, например, подробность его биографии. В начале творческого пути Евгений Курдаков, живший тогда в городе Бузулуке, стал одним из организаторов БОМП – Боевого общества молодых поэтов. Это было то самое время, когда «шестидесятники» собирали стадионы «любителей» поэзии. Писать задиристые, ниспровергающие стихи стало на время не только можно, но и модно. Однако то, что прощалось и даже отчасти поощрялось в столицах, не прошло даром в небольшом городке, затерявшемся в Оренбургских степях. Опрошенные мной товарищи и ученики Курдакова не знают точно, почему тот на несколько месяцев попал за решётку. По всей видимости, стукач, внедрённый в ряды БОМП, передал какие-то неосторожные слова (может быть, сильно исказив их смысл) Евгения Васильевича в соответствующие органы. По воспоминаниям поэта Юрия Савченко, в конце жизни, уже получивший определённую известность, Евгений Курдаков собирался включить в одну из книг своей прозы очерк «Сука из Бузулука» о человеке, которого считали виновным в разгроме БОМП.

Но он не стал этого делать, как и не пытался никогда, уже после распада СССР, спекулировать на теме гонений и притеснений со стороны советской власти.

Возможно, начинающий ещё не поэт даже, а стихотворец почувствовал, что история с его недолгим тюремным заключением в Бузулуке – рубежный момент. Знак, что надо не пытаться гоняться за модными «демократическими» веяниями в искусстве, а идти вглубь, к настоящей поэзии, к русской традиции.

По мнению хорошо знавшего Евгения Васильевича поэта Фёдора Черепанова, переезд Курдакова в 1968 году на Рудный Алтай в Усть-Каменогорск был вызван не столько практическими причинами, сколько попыткой начать жизнь заново. И попытка эта удалась.

Курдаков любил говорить о том, что настоящие стихи он начал писать, пережив роковой для ряда великих поэтов рубеж тридцатисемилетия. После разгрома БОМП он долгое время не писал или не показывал никому своих поэтических строк.

Но творческое начало пробивалось буквально во всём, чем он занимался в жизни. Из-за семейных обстоятельств (Евгений с самой ранней юности должен был зарабатывать на хлеб для себя и родных) возможности получить высшее образование не было. В Усть-Каменогорске Курдаков устроился на завод фрезеровщиком. И в этом ремесле довольно быстро достиг профессиональных вершин, получил звание «лучший фрезеровщик Восточного Казахстана».

Очень важной, по словам самого Курдакова, стала для него встреча с театральным художником Владиславом Ядрышниковым. Именно тот обратил его внимание на необходимость творческого осмысления национальных традиций. А к тому же ещё и привил увлечение флористикой и резьбой по дереву. И в этом занятии Курдаков достиг больших успехов. Особенно ему удавались композиции из корней деревьев. В результате при Восточно-Казахстанском областном этнографическом музее возникла экспозиция «Сад корней», в которую вошло свыше ста работ Курдакова. «Сад корней» долгое время был культовым местом для жителей Усть-Каменогорска.

Но все эти занятия, конечно, лишь отчасти утоляли стремление к творческому самовыражению Курдакова. Главная, невидимая никому, работа шла внутри него, чтобы в конце 70-х годов прорваться подлинными стихами. В 1983 году выходит первый поэтический сборник Евгения Курдакова «Сад мой живой». Спустя три года выходит ещё одна книга стихотворений «Мой берег вечный». Поэт оканчивает Высшие литературные курсы в Москве, становится членом Союза писателей СССР. Всего за примерно 20 лет активной литературной деятельности Курдаков стал автором 16 книг стихотворений и прозы.

Главное в его внешне неброской поэзии – умение через простые слова и образы передать сокровенное, тончайшие движения души и мысли.

Переберу любимыми словами
Ещё одной весны случайный свет,
Что вспыхнул мимолётными цветами,
Что вздрогнул, – и его уж больше нет.

Которого уже не наверстает
Ни этот стих, ни будущие сны,
Ведь не весна навеки исчезает,
А сам навек уходишь из весны.

Но был у него и ещё один талант – талант учителя. По воспоминаниям земляков, ему, уже достигшему к середине восьмидесятых годов определённых творческих высот, было тесно в литературном объединении Усть-Каменогорска. Постепенно он создал собственную поэтическую студию, где к пишущим предъявлялись очень высокие требования. Кого-то это пугало, отталкивало, кого-то, наоборот, привлекало. Те, кто оставались, понимали, что соприкасаются с отнюдь не рядовым явлением, что судьба даёт им шанс познать то, до чего сами бы они без Курдакова не дошли или дошли очень нескоро.

«Евгений Курдаков считал, что поэт – это тот человек, который может взять на себя боль своего народа, подобно тому, как в древности шаманы брали на себя болезни родичей. То есть стихотворец, который пишет ради красивых или необычных образов, поэтом считаться не может. Именно такая установка мастера привела к тому, что в студии Евгения Курдакова выросла целая плеяда самобытных подлинных поэтов», – вспоминает Фёдор Черепанов.

В конце 80-х годов прошлого века Курдакова пригласили на работу в литературный журнал «Простор», донныне издающийся в Алма-Ате. К тому моменту у него были хорошие шансы занять важный литературный пост в Казахстане. Но начавшийся развал Советского Союза и рост националистических настроений в казахском обществе не мог не сказаться на его судьбе.

Курдаков прожил в Казахстане более четверти века. Ему, изучавшему творчество многих писателей, был очень близок казахский поэт Абай Кунанбаев. Его переводы Абая знатоки относят к лучшим переводам казахского классика.

В одной из статей об Абае, вышедшей в московском журнале «Книжное обозрение», Курдаков упомянул о том, что в конце жизни великий казах попал в наркотическую зависимость.

«После того, как материал был опубликован, некоторые из алма-атинских писателей-казахов организовали травлю на меня. Теперь вот уже в открытую угрожают. Вот думаю: а не попросить ли мне в матушке-России убежища. Буду первым русским политическим беженцем», – так передаёт слова Евгения Васильевича, произнесённые с горечью во время одной из личных встреч, поэт Юрий Манаков.

Среди знавших Курдакова людей существуют разные мнения по поводу причины его отъезда из Казахстана. В любом случае очевидно, что непросто далось ему решение расстаться с землёй, которая стала родиной его поэзии, красоту которой он воспевал столько раз. При выборе последнего места жительства решающим фактором стала тяга зрелого Курдакова к русским первоистокам. Так поэт и его семья оказались в Великом Новгороде. В последние годы поэт много занимался семиотикой, писал статьи, в которых пытался разгадать тайну возникновения общечеловеческого праязыка. Эти его исследования – тема особого разговора. Некоторые считают их гениальными прозрениями. Другие – указывают на слабую научную обоснованность, недостаток знаний в лингвистической сфере, приводивший к тому, что поэт иногда «изобретал велосипед». Но главное, что и в этих статьях проступал масштаб его личности, очень русская попытка «пересотворить бытие». Об этой национальной черте он писал в одном из лучших своих, на мой взгляд, стихотворений:

...пустыня внемлет Богу...

М. Ю. Лермонтов

Ни вспомнить, ни понять не удосужась
Накопленное горестной судьбой,
Опять влачим привычный русский ужас,
Тоскуя на земле своей родной.

А там над ней всё тот же Свете ясный,
Всё та ж над нею Божья благодать,
Которых мы в отчаянье напрасном
Почти уже не в силах распознать.

Беспамятство – едва ли оправданье,
И только за одно ему воздашь,
Что в нём сокрыт опять, как назиданье,
Всё тот же богоносный жребий наш, –

Чья суть – не возвращенье на дорогу,
Но – пересотворенье бытия...
И вновь и вновь – «пустыня внемлет Богу», –
Исчезни, бес, – перед тобой дитя.

В 90-е годы, в пору новой русской смуты, Курдаков писал много стихотворений с метельными, пасмурными настроениями. Но безысходное отчаяние никогда не сквозило в его поэзии. Не случайно всё более явственно в ней проступала христианская тема.

Но и тут, как часто бывало в судьбе поэта, не обошлось без парадоксов. До самых последних месяцев жизни Курдаков, написавший, может быть, лучшие стихи о новгородских храмах, не был воцерковлён. По словам Фёдора Черепанова, почувствовав близкий конец, Евгений Васильевич обратился к нему с просьбой помочь подготовиться к Причастию. И в последний момент земной жизни поэт сумел, как и следует христианину, подготовиться к встрече с Богом.

В этом году к восьмидесятилетнему юбилею Союзом писателей России совместно с клубом «Словороссия» был проведён Международный поэтический конкурс имени Е. В. Курдакова «Купина неопалимая».

Десятилетием раньше в Усть-Каменогорске открыли памятную доску на доме, где он жил. Существует музей-библиотека имени поэта в Старой Руссе. Но верится, что главное признание Евгения Васильевича Курдакова ещё впереди.

Берега прочтения

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик.

Лауреат премии им. М. И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, Международного славянского форума «Золотой Витязь», Международной литературной премии им. И. А. Гончарова, Международной литературной премии им. А. И. Куприна, Международной Южно-Уральской литературной премии, Первой Международной литературной премии «ДИАС», литературной премии им. Аксакова.

Искусствовед, арт-критик, куратор арт-проектов в России и за рубежом: «Архетип» (Нижний Новгород, 2006), «Анестезия» (Нижний Новгород, 2007), «Символы Земли» (Кассель, 2008), «Долина царей» (Москва – Брюссель, 2010), «Петроглиф» (Нижний Новгород, 2014) и других.

Книга живых

Александр Орлов. Епифань. – Москва: Азбуковник, 2018

Поэзия – картина мира автора. И – картина мира Божия. Огромное, безбрежное полотно. В нём и воздух и свет, в нём и библейский («тьма безвидна и пуста») мрак войны, в нём медленно перемещаются родные фигуры, плывут родные лица – чтобы мы могли их, в тумане времён, увидеть, разглядеть, запомнить. Поплакать над ними. Постоять на панихиде в их память в родном храме.

Три духовные материи – рабочие материалы поэта Александра Орлова, коими он пишет это полотно: *время* (и народ, что ушёл во время и там теперь живёт), *живые близкие люди* (с наиважнейшими, точными подробностями их живого бытия) и ещё – *вера*: она одна на всех, но многолика, как в деревенской церкви родимый иконостас: тут и наши незабвенные святые, и тихие службы, и праздники, и похороны, и война, и мир, и снова возвращение к святости – но уже к незаметной, часто невидимой святости живых («дорогих родных», как раньше в письмах писали...), что завтра станут настоящими святыми – в приделе нашей памяти, на гигантской конхе великой страны, Родины нашей.

И все три эти бесценные материи поэт сопрягает: когда деликатно, когда прямо и не боясь, когда призрачно, далёким воспоминаньем или детским сном.

Читаю Александра Орлова, и ясно видно: напрасны споры и скрепления копий, что же чудеснее и правдивее всего – традиция или новаторство. Скажу прямо и смело: поэзия – это не записанный в столбик текст той или иной степени искусности. Поэзия или есть, или нет её. И бывает так, что она есть в сложнейших (вербально, семантически!), вполне авангардных стихах, и вот она – рядом, в стихе прозрачном, как весенний ручей, простом и непритязательном, созданном в традиционных ритмах и знакомых любому русскому человеку интонациях; и её нет – в невероятных изысках того же авангарда и в унылых банальностях и расхожих штампах «простой» лексики и привычных «гладких» катренов. Загадка, тайна поэзии – в ней самой. И мало виртуозно владеть словом. Сейчас (почти) все грамотные, у всех работает фантазия, а творческий порыв ещё никто не отменял. Но часто в таких красиво сложенных, словесно богатых стихах нет того, что есть у редких поэтов; вот этого самого драгоценного сочетания, сопряжения трёх этих, не побоюсь высокого слова, великих вещей: времени, любви, веры.

Книга стихотворений Александра Орлова «ЕПИФАНЬ» – воистину КНИГА; слово-то само, книга, священное; в древних книгах, будь то накрученный на остов пергаментный свиток или увесистый, облаченный в выделанную телячью кожу фолиант с «Цветной Триодью» или «Четьями-Минеями», лежащий на монастырском аналое, таилась мудрость земли; а нынче таится либо нечто настоящее, подлинное и насущное, либо притворное, поддельное. Люди, занимающиеся искусством, не всегда и не все искренни. Многие превосходно научились подделываться под искусство, хитро подменяя чувство лживым пафосом, а живую любовь – её пластмассовым муляжом. Как отличить подлинник от подделки? Александр Орлов великолепно доказывает и показывает нам это. ...да ничего он не доказывает и не показывает. К счастью читателя и объёмного, подкупольного пространства русской культуры, он просто ЖИВЁТ – в стихе он дышит, стихом молится, стихом вспоминает, стихом гневается и прощает, стихом заглядывает в будущее, скрытое за тяжёлой завесой всепожирающего времени.

И удивительно, стиховая музыка Александра Орлова – это откровенная победа над временем. Его личная, тайная победа, которая через бытие его авторской жизни в книге становится всечеловеческой, людской, – Божией. Не улыбайтесь, прошу, и не возмущайтесь постоянным поминанием веры в Бога в моих раздумьях: я сейчас меньше всего обращена к конфессиональным вопросам и далека от пафосных упований – ибо слишком много их видела-слышала-читала на протяжении того времени, когда к нам вернулось разрешение на воскрешение – храмов, священства, молитв, иконописи, нашей святой огненной веры.

Есть художник самодостаточный, он превосходно обходится без Бога. И он правда считает, что всё, что он делает, это продукция его собственной, личной и бесспорной воли. И есть художник, прекрасно понимающий: если он нарушит, порвёт ту золотую незримую нить, что связывает его со всем сонмом его предков, он останется гол как сокол, один на пустыре, и для него пустозвонными криками станут история, кровь, память, земля. Земля и родные люди на ней – да ведь это и есть культура. У нас была крестьянская – народная культура. Сквозь ужасы всей нищеты она прорастала, и корни её уходили в народную память, в древнейшее время счастья рода и время героев. У нас была церковная культура. Счастье воцерковлённости. И это тоже было народное счастье.

У нас была культура, несомая благородным дворянством, военными чинами – забудьте про солдафонов и помните Кутузова, Багратиона, Нахимова, Ушакова и иже с ними. У нас случилась революция – так, с кровью, менялось и перекраивалось время.

И наш народ погибал, перекраивая его, и всё равно не позволил себя перекроить.

Память! Лейтмотив поэзии Александра Орлова. Память пламенная; звёздная; неопалимая; невытравимая.

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядины,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страстотерпца опек,

Где в года мировых пятилеток,
Не подвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

Вот это: «Божий крест и победы звезда» – разве это не есть наш портрет, портрет русского народа прошедшего века? И так просто это сказано. Гордо и точно. И так скорбно. И так свято. Здесь есть пафос. Но не дешёвый, не бутафорский, а родной: единственный. С греческого «пафос» переводится как «страсть-страдание». Это ведь Страсти Христовы. Так горда и высока, и в музыке,

и в сакральности древних слов, церковная служба. Почему меня не покидает странное ощущение при чтении стихов Александра Орлова – будто я стою в забытой-заброшенной деревенской церковке, на обрыве над широкой холодной Волгой, на ракитовом бугре, на сельской панихиде, от которой слёзы набегают на глаза, а поминальная служба эта идёт в память всех русских людей, что на самом деле не умерли, а навсегда живы – в шелесте трав, в шёпоте летних листьев, в шуме серебряного ливня, в духмяном запахе хлеба? Почему я так ясно вижу просвеченную насквозь светящимся сердцем поэта водную, воздушную толщу канувшего времени?

Мне продали щекастые смолянки,
Стоящие под проливным дождём,
Ржаные, ещё тёплые буханки –
И хмурый вечер показался днём.

(...) Я видел, как работают все живо –
Поют, смеются, рассуждают вслух,
В их душах – поспевающая нива,
Прародина плетёнок и краюх.

Они ещё доленинской закваски,
И прячут их помазанные лбы
Пословицы, поверья, песни, сказки,
Коленопреклонённые мольбы.

Война постоянно и больно, будто в живой колокол бьёт, ударяет по внутреннему миру поэта, будоражит его, заставляет смотреть ей, страшной, прямо в чёрное лицо. «Висельник», «Барин», «Помню, учили меня быть надёжным и смелым...» – всё это даже не стихи, хотя они и укладываются в рифму, ритмику и традицию: это личные, потаённые ПЕСНИ поэта о войне и её страданиях – впрочем, такими и должны быть выстраданные человеческие слова о невероятной боли войны. О её героях, прожигающих нам именами память.

(...) Снова под утро тревожат скупые просветы,
Наши свиданья с родней обречённо редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

Орлов помнит всё. Не только смерти войны. Но и смерти на Родине – русским людям – от рук русских людей. Трагедии революции, гражданской войны, раскулачивания, расстрелов, тюрем и лагерей не покидают поэта: да это вечные, роковые спутники русского человека. Наша общая память насквозь прожжена ими. Это наши молчаливые Ангелы с наших расстрелянных фресок, что скоро уже век плачут кровавыми слезами. Мироточат слезами настоящими – при свете солнца и в ночи.

Сам себе приказал: зубы стисни,
Пусть весь мир на мгновенья замрёт,
Вздригнет смерть от сияющей жизни,
Что о всех знает всё наперёд.

(...) Будет воздух в дороге псалтырен.
Будет ветер шептать, словно чтец,
Будет петь поминальную Сириин,
Вознося горечь русских сердец.

Самоцветами просвечивают здесь знаковые церковные слова. Совсем рядом раскрытая на столе, под тусклой лампой, дедова Псалтырь... и рядом сказочная, Ангельская птица Сириин, что песнею своей обращает наше неизбывное горе в заоблачную память небесной радости. Кто только не писал о близости милой деревенской печи, о пляшущем печном огне! Но такого видения ещё не было ни у кого из владеющих словом:

(...) И пахло лесом, дымом, полем,
Рождением, жизнью, нищетой,
Коротким счастьем, долгим горем,
Второй и Первой мировой.

На языке горчила жжёнка,
Ручьём катился пот по лбу,
И видел я в себе ребёнка,
Чьи сны уносятся в трубу.

Я догадалась, какую миссию выполняет поэт: словами, стихом он, как суровую нитью, сшивает холстину времён, их ветхое, а на деле незыблемо-крепкое – не разорвать! – посконьё, и это почти мастеровое действие преобразуется – становится словесным действием, на глазах переходя, перетекая в музыку, родную, близкую музыке народной.

Люди, люди, люди... Народ... Наш народ... «Беспалый», «Бедник», «Каноница», «Староста», а вот рядом с живыми людьми и наши духи, наши живые, потусторонние или на миг (чтобы мы увидели их!..) посюсторонние существа – «Полудница», «Хозяин вод», «Житник», «Жихарь»: без них славянин не живёт, они то помогают, то наказуют, и вступить с ними в разговор – всё равно что нырнуть в незнаемое пространство-время, что без границ и без дна, и вот оно, сопряжение мира дальнего и мира чудного, иного:

(...) Что тебе надобно, потусторонник?
Брось меня здесь, посреди луговин.
Вижу крапиву, фиалку и донник,
Горькую мглу и разломанный тын.

Вижу колосьев забытых останки,
Тень полевого в последних снопах.
Свет огнеликий мгновенно зачах.
Я словно ветер на хлебной полянке.

Я и не я пробуждаюсь впотьмах.

Наше общее, вечное упование: ах, если бы не смерть... приди попозже... а сможешь, так вообще не приди... а может, я буду вечен, бессмертен... время, ну что тебе стóит... Наш народ уходил на войну. Наш народ жизни отдавал – за жизнь. Наши поэты пели песни свои, не помышляя о том, бессмертны они или смертны: они просто – пели. Дышали. Жили. Потому что так им Богом суждено было. Наши иереи свершали во храме требы и каждодневно молились за всех нас. За воинство наше, за царей наших, за каждого простого живого человека нашего. А смерть? Где она?

«Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?»

Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе!»

Бессмертно Огласительное слово на Пасху святого Иоанна Златоуста. А мы, художники, – кто мы у Бога? Приемлем мы смерть или отвергаем? Молимся мы жизни или проклинаяем её, часто страшную, страдальную? Поэт Александр Орлов тоже глядит в то зеркало, где отражены – рядом, близко – жизнь и смерть. И стихами своими он даёт нам утешение. Обречённости нет, если есть любовь.

(...) И молний огнедышащий моток
Вдруг сматывает кто-то тихо-тихо,
И всем понятно, кто кого сберёт,
И тонет смерть, безумная пловчиха...

Почему же всё-таки «ЕПИФАНЬ»? Павел Елифанович Орлов – прадед поэта. Ему посвящено стихотворение «Барин». А давайте вспомним, что такое Епифания, переведём это слово с греческого. Оно означает «Явление». Ещё – «раскрытие», «обнаружение». То, что явлено, и, может быть, чудом. И может БЫТЬ – Чудом. Теофанией. Божоявлением. Крещенские морозы. Крещение Господне. Водосвятие. И наш, русский Христос идёт к нам босой по снегам. «Нет смерти», – улыбаясь, шепчет Он нам.

Книга стихотворений Александра Орлова «ЕПИФАНЬ» – о жизни и смерти. О нас с вами.

И да, отныне и навсегда: о времени, народе и вере.

Берега прочтения

Дмитрий Ермаков

Дмитрий Анатольевич Ермаков – родился в 1969 году, член Союза писателей России, автор 12 сборников прозы и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат международной литературной премии «Югра», лауреат премии журнала «Наш современник», обладатель Золотого Диплома премии «Золотой Витязь» и ряда других. Живёт в Вологде.

Очарованный жизнью странник

Киляков В. Посылка из Америки. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019

...И вот в моих руках этот солидный, в пятьсот с лишним страниц, том – сборник рассказов и повестей «Посылка из Америки». Отличное издание, которому можно только позавидовать или порадоваться. Радуюсь! И за автора – Василия Килякова, и за читателей...

Хотел говорить только о книге, но не получается...

Мы уже давно заочно знакомы с Василием. Обратить внимание на него посоветовал мне литературный критик Вячеслав Лютый, а рекомендация Лютого для меня значима. Я связался с Василием, и вскоре в скромной газете «Литературный маяк» появилась подборка его дневниковых записей (что прислал, то я с удовольствием и опубликовал). Потом ещё были публикации... Такие записи – жанр особый, интересный, по ним (этим записям) сразу было видно, что Василий Киляков умеет и дать моментальную и точную бытовую зарисовку, и поставить философский вопрос, и попытаться решить его, да просто – высказать мысль. И надо сказать, мысли его – близки мне. Вот, например: «Бесконечно большая вселенная и ничтожно малая соринка на земле – всё касается друг друга, всё проникает друг в друга, и соприкосновение это происходит только в одном: в способности человека к молитве и созерцанию. А это – молитва и созерцание – подлинно тяжёлый труд...» (Созерцание – труд, это я понимаю и принимаю...)

И всё это он пишет замечательным русским языком. Но дневниковые записи – это всё-таки взгляд автора на мир с определённой, авторской, точки зрения, ограниченной рамками жанра – страницами дневника. Художественная же проза – это весь мир, увиденный и глазами писателя, и глазами его героев.

И вот, наконец, я прочитал и рассказы, и повести, и эссе, и очерки и даже интервью Василия Килякова – всему нашлось место в этой книге, видимо, подводящей итог на определённом этапе. Кое-что нашёл и в вездесущем Интернете.

Читаю интервью Василия Васильевича и вижу, откуда что берётся: от человека с богатой и трудной судьбой (и при этом замечательного устного рассказчика) – деда, от деревенского детства, от школы в провинциальном городе, от хорошего учителя литературы, от книг... От России, от судьбы её, которая становится и судьбой каждого русского, не каждый только это чувствует и понимает. Киляков чувствует, оттого он и пишет...

И теперь уже к книге...

Василий Киляков – неторопливый, внимательный и талантливый повествователь. Просто рассказывает простые истории жизни: «жили-были», «а потом», «а затем»... И проплывает перед внутренним взором читателя чья-то жизнь.

Если в дневниковых записях (по стилю, по мысли, по мировоззрению), как мне показалось, Василий Киляков близок к нашему современнику Владимиру Крупину, то в его рассказах и повестях увиделся мне гораздо более отдалённый творческий предшественник – Николай Лесков. Та же неторопливость, тщательность выделки, череда характеров, лиц, ситуаций («Очарованный старнник», «Левша», «Тупейный художник», «Запечатлённый ангел» и т. д.).

Лесков – при всей сложности своей жизни, судьбы, творчества – был именно очарован сложностью и красотой Божьего мира, и, прежде всего – человека как высшего творения в этом мире...

И интонация В. Килякова – это именно интонация очарованного жизнью странника, познающего своей жизнью мир и рассказывающего об этом таким же, как он, неторопливым слушателем-читателем.

Конечно, нельзя сводить всё творчество Василия Килякова к «похожести» на Лескова или, тем более, следованию по его пути. У Василия Килякова путь свой, взгляд свой, да ведь и время своё – «наше».

Вот, например, рассказ «Капитал». Это же «Очарованный странник наоборот». Очаровал Фому Кукина не мир Божий, а капитал, деньги. До того очаровал, что и муки он за этот капитал терпит, и на смерть готов (и свою, и чужую)... Рассказ страшный по своей беспощадности – гибнет Фома от копыта лошади, хотя всю жизнь был лошадиником, и остаётся от него на свете сын – Пашка-Полчеловека (он-то на самом деле и виноват в гибели отца).

Только и надежда, что молитва, которую, единственную, помнит от прабабки другой герой этого рассказа... Но ведь это надежда, которая не умирает даже последней...

Такие рассказы, как «Неугомонный», «Товарищи», – это рассказы о столкновении живого, ещё по-детски наивного деревенского мира с миром города, железа, душевного холода...

В «Стегнее и Варьке» рассказ переплетается с легендой, сказкой. И это уже не книжная традиция, это традиция устного рассказа.

Раньше мужики, ходившие из деревень в отход (на работу в город) или, позже, на лесозаготовки, специально брали с собой человека, обычно старика, который вечерами рассказывал сказки, легенды, истории из жизни, что-то на ходу придумывал, прибаутку подпускал... Вот таким «сказочником» становится в некоторых рассказах и Василий Киляков (как и герой его рассказа «Балагур»)...

И так страница за страницей проплывают образы, лица, судьбы: новорусские чиновники и просто русские сидельцы, палачи и жертвы, мужики и бабы... Народ.

Задержусь ещё на заглавном рассказе – «Посылка из Америки». Герой едет дождливым осенним днём на мотоцикле в родную деревню, по пути останавливается, чтобы согреться и обсохнуть в доме знакомой одинокой старухи. Она показывает семейные фотографии на стене... «Я слушал и думал: как странно, что мы все, особенно в городах, потеряли эту традицию – красный угол с образами, хоть маленький, но иконостас, где главенствует Спас. Под ним – Божья Мать... А что же было рядом с красным углом, вправо и влево по стене? Родители, умершие и почитаемые “из рода в род”, как сказано в литии по умершим... Нет сомнения, что мы молимся за нашу родню тут, а они “оттуда” благословляют нас...»

Старуха тем временем рассказывает о необычной судьбе «своего Мити», от которого у неё три дочери и сын... Ушёл на фронт, а оказался в далёкой Америке и даже присылал оттуда письма, а однажды и посылку с дешёвой ерундой. Но она хранит и присланный им настенный коврик, и ящик из-под посылки, а в ящике письма от него – и с фронта и из Америки... И последнее письмо мужа уже из больницы... И ведь ей даже не важно, почему, как он оказался в Америке (наверное, после немецкого плена). Когда герой уходил, старуха заставила его надеть тёплые сухие носки, передала поклон его бабке – подруге ещё с молодости...

Приведу большую, но необходимую для понимания жизненной и творческой позиции Василия Килякова цитату: «Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Думал об этих полях непаханных с колками берёз... Что в них, в этих берёзах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает ностальгией и даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть какая-то особенная торжественная грусть в этой серединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути <...>. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог <...>. Русский народ, едва ли не весь и едва ли не каждый из нас, – идёт, неся свой крест.

Бабушке своей я передал привет от Марфы.

– <...> И носки подарила? Ну и я в долгу у неё не останусь, я ей отомщу...

Это её “отомщу”, против обычного понимания, вызвало у меня не смех, а печаль, едва не со слезой. Такой-то жалостью пролилось в сердце к земле нашей бесприютной, ко всем людям, жившим до нас и живущим с нами. И долго ещё глядел я с крыльца на поля, на косогор, на горизонт в дожде... На эту скудную и дорогую сердцу русскую голгофу...»

Вот эта печаль, жалость, сопереживание и проживание «русской голгофы» и есть суть творчества Василия Килякова. И эта жалость (любовь) отзывается в сердце читателя.

Но вернусь к книге. Повесть «Родное пепелище» – горькое повествование о том, как вытесняются с родной земли её хозяйева... Уходил Антон Волчихин в армию из одной страны, вернулся в другую, в которой убивается русская деревня, орудуя по деревням банды «собирателей» икон, нет работы

и даже хлеба... До конца борются за жизнь и своё достоинство отец и сын Волчихины, да, они вынуждены оставить родную деревню, но они ищут работу, не опускаются на дно новой жизни... И всё же последним исходом стало для Серафима («огненного») – сожжение собственного дома и, так случилось – самосожжение... Так, языками пламени, испокон уходила на небо Русь, не сдаваясь врагу...

Следующая повесть – «Последние» – как врачующая повязка на обожжённую душу читателя. Последние деревенские старики и старухи – хранители векового лада – герои её. И если Василий Киляков написал о них, то я верю, что они всё же не стали последними. А иначе не устоял бы этот мир.

«Благочестивому читателю» – эссе, видимо, сложившееся из дневниковых записей. Здесь и рассуждения над книгой «Луг духовный» блаженного Иоанна Мосха, и размышления о дне сегодняшнем, о творчестве, о политике, о том, говоря словами Шукшина, – «что с нами происходит»...

«Что с нами происходит?» – задавал вопрос в начале семидесятых прошлого века Василий Макарович. В наше время это произошло – торжествующий хам, бездуховность – вот что происходит... И об этом тоже рассуждает Василий Киляков в эссе «И охладет в людях любовь...», имеющем подзаголовок «Размышления над рассказами В. М. Шукшина вдали от “демонстрации Оккупай и памятника Абаю-Ибрагиму Кунанбаеву”».

Признаюсь, у меня есть эссе с подзаголовком «после прочтения рассказа Василия Белова», есть и попытка «беседы» с Шукшиным – письменного разговора с ним. То есть мне близка и интересна такая форма – размышления, отталкиваясь от творчества любимого и уважаемого писателя. И я, как Василий Киляков, в поисках правды не пойду к «оккупаям-абаям», я лучше возьму с полки книгу Шукшина, Белова или Абрамова – тех писателей, которые уже много поняли в русской жизни и указали пути по ней... Вот Киляков пишет: «...Василий Макарович Шукшин – это и есть Школа. Школа с большой буквы. И никакими усилиями русскоязычных не погасить величия этой школы: чтобы принадлежать к ней – нужно иметь достоинство...»

Василий Киляков, безусловно, принадлежит к Школе Василия Шукшина...

И следующее эссе – «Душа-частушка» – ещё раз подтверждает его принадлежность к этой Школе. Через частушку – выражение народного характера – вся история страны от Ленина до Ельцина и авторское рассуждение об этой истории.

За эссе следует интервью, взятое у Василия Килякова Ириной Гречаник, – вот такое необычное построение книги. Не буду отнимать у читателя возможность самому прочесть это интервью, в котором Василий Киляков раскрывает природу своего творчества, высказывает свой взгляд на мир, на то же творчество. Приведу лишь его последние слова: «Время как “млат”, который, “дробя стекло, куёт булаг”. И всё же надо делать выводы, надо знать, что без опыта и выводов мы безоружны. Надо собрать стекло, переплавить. Это стекло – наша память и опыт. Переплавить и вылить в форму, в потир, в светлую причастную чашу... Мы должны научиться прощать, держаться вместе и помнить то бурное море – озеро Галилейское, – которое переплывали апостолы. Море бушевало, а Христос спал. Спал, но не отсутствовал.

Надо ввериться Его воле, грести и держать кормило. “Делай, что должно, и пусть будет, что будет” – это про нас. Все мы плывём в одной лодке, под одним парусом, хотим мы этого или нет. Всё будет, впереди ещё много тревог и радостей».

Но интервью не заканчивает книгу. За ним следуют два очерка – ещё одна грань таланта Василия Килякова. «Худая жизнь» – бедовая судьба женщины, потерявшей на чеченской войне сына и взявшей на себя право и власть вершить суд – не справедливый, не правый, но... вынужденный...

И очерк-воспоминание «Возвращение снега», посвящённый памяти замечательного русского писателя Глеба Горышина. Да, так и бывает – почти случайные и внешне незначительные встречи с «большими» людьми (духовно большими, значимыми) со временем тоже вырастают, наполняются внутренней значимостью. Вот так и вырос этот очерк...

А заканчивается эта большая книга маленькой, на полторы страницы, философской зарисовкой, размышления автора над листом бумаги, молитвой: «...Просил бы Его всей его милостью и благодатью – помогать мне тем одним, чтобы оставаться мне наедине с собою, со своими мыслями и чувствами... Я просил бы Его обратить в вечное вот этот предрассветный час, уходящую ввысь луну и этот миг, это мгновение, которым заканчиваю я эти строки. Я просил бы Его не то что обратиться в вечное, а хотя бы продлить мне время творчества, – муки моей и радости...»

И мне хочется встать на молитву рядом с автором этих слов, замечательным русским писателем, странником, очарованным Божьим миром – Василием Киляковым.

Русский мир без границ

Берега Бразилии

XX век русского балета. Татьяна Лескова

*Беседа Оксаны Карнович с Татьяной Юрьевной Лесковой
и князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским*

Татьяна Юрьевна Лескова – выдающаяся балерина и педагог, которая ставила балеты Михаила Фокина и Леонида Мясина в разных странах мира, правнучка великого писателя Николая Семёновича Лескова, уже более 70 лет живёт в Бразилии, оставшись в далёкой южноамериканской стране после гастролей компании «Оригинальный русский балет» (Original Ballet Russe). Узнав, что Татьяна Юрьевна Лескова собирается прилететь из Рио-де-Жанейро в Париж, посетить город своего детства и юности, я вылетела на встречу с легендарной женщиной, с последней ныне здравствующей балериной «Оригиналь балле рус». Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомок Рюрика в 33-м поколении, меценат, коллекционер театральной живописи художников дягилевской антрепризы, прервал свой отдых на Сардинии, чтобы поговорить об общих знакомых, погрузиться в воспоминания о славных годах русского балета за рубежом. Наша встреча состоялась 20 сентября 2019 года. По приглашению Татьяны Юрьевны в первый же вечер мы приехали на Rue Varbet de Jouy, где она остановилась у своего родственника графа Сергея де Пален (Serge de Palhen). В холле парадной, украшенной репликой скульптуры Полины Боргесе (Paulina Borghese) работы Антонио Канова (Antonio Canova), нас встретила элегантная и женственная 97-летняя балерина. Мы вызвали такси и поехали в ресторан Le Dome в Монпарнасе (Montparnasse) есть её любимые устрицы.

Там началась наша беседа, которая была продолжена на следующий день во время обеда с Татьяной Юрьевной и её секретарем и помощницей Терезой. Мы смотрели балет Леонида Мясина «Предзнаменования» (Les Présages), реконструкцию которого Татьяна Лескова осуществила по приглашению Рудольфа Нуреева в Парижской опере в 1989 году. К сожалению, объём интервью не позволяет воспроизвести все затронутые в процессе общения темы. Любовь Егорова, Ирина Баронова, Татьяна Рябушинская, Серж Лифарь, Леонид Мясин, Джордж Баланчин, Михаил Фокин, Сол Юрок, Марго Фонтейн, Рудольф Нуреев, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна Романова – это далеко не полный список выдающихся имён, с кем работала и общалась Татьяна Лескова. Воспоминания далёкого прошлого, даты, нюансы встреч, рассказанные ею, бесценны. Во время ограниченного времени общения с Татьяной Юрьевной хотелось о многом расспросить, и мы переходили с одной темы на другую, нередко упуская важные детали, в надежде позже выстроить интервью в последовательное повествование, дополнив его интересными фактами. Работа по редактированию заняла несколько месяцев как по причине многочисленных и важных дополнений, сделанных Татьяной Юрьевной, так и в силу некоторых для неё трудностей изложения материала на русском языке. Мы с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским выражаем искреннюю признательность супругам Татьяне и Артуру Григорьян, которые помогли дополнить и обработать бесценные воспоминания Татьяны Юрьевны вместе с ней уже в Бразилии.

*Никита и Татьяна Лескова.
«Лё Дом», Париж, 2019 г.*

Марго Фонтейн и Рудольф Нуреев

О. К.: Татьяна Юрьевна, с кем Вы вначале познакомились – с Рудольфом Нуреевым (Rudolf Nureyev) или с Марго Фонтейн (Margot Fonteyn)?

Т. Л.: С Марго Фонтейн, конечно, ведь они стали выступать вместе только с 1961 года после «бегства» Нуреева из СССР. Я видела её выступления в Лондоне в 50-х годах, а наше личное знакомство состоялось в 1959 году, когда она приезжала в Рио-де-Жанейро со своим мужем, послом Панамы в Великобритании Тито Ариасом (Tito Arias). Марго Фонтейн тогда посетила наш главный Городской театр (Teatro Municipal Rio de Janeiro) и присутствовала на моём уроке, где мы и познакомились.

Н. Д. Л.-Р.: Её супруг Тито Ариас ещё был в хорошем здравии?

Т. Л.: В прекрасном. Он приехал в Бразилию покупать оружие, так как хотел совершить в Панаме переворот.

Н. Д. Л.-Р.: Тито хотел стать президентом?

Т. Л.: Возможно, хотя я и не уверена в этом. По вопросу покупки оружия они общались с двумя бизнесменами, один из которых был очень влиятельным человеком в бразильском обществе. Он был женат вторым браком на матери Далал Ашкар (Dalal Achkar), которая благодаря отчиму смогла познакомиться с Марго Фонтейн и сблизиться с миром балета. Она очень хотела стать балериной, но её талант более всего раскрылся в продюсировании. По совету Марго она основала собственную школу балета в Рио и потом стала импресарио. Благодаря этим отношениям с Марго она смогла впервые привезти в Рио лондонский Королевский балет (The Royal Ballet). Позже она также привозила в Рио балет Парижской оперы (Le Ballet de l'Opéra de Paris).

Н. Д. Л.-Р.: И что стало дальше с Марго и Тито?

Т. Л.: Они купили в Бразилии оружие, погрузили его на маленькую яхту и повезли в Панаму. Но там их с грузом задержали. Марго была депортирована в Майами, а Тито укрылся на время в бразильском посольстве, потом ему разрешили уехать из страны. Они вернулись в Англию, и когда позже я по работе была в Лондоне в течение шести недель, Марго несколько раз приглашала меня к ним. У меня была возможность полюбоваться золотыми статуэтками доколумбовского искусства, украшавшими ниши на стенах их гостиной. И с тех пор мы ещё неоднократно встречались в Лондоне, Нью-Йорке и Рио-де-Жанейро.

Н. Д. Л.-Р.: Оружие было куплено на деньги Марго, или у Тито были свои деньги?

Т. Л.: Я этого не знаю, но думаю, что у него были свои деньги. В конце концов, он происходил из очень влиятельной и богатой семьи, его отец и дядя были в разные годы президентами Панамы. Благодаря этому случаю Далал и познакомилась с Марго в Рио, и позже подружилась с ней.

Н. Д. Л.-Р.: Как сложилась их дальнейшая судьба?

Т. Л.: После смены власти в Панаме Тито смог вернуться на родину и заняться политикой, но через некоторое время стал жертвой политических разборок. Он был серьёзно ранен выстрелом из пистолета и остался парализованным. Марго заботилась о нём до конца его жизни. Она брала его во все свои турне вместе с ухаживавшим за ним помощником. Так как Тито любил курить сигары, Марго их для него зажигала и держала, чтобы он мог курить, поскольку руки у него тоже были парализованы. Когда Марго серьёзно заболела, её финансовое положение было настолько плачевным, что Королевский балет вынужден был помогать ей. Конец жизни этой великой и знаменитой английской балерины был, к сожалению, очень драматический.

Н. Д. Л.-Р.: Тито был очень красивый, обаятельный мужчина. Женщины, должно быть, любили его.

Т. Л.: Я не находила его таким уж обаятельным. Я с ним познакомилась в антракте одного балетного спектакля, в баре (The Crush Bar) театра «Ковент-Гарден». За много лет до этого я слышала, что Марго была влюблена в Ролана Пети (Roland Petit). В 1948 году Ролан Пети пригласил Марго в свою труппу «Балет Парижа» (Le Ballet de Paris) в Театре Мариньи (Théâtre Marigny), где он для неё поставил балет «Девушки ночи» (Les Demoiselles de la Nuit) на музыку Жана Франсе (Jean Françaix). Я случайно была в Париже в том году и видела этот спектакль. К сожалению, после Ролан Пети больше не ставил его. А Марго вернулась в Лондон.

Н. Д. Л.-Р.: Марго чуть было не стала женой брата моей матери Николая Васильевича Вырубова. У них был роман, но отец моего дяди запретил ему как дворянину жениться на балерине. Брак Кшесинской с представителем рода Романовых не стал для него послаблением в его убеждениях. И этого не произошло.

С Рудольфом Нуреевым

– Вы мне напоминаете Николая Вырубова.

– Это мой дядя.

– Вы на него очень похожи.

И тогда я сказал ей, что мой дядя был безумно в неё влюблён и сожалел о том, что отец не разрешил ему бракосочетания.

Т. Л.: Марго Фонтейн, помимо прочего, имела титулы Дамы Большого Креста, а также Её Королевского Величества Prima ballerina assoluta. Будучи одной из самых титулованных и именитых балерин в мире, она была воспитанной, приятной и очень простой в общении женщиной. Красивая фигура, ноги, техника, гармоничные руки и самое главное – её музыкальность!

Кстати сказать, она прошла школу русского хореографа Георгия Гончарова в Шанхае, где её семья жила в 1927–1933 годах.

Для неё Фредерик Аштон (Frederic Ashton) поставил свои самые лучшие и знаменитые балеты. Я думаю, что при её занятости у неё не было времени заниматься романами...

Н. Д. Л.-Р.: Кроме музыкальности, техники и линий, у неё была душа.

О. К.: «Жизель» прекрасна в их исполнении.

Т. Л.: В 1967 году я ставила «Жизель» с участием Марго Фонтейн и Рудольфа Нуреева. Это устроила Далал, которая пригласила их в Рио, чтобы популяризировать балет в Бразилии и поднять уровень балетного искусства в стране. Это был их первый совместный визит в Бразилию. Далал рассчитывала использовать кордебалет Муниципального театра Рио-де-Жанейро, но директор театра отказал ей в этом. Мне пришлось собирать новую труппу исполнителей из танцовщиц и танцовщиков других студий и даже учеников. В ролях королевы виллис и других ведущих персонажей согласились участвовать солисты театра, для которых было честью выступить вместе с Марго и Нуреевым.

Н. Д. Л.-Р.: Почему же директор запретил участие кордебалета?

Т. Л.: Не знаю. Но мне пришлось помучиться с набором, и если с девочками было проще, то танцовщиков удалось найти только шесть вместо двенадцати. Я вынуждена была менять хореографию вальса первого акта, ставя двух балерин на каждого танцовщика.

А теперь расскажу о том, как я познакомилась с Рудольфом Нуреевым. Я репетировала на сцене с кордебалетом, зная, что Марго с Нуреевым должны приехать на следующий день. Неожиданно позади меня послышалось громко по-русски: «Какое говно!» Это был Нуреев, который повторил это ещё несколько раз, прежде чем я успела повернуться и сказать: «Здравствуйте, я – русская, но не привыкла слышать такие слова». Он удивлённо повернулся ко мне и, поняв, кто я, обнял и поцеловал. Такой была наша первая встреча.

Н. Д. Л.-Р.: Что ему не понравилось?

Т. Л.: Бенуа у нас не было, и, к сожалению, наш декоратор был очень слабый, но он был выбран дирекцией театра... Хотя я уже была опытным балетмейстером, проводя десятый сезон в театре, Далал представила спектакль как The production of Dalal Achkar, не упомянув меня. Тогда на следующий день в своём интервью Нуреев похвалил меня за постановку «Жизели», сказав, что всё было сделано так профессионально, что не пришлось ничего менять. После этого мы с ним подружились. Впрочем, быть друзьями с Нуреевым было сложно, потому что то он вас мордой об стол, то целует.

Т. Л.: Я не могу поверить, что в XX веке, после революции, ещё существовали такие нравы! К примеру, Матильда Кшесинская и Любовь Егорова, будучи балеринами Мариинского театра, были замужем за дворянами. Кшесинская за великим князем Андреем Владимировичем, а Егорова – за князем Никитой Трубецким. Так что я нахожу это абсурдом...

Н. Д. Л.-Р.: Лет 50 назад я был на обеде у председателя бельгийского банка, где случайно оказался за столом рядом с Марго. Мы не были знакомы, и она обратилась ко мне с вопросом:

– Вы живёте в Париже?

– Да.

А в 1975 году я по предложению Марго поехала в Гонконг ставить детский спектакль «Щелкунчик». Я не была готова работать с непрофессиональной труппой – для меня это была полная неожиданность. Танцовщицы в основном были китайками, и я не могла их различить, так что пришлось клеить на них номера. Костюмы я выдумала. Марго пригласила пару солистов из шотландского балета, но они в последний момент отказались. Слава богу, что моя бывшая ученица Нора Эстевес (Nora Esteves) находилась в Париже, ожидая контракта у Ролана Пети. Я вызвала её, и Нора приехала с партнёром Жан-Клодом Руизом (Jean Claude Ruiz). Марго одолжила ей две собственные пачки – белую и розовую. Я там поработала два с половиной месяца, но это оправдалось хорошим заработком.

Сначала Марго хотела послать меня на целый год балетмейстером в Финляндию. Я тогда подумала: что я буду делать в Финляндии, где нет солнца? Я с ума сойду. Там холодно и всегда темно. В Рио я привыкла к вечному лету и теплу. Тогда она послала в Финляндию кого-то другого, а я поехала к китайцам.

А ещё Марго выдумала как-то послать меня в Сан-Сальвадор, аккурат перед их тогдашней революцией... Надеюсь, что я Вас не утомила.

Н. Д. Л.-Р.: Вы рассказываете очень интересные подробности об известных нам артистах, дополняя новыми красками картину балетного искусства того времени.

Т. Л.: Моя жизнь целиком и полностью была связана с балетом. И участие Нуреева в ней было значительным. В 1989 году он пригласил меня в Парижскую оперу восстановить балет-симфонию «Предзнаменования» (Les Présages) Леонида Мясина, впервые поставленный им в 1933 году. Мы использовали для этой работы оригинальные макеты костюмов и декораций Андре Массона (André Masson), взятые напрокат из фонда Мясина (Massine Foundation). Сделанные с них копии, кстати сказать, загадочным образом исчезли, что обнаружилось через год, когда меня пригласили в Нью-Йорк поставить «Предзнаменования» для «Балет Джоффри» (Joffrey Ballet).

Н. Д. Л.-Р.: Аналогичный случай произошёл, когда Роберт Джоффри (Robert Joffrey) хотел поставить «Петрушку» в «Сити Сентер» (City Centre) в Нью-Йорке. Он мне рассказывал, что у Мясина, которого пригласили в качестве хореографа, а Мясин танцевал Петрушку ещё у Дягилева, было только 34 эскиза костюмов, и он тогда искал недостающие.

Ну а что касается Джоффри, когда он искал эскизы для балета «Петрушка», я сказал ему, что у нас есть 100 эскизов костюмов (Бенуа перерисовывал «Петрушку» 14 раз!), 14 вариантов бутфорки и 4 декорации, и он всё это переснял. А в знак благодарности от него нам принесли букет из более чем 30 белых роз. Журнал «Dance Magazine» в статье, посвящённой постановке 1970 года, иллюстрировал материал эскизами из нашего собрания.

Вот такие у меня воспоминания о Роберте Джоффри и о работе над балетом «Петрушка».

Т. Л.: Вы меня извините, но «Петрушка» была поставлена впервые Фокиным, и, хотя он умер в 1942 году, прожив последние 22 года своей жизни в США, я не думаю, что Мясин имел моральное право ставить этот балет. На самом деле все 118 эскизов костюмов и декораций работы Александра Бенуа для балета «Петрушка» после смерти Фокина остались у Юрека Лазовского, который много раз ставил этот балет для маэстро при его жизни. Эти же кроки и эскизы Лазовский привозил в 1979 году в Рио-де-Жанейро, когда его пригласили поставить «Петрушку» в нашем главном театре. На этот спектакль, чтобы повидаться и пообщаться с Юреком, приезжала из Буэнос-Айреса Тамара Григорьева. Она, так же как и Нина Вершинина, которая в то время жила в Рио и тоже была на встрече, не виделась

С Юреком Лазовским и Тамарой Григорьевой, постановка балета «Петрушка» в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро, 1979 г.

с Лазовским с 1942 года! Уезжая из Рио, Юрек оставил мне все копии эскизов костюмов и декораций. Они были небольшого формата, размером с игральные карты, но чёткие и яркие. Так случилось, что несчастный Юрек, страдавший припадками, недолго прожил после своего пребывания в Рио.

Поскольку у нас этот балет больше не планировался к постановке, то позже я отдала эскизы Жоржу Скибину, когда он был в Рио.

Эрик Брун (Eric Bruhn)

Н. Д. Л.-Р.: Вам посчастливилось пересечься с Эриком Бруном.

Т. Л.: Это было в Париже, куда Нуреев был приглашён танцевать «Лебединое озеро». Директором Парижской оперы был тогда Пьер Берже (Pierre Bergé). Он организовал ужин в ресторане «Максим» (Maxim's), и Рудик пригласил меня на этот ужин. Там были также поклонники Нуреева и сам Эрик Брун. За большим овальным столом я оказалась напротив Рудика. Он спросил меня по-русски: «Как я станцевал?» Я ответила: «Ты сам видел, какой грандиозный был успех! Овации и аплодисменты не смолкали». А Эрик подошёл ко мне сзади и говорит: «Это был очень плохой спектакль, ты танцевал недостаточно чисто». Вот так: отношения профессиональные ничего общего не имели с личными отношениями.

Я познакомилась с Эриком ещё раньше в Нью-Йорке, увидев его несколько раз на уроках в студии Джоффри, когда преподавала вместе с приглашённой из Лондона Верой Волковой, а также на спектаклях в «Линкольн-центре».

Возвращаясь к Нурееву, вспоминаю историю, которая была несколькими годами ранее в Лондоне. После спектакля в Ковент-Гардене мы оба были приглашены на русский (по старому стилю) Новый год к леди Мэри Сэнт Джаст (Mary Saint Just). Я предложила ему поехать вместе, на что он сказал, что приедет позже, потому что должен прежде подписать контракт для фильма «Валентино». И шутливо добавил: «Скажи Мэри, чтобы нашла мне шесть красивых парней».

А ещё вспоминается забавный случай, связанный с Нуреевым, из Нью-Йорка 1989 года, когда я преподавала там в университете. Я пошла в Метрополитен-опера смотреть «Жизель» в исполнении Карлы Фраччи (Carla Fracci) в дуэте с Нуреевым. Было очень смешно наблюдать, когда по завершении спектакля на левой стороне галереи кричали: «Браво Нурееву!», а на правой стороне, очевидно, итальянцы кричали: «Браво, Карла!» Это была нешуточная борьба поклонников Нуреева и Фраччи.

Н. Д. Л.-Р.: Балетный критик Клемент Крисп (Clement Crisp) говорил то же самое, что Нуреев был шоуменом и что Барышников был лучше Нуреева, потому что танцевал намного чище.

О. К.: Вас слушать можно бесконечно.

Т. Л.: Вы знаете, у меня очень давно не было случая поговорить о балетном искусстве.

Джордж Баланчин и Леонид Мясин

О. К.: Когда Вы впервые встретились с Джорджем Баланчиным?

Т. Л.: Это было в самом конце 1940 года, когда труппа «Оригинального русского балета» (Original Ballet Russe) приехала специальным поездом из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. Спектакли проходили в театре на 51-й улице (Fifty-first Street Theatre) и имели большой успех. Импресарио Сол Юрок (Sol Hurok) решил представить меня публике как юную звезду. Мне не было ещё и 18 лет. Так совпало, что я танцевала «Котильон» (Cotillion) на музыку Шабрие (Emmanuel Chabrier) с хореографией Баланчина, который маэстро ставил ещё в Европе до переезда в США. Во время представления Баланчин сидел в зале, и после спектакля он поднялся на сцену, чтобы поприветствовать нас. Тогда мы ещё не знали, что наш директор Василий Григорьевич пригласил его ставить с нами новый балет.

Н. Д. Л.-Р.: А чем занимался в это время Баланчин в «Сити-центре»?

Т. Л.: Ставил спектакли, у него была своя труппа «Американский балет».

О. К.: Баланчин стремился помогать своим соотечественникам?

Т. Л.: Да, он был очень добр и внимателен к русским соотечественникам. Он посещал русские балетные школы в Париже (Ольги Преображенской, Любви Егоровой, Матильды Кшесинской и других), чтобы выбрать самых перспективных молодых артистов. И когда в 1932 году он стал

главным балетмейстером новой антрепризы «Балета Монте Карло» (Ballets de Monte Carlo), то сразу пригласил на работу Туманову, Баронову, Рябушинскую, Еглевского. Но он брал не только русских, но и других талантливых танцовщиков.

Н. Д. Л.-Р.: Мясин тоже набирал и приглашал русских артистов?

Т. Л.: Мясин был гениальный балетмейстер, но как человек довольно холодный. Я думаю, что он себя ограждал от балерин, их мамочек, от всяких разговоров и интриг.

Н. Д. Л.-Р.: Как человек, да. Мясин бывал у нас с подругой в Сан-Франциско. Но он был холодный человек, да. Я у него купил эскиз Марка Шагала (Marc Chagall) с изображением Алеко и Земфиры.

Т. Л.: Расскажу вам одну историю, связанную с Мясиним. В 1960 году я случайно встретилась с ним перед Театром Елисейских полей (Théâtre des Champs Élysées) на авеню Монтень (Avenue Montaigne). Я выходила из такси, а он пытался поймать свободное. Даже не поздоровавшись, он неожиданно спросил: «Вы помните хореографию “Хореартиума” (Choreartium)?»

– Думаю, что да! – не раздумывая, ответила я.

Он сразу дал адрес и пригласил меня вечером к себе домой в Нейи-сюр-Сен (Neuilly-sur-Seine) под Парижем показать ему, что я помнила. Сразу после репетиции он пригласил меня быть его ассистенткой на V Международном фестивале балета в Нерви, который должен был проходить в марте того же года. Когда я сообщила ему, что у меня отпуск только до марта и я должна вернуться в Рио-де-Жанейро к началу оперного сезона, он позвонил директору Муниципального театра, который разрешил мне продлить мой отпуск без каких-либо взысканий. Потом он звонил ещё раз, чтобы мне разрешили работать с ним до конца августа.

В Нерви я жила в том же доме, что и семья Мясиных. Я делила маленькую квартирку на третьем этаже с дочерью Мясиных, которую тоже звали Татьяна, и подругой американкой. Каждый день я обедала с семьёй на четвёртом этаже и видела, как Мясин быстро ел, чтобы после обеда отдохнуть часок перед тем, как возвращаться на работу. Мы репетировали три раза в день: с 10 часов утра до 12:30, с 15:30 до 17:30 и ещё с 20:30 до 22 часов. Поздно вечером мы возвращались домой очень уставшие, и Мясину ещё нужно было пешком подниматься на четвёртый этаж, так как в доме не было лифта. Однажды я захотела помочь ему, предложив ему свою руку для опоры, но он отказался от моей помощи. В те годы ему уже было под 65. У Мясина ещё был небольшой топчан, на котором он иногда отдыхал во время репетиций. Интересно было видеть, как, просыпаясь, он начинал считать по-итальянски «упо, due, tre», возвращаясь к репетиции своей новой двухчасовой постановки «Человеческая комедия» по мотивам «Декамерона» Боккаччо.

Нерви был сказочным городком, хотя и не имел пляжей. Иногда в обеденный перерыв я вместе с художником Андрэ Борепаром (Andre Beaurepaire) ездила обедать в знаменитый Портофино.

О. К.: Татьяна Юрьевна, расскажите ещё о встречах с Баланчиным.

Т. Л.: Хорошо. Мне вспоминается наша встреча в 1964 году в Нью-Йорке. Я остановилась тогда в одной гостинице на 55-й улице, напротив театра «Сити-центр» (City Center Theater). Увидев, что там будет идти спектакль «Нью-Йорк Сити Балета» Баланчина (New York City Ballet), я сразу купила себе билет. Моё место оказалось в последних рядах, но в перерыве, увидев Баланчина впереди, я подошла к нему. К моему удивлению, он меня сразу узнал, поцеловал и неожиданно спросил: «Таня, вам нужна работа?» Я его поблагодарила за заботу и сказала, что приехала в отпуск посмотреть балеты, музыкальные комедии, погулять по магазинам и просто по городу.

Я тогда очень удивилась и обрадовалась, потому что он не видел меня с 1942 года, когда мы последний раз пересекались в Буэнос-Айресе, но тем не менее сразу узнал! В 1942 году наш балет был в Буэнос-Айресе, и там же был Баланчин. Мы заканчивали сезон, и за ужином в ресторане он пригласил меня танцевать в его сезоне в Театре Колон (Teatro Colon). Я поблагодарила и, недолго думая, приняла его приглашение, так как у нас уже не было контракта с полковником де Базилем. Я уже начала репетировать у Баланчина с Юреком Шабелевским, когда к моему огромному удивлению и разочарованию ко мне пришёл адвокат Базиля и показал письмо моего отца, согласно которому де Базиль отвечал за меня до 21 года, а мне тогда ещё не исполнилось и 20 лет.

О. К.: Но Вы ещё упоминали о новом балете, который с вами ставил Баланчин в 1940 году. Расскажите об этом, пожалуйста.

Т. Л.: Да, я расскажу вам, о чём вы, наверное, тоже не знаете. К новому сезону антрепризы полковника де Базиля «Оригинального русского балета» в Нью-Йорке в 1940 году Баланчин поставил балет

Сцена из балета «Балюстрада».
Т. Лескова крайняя слева

«Балюстрада» на музыку скрипичного концерта Игоря Стравинского в исполнении скрипача Самуила Душкина. Премьера состоялась 22 января 1941 года. Костюмы сделал Павел Челищев. Не было никаких декораций, если не считать низкой белой балюстрады (откуда и название балета) на чёрном заднем фоне. Постановка состояла из четырёх сцен. В первой части танцевала я с Романом Ясинским вместе с восемью балеринами кордебалета, вторую часть должна была танцевать Марина Светлова, но она заболела ещё в начале репетиций и была заменена сестрой Тамары Григорьевой Галей Разумовой, которая выступила в паре с Полом Петровым, третью часть танцевала Тамара Туманова с Петровым

и Ясинским, а четвёртую танцевали все солисты, мы втроём с восемью артистами кордебалета.

Н. Д. Л.-Р.: То есть вы все были в Нью-Йорке в 1940 году?

Т. Л.: Да, вся наша балетная труппа была там. В США мы плыли пароходом из Австралии в конце сентября, а в Австралию мы приплыли в конце декабря 1939 года и находились там, соответственно, около девяти месяцев.

О. К.: Сколько времени вы плыли на пароходе из Австралии?

Т. Л.: Мы плыли три недели на пароходе «Монтеррей» до Сан-Франциско (San Francisco) и затем в Лос-Анджелес (Los Angeles), сделав по пути заходы в Окленд (Auckland), Самоа (Samoa) и Гавайи (Hawaii). Нам было известно, что почти сразу по приходу в Лос-Анджелес нам предстоит давать спектакли, поэтому мы во время плавания каждое утро до пробуждения остальных пассажиров тренировались на палубе, используя ограждение в качестве станка. В Лос-Анджелесе мы выступали около 15 дней, а потом специальным поездом со всеми нашими декорациями, костюмами и багажом, а также оркестром из 17 музыкантов поехали через всю Америку от западного побережья до восточного. Буквально живя в поезде в течение 10 дней, до Миннеаполиса (Minneapolis) мы останавливались только в двух городах, где дали по одному представлению. В Миннеаполисе нам довелось выступать в сопровождении знаменитого оркестра Миннеаполиса. Оттуда мы поехали в Чикаго (Chicago), где танцевали в течение двух недель в чудном старом театре «Аудиториум» (Auditorium), имея возможность показать большую часть нашего репертуара. Оттуда мы отправились в Нью-Йорк (New York), куда прибыли в последних числах ноября. Там мы узнали грустную новость, что старый «Метрополитен-Опера» (Metropolitan Opera House) уже был снесён с целью реконструкции. В те годы Линкольн-центр (Lincoln Center) ещё не был построен, так же как и «Сити-центр» (City Center).

Что я вам сейчас скажу, может показаться невероятным. В конце 1940 года в Нью-Йорке выступали одновременно три балетных компании: «Русский балет Монте-Карло» (Le Ballet Russe de Monte Carlo) Леонида Мясина (Massine) и Сержа Дэнема (Denhem), новый «Американский театр балета» (American Ballet Theater – АВТ) под руководством Лючии Чейз (Lucia Chase) и Ричарда Плезанта (Richard Pleasant) и наша, только приехавшая, антреприза «Оригинальный русский балет» де Базиля (Original Ballet Russe de Basil). Все три компании танцевали в средних по размеру театрах в квартале Таймс Сквер (Times Square), и вы не поверите, у всех была публика и большой успех. Это был канун Рождества, Нью-Йорк был переполнен туристами и самими жителями города, делавшими рождественские покупки и посещавшими спектакли. Мы оставались в Нью-Йорке практически до конца января 1941 года, давая спектакли.

Как раз в это время, как я уже говорила ранее, Джорджем Баланчиным на музыку Стравинского был поставлен новый балет «Балюстрада», премьера которого состоялась 22 января 1941 года. Участие самого автора скрипичного концерта маэстро Игоря Стравинского, дирижировавшего оркестром, и скрипача Самуила Душкина, для которого был написан этот концерт, уже гарантировали балету успех. Баланчин не хотел отвлекать внимания зрителей от хореографии и музыки, и поэтому декорации были предельно простыми. Конечно, с Баланчиным и Стравинским вместе этот

спектакль стал событием и был обречён на успех. К сожалению, этот балет мы не могли взять в турне, потому что нужен был солист-скрипач.

Я должна вам рассказать о том конфузе, который случился со мной при работе над этим балетом. В тот день, когда должна была состояться первая репетиция, я решила воспользоваться обеденным перерывом, чтобы купить себе новое вечернее платье для новогоднего приёма. Его организовывал для нас и других балетных трупп, которые он продюсировал, импресарио Сол Юрок. Увлёкшись шопингом, я поздно заметила, что могу опоздать на репетицию, и когда кинулась ловить такси, они все были заняты. Когда в конце концов с опозданием в 10–15 минут я приехала на репетицию и, извиняясь, зашла в зал, то увидела, что на моём месте уже репетировала другая балерина. Я встала сзади, делая всё то, чему учил Баланчин. А когда на следующий день я проверяла расписание репетиций, то с удивлением и испугом обнаружила, что вместо пары с Романом Ясинским мне предстояла отдельная репетиция с самим Баланчиным.

Я бы не советовала ни одной начинающей балерине следовать моему примеру, потому что такая удача случается не со всяким!

О. К.: Татьяна Юрьевна, как складывались начавшиеся из-за войны вынужденные гастролы?

Т. Л.: Это был мой первый профессиональный сезон в антрепризе полковника де Базиля, в которой я дебютировала в Лондоне в мае 1939 года. После летнего отдыха нас ожидали гастролы в Берлине, но из-за начавшейся в сентябре войны, руководство поменяло планы, и мы, спасаясь от войны, отправились в Австралию. От Лондона до Сиднея мы плыли целых шесть недель, выйдя в море в ноябре и прибыв в Сидней в конце декабря 1939 года. Море уже было опасное, и мы плыли зигзагами из-за мин.

Незадолго до прибытия в Гибралтар мы разошлись в море с корейским пароходом, который в тот же день, как мы узнали вечером из радио, подорвался на mine. Гибралтарская скала встретила нас сиреной воздушной тревоги. После этого стресса мы плыли спокойно по Средиземному морю до Порт-Саида (Port Said), где была следующая остановка. Все хотели спуститься на берег, но нас не пустили, потому что в компании были граждане 10 разных стран: англичане, русские, поляки, немцы... Оттуда мы прошли по Суэцкому каналу (Canal de Suez) в Красное море. Были ещё остановки в Адене (Aden) в Индийском океане, потом на Цейлоне (Ceylon) и, наконец, в Бомбее (Bombay), где с парохода сошло множество индусов, бежавших от войны в Европе.

Обложка альбома
«Covent Garden Russian Ballet Company», 1939 г.
Художник Н. Гончарова

Татьяна Лескова – балерина антрепризы полковника де Базиля (фото из альбома «Covent Garden Russian Ballet Company. June-August 1939»)

*На могиле Сергея Дягилева,
остров Сан-Микеле, Венеция*

А мы с ужасом посетили город, где был невероятный хаос на улицах, переполненных людьми и транспортом.

Я не помню, сколько времени нам пришлось ещё плыть до Австралии, не помню, где мы провели мой день рождения 6 декабря, когда мне исполнилось 17 лет. Это было где-то между Индией и Австралией. Пройдя мимо Перта (Perth) и потом Мельбурна (Melbourne), мы, наконец, прибыли в Сидней в конце декабря 1939 года. Наши гастроли в Австралии продолжались до конца августа 1940 года. Оттуда мы уехали в Америку.

Н. Д. Л.-Р.: И египтяне не пускали вас?

Т. Л.: Нет, только Василий Григорьевич смог сойти с женой на землю под предлогом, что у него болят зубы и требовалась срочная зубоврачебная помощь. И они смогли прогуляться в этом городе. А нам не оставалось ничего другого, как с палубы парохода «Оркадес» (Orcades) бросать монетки в воду и смотреть, как местные мальчишки за ними ныряли. У меня осталась только одна фотография с видами Порт-Саида.

Н. Д. Л.-Р.: А как вам удавалось на пароходе репетировать каждый день?

Т. Л.: Во время путешествия из Лондона в Австралию мы ежедневно занимались нашими экзерсисами на палубе, опираясь на поручни и ограждения парохода.

С утра делали барре, а днём, когда пассажиры расходились по каютам, репетировали в полноги. Важно было не забыть репертуар.

О. К.: А кто из балетмейстеров уехал с вами из Лондона? Фокин поехал с вами?

Т. Л.: Нет, Фокин ездил с труппой в Австралию в первый раз в 1938 году и вернулся обратно в апреле 1939-го. А во время вторых гастролей балетмейстерами были Серж Лифарь и Давид Лишин, но Лифарь добирался до Австралии по воздуху (и это у него заняло 10 дней), а Лишин вместе с Татьяной Рябушинской, Тамарой Тумановой и некоторыми своими учениками плыл из США, где их застало начало войны. С нами на пароходе, шедшем из Англии, находились: из руководства – Василий Григорьевич де Базиль и режиссёр Сергей Григорьев, сын которого Всеволод Григорьев был секретарём антрепризы, хореографами были Нина Вершинина и Вера Немчинова, а педагогом – Анатолий Обухов.

О. К.: Когда возник конфликт между де Базилем и Блюмом, когда стали меняться названия?

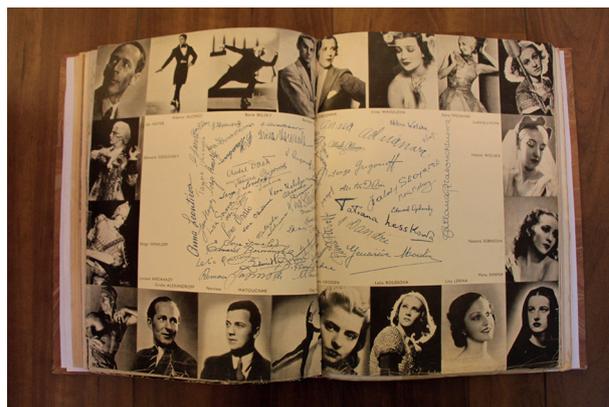
Т. Л.: Знаете, я бы хотела рассказать об этом поподробнее, потому как вокруг этого вопроса очень много есть противоречивой информации. Я начну с самого начала. Когда Сергей Дягилев умер в августе 1929 года, его контракт с Театром Монте-Карло остался незавершённым.

Бессменный директор (с 1892 года) оперы Рауль Гюнсбург (Raoul Gunsbourg) рассчитывал, что дягилевская антреприза будет продолжать свою деятельность, однако огромные долги привели к банкротству компании, труппа распалась, костюмы и декорации распродавались. Художественный руководитель балета Ренэ Блюм, выступивший духовным наследником Дягилева, пытался возродить труппу, привлекая к сотрудничеству Мясина, Баланчина, Лифаря, Кохно, Григорьева, но безуспешно. В 1931 году Блюм подготовил отличную программу для нового сезона, в том числе для приехавшей на гастроль в Монте-Карло «Русской оперы в Париже», которой руководили Церетели и де Базиль. Именно в этот период он сблизается с бывшим казачьим офицером Василием Григорьевичем Воскресенским, который в эмиграции стал балетным импресарио под псевдонимом «полковник де Базиль». Он не обладал артистическими и интеллектуальными способностями, чтобы осуществлять художественное руководство труппой, но имел несомненные организационные и предпринимательские качества. Таким образом, их взаимодополняющий союз привёл к рождению в 1931 году новой антрепризы «Балет Монте-Карло» (Ballet de Monte Carlo),

соединившей имидж и артистический потенциал преемника дягилевского балета с коммерческим успехом и новой моделью предприятия де Базиля. Базиль пригласил для работы балетмейстерами молодых Леонида Мясина и Джорджа Баланчина, последнему тогда было только 27 лет. Именно Баланчин нашёл в прославленных русских школах балета Парижа, в частности в школе Ольги Преображенской, совсем ещё юных, но уже обладавших изумительной техникой Ирину Баронову 13 лет, Тамару Туманову 13 лет, а также ученицу Матильды Кшесинской 15-летнюю Татьяну Рябушинскую. Это трио «бэби-балерин» определило новое лицо и тренд антрепризы, которая, ориентируясь на приглашение воспитанниц русской школы балета – детей русских иммигрантов, активнее экспериментировала с постановками новых балетов, таких как «Котильон» и «Мещанин во дворянстве» Дж. Баланчина или «Предзнаменования» и «Хореартиум» Л. Мясина. Мясин, ставший после ухода Баланчина в 1933 году главным балетмейстером труппы, поставил восемь балетов, три из которых в новом жанре балета-симфонии.

Новая антреприза имела в 1932–1935 годах большой успех и выезжала с гастрольями в Бельгию, Голландию, Англию и США. Однако наряду с успехом росло и недопонимание между руководителями труппы. Если в интересах Ренэ Блюма было развивать балет в театре Монте-Карло, то полковник де Базиль стремился вывозить труппу на гастроли по Европе и даже США. На афишах имя Блюма стало появляться на втором плане после Базиля, тогда как, согласно контракту, художественным директором, а следовательно, первым лицом, по мнению Блюма, был он. Эти разногласия привели к тому, что в 1935 между Ренэ Блюмом и полковником де Базилем произошёл разрыв, дошедший до судебного процесса. В результате труппа разделилась на две компании: «Балеты Монте-Карло» Ренэ Блюма (Les Ballets de Monte Carlo) и «Русский балет полковника де Базиля» (Les Ballets russes du Colonel de Basil). Последняя продолжала работать с Леонидом Мясиным в качестве балетмейстера, в частности, в июле 1936 года Мясин поставил в лондонском театре Ковент-Гарден свой третий симфонический балет «Фантастическая симфония» на одноименную симфонию Г. Берлиоза, где он сам танцевал молодого музыканта в паре с Тамарой Тумановой. Но затем стали возникать трения уже между Мясиним и де Базилем. Мясина пытался переманить новоявленный американский импресарио Серж Дэнем (Serge Denham), настоящее имя которого было Сергей Докучаев, составивший с этой целью альянс с большим поклонником балетмейстера американским миллионером и меценатом Флейшманом. Мясин хотел уйти к новому импресарио со своими балетами, но поскольку он был нанят хореографом на работу компанией де Базиля, то он не мог ставить эти балеты в другой компании. Судья по этому процессу принял решение оставить компанию полковнику де Базилю, наложив на него при этом большой штраф, невыплата которого лишала его права использовать имя «Монте-Карло» и руководить компанией в течение двух лет. В результате этого с 1938 года антреприза полковника Базиля выступала вначале под названием «Русский балет Ковент-Гардена» (Covent Garden Russian Ballet), затем «Образовательный балет» (Educational Ballet) и, наконец, с конца 1939 года «Оригинальный русский балет» (Original Ballet Russe), а формально руководили компанией Брюс Оттли и Виктор Дандрэ. В эту труппу и поступила работать я, Татьяна Лескова, вместе с Женевьев Мулен, братьями Тупин, и позднее к нам присоединились Нина Попова и Татьяна Бешенова.

Что касается Мясина, то, оставшись с правами на свои балеты, он объединился с Сержем Дэнемом, которому Ренэ Блюм, уставший от руководства компанией «Русский балет Монте-Карло», в 1937 году продал права на использование этого имени. В 1939 году труппа Сержа Дэнема уехала в США, где гастролеровала в течение всей Второй мировой войны. Ренэ Блюм, которому предлагали также уехать в США, посчитал такой шаг равносильным дезертирству и, будучи евреем, был отправлен нацистами в концлагерь Освенцим, где погиб в 1942 году.

*Разворот альбома
с автографами участников труппы, 1939 г.*

Бронислава Нижинская

О. К.: Татьяна Юрьевна, расскажите о Брониславе Нижинской, пожалуйста.

Т. Л.: Пытаюсь вспомнить, как называется эта сказка. «Свинопас» – это ведь сказка Ганса Христиана Андерсена (Hans Christian Andersen), по-моему. По этой сказке Бронислава Нижинская поставила балет «Сто поцелуев» (Les cent baisers) с музыкой Фредерика Д'Эрланже (Frédéric d'Erlanger). Либретто написал друг Дягилева Борис Кохно. Премьера этого балета состоялась в 1935 году в театре Ковент-Гарден с Ириной Бароновой в роли принцессы и Давидом Лишиным в роли принца. Эти же артисты были солистами и в 1939 году, когда я стала работать в труппе в Лондоне. У Бароновой была длинная чёрная полупачка. Помню, как Ирина выразительно ходила на пальцах в четвёртой позиции. Помню, что кордебалет делал много заносок и батманов. Нас было 12 девочек: по шесть с одной и другой стороны. Я совершенно не боялась Брониславу Нижинскую, потому что она была глухая и очень громко кричала. На репетиции приходила в белых перчатках, опасалась заразиться, наверное. Нижинская была очень ко мне благосклонна, и я была счастлива, потому что прыгала выше всех. Потом Нижинская мне дала роль нимфы в «Послеполуденном отдыхе Фавна» (L'Après-midi d'un Faune), той самой, в которой когда-то выступала она сама. В последней части выходили три балерины, потом две и в конце выходила одна – и это была я. Помню ещё, что она дала мне танцевать половчанку в «Половецких плясках» (Danses Polovtsiennes). Танцевала в «Паганини» (Paganini), но это уже хореография Михаила Фокина, на музыку рапсодии Сергея Рахманинова. Там я танцевала Зависть. Это вещь, которая, конечно, для меня очень важная. Важное воспоминание.

Михаил Фокин

Н. Д. Л.-Р.: Премьера «Паганини» состоялась в Нью-Йорке?

О. К.: Нет, в Лондоне в театре Ковент-Гарден в 1939 году.

Т. Л.: Премьера «Паганини» состоялась в Лондоне 30 июня. Фокин только что вернулся из гастролей по Австралии и Новой Зеландии. Я думаю, что он уже там, во время гастролей, начал репетировать этот балет с солистами и, в первую очередь, с Дмитрием Ростовым, которого Фокин поставил на партию Паганини. В этом балете Ростов не танцевал, а только играл драматическую роль. Он был очень хорошим актёром и музыкантом, играл на пианино и гитаре. Это было важно для роли Паганини, где он должен был достоверно изображать игру на скрипке и гитаре.

То же самое можно было сказать о подготовке Ирины Бароновой, исполнявшей роль Божественного гения. Ей нужно было участвовать в съёмках фильма в США, и она могла приехать в Лондон только в конце мая. Партию Флорентийской красавицы исполняла Татьяна Рябушинская. Я в мае 1939 года уже была в труппе и получила партию Зависти.

Сценографию делал в условиях цейтнота Сергей Судейкин. Когда мы впервые увидели сцену, то перепугались. Поверх основной сцены была сооружена другая – высотой около одного метра и размерами примерно восемь метров ширины и столько же глубины. На этом возвышении балерины должны были танцевать и прыгать. В первом действии молодой Паганини поднимался на сцену, где играл свой концерт на скрипке. Затем в действие вступали персонажи Сплетня, Ложь, Клевета и Зависть, которые, воздействуя на «коллег-критиков», представленных прислонёнными к бокам авансцены деревянными фигурами, заставляли поверить, что рука скрипача направляется дьяволом. Сцена модифицировалась в интервале, и во второй картине в живописном флорентийском саду Паганини игрой на гитаре очаровывал толпу юношей и оболещал Флорентийскую красавицу, которую играла Татьяна Рябушинская.

Н. Д. Л.-Р.: Почему-то я думал, что это премьера «Паганини» состоялась в Нью-Йорке?

Т. Л.: О Михаиле Фокине и его балетах есть небольшая книжка Сирила Бомонта (Cyril Beaumont). В ней есть вся информация о балете «Паганини». Там есть и моё имя. Я была маленькая в то время, танцевала небольшую роль Зависти, а позже партию Флорентийской красавицы, когда Рябушинская ушла из труппы, и я стала солисткой. Я помню, что мы проходили через сцену переодеться после репетиции, а Фокин сидел на сцене с женой Верочкой, и они разговаривали. Я прохожу мимо, а он говорит: «Татьяна, подождите, подойдите сюда». Я тогда только вошла в компанию и подумала, что он опять будет меня ругать. «У вас очень хороший прыжок! Работайте! Вы будете танцевать мазурку

в «Сильфидах»». И я танцевала, но уже в Австралии. А кто теперь знает, кто такой был Фокин?

Н. Д. Л.-Р.: Когда Вы были в Лондоне, Вы были в магазине Ифана Флетчера (Ifan Fletcher)?

Т. Л.: Да, была.

Н. Д. Л.-Р.: Да, молодец, как Вы помните! Потому что я у него покупал эскизы Анисфельда (Boris Anisfeldt) к опере-балету «Садко» (Sadko).

Т. Л.: Борис Анисфельд. У меня есть книга с его эскизами костюмов.

Н. Д. Л.-Р.: Не знаю, откуда у него были эскизы Анисфельда... Когда Ларионов скончался в 1964 году, Флетчер поехал в Париж на квартиру к любовнице Ларионова Александре Томилиной, которая унаследовала всё ателье Гончаровой и Ларионова, и купил довольно много эскизов у неё... Тогда эскизы стоили по два доллара. А он их перепродавал по пять, по десять долларов. Вот такие времена были.

Т. Л.: И у меня есть книга «Ballet Russes». Там и Лев Бакст, и Александр Бенуа, и все. О Борисе Анисфельде две или три страницы, с костюмами к «Подводному царству». Но мы не танцевали «Садко». Мы очень редко давали «Тамар».

Н. Д. Л.-Р.: «Тамар», костюмы Бакста. Хореография Михаила Фокина.

Т. Л.: Чудные костюмы Бакста. И декорации были замечательные. Кордебалет, помню, под лезгинку танцевал.

О. К.: Хореография не сохранилась.

Т. Л.: Любовь Чернышева танцевала Тамару. Какого-то значительного танца солистов не было, больше кордебалет носился по сцене. Я в своей роли лежала на ступеньке перед ложем царицы-обольстительницы Тамар и, увидев путника, показывала ей, что едет новый кавалер. Вы ведь знаете, что, по легенде, безжалостная соблазнительница заманивала юношей, а после любовных наслаждений убивала их.

Н. Д. Л.-Р.: Молодец! Убивала для разнообразия!

О. К.: Я вообще поражена этой невероятной творческой энергией. Мне кажется, что все тогда жили только искусством. А что ещё интересовало, кроме искусства, кроме сцены?

Т. Л.: Я была в Стокгольме в Музее танца (Dansmuseet) и была очень тронута, увидев там множество наших костюмов, в которых мы выступали в «Тамар», «Спящей красавице» и других балетах. Они были, как правило, без пачки, потому что обычно мы использовали пачки белые для всех балетов, а верх менялся в зависимости от спектакля. У некоторых костюмов были утеряны детали, неверно подписаны авторы и названия балетов. Директора музея не оказалось на месте, поэтому я оставила записку с правильными названиями. А ещё я там нашла свой костюм из балета «Балнострада» 1940 года, уже далеко не голубого цвета. Меня в этом костюме ещё рисовал Борис Шаляпин, он написал тогда большую картину. Она появилась в Интернете, кто-то нашёл её и прислал мне.

Н. Д. Л.-Р.: Он хороший портретист, жил на 93-й улице в Нью-Йорке, а мы жили на 94-й, и я его часто навещал.

Т. Л.: Он очень милый человек.

Н. Д. Л.-Р.: Да. Жалко, что тогда я не заказал ему портрет. В Нью-Йорке выходил журнал Time Magazine, он и сейчас существует. Но в 50–60-е годы на его обложках фотографии не печатали. Шаляпин был настолько хорошим портретистом, что на обложку ставили только портреты, написанные им. Каждую неделю – новый портрет. Молодец!

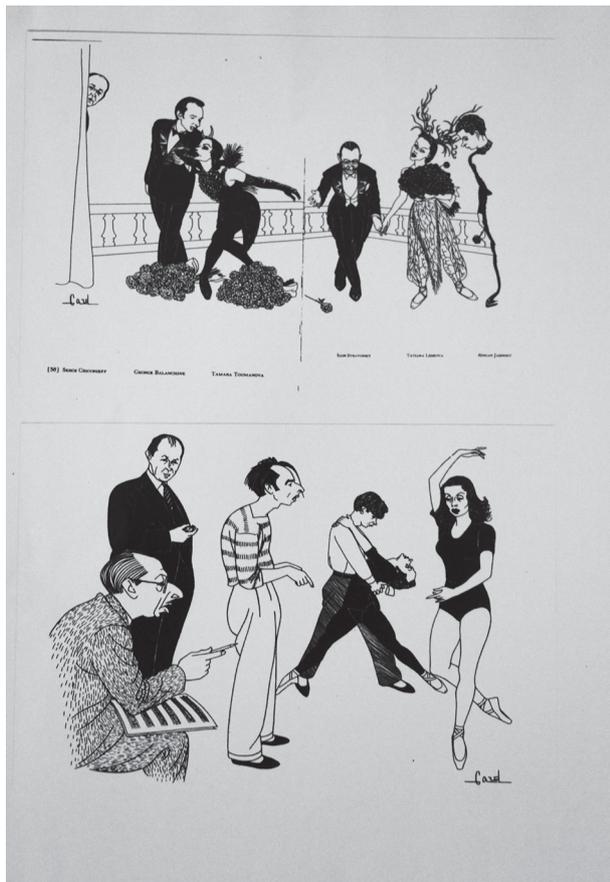
Т. Л.: Time Magazine выходил каждую неделю по пятницам.

О. К.: Галину Уланову он тоже писал, когда в Америке проходили гастроли Большого театра.

Т. Л.: А вы слышали о таком художнике – Алекс Гард (Alex Gard)? Он рисовал карикатуры на балетных артистов. Он вроде окончил морское военное училище, поэтому взял псевдоним Алекс Гард – гардемарин Алексей Кремков. Он помимо шаржевых карикатур на известных людей

Сцена из балета М. Фокина «Паганини»

Карикатура Алекса Гарда к балету Д. Балачина «Балюстрада», 1940 г.

Америки публиковал в Time Magazine балетные карикатуры. У меня есть один из его альбомов карикатур, Ballet Laughs называется. Там есть и шарж на меня.

Барон Фредерик Альфред д'Эрланже

О. К.: Каким образом барон Фредерик Д'Эрланже присоединился к «Ballets Russes»? Он же был банкиром, финансистом, помимо того что занимался сочинительством.

Т. Л.: Появление Фредерика д'Эрланже в судьбе русского балета было связано с его посещением балета «Предзнаменования» в лондонском театре «Альгамбра» в июле 1933 года, куда его повела Леди Гэлвей, чтобы поднять настроение после пропажи близкого человека. Он был очарован выступлением Ирины Бароновой в партии Страсти. Его меценатство имело очень важное значение для укрепления компании в то время. Причём его личные интересы были полностью отделены от профессиональных обязанностей вице-директора семейного банковского дома. Настолько, что свои первые произведения он сочинял под псевдонимом Реньяль. Первым его балетом был «Сто поцелуев» на либретто Бориса Кохно по мотивам сказки Г. Х. Андерсена «Свинопас». Балет был представлен в постановке Брониславы Нижинской

в королевском театре Ковент-Гарден 18 июля 1935 года с Ириной Бароновой в роли принцессы. Позже Фредерик д'Эрланже написал музыку к балету «Золушка» (Cinderella), и она была так хороша, что оба балетмейстера, работавшие с труппой, хотели её поставить. В итоге в 1938 году Михаил Фокин осуществил эту новую постановку, все расходы по которой взял на себя барон д'Эрланже. Он финансировал сценографию всех своих балетов, привлекая к работе известных театральных художников, например, декорации и костюмы для балета «Сто поцелуев» в вишнёвых и абрикосовых тонах делал Жан Гюго, правнук великого французского писателя. Восхитительно красивыми были и костюмы солисток Ирины Бароновой в балете «Сто поцелуев» и Натальи Рябушинской в «Золушке».

О. К.: В 1948 году Аштон поставил «Сандрильону» в театре Ковент-Гарден на музыку Прокофьева. А вы танцевали «Золушку» Фокина в 1938-м с музыкой д'Эрланже. Не помните, какая у него была музыка?

Т. Л.: Вы знаете, я так скажу: музыку я предпочитаю Прокофьева. Но сценография в нашем балете была восхитительная. Декорации были такие большие, а костюмов так много, что на гастроли этот балет решили не брать. Но, может, ещё и потому, что не были уверены в его успехе.

Т. Л.: А вы знаете, что было любопытным в «Золушке» Фокина?

О. К.: Нет.

Т. Л.: Кот.

О. К.: Настоящий живой кот?

Т. Л.: Нет, была такая роль – белого кота, которого играла Наташа Собинова. Она ходила по сцене как кот или сидела справа от Золушки, когда та грустила и гладила кота.

О. К.: Какая прелесть! Вы так элегантно это показываете!

Т. Л.: А ещё было интересно, что злых сестёр играли мужчины: Харсурт Алжеранов и Мариан Ладре. Фокин очень хорошо сумел показать контраст между добром и злом. Я танцевала во втором акте в числе девушек, приглашённых для выбора невесты. Как сейчас помню громкий голос Фокина, кажется, во время мазурки: «Шаг – прыжок, шаг – прыжок, шаг – прыжок...»

О. К.: Какие ещё роли Вам вспоминаются?

Т. Л.: Было так много разных ролей, что затрудняюсь выделить что-то одно. Из фокинских постановок вспоминаются выступления в «Жар-птице», «Золотом петушке», «Петрушке», «Шахерезаде», из мясинских, конечно, его симфонические балеты, из работ Баланчина – «Балюстарда», «Котильон» и много других. Очень я любила балет «Женские причуды» (*Astuzie f eminili*) на музыку Доменика Чимароза. Меня сразу поставили на роль одной из четырёх девочек. Декорации написал испанец, не Пикассо, а который был женат на польке, сначала она была женой банкира, очень знаменитая, подруга Коко Шанель...

О. К.: Мися Серт (*Misia Sert*), в девичестве Мария Гобебская.

Т. Л.: Спасибо! У Вас мозги лучше, чем у меня. Вы очень умная. Мися Серт очень интересная женщина, играла на рояле хорошо, говорят.

О. К.: Расскажите, пожалуйста, о манере Фокина работать с артистами и манере Леонида Мясина: в чём они отличались и как они друг к другу вообще относились?

Т. Л.: Как относились, я затрудняюсь сказать. Так как Фокин был постарше Мясина и первым хореографом Дягилева, то к нему как к ветерану все должны были относиться уважительно, в том числе и Мясин. Конечно, могла быть какая-то ревность артистическая – это у всех бывает. Но оба, будучи очень воспитанными людьми, не позволили бы себе каких-либо недоброжелательных действий по отношению друг к другу.

Что касается работы с артистами, то Фокина все уважали и, наверное, боялись, во всяком случае мы, новенькие, точно боялись за строгость и резкость. Дело в том, что он мало что показывал, не передевался, иногда только снимал пиджак. Артисты знали его хореографию, и мы, новобранцы, учились у них, а он или Григорьев только поправляли. Я попала в труппу в 1939 году. Сергей Григорьев и его жена Любовь Чернышева выбрали меня и Женеьев Мулен в классе у Любови Егоровой, и в мае мы уехали в Лондон. Ещё из новеньких были Таня Бешенова и Нина Попова. До начала войны директором труппы был Виктор Дандре, муж Анны Павловой. Мясин уже уехал в Америку, выиграв суд у Базиля, и хореографом был Михаил Фокин. Начиналось всё хорошо, я даже помню, кто давал урок – Анна Рой. По-моему, она была из Югославии. Конечно, я опоздала на урок, потому что не знала Лондон, и шла пешком. А первая репетиция была «Хореартиума», и меня сразу поставили в число четырёх солисток. В первый же день. Кроме того, музыка 4-й симфонии Брамса, на которую был поставлен балет, одно удовольствие. Днём была «Франческа да Римини», и репетиция была с Лишиным. У меня в то время были очень кудрявые волосы, и я собрала их в пучок. Он посмотрел на меня и сказал: «Что это? Вы в баню собрались?» А я считала, что хорошо придумала, что голова у меня не будет выглядеть большой...

В «Балле рюс» в 1942–1946 годах, не поверите, мы давали в неделю по девять спектаклей. В субботу и воскресенье – матине и суаре; в понедельник – отдых, со вторника начинались спектакли: матине и суаре со вторника по четверг и только в пятницу был один. Так что мы очень много танцевали. Поэтому у меня такая хорошая память. Сейчас все балерины хорошо танцуют, но они плохо знают, что танцуют. У них хорошо поставлена школа и техника, но нет индивидуальности. Каждый арабеск нужно знать для чего.

Любовь Николаевна Егорова

О. К.: Вы недавно упомянули имя Егоровой, выпускницы Императорского театрального училища, я хотела расспросить о её методе обучения: как она вас учила?

Т. Л.: Егорова была очень артистичной, элегантной и очень музыкальной. Её концертмейстеры были такого уровня, что могли быть солистами. Она придавала очень большое значение выбору музыки для уроков. И аккомпаниатор, которой у неё работала Мария Глебова, умела исполнить любой музыкальный фрагмент. С технической стороны мадам Егорова давала старый русский класс балета, основанный на методике Павла Гердта, восходящей к Бурнонвилю и французской школе танца и обогащённой итальянской системой преподавания Чекетти. Её станок был простой и недолгий; его целью было хорошо растянуть и согреть мускулы и сухожилия, размять пальцы ног и коленные суставы. Делались плие во всех позициях (*demi plie*, *grand plie*), затем батманы (*battements tendus*, *battements jete*) и круговращения ног (*rond de jambe par terre*, *rond de jambe en l'air*). Конечно, не за-

бывались и экзерсисы для красоты рук, пор-де-бра (port de bras). В середине начинали с маленького адажио: гранд-плие из четвёртой и пятой позиции, тан лие (temps lie), релевелян (releve lent), равновесия (balance) и гранд пор-де-бра. Потом делали батман тандю, батман жете, глиссад (glissade), туры андеор и андеан (tours en dehors e en dedans) из пятой и четвёртой позиций. Следом разучивали большое хореографическое адажио: developpe dans route les positions effacée, écartée devant et derriere, grands croisé tours de promenade, tours relevés, tours chaines, grands jetés. Все движения должны были быть выразительными (epaulement) и под такт музыки.

Потом отработывались прыжки. Сначала маленькие: тан-леве (temps levés), эшаппе (échappés), шанжман-де-пье (changements de pieds), assembles, glissade, малые жете (petit jete), большие шанжман-де-пье (grands changements de pieds). Затем средние прыжки: сиссон (sissones), ronds de jambeiro sautés, fouettes sautés, кабриоль (cabriolés), бризе (brises diagonales, brises telemaque), autessauts moeynts. Заканчивали прыжковые занятия большими прыжками: антраша (entrechat), большие жете (grand jete), со-де-баск (saut de basque) и другими.

Затем мы надевали пуанты и начинали с релеве (relevés), эшаппе, релеве пассе (relevés passés), фондю релеве (fondus relevés), переходя затем на туры из разных позиций, фуэте и тур пике. Заканчивали класс большими батманами, пор-де-бра и реверансами. На уроках Егоровой кроме музыкальности большое внимание уделялось выразительности, гармоничности и чистоте исполнения.

О. К.: Как проходили классы у Любови Николаевны Егоровой? Приходили же дети разных возрастных групп и все вместе стояли в зале?

Т. Л.: Я расскажу свою историю. Тогда в Париже были три знаменитые школы бывших балерин императорских театров – школа Матильды Кшесинской (рядом с Rue de la Faisanderie), Ольги Преображенской и Любови Егоровой. Меня привели к Егоровой, потому что её муж, князь Никита Трубецкой, знал моего папу ещё по России, они служили в одном полку (Нижегородском) и были друзьями. Мне тогда было девять лет, я была слабым и болезненным ребёнком. Врачи рекомендовали заниматься каким-нибудь спортом, гимнастикой например, но поскольку мой отец был страстным балетоманом, а бабушка работала аккомпаниатором в балетной школе Нестеровской, то было решено, что я буду заниматься балетом.

Егорова меня поставила в класс, я это хорошо помню, с Андре Эглевским. Я была такой маленькой и худенькой, что он, смеясь, взял меня на руки и сделал пируэт. Егорова хотела меня взять, но у неё не было класса для детей, она только через год его открыла. И меня отправили заниматься к Николаю Кремневу, который работал с детьми. Я занималась у него ежедневно полтора года, добившись хороших результатов, так что, вернувшись к Егоровой, я попала сразу во второй класс. Моя мама, Елена Александровна Лескова, урождённая баронесса Медем, умерла от туберкулёза, когда мне было девять лет, и Егорова стала для меня, по сути, второй мамой. Она научила меня всему, привила любовь к танцу и уважение к артистам, дала мне профессию, обеспечивавшую меня средствами. Когда Егорова перед войной уехала в Пти-Кламар (Petit Clamart), я занималась с Борисом Князевым.

Н. Д. Л.-Р.: То есть полтора года Вы работали с Кремневым ежедневно? С ума сойти!

Т. Л.: Ежедневно, кроме субботы и воскресенья. Он мне, помню, давал для поощрения какую-нибудь мелочь: «Если сделаешь два пируэта, я тебе дам сантиметр, купишь конфетку». А вы знаете, кого я встречала на уроках у Кремнева? Киру Нижинскую – дочь Вацлава Нижинского. Она приходила репетировать соло её отца в балете «Видение розы». Она танцевала мужское соло, в нём не было никакого большого па-дэ-дэ, только один гранд-жете. Она была потом жената на дирижёре Игоре Маркевиче, любовнике Дягилева.

Н. Д. Л.-Р.: Вспомнил про Антона Долина (Anton Dolin). Я был у него в Лондоне в 1974 году на Bayswater Road напротив Гайд-парка (Hyde Park). Последний раз, когда я пришёл к нему раньше назначенного часа, он очень грубо выставил мальчика лет шестнадцати. Я помню, что он ему заплатил 4 шиллинга и 6 пенсов. Отдал деньги и выставил его.

Т. Л.: Я слышала, не знаю, правда это или нет, что он неожиданно скончался. Был у доктора, который сказал, что у него всё хорошо, что никаких проблем нет. А придя домой, открыл дверь и упал замертво.

О. К.: Его полное имя Сидни Фрэнсис Патрик Чиппиндалл Хили-Кей (Sydney Francis Patrick Chippindall Healey-Kay). Когда в 1921 году в Лондоне Сергей Дягилев представил «Спящую прин-

цессу» с костюмами Льва Бакста, он под фамилией Патрикеев исполнял партию пажа королевы, которой была Вера Судейкина. Уже позже Дягилев дал ему псевдоним Антон Долин.

Т. Л.: Потом она стала женой Игоря Стравинского.

Н. Д. Л.-Р.: У меня однажды была неожиданная встреча с ней. Тогда она уже была замужем за Стравинским. Она устроила выставку своих живописных произведений на стекле. В галерее Hutton на Мэдисон-авеню (Madison Avenue) в Манхэттене. До этого у третьей жены Сергея Судейкина Джин я купил его архив, в котором был альбом с примерно 20 листами интимных зарисовок Веры в разных ракурсах. Архив и этот альбом я передал в РГАЛИ в Москве. Так вот, я подхожу к Вере и говорю: «Мы не знакомы. Я Никита Лобанов. Зато я знаю ваши интимные секреты, ибо купил у Джин зарисовки Сергея Судейкина». Она расхохоталась, не обиделась, и мы продолжили разговор о живописи Судейкина.

Н. Д. Л.-Р.: Но мы отвлеклись. Дорого обошлись Вашим родителям частные уроки у Кремнева за те полтора года?

О. К.: Бесплатно?

Т. Л.: Даром.

Н. Д. Л.-Р.: Как так? На каком основании?

Т. Л.: Потому что, думаю, что он нашёл что-то во мне. А может, потому что его Егорова просила. Знаете, когда педагог видит в своём ученике данные, он часто готов работать с ним и без денег, но сделать из него хорошего профессионала. Ведь данные бывают не у многих. У вас может быть полная зала учащихся, но только один-два будут иметь будущее хорошего танцовщика. У меня самой была школа, где были дети, особенно мальчики, родители которых не могли или не хотели платить за обучение, так как не видели будущего детей в балете, тогда я помогала таким ученикам, в том числе денежно.

Н. Д. Л.-Р.: Очень великодушно с его стороны, работать полтора года...

Т. Л.: У него был класс, но я не могла сразу попасть в этот класс, и он занимался со мной индивидуально. Я думаю, что на меня ещё большое влияние оказала моя бабушка Ольга, жена Андрея Николаевича Лескова, сына моего прадеда, писателя Лескова. Она была очень известной пианисткой в России, и в Париже она работала в школе Нестеровской. И я каждую пятницу приходила на её уроки и ждала папу, Юрия (Георгия) Андреевича Лескова, который забирал меня на выходные, потому что после развода родителей я жила с мамой и бабушкой Ниной. Я сидела на полу и смотрела занятия по балету, пока не заканчивался урок. Я думаю, что это меня, наверное, как-то эстетически воспитывало. Особых каких-то физических данных у меня вначале не было. Я прыгала, вертелась, но красоты при этом не было. Так что уроки Кремнева мне очень помогли. За год с половиной я заметно продвинулась вперёд и потом, ещё подучившись у Егоровой, я в 14 лет уже работала в «Опера-Комик» (Opéra Comique). Я прошла второй в конкурсе из 200 человек. Работать в кордебалете можно было только с 16 лет, а мне было 14, поэтому меня оформили стажёром. Там были легальные контракты, всё проходило через синдикат CGT.

Н. Д. Л.-Р.: Потому что по закону нельзя было работать до 16 лет?

Т. Л.: Да, но я проработала там год и семь месяцев.

Н. Д. Л.-Р.: А какую зарплату платили стажёру?

Т. Л.: Половину или даже меньше, я уже не помню. Но в любом случае это была помощь семье. И Егорова знала, что мне нужно работать, чтобы помочь папе.

Н. Д. Л.-Р.: И она Вас пристроила туда, или как?

Т. Л.: Нет, я сдала экзамен. Но Егорова очень помогла мне пройти конкурс, научив меня танцевать мазурку. Конечно, если вы никогда не учили мазурку, танцевать её трудно. Возможно, она знала,

Рассматривая фотографии родственников с Артуром Григоряном. Рио-де-Жанейро, сентябрь 2020 г.

Юной балерине Тане Лесковой 13 лет

Она, по-моему, получила наследство и искала во что его вложить и учредила такую компанию. У меня сохранился тот контракт. А поэт и искусствовед Жан-Луи Водуайе (Jean Louis Vaudoyer), автор либретто «Видение розы», нас поддержал. Он даже пригласил меня танцевать в прологе одного спектакля по комедии Мольера (Molière) «Лекарь поневоле» (Le médecin malgré lui) в театре «Комеди Франсез» (Comédie-Française), где он будет в годы войны генеральным директором. Чтобы расширить репертуар, Егорова пригласила Биргера Бартолина, который поставил спектакль «Классическая симфония» на музыку 1-й симфонии Сергея Прокофьева, а также Бориса Романова для постановки «Выбора невесты».

Труппа просуществовала до 1939 года. Кроме меня, в ней начинали Женевьева Мулин, Людмила Черина (Моник Чемерзин) и её будущий муж Эдмон Одран (внук композитора Одрана), который трагически погибнет в автокатастрофе в 1950 году, Володя Мешков, Олег и Вася Тупины, Раймон Франкетти, Юлий Алгаров, Жорж (Юра) Скибин – моя первая любовь, сын Бориса Скибина, танцовщика дягилевской антрепризы. Юре тогда было 17 лет, а мне – 14. После войны он женился на Марджори Толчиф (Marjorie Tallchief).

Н. Д. Л.-Р.: Помню, я встретил моего дядю Василия Вырубова и Марджори Толчиф, они шли под руку по Grands Boulevards, между собором Мадлен (Madeleine) и Оперой. Я почему-то его спросил: «Ну почему вы не взяли метро?» А он жил тогда в Аргентине. Он ответил: «Я 20 лет как вообще метро не пользуюсь». Он много денег заработал в Аргентине на скоте. Мой дядя безумно увлёкся Толчиф.

О. К.: Марджори Толчиф – первая коренная американка, которая стала première danseuse étoile в балете Парижской оперы.

Т. Л.: Боже мой, мы были такие юные, и, когда гуляли по городу, мой папа шёл сзади.

О. К.: Какое прекрасное ощущение юношеского счастья!

что на экзамене попросят мазурку, и подготовила меня к ней. Думаю, из-за этого я и прошла... На экзамене я выполнила задания у станка и затем в середине зала, а потом попросили сначала импровизацию, а затем мазурку. И вот с мазуркой у меня не было проблем.

В «Опера-Комик» я работала каждый день во всех операх, которые там шли («Богема», «Тоска», «Лакме» и других), а иногда и в балетах, которые давались в дни коротких опер. Моим сценическим именем в то время было Татьяна Леско. Директором балета в «Опера-Комик» был Константин Черкасс из дягилевского кордебалета (он танцевал «Голубую птицу»). От театра до Тринити было недалеко, и в обеденный перерыв, который длился с 11 до 14 часов, я ещё успевала на урок Егоровой, начинавшийся в 11:30.

Параллельно я танцевала в труппе «Балет юности» (Les Ballets de la Jeunesse) до моего перехода в «Балле Рюс» в 1939 году.

О. К.: Труппу создала Любовь Николаевна Егорова? Кто входил в её состав?

Т. Л.: Любовь Николаевна составляла труппу из своих лучших юных учеников, 15–16 лет, максимум до 18 лет. Первое выступление, состоявшееся в концертном зале Плейель, имело большой успех. Газеты писали о нас как о «будущем танца». После нескольких представлений труппой заинтересовалась молодая женщина Мадемуазель Дезомбрэ (Mademoiselle Desombre).

Т. Л.: А когда мы должны были ехать на гастроли, папа мне сказал: «Таня, ты теперь поедешь в Австралию на пароходе. Будь осторожна, чтобы не забеременеть».

Н. Д. Л.-Р.: Не знал.

Т. Л.: Я тоже не знала. Поэтому, когда я плыла на пароходе в Австралию, я сказала: «Нет, нет и нет!» И Юра ухаживал сначала за одной девочкой, потом за другой, и даже за замужней женщиной.

Н. Д. Л.-Р.: Там можно было переодеться?

Т. Л.: Конечно, наше плавание продолжалось шесть недель. В каждой женской каюте были четыре койки (две внизу и две сверху), место для багажа, шкаф и зеркало. Отдельного душа не было. У мальчиков, кажется, были такие же каюты, только с другой стороны парохода. Ни о каком интиме не могло идти и речи, весь наш флирт происходил на палубе, одной или другой. Но пароход был большой, и в итоге Юра сделал беременной одну девочку. Был большой скандал.

Н. Д. Л.-Р.: Ой! Что, пришлось делать аборт там?

Т. Л.: Не знаю, но она вернулась домой.

Школа балета в Рио-де-Жанейро

Н. Д. Л.-Р.: А кто учился в балетной школе в Рио-де-Жанейро – бразильцы или европейцы?

Т. Л.: Бразильцы. Первую школу в Рио открыла в 1927 году Мария Оленева при Муниципальном театре. Вначале были и организационные трудности, и проблемы со здоровьем, вынудившие Оленеву лечиться в Швейцарии, так что регулярные занятия в школе начались только в 1930 году, а официальный декрет мэра об учреждении школы вышел только в 1931-м. Вначале в школе учились замужние женщины, позже появились молодые девушки и даже дети. Предрассудки в бразильском обществе того времени ещё были очень сильны, и балет не воспринимался как серьёзная профессия. Первое время Оленева в основном ставила танцы в операх, в «Травиате» например. В году, наверное, 1938-м, когда учеников, в том числе мужчин, было уже достаточно, ей удалось поставить первый балетный спектакль. Когда я приехала в Рио в 1942 году на гастроли с «Оригинальным русским балетом» и познакомилась с Марией Оленевой, то увидела в её труппе 3–4 талантливых девочек и 2–3 молодых мужчин, танцевавших на достаточно приличном уровне. К сожалению, через два года, когда мы вернулись в Рио с новыми гастроями, её в театре уже не было. Она уволилась с работы.

Н. Д. Л.-Р.: Почему?

Т. Л.: Был скандал из-за того, что она подняла руку на двух девочек, которые опоздали на спектакль, придя в театр уже в антракте перед третьим актом в опере «Травиата», где они должны были выступать. Одна из девочек обвинила Оленеву в том, что она была груба, снимая с них одежду и помогая переодеться в костюмы, отец этой девочки обратился в суд, и, несмотря на поддержку артистов труппы и многих любителей балета, Оленева вынуждена была подать в отставку. Она переехала в 1943 году в Сан-Пауло и начала там работать, руководя недавно открытой при Муниципальном театре Сан-Пауло балетной школой. Когда Мясин приезжал в Рио, а он был дважды, в 1955 и 56-м годах, я возила его спектакли в Сан-Пауло и виделась тогда с Оленевой, почувствовав что-то неладное с ней. А в 1965 году оттуда пришла печальная весть, что она покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна. У неё болела спина, и ей поставили диагноз рак, как позже выяснилось, ошибочный. В память о своей основательнице школа балета при Муниципальном театре Рио-де-Жанейро получила имя Марии Оленевой (Escola Estadual de Dança Maria Olenewa).

О. К.: А она как попала в Бразилию?

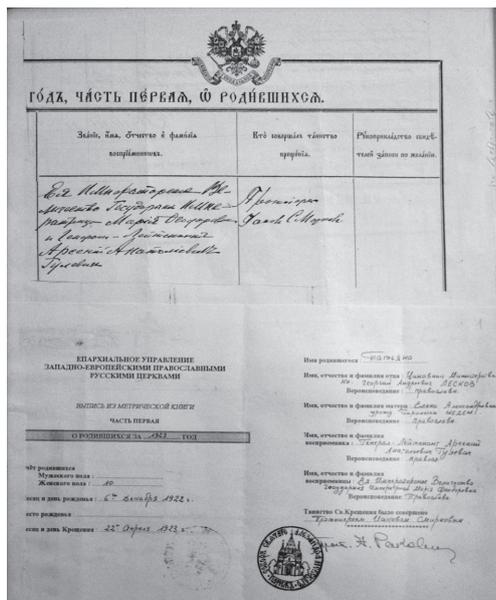
Т. Л.: Она приезжала на гастроли с труппой Анны Павловой.

О. К.: И там осталась?

Т. Л.: Да, остались она и Лаврентий Новиков. На самом деле они хотели остаться в Аргентине, но там не получилось, в итоге Оленева приехала в Рио, где журналист и драматург Мариу Нунес, который был основателем Ассоциации театральных критиков Бразилии, помог ей открыть школу.

Н. Д. Л.-Р.: Значит, это, в общем, начало влияния русского балета в Бразилии.

Т. Л.: Да. Когда я оставила «Балле Рюс» в 1944 году, я сначала не работала в театре. Вместе с подругами Анной Волковой и Тамарой Григорьевой, которые тоже остались в Бразилии, я выступала с представлениями в Golden Room – так назывался концертный зал казино-отеля Copacabana Palace. Там собирались сливки местного высшего общества, приглашались самые известные зарубежные

*Свидетельство о крещении.
Её Императорское Величество Государыня
Императрица Мария Фёдоровна
и генерал-лейтенант
Арсений Анатольевич Гулевич*

найти время между открытием после ремонта музея-квартиры Галины Улановой и моей поездкой в Коломбо в Шри-Ланку. Поэтому я Вам сразу написала.

Т. Л.: Я была проездом на Цейлоне (тогда он так назывался), когда наш пароход плыл в Австралию в 1939 году. Что Вы там делаете?

О. К.: Принимаю экзамены в балетной студии при посольстве.

Т. Л.: Мы останавливались в Коломбо и оттуда ездили в Канди.

музыканты и певцы. Работа в казино давала стабильный заработок до 1946 года, когда азартные игры были запрещены в Бразилии президентом Дутра. В этот период нас изредка приглашали танцевать классический балет. Так, в 1945-м мы выступали на организованном для нас и других молодых артистов балета танцевальном фестивале Студенческого союза Бразилии. В том же году в Мунципальном театре Рио я танцевала в «Сильфидах», где у меня был партнёр, которому мне приходилось помогать вести меня. В эти же годы я начала заниматься преподаванием, основав собственную академию танца, которая проработает более 50 лет. В 27 лет я возглавила балетную труппу Мунципального театра Рио-де-Жанейро, ставила спектакли, сама выступала солисткой во многих балетах. Были трудности, но были также успехи и свершения, большие творческие достижения бразильского балета тех лет.

Но как Вы решились ко мне приехать?

О. К.: Никита Дмитриевич знает, что я преподаю классическое наследие и репертуар балетного театра. Когда Лена Серебрякова написала, что Вы прилетаете в Париж, Никита Дмитриевич переслал её письмо мне. И я уже ответила Никите Дмитриевичу и Лене, что я смогу прилететь на два дня для встречи с Вами. Мне нужно было

О престолонаследии

Н. Д. Л.-Р.: Мне хотелось поговорить на тему балета, и не только. Оксана, напомните, как Вы начали серию интервью о престолонаследии?

О. К.: Я приехала к барону Эдуарду Александровичу Фальц-Фейну взять интервью о Серже Лифаре. Они были большими друзьями. И в течение беседы он спросил меня: «А почему никто в России не пишет о Гоше Гогенцоллерн, который почему-то называет себя Романовым?» Я ему пообещала исследовать этот вопрос. Так цепочка началась от барона Фальц-Фейна, потом присоединился граф Пётр Петрович Шереметев, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, князь Александр Александрович Трубецкой, князь Дмитрий Михайлович Шаховской и Сергей Алексеевич Капнист. У нас получилась серия интервью о престолонаследии, опубликованных в 2015 году. Эти беседы вызвали большой резонанс, давший толчок к изучению вопроса легитимности претензий на русский престол княгини Марии Владимировны Романовой. Сейчас уже много об этом написано. Но, главное, что обещание барону я выполнила.

Т. Л.: Капнист? Я была знакома с его матерью, Ольгой Константиновной. У них была приятная и элегантная для семьи эмигрантов квартирка на улице Пойнт-дю-Жур в Булони. Мадам Капнист часто виделась в церкви с тётей Киной – средней сестрой моей мамы. Они жили тоже в Булони.

Да, проблема престолонаследия очень непростая. А что великий князь Андрей Владимирович, который был женат на Кшесинской?

О. К.: Был братом великого князя Кирилла Владимировича, который себя объявил блюстителем престола. А вдовствующая императрица Мария Фёдоровна этого не признала.

Т. Л.: Императрица Мария Фёдоровна меня крестила 27 февраля 1923 года в соборе Святого Александра Невского на улице Дарю (Rue Daru).

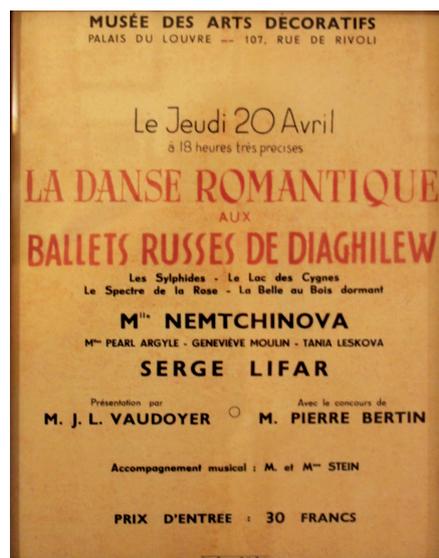
Н. Д. Л.-П.: Да, тема о престолонаследии явно мало кого интересует. Но она одна из политических возможностей для Путина продолжить свою власть. Есть такая аксиома, что монархия в России легитимно не была упразднена. Когда Ленин распустил Думу и создал своё первое правительство, оно упразднило монархию. Но так как Ленин создал это правительство незаконно, на штыках матросов, захвативших Таврический дворец, то считается, что это не был легитимный акт, и потому монархия продолжается. Но поскольку на сегодня нет ни одного законного наследника мужского пола, не связанного морганатическим браком, то для воссоздания монархии в России нужно созвать Священный совет, как это было сделано во времена Годунова, когда ему передавали власть. И потому есть маленькая партия в России, которая готовит такую возможность, как одну из альтернатив для президента выбрать его монархом. Сделать так, как Франко сделал в Испании. Я не помню, как называется термин, когда он не опекун, а... Регент! То есть он будет править через нового монарха. Это одна из версий. И потому, когда Оксана опубликовала серию бесед в журнале «Русская мысль» в Лондоне, а также в журнале «Берега» в России, сделав интервью с пятью русскими аристократами на эту тему, нас пригласил русский посол в Париже на обед. За столом присутствовал Михаил Швыдкой, который и тогда и ныне является представителем культуры за рубежом при президенте Владимире Путине. Мы обсуждали эту тему, и он её потом опубликовал в российской газете. Было принято решение, кого выбрать будущим монархом. Все проголосовали за меня, потому что я самая пожилой. Так что у меня нет шансов продержаться долго, и тогда уже смогут выбрать другого.

Т. Л.: У Вас детей нет?

Н. Д. Л.-П.: Нет. Потому и легко было меня выбрать, потому что детей нет, и возраст. А тогда уже смогли бы договориться, кто им больше подойдёт. Вот какие забавные анекдоты.

О. К.: Никита Дмитриевич, берегите себя.

Т. Л.: Да, в жизни много неожиданного.

Афиша вечера в Лувре, посвящённого 10-летию кончины С. Дягилева, 1939 г.

Серж Лифарь (Serge Lifar)

Н. Д. Л.-П.: Когда Вы виделись с Сержем Лифарем?

Т. Л.: В последний раз я встречалась с ним в морском порту Рио, куда зашёл пароход из Буэнос-Айреса, которым он плыл во Францию. Меня кто-то предупредил из Буэнос-Айреса, не помню, Тамара или Вася, что пароход на день зайдёт в Рио, и я решила встретить Сержа и пригласить ко мне домой. Но он был в плохом настроении, отказался от моего приглашения, и мы просто прогулялись там, рядом с портом. Я тогда впервые увидела его подругу Лиллан Алефельд. Я где-то читала, что у них не было никаких физических отношений. Что он никогда до неё пальцем не дотронулся.

Н. Д. Л.-П.: Извините, но я как очевидец хочу возразить. Они у нас сидели рядышком на диване, и он ласково поглаживал графиню Алефельд по руке. Меня это тогда очень поразило, как нежно он к ней относился. И по воспоминаниям барона Фальц-Фейна (Von Falz-Fein), когда он устал от графини, то отправил её к Лифарю.

О. К.: Она была его подругой, он говорил: «Она была моей подружкой». Татьяна Юрьевна, я Вам переслала это интервью с бароном Фальц-Фейном. А потом добавил, что, поскольку Лифарь был его другом и знал, что ему нужна женщина, которая могла бы заварить ему чашечку чая, поэтому барон их свёл. Графиня Лиллан Алефельд была дамой амбициозной, для жизни искала личность известную. Поэтому это был дружественный и счастливый симбиоз. Они были нужны друг другу.

Т. Л.: Лифарь много сделал для французского балета, фактически возродив его былую славу. Ведь он очень молодым возглавил балетную труппу Парижской оперы, став одновременно главным балетмейстером, хореографом и ведущим танцовщиком. Я танцевала с ним в балете «Сильфиды» в 1939 году, когда он организовал в Лувре выставку и музыкальный вечер в память 10-й годовщины

С Сержем Лифарем

*Князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, Т. Ю. Лескова,
О. А. Карнович. Париж. 20 сентября 2019 г.*

смерти Сергея Дягилева. Кстати, в анонсе того спектакля я впервые появилась как Таня Лескова. Эта афиша у меня хранится до сих пор. Оставшись в годы войны в оккупированном немцами Париже, Серж Лифарь не только уберёг балет от гибели, но и помог спастись многим французам.

Вы знаете, брат Лифаря Николая умер давно уже. Но могила Сержа всегда в цветах. Всегда.

Н. Д. Л.-Р.: На Сен-Женевьев-де-Буа (Sainte-Geneviève-des-Bois)?

Т. Л.: Да.

О. К.: Помню, барон говорил, что Сергей Лифарь хотел быть похороненным «со своей подружкой Коко Шанель» в Лозанне (Lausanne) (так говорил Эдуард Александрович). Они были большими друзьями. Но графиня похоронила его на Сен-Женевьев-де-Буа.

Т. Л.: Насчёт Коко Шанель я сомневаюсь, скорее всего, Лифарь хотел бы быть похороненным рядом с могилой Сергея Дягилева, которого Коко Шанель с Мисей похоронили на кладбище Сан-Мигеле в Венеции. Но на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа похоронены многие знаменитые русские артисты и деятели искусств, так что это было правильное решение графини Алефельд.

Н. Д. Л.-Р.: Ой, ой, ой, ой. Я не знал...

Т. Л.: Она маленькая была, но хорошенькая. Хорошо помню эту встречу в порту, когда их пароход зашёл в Рио по пути во Францию.

О. К.: Вы понимаете, как бесценны свидетельства того далёкого прошлого (для меня во всяком случае). Как изменилось сегодняшнее поколение...

Т. Л.: Потому что нет ярких личностей, никого нет. Я родилась в 1922 году, стиль ар-нуво (Art Nouveau), эпоха модерна. И это были золотые годы балетного искусства.

Н. Д. Л.-Р.: Значимые личности в Европе в 20–30–40-х годах! Какое сочетание литературы, искусства, науки...

Т. Л.: Было бы хорошо, если бы вы приехали в Бразилию. У меня большой материал рецензий из Вашингтона (Washington), Чикаго (Chicago), Канады (Canada). У меня есть несколько альбомов «Ballet Russe» из Мексики (Mexico), с наших гастролей, проходивших там в 40-х годах.

P. S. (по переписке, спустя год после встречи в Париже)

Н. Д. Л.-Р.: Дорогая Татьяна Юрьевна, сегодня в Times прочёл о Нине Поповой, скончавшейся 7 августа 2020 года от коронавируса в госпитале во Флориде. Возможно, Вы знали её по «Русскому балету» де Базиля?

Т. Л.: Дорогой Никита, какая печальная новость! Нина Попова была моей подругой ещё со школы Любви Егоровой и соседкой по комнате во время австралийского турне в 1940 году. Она вышла замуж за танцовщика из нашей труппы Николая Орлова (Nicolas Orloff), от которого у неё родился мальчик Алекс, и с 1942 года они жили в США. Правда, брак их оказался непрочным, потом она ещё раз была замужем за мексиканцем по фамилии Арриола, от которого родила дочь.

С Ниной мы всегда общались, и, когда я иногда бывала в Нью-Йорке, она приезжала с Лонг-Айленда, чтобы встретиться со мной. Мы были с ней ровесницами. Она писала мне раз в год, но последние 10 лет от неё не было известий, и я потеряла связь с ней, а Коля умер лет 20 назад.

Из числа артистов «Оригинального Русского Балета» Татьяна Лескова остаётся единственной ныне живущей участницей легендарной труппы, поэтому её свидетельства бесценны.

Русский мир без границ

Берега Таджикистана

Хасан Гаюбов

Хасан Гаюбов – таджикский поэт-переводчик, один из ярких представителей поэтов, пишущих на узбекском языке. Переводил Ивана Бунина, Валентина Сидорова, Аполлона Майкова, П. В. Шумахера, Д. Д. Минаева, Тимура Зульфикарова. Из таджикских поэтов переведил отдельные стихи Мирзо Турсунзаде, Лоика, Гулрухсора, Гулназара, Рахмат Назри, Зульфийи Атои и многих других.

Член Союза писателей Таджикистана, ответственный секретарь Союза писателей Центральной Азии, лауреат Литературной премии имени Бунина Союза писателей России, Золотой лауреат премии «Золотое Перо Руси».

ЖЕЛАННЫЙ СЕРДЦУ СОЛОВЕЙ...

Желанный сердцу соловей,
Где ты теперь? Весна сманила...
Дух царственный души моей
Любовь в бродягу превратила.

Пусть годы пролетят как дни.
Весна пусть вечность, вечность длится!
Любовь пусть навещает сны
И умирать в них не боится.

Да, не заметила она
Моё страдание в разлуке.
Любви покорны времена,
Покорны ей цари и слуги!

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Февраль. Закончилась зима.
Весны дыхание тревожит...
И даже воронов с ума
Краса невиданная сводит!

Прохладный ветерок с полей
До сердца мяты вкус доносит.
Природа в музыке своей
В тоске по милой сердце сводит!

МЫ БРАТСТВОМ МИР ОБЕРЕГАЛИ

Я вспоминаю годы службы
Не потому, что мой мундир
Висит в шкафу, как символ дружбы,
Как лозунг «Миру нужен мир!».

В любом – большом и малом – деле
Давала доблесть нам успех!
Узбек, казах, таджик... Мы пели
На русском песни громче всех!
Туркмен, уйгур, латыш... Мы знали,
Зачем мы здесь и почему.
Мы братством мир оберегали,
Не дав в обиду никому
Отчизну милую, в которой
Честь, доблесть, мужество цвели.
Пример людей войны жестокой
Всем сердцем свято берегли.
Я помню вас, однополчане,
Мои далёкие друзья!
Вы есть, и хуже мир не станет,
И в это свято верю я!

ТЫ ТАНЦЕВАЛА

Ты начинала танцевать, на гибкий стан
Глядел народ, и доводилась ты!
Я, покрасневший, поднимал бокал,
Чтоб не сгорели от стыда мечты.
Ты танцевала так, словно в судьбе
Зажгли огонь любви, большой любви!
А я же, пьяный от любви к тебе,
Не мог на месте усидеть: «Ну, позови?!»
Ты извивалась, прелесть не тая.
Года не тронули красу твою с душой.
А я, от счастья отрезвев, вдруг понял:

«Жизнь моя –
Мечта, как много лет назад, опять со мной!»

ПОЧТЕНЬЕ

Души благородство – вершина людей,
Достоинство – суть настоящих мужей!

Кто руку упавшему вновь подаёт,
В согласии вечном с Всевышним живёт.

С рождения наша известна судьба.
Судьбе, потому – есть святая борьба.

Из дня Сотворенья – мы, люди, идём
Нелёгким Божественным верным путём.

Из глины Создатель Адама слепил.
Искусство Творца мир давно оценил.

И стал человек властелином земным.
Создателю стал он на веки родным.

Прекрасен наш мир благородством людей
И делом прекрасным достойных мужей.

Почтенье земное Гаюб выражает
И с Богом в душе их в стихах прославляет!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Великие горы – есть чудо земли.
Светила небесные в душах взошли.
Все эти искусства, что созданы Богом,
Пред Божьей любовью склониться смогли!

* * *

Вначале совесть чистой быть должна,
Тогда за честным хлебом вззоет сатана.
Когда достигнем этих двух желаний,
И в нищете довольны будут дети и жена!

* * *

Дождь, и просыпается вновь душа моя.
Поят землю ангелы, радость не тая.
Дорожи минутами этими, мой друг,
И молись, всё сбудется – это знаю я!

* * *

Не ленись, поднимайся – учись побеждать;
И без цели не стоит по жизни блуждать.
И как только себя ты на это настроишь,
Не придётся успеха томительно ждать.

* * *

Благородство украшает – человеческую суть.
Честь до неба возвышает – человеческую суть.
Мирозданий восемнадцать тысяч ярк всех красот.
Сердце женщины рождает – человеческую суть!

* * *

Ты луны намного краше – пятна на лице луны.
Ты цветок моих мечтаний, и растут в душе они.
Были ангелами предки той, которую люблю,
Потому что, кто влюбился, все с ума сойти должны!

* * *

Души глазами посмотри на мир и понимай,
Что жизнь ничтожна без добра – огонь сей зажигай.
Желай добра, живи добром, тогда оно к тебе
Вернётся: с чистою душой даренья принимай!

* * *

Такие напишу стихи, что талисманом будут.
И сердце, что покрыто льдом, растопят, не забудут.
Молитвами пускай они обожают души.
Гаюб, пусть сердце и душа твои в любви пребудут!

* * *

Лучше вовсе не родиться, чем в печалях жизнь прожить.
Не познав любви по жизни, смерть несчастных повторить.
Пусть сбываются желанья всех влюблённых... Лишь одно:
Лучше ждать и не дожидаться, чем, родив любовь, – убить!

РУБАЯТ

Побеждай добротой – говорил нам мудрец.
Если станет любой – не злодей и гордец.
Покорить мир возможно и доброю силой:
Победивший без зла – настоящий борец.

СТРАНА ГОР

Страна гор, страна тюльпанов,
Страна мук, страна печали,
В наших сердцах живёшь ты вечно.
Те, кто в словах тебя любили,
Разделить на части хотели,
Не любили тебя никогда.
Страна гор, страна тюльпанов,
Страна бед и грустных песен,
Тобою было пройдено всё это
После многих зим и лет.
Вместо тени ты подарила нам свет.

ПОЗНАНИЕ

Знаю, знаю: Ты один
Такой – Всевышний.
Что такое мир?
По мне – он ветер.
Ты и время и пространство.
Ты – не лишний
В этой жизни, где Тебя
Душой я встретил.
Смочь воспеть Тебя
Перо моё не в силах.
Смочь познать Тебя
Успею ль в этой жизни.
Где б ни жили люди –
В тюрьмах иль на виллах –
Каждый, каждый
В этой жизни вечной – лишний!

* * *

Угас цветок моей надежды.
Брожу один по дням разлук.
Деревьев жёлтые одежды...
С кем ты теперь, мой милый друг?
Сгорела верность без пожара...
Жгут люди листья, как всегда.
Богбона¹ старая чинара
Меня не предаст никогда!

МАМЕ

С весною я пришёл к тебе...
Жизнь не довольна.
Колючки всюду – тут и там,
И нет цветов.
Могилу мамой называть
Мне очень больно.
Из глаз осенний льётся дождь
На травы вновь.
Устал жалеть я обо всём,
Устал скитаться
По улицам судьбы своей
Я без тебя.
Холмы Богбона не хотят
Весной смеяться,
И птицы песни не поют,
Весну любя.
Грущу о многом. Об одном
Я просто вою.
И этот вой, я знаю,
Не подарит чудеса:
Когда умру, кто будет плакать
Надо мною,
Чтобы душа моя смогла
Уйти на Небеса?!

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Уж месяц март, а холода зимы
Иголками ещё пронзают сердце,
И небеса не открывают дверце
Туда, по ком соскучились и мы...
Не только травы, кои от мороза
Свои головки держат у корней.
И тучам нынче слёзы лить верней...
Хотя... Хотя невелика угроза.
Всё будет, будет нежность! Но пока
Не видно ласточек и плачут облака...

РОДНАЯ СТОРОНА

Здесь молодость моя прошла,
Прошли страдания:
Но это были муки
Сладостной любви!
Живут в чинаре старой
Все воспоминанья:
В воспоминаниях – любовь,
Живущая в крови!
Да, мы не вместе с той –
И первой и последней.
Её я недостойн был,
Наверное, друзья...
Любовь мою река Дурбент²
Выносит в план передний,
Всегда, когда иду гостить
В Богбон родимый я!

РЕКА ДУРБЕНТ

Нет больше молодости.
Но она жива,
Благодаря тебе –
Надежда дней ушедших.
Река Дурбент
Была всегда права:
Я к ней бегу
От истин сумасшедших!

НОВОГОДНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Ещё один листок, ещё одна утрата...
Унёс листочек жизни ветер в никуда.
Сквозь ветви древа жизни нам от листопада
Стал виден мир яснее – все её цвета!
Так скажем: «Богу слава!», что дожить сумели
До этих дней, в которых радость и беда.
Мы скажем: «Богу слава!», чтоб не пожалели
О том, что год сменили, после – никогда!

¹ Небольшой посёлок в городе Турсунзаде.

² Речка в посёлке Богбон.

Русский мир без границ

Берега Австрии

Виктор Клыков

Виктор Клыков – кандидат экономических наук, член-корреспондент Международной академии системных исследований (МАСИ). В 1983–2000 годах работал в Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) в Вене. После посвятил себя поэзии.

Автор семи книг стихов и эссе. Член Союза писателей России, Международной Ассоциации Писателей и Публицистов АРПА (Лондон), литературной группы «ДООС» (Добровольного общества охраны строк) и др. Член австрийского Центра Международного ПЕН-клуба и литературного объединения «Gesellschaft der Lyrikfreunde»; создатель и президент литературного клуба «Русская поэзия в Австрии». Его стихи, эссе и переводы публиковались в российских и русскоязычных газетах: «Российский Курьер Центральной Европы», «Литературные известия», «Литературная газета» и др.; в журналах: «Журнал Поэтов», «Дети РА», «Футурум Арт», «Новый Венский Журнал», «Эмигрантская лира», «Берега» и др.; в альманахах и антологиях: «Истоки», «Я ни с кем никогда не расстанусь», «И помнит мир спасённый», «Писатели Современной Евразии», а также в австрийских и немецких журналах: «Wortgarten», «Litzik», «igDA-aktuell», «Die Feder» и др.; в литературных сборниках: «Lyrikblätter», «Poesie in Europe», «Das geheime Leben der Dinge» Literarisches Österreich, «Menschlichkeit Überwindet Grenzen / Человечество преодолевает границы» (2019) и др.; в международных антологиях: «Stimmen und Stimmungen», «Gedankenflüge», «Blüten im Garten der Worte», «Wortkörper», «Sauere Äpfel, harte Nüsse, weiche Birnen», «Unser Europa» Österreichischen PEN, «World Poetry Amanac 2017–2018 100 Poets 70 countries», «Words&Worlds Anthology 2018–2020» и др. Победитель от Австрии Первого международного поэтического конкурса «Литературной газеты» (2004) среди соотечественников, живущих за рубежом. Награждён медалью им. А. С. Грибоедова, орденом В. В. Маяковского, медалью «Литературный Олимп» Лиги Писателей Евразии, дипломом и серебряной медалью Давида Бурлюка Академии Зауми, серебряной медалью 2-го Евразийского литературного фестиваля ЛИФФТ и др.

Моя аэроэра XX века

К 65-летию Международного салона авиации и космоса в Бурже, Франция

Впервые я узнал, что живу в эпоху аэроэры, самолётов и лётчиков, и что она играет важную роль в моей жизни, во время войны, в конце 1943 года. Тогда старшая сестра моей мамы предложила взять к себе в Ярославль из Москвы одного из своих племянников пожить у неё. Выбор пал на меня как самого младшего и хилого из трёх сыновей. Тётя жила с мужем, дети её выросли, и она с радостью была готова помочь нашей семье. В Ярославле было вроде спокойнее и сытнее, чем в Москве. Вскоре у нас появился её сын, мой двоюродный брат Евгений. Он был лётчиком и, получив короткий отпуск с фронта, заехал за мной в Москву. Крепкий, подтянутый, в чёрной кожаной куртке, в кожаных сапогах и в кожаном шлеме, он вошёл к нам, широко улыбнулся, взял меня на руки, подбросил вверх и покружил меня, как самолёт. Мне сразу стало весело и не страшно с ним. С этого момента он стал моим другом. В тот же вечер мы сели в поезд и уехали в Ярославль. Приехали ночью. Женя посадил меня на плечи и понёс. Город был полностью затемнён, но он хорошо знал дорогу, и вскоре мы были в доме, который на четыре года стал для меня родным. Позже я написал стихотворение «Чугунок 1943 года» о моём приезде в Ярославль. Оказалось, что и в Ярославле было беспокойно.

В предыдущую ночь немцы бомбили вокзал. Так что, если бы мы приехали в ту ночь, аэроэра, едва начавшись, могла бы тут же для меня и закончиться. Слава богу, этого не случилось. В 1947 году я вернулся в Москву и пошёл в школу.

Сначала это была семилетка – маленькая трёхэтажная школа в старом особняке, сохранившемся с прошлого века у Никитских ворот. В конце Тверского бульвара прямо напротив школы стоял чёрный гранитный памятник К. А. Тимирязеву, на голове которого, сколько я себя помню, сидел голубь. Поэтому голова, плечи и грудь учёного были всегда в белых подтёках. В советское время особняк приспособили под школу и на площадке парадной лестницы напротив входа поставили белый бюст В. И. Ленина. Над ним на красном полотнище большими крупным буквами было написано: «Учиться, учиться, учиться!» Это указание настолько сильно врезалось в мою голову, что примерно 40 лет моей жизни я почти без перерыва учился и учился. После окончания семилетки я перешёл в школу-десятилетку № 119, большую многоэтажную бывшую женскую гимназию. Она находилась, если смотреть со стороны Тверского бульвара, прямо за строящимся зданием будущего театра МХАТ им. М. Горького. Строительство началось ещё до войны, было заморожено, началось снова в 60-х и закончилось в 70-х годах уже после окончания мною десятилетки. Пока я учился, это громадное недостроенное здание полностью закрывало вид на небо из окон школы. Иногда, сбежав с уроков, мы, несколько сорванцов, через уличный канализационный люк недалеко от школы и подземные каналы пробирались внутрь здания. А там оно поражало своей чернотой, громадностью и высотой. Выстроены были только внешние стены высотой примерно с семизэтажный дом. Между ними был огромный котлован, уходящий настолько же глубоко вниз. Крыши не было, высоко вверху голубело небо. На стенах были прикреплены металлические строительные лестницы. Когда я впервые по ним поднялся наверх, то ощутил восторг высоты, смешанный с чувством страха, который возникал, когда я смотрел в чёрную глубину подо мной. В небе иногда пролетали маленькие, как чёрные птички, самолёты. Они были так далеко от меня.

Приближался 1956 год, мой последний школьный год. Меня пригласили встретить его в компании детей сотрудников Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) в г. Жуковском. Я уже знал, что ЦАГИ был основан в 1918 году пионером отечественной авиации Николаем Жуковским, и там в огромной аэродинамической трубе испытывали самолёты. Это было так интересно! Мне захотелось побывать в этом городе и, может быть, попасть в ЦАГИ. Я согласился. Новогодняя ночь прошла отлично: весело, с бардовскими песнями, танцами и с очень симпатичными ребятами. А наутро выяснилось, что ЦАГИ закрыт на праздники, да и в обычное время туда требовался специальный пропуск. Я сел в электричку и уехал домой в Москву, но желание побывать в ЦАГИ осталось. Этой мечте суждено было сбыться много лет спустя.

К тому времени я уже окончил Московский инженерно-строительный институт (МИСИ) и в нём специальные курсы по изучению иностранного языка. На курсах готовили специалистов-строителей для работы в развивающихся странах, незадолго до этого освободившихся от колониальных режимов европейских стран. Я попал на курс французского языка. Мне этот язык понравился, он как-то очень хорошо подходил моему характеру. Мягкий, певучий, он легко мне давался. Ещё во время учёбы, чтобы попрактиковаться в разговорном французском, я записался в молодёжную группу Общества СССР – Франция в Доме Дружбы на Арбате. Здесь я встречался с приезжающими французами и помогал нашим соотечественникам общаться с ними. По окончании спецкурсов и МИСИ в 1964 году, к нашему глубочайшему разочарованию, работать за границу мы не поехали. Нашёлся какой-то тупой начальник, который заявил, что для этого мы недостаточно подготовлены. Несмотря на то что из-за курсов мы учились на год дольше, мы получили обязательное распределение на работу, по которому я должен был работать в НИИТавтопроме. В случае неподчинения меня лишили бы диплома инженера-строителя. С французским можно было попрощаться!

Но я очень не хотел потерять язык, что было вполне возможно и что случилось потом почти со всеми моими соучениками. И вот однажды в июне я открыл газету и прочёл, что Всесоюзная торговая палата проводит в сентябре в Лужниках Международную выставку строительных и дорожных машин – 1964. Я понял – вот оно! Это то, что мне надо! И бросился в Лужники. Там уже начали подготовку выставки. Я нашёл отдел кадров, рассказал, кто я такой, заполнил и сдал анкеты и стал

Ан-22 «Антей»

Ми-10, Бурже

ждать решения. Ждал долго, никуда не поехал отдыхать. Ответа не было. И только в конце августа я получил приглашение зайти в отдел кадров выставки. Там мне сообщили, что я принят и буду работать стендистом французской фирмы «Юмбо», выставявшей строительные краны. Я был счастлив и полностью отдался этой новой и чрезвычайно интересной для меня работе. На выставке было много встреч и событий. Но это для другого рассказа.

Видимо, я неплохо там себя проявил, и, думаю, поэтому в 1965 году неожиданно получил потрясающее предложение поработать переводчиком фирмы Туполева на Международном салоне авиации и космоса в Бурже во Франции. Летели мы туда на только что выпущенном самолёте Ту-134 всей командой. А. Н. Туполев сидел где-то отдельно. Обстановка в салоне была свободная и дружеская. Примерно через час-полтора полёта я решил пойти к пилотам посмотреть кабину самолёта. Я стоял в проёме двери и разговаривал с ними. В это время мы летели над Голландией (недавно она стала Нидерландами). Зрелище было захватывающим. Большая часть кабины была стеклянной. Сначала мы летели в голубом небе, потом впереди появились облака. И вдруг из них вынырнули два лёгких самолёта. На страшной скорости они неслись прямо на нас. Все напряглись. Мне казалось, что столкновение неизбежно. Но буквально перед нашим носом они разошлись в стороны и облетели наш самолёт слева и справа. Мы облегчённо вздохнули. «Ух, пронесло!» – подумал я. А капитан сказал: «Это истребители НАТО. Они довольно часто так делают, когда мы летим в их небе». Я же долго не мог прийти в себя. В небе над аэропортом в Бурже погода совсем испортилась, небо затянуло облаками, дул сильный штормовой ветер. Приземлились со второго раза. Из самолёта я вышел разбитым, в ушах стоял шум, ничего не слышал. Хорошо ещё, что не пришлось сразу переводить.

Из аэропорта в Бурже нашу делегацию автобусом отвезли в отель в Париже. Поселили нас в небольшой гостинице на улице Фобур-Пуассоньер (Предместье рыбаков) в старом центре Парижа. Неплохое место для прогулок. Недалеко Монмартр, Базилика Сакре-Кёр и другие интересные достопримечательности. Сначала режим работы был жёсткий: утром – автобусом в Бурже на выставку готовить наш павильон к открытию, вечером автобусом – спать в гостиницу. Вскоре все экспонаты в советском павильоне были установлены, но площадка за два дня до открытия салона ещё не была озеленена. Лишь накануне открытия привезли травяные ковры и уложили их в один день на всей её большой площади. Это поразило меня. Ведь тогда в СССР таких ковров ещё не видели. В первый, да и во все последующие дни в салон пришло невероятно большое количество посетителей. Советский павильон пользовался громадным успехом. Sensацией стал воздушный гигант Ан-22 «Антей», самый большой в мире самолёт-аэробус, в котором можно было разместить автобусы, экскаваторы и даже железнодорожный вагон. Он также мог использоваться и как военно-транспортный самолёт, в котором можно было перевезти несколько танков, вертолётов или даже ракетных установок. Заявленная тогда, в 1965 году, во время авиационного салона в Бурже, его грузоподъёмность 80 тонн поразила воображение корреспондентов. Когда О. К. Антонова, генерального конструктора самолётов серии «Ан» и «Антея», спросили: «А сколько же пассажиров смог бы перевезти Ан-22?», он ответил: «Семьсот двадцать». Французская газета «Монд» назвала «Антей» «звездой первой величины салона в Бурже». Я был несколько раз

внутри и снаружи «Антея». Однажды даже чуть не свалился с широкого крыла самолёта, залобовавшись показательными полётами. У нас с Олегом Константиновичем были хорошие отношения. Он держался просто и доброжелательно, с ним было приятно поговорить на различные темы. Олег Константинович свободно говорил по-французски, и мы с ним иногда спорили о правильности перевода. Другой сенсацией нашего павильона были большегрузные вертолёты Михаила Леонтьевича Миля, впервые показанные за границей. Особенно Ми-10. Этот вертолёт произвёл фурор по грузоподъёмности и скорости полёта. Ни у кого в мире не было таких вертолётов. Я также дружил с пилотами-испытателями вертолётов и участвовал в их показательном полёте. Между прочим, они показали мне, как надо правильно садиться и выходить из вертолёта, чтобы не попасть под винт. Фирма Туполева выставила Ту-134 и макет сверхзвукового самолёта Ту-144, французы и англичане – макет своего сверхзвукового пассажирского самолёта «Конкорд». Машины оказались поразительно похожими друг на друга. Советские конструкторы не находили в этом ничего удивительного, т. к. общая форма самолётов определяется законами аэродинамики и требованиями, предъявляемыми к определённому типу машин.

Ту-144

Грандиозный интерес посетителей вызвал выставленный в нашем павильоне макет космического корабля «Восток-1» с кабиной первого космонавта. Настоящее столпотворение началось, когда в советский павильон приехал Ю. А. Гагарин с группой космонавтов. Все хотели увидеть их и получить автографы. Я уже упоминал в моём интервью в журнале «Берега» №4 (40) – 2020 года о моей встрече с космонавтами. Добавлю только, что после окончания выставки я летел домой вместе с ними. Сидел рядом с Константином Петровичем Феоктистовым, который был не просто космонавт, но и учёный, ведущий специалист по разработке космической техники. Он отнёсся ко мне очень внимательно, интересовался моими планами, удивился, что я инженер по образованию, а не переводчик, и работаю в НИИТавтопроме. В конце беседы он порекомендовал мне заняться наукой. Так я и сделал несколько лет спустя. Хочется отметить, что именно с полётом Юрия Гагарина аэропорт переросла в аэрокосмическую. И это естественно, так как научные достижения и технические разработки авиации послужили основой космонавтики, да и первые космонавты набирались из лучших и опытнейших лётчиков Советского Союза.

Когда студентом я учил французский язык, то, конечно, мечтал побывать в Париже. У меня в квартире в Москве на стене висела карта Парижа, и я часто мысленно гулял по его улицам. И естественно, оказавшись в Париже, я очень хотел наяву побродить по знакомым местам. Однако я был изрядно напуган (тем более что это был мой первый выезд за границу, да ещё в капиталистическую страну) наставлениями работника ЦК Компартии на Старой площади в Москве на встрече с группой специалистов перед отъездом на авиационную выставку. Как сейчас помню наиболее «страшный» её фрагмент, хотя прошло уже 55 лет. «Франция – это очень опасная страна для советских граждан. Не ходите по одному и держитесь ближе к стенам домов. Когда вы идёте по улице, может подъехать машина, оттуда выскочат люди, затолкнут вас в неё, отвезут на военный аэродром и тут же отправят в Англию. И вас уже никто не найдёт. Поэтому ходите группой». Сейчас в это трудно поверить, но это было так. Поэтому в первые дни я ходил обычно с группой лётчиков. Помню случай, когда вечером мы решили посмотреть Монмартр. Дорога шла через площадь Пигаль. Недалеко от неё на улице появились женщины, как у нас тогда говорили, лёгкого поведения в очень открытых нарядах. Я один знал французский и поэтому, ориентируясь по карте, шёл впереди, а наши лётчики чуть сзади. В основном это были высокие, здоровые и крепкие ребята. Женщины что-то говорили мне, пытаюсь привлечь моё внимание. Но я делал вид, что не замечаю их. Неожиданно я почувствовал лёгкое прикосновение ко мне одной из красоток. И тут со мной что-то произошло, чего я до сих пор не могу понять. Пришёл я в себя через несколько минут от громкого хохота моих спутников. От них и от дамы я был на значительном расстоянии. Вот такой страх, что-нибудь сделать не так и тем

И. Б. Иосилович, мемориал

уставших от бесчисленных встреч с французами и от жары. Вместе с И. Б. я встретился на выставке с русскими французами – эмигрантами Даниилом Соложеевым, известным художником, поэтом и музыкантом, его супругой Лизой и инженером Жоржем Рубисовым-старшим. Он предложил мне также пойти вместо него в гости к Соложеевым, что положило начало моей 35-летней замечательной дружбе с ними, связавшей нас до конца их жизни. Исаак Борисович тихо сказал мне: «Пойди ты, мне этого не простят». Были и ответственные деловые поручения. Например, под конец выставки он дал мне открытый чек на оплату услуг французской фирмы по подготовке нашего павильона, подписанный им, и попросил передать его для заполнения представителю фирмы в Париже. Увидев меня, молодого человека, тот проставил сумму. Когда я привёз чек Исааку Борисовичу, оказалось, француз значительно завысил договорённую сумму. После телефонного разговора с моим шефом (я переводил) француз извинился, сказал, что ошибся. Потом я привёз исправленный чек. Однажды случилось непредвиденное, я поставил Исаака Борисовича в сложное положение. Он ехал с шофёром на машине по делам в город, и я попросил его по дороге забросить меня в Музей современного искусства города Парижа (фр. Musée d'Art moderne de la Ville de Paris), который тогда занимал восточное крыло Токийского дворца на проспекте Президента Вильсона, и забрать обратно в условленное время. В музее было представлено несколько тысяч экспонатов, отражающих разнообразные течения искусства XX века, включая работы фовистов, кубистов, сюрреалистов, орфистов (в основном произведения Делоне и Леже), течение новых реалистов, возникшее в 1960 году, мобили и многое, многое другое, чего я никогда не видел. Особенно меня потрясли тогда двигающиеся экспонаты. Я ходил по залам с открытым ртом, абсолютно забыв о времени. Когда я взглянул на часы, то понял, что я опоздал к нашей встрече уже на час. Мобильных телефонов тогда не было, и я никак не мог сообщить шефу о своём опоздании. В ужасе я выскочил из музея. К счастью для меня, наша машина стояла у входа. Красный от стыда я стал извиняться. Исаак Борисович не кричал на меня, не корил, он просто ничего не сказал. Он всё понял! А я подумал, что бы сделал со мной другой начальник. Некоторое время, правда, он говорил со мной только на рабочие темы. Потом отошёл. Исаак Борисович стал для меня за время нашей совместной работы абсолютным авторитетом. Перед отъездом мы пошли с ним в Галерею Лафайет сделать последние покупки. Он сказал: «Виктор, здесь хорошие чемоданы. Нам надо купить чемоданы!» И я купил вместе с ним большой чемодан, хотя у меня был чемодан и я мог бы увезти в нём всё, что купил в Париже. Моя жена, конечно, очень удивилась новому чемодану, но ничего не сказала. После Франции мы с Исааком Борисовичем больше не встречались. Но я никогда не забывал его. Я всё время хотел узнать о нём, о его работе больше,

более общаться с подобными женщинами сидел во мне. Но я был молод, скоро освоился и гулял по Парижу один, где и когда хотел. Хотя западные спецслужбы не дремали и при любой возможности старались нагадить советской делегации. Так, руководителя делегации П. В. Дементьева, министра авиационной промышленности СССР, сопровождал очень представительный высокого роста человек в штатском. Он был всегда рядом с шефом. Думаю, он был его охранником. Буквально на третий-четвёртый день все крупные французские газеты написали, что он полковник, сотрудник КГБ и тому подобное. Бедный полковник был тут же отправлен на родину.

Руководителем советского павильона на выставке был замечательный человек – Исаак Борисович Иосилович, заместитель главного конструктора ОКБ Туполева. Я был полностью в его распоряжении и не зависел от других членов советской делегации. Моя работа на выставке была интересной и не ограничивалась только переводами. Исаак Борисович давал мне разные поручения. Например, организовать обед для наших космонавтов,

но всё как-то не получалось. Готовя этот текст, я нашёл в Интернете ¹ информацию о нём и поразился, какой потрясающий инженер, конструктор и организатор авиационной промышленности СССР он был.

Исаак Борисович Иосилович родился в 1909 году в Москве в еврейской семье. В 1926 году он окончил среднюю школу, после чего стал работать на авиационных предприятиях Москвы. С 1932 года работал на производстве в ЦАГИ. С июня 1940 года по август 1942-го был директором авиационного завода в Иркутске, выпускавшего скоростные бомбардировщики «СБ», разработанные ОКБ Туполева. С августа 1942 года по 1944 год Исаак Борисович работал директором завода в Москве, выпускавшего бомбардировщика Ил-4. В 1942 году завод построил 110 самолётов, а в первом полугодии следующего года – ещё 257 машин. В 1943 году начался запуск в серийное производство пикирующего бомбардировщика Ту-2. Самолёт был разработан под руководством А. Н. Туполева в период его пребывания вместе с ближайшими соратниками в заключении, в ОКБ-49 НКВД («шарашка»). После положительных результатов испытаний опытного образца 19 июля 1941 года А. Н. Туполев был освобождён. Серийное производство самолёта было начато в том же году на заводе в Омске, было выпущено 80 машин. В 1943–1944 годах со стапелей завода, которым руководил в то время Исаак Борисович, сошло 390 самолётов. Всего за время войны на заводах директора И. Б. Иосиловича было выпущено более 900 бомбардировщиков, которые нанесли значительный урон силам врага и приблизили победу СССР во Второй мировой войне. Столь же успешно он работал и в мирное время. За «заслуги в области самолётостроения» И. Б. Иосилович был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот». В 1972 году он стал лауреатом Государственной премии СССР. Он также награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. Умер Исаак Борисович 29 сентября 1972 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

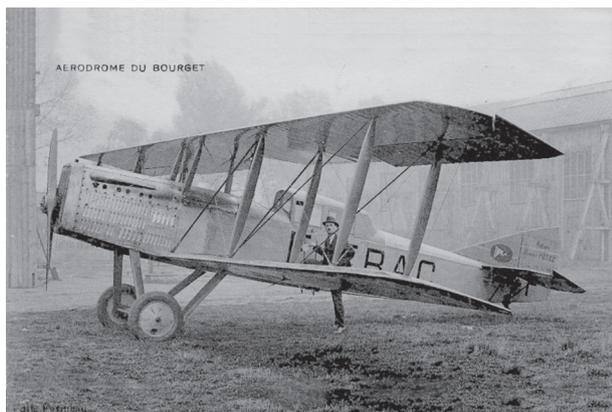
В центре В. Клыков на встрече с французской делегацией

Посещение СССР делегацией французской авиационной промышленности Франции

Осенью того же года большая делегация министерства промышленности Франции, возглавляемая замминистра по авиационной промышленности, прибыла в Москву по приглашению министра авиационной промышленности СССР П. В. Дементьева. Я был снова приглашён переводчиком поработать с этой делегацией. Первая встреча-приём состоялась в ресторане «Прага» в отдельном зале. Меня посадили между министрами, и ужин начался. Приём открыл наш министр короткой приветственной речью. Я перевёл. Все выпили, сели и начали есть. И я, конечно, тоже. Неожиданно его французский коллега встал и произнёс ответную речь. Я попал в трудное положение. Пришлось срочно глотать и переводить. В это время наш министр начал беседовать с французским замминистра. Отставив еду, я начал переводить. Тут появились официанты и унесли её, и уже другие официанты поставили вторую закуску. Француз ответил ему, я перевёл. Наш министр продолжил через меня беседу. В это время унесли и мою вторую закуску. Всего было десять перемен блюд, которые мелькали передо мной и на которые я успевал только мельком взглянуть. Встреча прошла очень оживлённо, но мне не понравилась. Я впервые понял, каково это – синхронно переводить на официальных обедах!

Дальше стало легче, т. к. на других встречах подавали чай и воду. В советскую делегацию входили в основном известные мне по салону в Бурже лица. Во французской делегации было много ин-

¹ Гетманский Эдуард. Организаторы оборонной промышленности СССР (<http://club.berkovich-zametki.com/>).

Самолёт-разведчик «Анри Потез» (Potez-VII)

«Конкорд-001», 2 марта 1969 года

тересных авиаторов: конструкторов и лётчиков. Самым знаменитым среди них был Анри Потез – патриарх французской авиации, авиаконструктор и основатель в 1919-м одной из первых во Франции авиастроительной компании *Aéroplanes Henry Potez*, широко известной также в Европе. Именно на самолёте-разведчике «Потез-63-11» Сент-Экзюпери совершил свой полёт, про который рассказал в «Военном лётчике». Теперь в Тулузе рядом с заброшенным аэродромом Монтодран, с которого неоднократно взлетал лётчик Экзюпери, есть «Проспект де Сент-Экзюпери», соседствующий с площадью Анри Потез. Самолёты Анри открыли аэроэру в Европе. Он являлся, в частности, создателем одномоторного биплана с цельнометаллическими крыльями (это он сказал мне сам) и с неубирающимися шасси, который производился во всей Европе в огромных количествах. Только самолётов его модели «Потез-XXV» в 1926 году было изготовлено около 4000 экземпляров. Они состояли на вооружении Франции и ряда стран Европы до 1942 года. Во Второй мировой войне не применялись. Когда мы встретились, Потезу было за 80, но он был удивительно подвижным и весёлым человеком. Как-то во время нашей поездки по Союзу он достал свои автомобильные права и показал в них запись о штрафе 1910 года за нарушение правил дорожного движения. Он превысил скорость в 20 километров и сбил курицу. Мы оба рассмеялись.

Если Потез олицетворял в делегации начало аэроэры, то Андрэ Турка представлял тогда её будущее. Дело в том, что в те годы Францией и Англией велись работы по созданию сверхзвукового пассажирского самолёта «Конкорд» (*Concorde*). Работы по постройке его прототипов были начаты партнёрами ещё в феврале 1965 года.

Первым пилотом французского «Конкорда» уже тогда был Андрэ Турка, лётчик-испытатель *Sud Aviation*. Но только 2 марта 1969 года он совершил свой первый полёт на «Конкорде № 001» с заводского аэродрома в Тулузе. А за два месяца до этого на аэродроме в подмосковном Жуковском прошёл первый полёт Ту-144.

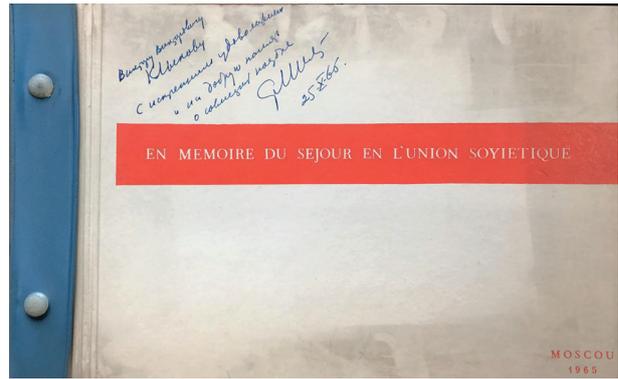
За время нашей поездки по Советскому Союзу с французской делегацией мы подружились с Андрэ. Это был весёлый, остроумный и полный оптимизма человек. Да и общая атмосфера общения советской и французской делегаций была очень дружеской. Этому немало способствовала хорошая организация поездки. В Москве мы посетили Научно-мемориальный музей профессора Н. Е. Жуковского, основателя российской авиации. В создании музея активно участвовал ученик Жуковского генеральный конструктор, академик А. Н. Туполев. В то время там находился и его рабочий кабинет. В фондах музея хранится несколько тысяч экспонатов. Особый интерес у гостей вызвали: один из первых в мире подлинный планер инженера Отто Лилиенталя, приобретённый Жуковским во время поездки в Германию в 1895 году, модель самолёта «Илья Муромец» знаменитого авиаконструктора И. И. Сикорского, изготовленная на Русско-Балтийском заводе в 1915 году, и плоская аэродинамическая труба, построенная ещё в 1909 году в Императорском техническом училище под руководством А. Н. Туполева по указанию Н. Е. Жуковского. Побывали мы и в ЦАГИ в г. Жуковском, где встретились с учёными и авиаинженерами. Наконец-то исполнилась

моя юношеская мечта, и я увидел знаменитую аэродинамическую трубу! Размером она значительно превзошла моё воображение!

После Москвы мы полетели в Киев. Там после деловых совещаний нас пригласили на прогулку по Днепру на речном трамвае. Войдя в его салон, я не поверил своим глазам. Большой стол был полностью накрыт шоколадом разных видов. Отдельными островками скромно стояли бутылки с водкой, горилкой и вином. Посетили мы и авиамоторный завод в Запорожье. После его осмотра был устроен большой хлебосольный банкет во Дворце культуры с концертом украинских народных ансамблей. Но особенно всем понравилось пребывание в Грузии. Делегация посетила Художественный музей и старинный винный завод в Тбилиси, древнюю столицу Грузии Мцхету – город, который был столицей Иберийского царства (Восточной Грузии) с IV века до н. э. по V век. Именно здесь в IV веке христианство было провозглашено государственной религией Грузии. Очень эффектно прошёл последний вечер. Делегацию принимали в открытом ресторане высоко над Тбилиси. Вечер был тихий и ясный. Внизу горели огни прекрасного южного города, в небе над головой светили звёзды. Хозяева большого, красиво сервированного стола темпераментно произносили тосты на грузинском языке, которые тут же переводили на французский и русский языки. Стол был полон изысканных грузинских блюд. Официанты бесшумно наливали вино. И вдруг... неизвестно откуда, казалось, прямо из воздуха, возникла старинная многоголосая грузинская песня. Гости были потрясены, стали искать певцов. И наконец, нашли. Они сидели с нами за столом! Это были лауреаты грузинского конкурса певцов.

В конце этой командировки М. Л. Миль подарил мне памятный альбом «EN MEMOIRE DU SEJUR EN L'UNION SOVIETIQUE» с надписью: «Виктору Викторовичу Клыкову с искренним удовольствием и на добрую память о совместной поездке С. Миль 25.X.65».

Действительно, память о Международном авиасалоне в Бурже, поездке с французской авиационной делегацией по республикам Советского Союза и о встречах с замечательными людьми аэроэры XX века осталась во мне на всю жизнь. А свою аэроэру я с тех пор продолжаю как обыкновенный авиапассажир.

М. Л. Миль Клыкову на память, 1965 год

Примечание автора:

В тексте использовались материалы Интернета:

- Самолёты Страны Советов (Международный салон аэронавтики и космоса 1965 года).
- Первые советские космонавты.
- Анри Потез – французский авиаконструктор.
- Научно-мемориальный музей профессора Н. Е. Жуковского.
- Отто Лилиенталь.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «Литерра», гл. ред. Владимир Фёдоров

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru